

ПСИХОЛОГИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ

Journal of Modern Foreign Psychology

2024. Том 13. № 3
2024. Vol. 13, no. 3

СОВРЕМЕННАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ПСИХОЛОГИЯ
Том 13, № 3 / 2024

Тема номера
**Современное состояние проблемы
развития личности**

Тематические редакторы:
А.Н. Неврюев, Т.В. Ермолова

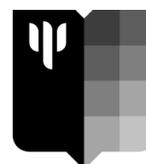
JOURNAL OF MODERN FOREIGN PSYCHOLOGY
Volume 13, no. 3 / 2024

Topic of the issue
**The Current State of the Problem
of Personality Development**

Topical editors:
Andrey N. Nevryuev, Tatiana V. Ermolova

Московский государственный психолого-педагогический университет

Moscow State University of Psychology & Education

Международный научный журнал
«Современная зарубежная психология»

Редакционная коллегия

Ермолова Т.В. (Россия) — **главный редактор**
Авдеева Н.Н. (Россия), Александров Ю.И. (Россия),
Ахутина Т.В. (Россия), Баилова Т.А. (Россия),
Бовина И.Б. (Россия), Булыгина В.Г. (Россия),
Бурлакова И.А. (Россия), Григоренко Е.Л. (Россия),
Дозорцева Е.Г. (Россия), Евтушенко И.В. (Россия),
Екимова В.И. (Россия), Исаев Е.И. (Россия),
Мариютина Т.М. (Россия), Поздняков В.М. (Россия),
Поливанова К.Н. (Россия), Рубцов О.В. (Россия),
Салмина Н.Г. (Россия), Сафронова М.А. (Россия),
Сергиенко Е.А. (Россия), Стоянова С.Й. (Болгария),
Строганова Т.А. (Россия), Ткачева В.В. (Россия),
Толстых Н.Н. (Россия), Филиппова Е.В. (Россия),
Холмогорова А.Б. (Россия), Шеманов А.Ю. (Россия),
Шумакова Н.Б. (Россия), Энгенесс И.Л. (Норвегия),
Юркевич В.С. (Россия)

Редакционный совет

Рубцов В.В. (Россия) — **председатель редакционного совета**
Марголис А.А. (Россия) — **заместитель председателя**
редакционного совета
Дэниелс Г.Р. (Великобритания)

Секретарь

Пономарева В.В.

Научный консультант

Неврюев А.Н.

Технический редактор

Борисова О.Н.

Компьютерная верстка

Баскакова М.А.

Корректор

Лопина Р.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, ком. 209.

Телефон: +7 (495) 608-16-27, +7 (495) 632-98-11

E-mail: jmfp@mgppu.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/jmfp>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский Индекс Научного
Цитирования (РИНЦ), RSCI, Международный каталог
научных периодических изданий открытого доступа (DOAJ)

Издается с 2012 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-66445 от 21.07.2016

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики,
все тексты и иллюстрации являются собственностью
ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом.
Перепечатка материалов журнала и использование
иллюстраций допускаются только с письменного
разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-
педагогический университет», 2024

International Scientific Journal
“Journal of Modern Foreign Psychology”

Editorial board

Ermolova T.V. (Russia) — **editor-in-chief**
Avdeeva N.N. (Russia), Alexandrov Y.I. (Russia),
Akhutina T.V. (Russia), Basilova T.A. (Russia),
Bovina I.B. (Russia), Bulygina V.G. (Russia),
Burlakova I.A. (Russia), Grigorenko E.L. (Russia),
Dozorceva E.G. (Russia), Evtushenko I.V. (Russia),
Ekimova V.I. (Russia), Isaev E.I. (Russia),
Maryutina T.M. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia),
Polivanova K.N. (Russia), Rubtsov V.V. (Russia),
Salmina N.G. (Russia), Safronova M.A. (Russia),
Sergienko E.A. (Russia), Stoyanova S.Y. (Bulgaria),
Stroganova T.A. (Russia), Tkacheva V.V. (Russia),
Tolstykh N.N. (Russia), Filippova E.V. (Russia),
Kholmogorova A.B. (Russia), Shemanov A.Y. (Russia),
Shumakova N.B. (Russia), Engeness I. (Norway),
Yurkevich V.S. (Russia)

Editorial council

Rubtsov V.V. (Russia) — **chairman of editorial council**
Margolis A.A. (Russia) — **deputy chairman**
of editorial council
Daniels H.R. (Great Britain)

Secretary

Ponomareva V.V.

Scientific consultant

Nevryuev A.N.

Technical editor

Borisova O.N.

Computer layout designer

Baskakova M.A.

Proofreader

Lopina R.K.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education
(MSUPE)

Editorial office address

Sretenka Street, 29, office 209 Moscow, Russia, 127051

Phone: + 7 (495) 608-16-27, + 7 (495) 632-98-11

E-mail: jmfp@mgppu.ru

Web: <https://psyjournals.ru/en/jmfp>

Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of
Education and Science of the Russian Federation, Russian
Index of Scientific Citing database, RCSI, DOAJ

Published quarterly since 2012

The mass medium registration certificate:

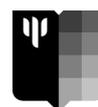
El FS77-66445 number. Registration date 21.07.2016

All rights reserved.

Journal title, logo, rubrics, all text and images are the
property of MSUPE and copyrighted.

Using reprints and illustrations is allowed
only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Ермолова Т.В., Неверюев А.Н.

Введение 5

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Корчагина А.П., Костенко В.Ю.

За пределами «холодного» интеллекта: способности к овладению личностно значимым содержанием 8

Маралов В.Г.

Светлая триада личности: обзор зарубежных исследований 18

Ясин М.И.

Диагностическая методика «Стремление к порядку и предсказуемости» 31

Болзан Н.А.

Индивидуально-личностные предикторы психологического состояния женщин в период беременности: системный обзор 41

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Кричка М.Н.

Возрастная динамика развития восприятия визуально-пространственной перспективы 52

Рассказова М.А.

Эмоциональная дифференцированность и ее связь с регуляцией эмоций: обзор исследований 62

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Тимченко Д.Д.

Возраст и женское бесплодие: обзор отечественных и зарубежных исследований 73

Вне тематики

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Жданова П.Р.

Атрибуты корпоративной культуры организации как предикторы выгорания сотрудников: краткий обзор 83

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Орлов В.А., Крушельницкая О.Б., Терехова Е.С.

Ролевые ожидания в системе взаимодействия субъектов образовательного процесса 93

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Рахманина А.А.

Методы психологической помощи пациентам с повреждением лицевого нерва 102

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Клопотова Е.Е., Смирнова С.Ю.

Детское чтение в цифровую эпоху 113

Булыгина М.В.

Развитие просоциального поведения у детей и подростков в контексте детско-родительских и сиблинговых отношений (обзор современных зарубежных исследований) 123

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Пономарева Е.С.

Специфика изучения игрового процесса в видеоиграх и его связи с агрессией в зарубежных исследованиях 133

Поздняков В.М., Петров В.Е., Кокурин А.В.

Информационно-психологическая безопасность сотрудников силовых структур и правоохранительных органов: состояние и перспективы исследований 143

Екимова В.И., Брыкова Е.Ю., Козлова А.Б., Литвинова А.В.

Предиспозиционные факторы кибервиктимизации подростков: сравнительный анализ результатов исследований 151

Наши авторы

165

CONTENTS

NOTES FROM EDITOR

Ermolova T.V., Nevryuev A.N.

Introduction 5

THE CURRENT STATE OF THE PROBLEM OF PERSONALITY DEVELOPMENT

GENERAL PSYCHOLOGY

Korchagina A.P., Kostenko V.Yu.

Beyond the “Cool” Intelligence: Abilities to Master Internal Personality Processes 8

Maralov V.G.

The Light Triad of Personality: A Review of Foreign Studies 18

Yasin M.I.

Diagnostic method “Need for order and predictability” 31

Bolzan N.A.

Individual Psychological Characteristics of Women During Pregnancy 41

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY AND AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Krichka M.N.

Age Dynamics of the Development of Visual-Spatial Perspective-Taking 52

Rasskazova M.A.

Emotional Differentiation and Its Relationship to Emotion Regulation: A Narrative Review 62

MEDICAL PSYCHOLOGY

Timchenko D.D.

Age and Women’s Infertility: National and Foreign Researches’ Review 73

Outside of the theme rooms

GENERAL PSYCHOLOGY

Zhdanova P.R.

Attributes of Organizational Culture as Predictors of Employee Burnout: A Brief Review 83

EDUCATIONAL PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

Orlov V.A., Krushelnitskaya O.B., Terekhova E.S.

The Role Expectations in the System of Interaction Between Subjects of the Educational Process 93

MEDICAL PSYCHOLOGY

Rakhmanina A.A.

Methods of Psychological Assistance in Patients with Facial Nerve Damage 102

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY AND AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Klopotova E.E., Smirnova S.Yu.

Reading in the Digital Age 113

Bulygina M.V.

The development of prosocial behavior in children and adolescents in the context of child-parent and sibling relationships (review of modern foreign studies) 123

LEGAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Ponomareva E.S.

The video game gameplay study specificity and its relationship to aggression in foreign studies 133

Pozdnyakov V.M., Petrov V.E., Kokurin A.V.

Information and Psychological Security of Employees of Law Enforcement Agencies and Law Enforcement Agencies: The State and Prospects of Research 143

Ekimova V.I., Brykova E.Ju., Kozlova A.B., Litvinova A.V.

Predisposing Factors of Cybervictimization among Adolescents: Comparative Analysis of Research Results 151

Our authors 167

КОЛОНКА РЕДАКТОРА NOTES FROM EDITOR

Введение

Неврюев А.Н.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГОБУ ВО «Финуниверситет»);
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru*

Ермолова Т.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, e-mail: yermolova@mail.ru*

Introduction

Andrey N. Nevryuev

*Financial University under the Government of the Russian Federation;
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru*

Tatiana V. Ermolova

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, yermolova@mail.ru*

Рады представить специальный выпуск журнала, посвященный изучению современного состояния проблем развития личности. Подбирая работы для этого выпуска, мы постарались обратить внимание на несколько, по нашему мнению, важных аспектов. И представленные в номере статьи отражают их в полной, как нам кажется, мере.

Авторы акцентируют внимание на изучении индивидуальных различий (таких как: эмоциональная дифференцированность, интеллект («холодный» и «горячий»), стремление к порядку и предсказуемости, Светлая триада личности). Исследование этих, на первый взгляд, совершенно различных аспектов личности, представляется для психологической науки в настоящее время особенно актуальным.

Большинство представленных статей — обзоры уже проведенных исследований. Такой подход позволяет выявить общие закономерности и рассмотреть более широкую картину полученных исследователями результатов. Кроме того, представлено эмпирическое исследование, описывающее интересный исследовательский инструмент, открывающий новые перспективы в изучении самых разных аспектов личности (от когнитивных особенностей до процессов межгруппового восприятия).

Также авторы затрагивают несколько важных тем: проблематику изучения женского здоровья (беремен-

ность и бесплодие); особенности развития личности (в контексте описания восприятия визуально-пространственной перспективы) и ее эмоциональной регуляции.

Статьи, представленные в выпуске, являются практико-ориентированными. В одной из них представлен инструмент психодиагностики. Выводы, которые сделаны авторами из существующих обзоров, помогут не только психологам, которые проводят исследования, но и тем, кто занимается консультированием.

Исследования, представленные в тематическом выпуске

Тему о том, насколько уникальны каждая беременность и состояние женщин в ее период поднимает в своей статье Ника Андреевна Болзан из Белорусского государственного университета («Индивидуально-личностные предикторы психологического состояния женщин в период беременности: системный обзор»). В своей статье она выделяет три группы факторов, которые влияют на психологическое состояние женщины. К негативным она относит отрицательный опыт прошлого, склонность к тревожности (нейротизм) и эмоциональную нестабильность. К позитивным — разнообразные способы справляться с трудно-

стями (копинг-стратегии), общительность (экстраверсия), эмоциональную стабильность, ответственность (добросовестность) и уверенность в своих силах (самоэффективность). Есть и третья группа факторов: в одних случаях они могут играть позитивную роль, в других — негативную. Речь идет о знаниях про беременность и роды, стремление все контролировать, эмпатии и эмоциональном интеллекте.

Ответ на вопрос о том, как проложить путь от знаний к мудрости и какую роль играет сердце в помощи разуму поднимается в статье Анастасии Павловны Корчагиной и Василия Юрьевича Костенко из Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» («За пределами «холодного» интеллекта: способности к овладению личностно значимым содержанием»). В ней авторы уделяют особенное внимание способностям, которые помогают людям обрабатывать информацию, имеющую для человека личное значение. Существует группа способностей, которые связаны с эмоциями, отношением к другим людям и познанием себя. Благодаря разделению интеллекта на две части: «холодный» (логика и аналитика) и «горячий» (эмоции и социальные связи) — стало возможным рассмотреть подробно эмоциональную регуляцию и способность обработки информации на бессознательном уровне (интуиция). При этом описанные способности кардинально отличаются от общего интеллекта (например IQ) и требуют отдельного исследования.

Вопросом «Насколько важно все держать под контролем?» задается Мирослав Иванович Ясин из Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в исследовании «Диагностическая методика “Стремление к порядку и предсказуемости”». Автор опирается на существующую шкалу «Стремление к когнитивной закрытости», а предложенная им статистическая модель, описывающая пункты шкалы, обладает высокой надежностью и хорошо соответствует эмпирическим данным. Методика демонстрирует высокую внутреннюю согласованность и стабильность результатов (тест-ретест). Из интересных результатов: не выявлено существенных различий между мужчинами и женщинами по уровню стремления к порядку и предсказуемости.

О «трех китах» добродетели людей пишет Владимир Георгиевич Маралов из Череповецкого государственного университета в статье «Светлая триада личности: обзор зарубежных исследований». Автор описывает «светлые» черты личности (вера в человечество, гуманизм и кантианство). В обзоре (статьи за 2018—2024 гг.) приводится описание экономических и политических условий, особенностей поведения (в том числе и в онлайн-среде), лидерских характеристик, а также ценностей и ценностных ориентаций, являющихся предикторами удовлетворенности жизнью и коррелятами черт Светлой триады. Остается достаточно много

дискуссионных вопросов, которые, как мы надеемся, будут рассмотрены коллегами более подробно в собственных исследованиях.

О мифах и реальности в диаде «возраст—женское бесплодие» рассуждает Дарья Дмитриевна Тимченко из Института психологии Российской академии наук в статье «Возраст и женское бесплодие: обзор отечественных и зарубежных исследований». Автор рассматривает различные модели бесплодия — от психосоциальной (начало 20-го века) до биопсихосоциальной (современность). В статье описаны как медицинские (снижение количества и качества яйцеклеток), так и психологические (стресс) причины этого явления. Указано, что при бесплодии возрастает риск развития сопутствующих состояний (тревога и депрессия) и большое значение имеют как социальный (социокультурные факторы), так и глобальный (политика, направленная на лечение бесплодия) аспекты этой проблемы.

«Чувства под контролем — насколько это реально?» — этим вопросом задается Мария Александровна Рассказова из Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в статье «Эмоциональная дифференцированность и ее связь с регуляцией эмоций: обзор исследований». Основное понятие — «эмоциональная дифференцированность» (ЭД) (способность человека к различению и определению собственных эмоций) связано с регуляцией эмоций и некоторыми аспектами психического здоровья. Между различением эмоций и их управлением существует позитивная корреляция, а также высокий уровень ЭД связан с высоким уровнем психологического благополучия (и с меньшей склонностью к депрессии и тревожности). ЭД при этом исследуется как стабильная черта и как временное состояние (редко, из-за методологических проблем). Однако понимание связи между ЭР и регуляцией эмоций имеет важное практическое значение (для лечения расстройств).

Поиску ответа на вопрос «Почему мы видим мир по-разному?» посвящена статья Марины Николаевны Крички из Института психологии Российской академии наук. Понимание простой перспективы (когда мы представляем, что видит другой человек, находящийся в другом месте) может быть затруднено. В то же время более сложному пониманию перспективы способствуют навыки ориентации в пространстве и наша способность представлять объекты в разных положениях и использовать различные системы координат. У детей происходит постепенное развитие данной способности, в том числе и с помощью аллоцентрической системы отсчета (когда человеку становится проще определять положение объектов относительно друг друга).

Надеемся, каждый читатель найдет в новом тематическом выпуске ту часть исследований, которая его заинтересует.

«Самый важный плод его усилий — его собственная личность» Э. Фромм (Фромм¹, 2023)

¹ Фромм, Э. Человек для себя. — Минск : Харвест, 2003. — 352 с.

Информация об авторах

Неврюев Андрей Николаевич, старший преподаватель департамента психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГБОУ ВО «Финуниверситет»); старший преподаватель кафедры общей психологии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru

Ермолова Татьяна Викторовна, кандидат психологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, e-mail: yermolova@mail.ru

Information about the authors

Andrey N. Nevryuev, Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation; Senior Lecturer, Department of General Psychology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru

Tatiana V. Ermolova, PhD in Psychology, Professor, Head of the Chair of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>, e-mail: yermolova@mail.ru

Получена 18.09.2024

Принята в печать 20.09.2024

Received 18.09.2024

Accepted 20.09.2024

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ
THE CURRENT STATE OF THE PROBLEM OF PERSONALITY DEVELOPMENT

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ
GENERAL PSYCHOLOGY

**За пределами «холодного» интеллекта:
обработка личностно значимого и неявного содержания**

Корчагина А.П.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9239-7890>, e-mail: apkorchagina@hse.ru*

Костенко В.Ю.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5612-3857>, e-mail: vasily.kostenko@gmail.com*

В статье представлен обзор теоретических подходов к изучению психологических способностей за последние 20 лет. В данной статье рассматриваются такие способности, которые связаны с внутренней психологической деятельностью личности (internal personality abilities). Более подробно раскрывает эту идею концепция «горячих» и «холодных» интеллектов («cool and hot intelligences»), которая набирает популярность в последние десятилетия. Повествование статьи фокусируется на группе таких психологических способностей, которые в первую очередь связаны с обработкой личностно значимой информации: эмоциональном, социальном, практическом и личностном интеллекте. Помимо категории «горячих» интеллектов в статье рассмотрены еще две личностные способности, которые укладываются в логику повествования: способность к эмоциональной регуляции и способность к интуиции. Проведенный теоретический анализ демонстрирует, что группа психологических способностей, вовлеченных во внутриличностную деятельность по обработке информации, значимой для личного индивидуального опыта, качественно отличается от группы способностей, касающихся общего интеллекта, и проявляет себя как отдельная от нее таксономическая категория.

Ключевые слова: психологические способности, личностные способности, холодный интеллект, горячий интеллект, эмоциональный интеллект, эмоциональная регуляция, интуиция.

Финансирование. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 24-00-046 «Доказательный подход к развитию личности: возможности и ограничения» в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)».

Для цитаты: Корчагина А.П., Костенко В.Ю. За пределами «холодного» интеллекта: обработка личностно значимого и неявного содержания [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 8—17. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130301>

Beyond the “Cool” Intelligence: Abilities to Master Internal Personality Processes

Anastasia P. Korchagina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9239-7890>, e-mail: apkorchagina@hse.ru

Vasily Yu. Kostenko

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5612-3857>, e-mail: vasily.kostenko@gmail.com

The article presents a review of theoretical approaches to the study of psychological abilities for the last 20 years. The article considers abilities related to the internal psychological activity of a personality (internal personality abilities). The concept of “cool and hot intelligences”, which has been gaining popularity in the last decades, reveals this idea in more detail. The narrative of the article focuses on a group of such psychological abilities that are primarily related to the processing of personally relevant information: emotional, social, practical, and personal intelligence. In addition, the article considers two more intrapersonal abilities, i. e. the ability to emotional regulation and the ability to intuition. The conducted theoretical analysis demonstrates that the group of psychological abilities involved in the intrapersonal activity of processing information significant for personal individual experience is qualitatively different from the group of abilities concerning general intelligence, and manifests itself as a separate taxonomic category.

Keywords: psychological abilities, internal personality abilities, cool intelligence, hot intelligence, emotional regulation, emotional intelligence, intuition.

Funding. The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University (grant № 24-00-046 “Evidence-based approach to personality development: opportunities and limitations”).

For citation: Korchagina A.P., Kostenko V.Yu. Beyond the “cool” intelligence: abilities to master internal personality processes [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2024. Vol. 13, no. 3, pp. 8–17. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130301> (In Russ.).

Введение

В зарубежной литературе, посвященной психологическим способностям, связанным с обработкой информации разной степени значимости для человека, в последние 20 лет обсуждается концепция «холодных» и «горячих» интеллектов (cool & hot intelligences) [20; 31]. На протяжении второй половины XX века большая часть теоретических исследований была сосредоточена на так называемом «холодном» интеллекте, чья функция состоит в обработке «безличностных» качеств информации [31]. В своем обзоре В. Шнайдер, Дж. Мэйер и Д. Ньюман описывают становление первой теории холодного интеллекта — теорию Ч. Спирмена 1904 года. Теория предполагала, что существует некоторый общий фактор (g), который влияет на все аспекты интеллекта, и специфический фактор (s), определяющий отдельные способности. Несмотря на то, что теория казалась многообещающей, впоследствии многие исследователи и теоретики усомнились в существовании одного общего фактора, доказав существование различных групповых факторов интеллекта. В конце концов, Ч. Спирмен модифицировал свою теорию, опубликовав в 1950 г. работу, учитывающую множество имеющихся к тому моменту эмпирических сведений [33]. В этой связи нельзя не упомянуть и теорию когнитивного развития Ж. Пиаже,

впервые опубликованную в 1947 г. Согласно работам Ж. Пиаже, интеллект представляет собой глобальную функцию адаптации, которая реализуется благодаря двум взаимодополняющим процессам: ассимиляции (усваивающей новый опыт с помощью существующих концептов) и аккомодации (вырабатывающей новые концепты в ответ на новый опыт) [41].

В данной работе мы уделяем внимание способностям, которые помогают человеку ориентироваться в окружающем мире и тех ситуациях, когда наибольшую значимость приобретает личностный и социальный контекст. В первую очередь — это категория «горячих» интеллектов. Их отличие от общего интеллекта состоит в том, что такие типы интеллекта связаны с обработкой высоконапряженной и лично значимой информации, такой как эмоции, индивидуальный личный опыт и социальные отношения [20]. В отличие от общего интеллекта, эта категория способностей слабо изучена, однако приобретает все большую актуальность и популярность, в том числе в российских исследованиях [2].

Согласно ряду авторитетных источников, в группу «горячих» интеллектов можно отнести эмоциональный интеллект, социальный интеллект, практический интеллект и личностный интеллект [9; 20; 22; 24]. Были проведены эмпирические исследования, которые представили доказательства того, что «горячие»

интеллекты внутренне согласованы и отличаются от «холодных» интеллектов [3; 21].

Первым конструктом «горячего» интеллекта, который привлек устойчивое внимание исследователей, стал **социальный** интеллект. Еще в 1909 г. Дж. Дьюи определил социальный интеллект как «...способность наблюдать и понимать социальные ситуации» [12]. Теория успешного интеллекта Роберта Дж. Стенберга описывает еще один горячий интеллект — **практический**. В основе его теории лежит идея о том, что стандарты успеха, которые устанавливает перед собой человек, неотделимы от способности использовать свои сильные стороны и компенсировать слабые в процессе адаптации к различным социальным сферам [35]. **Эмоциональный** интеллект разрабатывается в рамках нескольких независимых подходов и поэтому имеет более одного определения. Наиболее популярная модель Дж. Мэйера и П. Сэловея относит его к способности воспринимать, понимать, адаптивно использовать эмоции и управлять ими [24]. Понятие **личностного интеллекта**, недавно предложенное Дж. Мэйером, относится к способности воспринимать, понимать и адаптивно использовать информацию о собственной личности и личности других людей [22].

Помимо группы «горячих» интеллектов, в данной статье будут рассмотрены несколько способностей, которые практически не упоминаются в рамках этой концепции, но укладываются в логику и тему повествования. Это **способность к интуиции**, исследование которой поднимает множество вопросов в научном поле, особенно относительно гомогенности этого конструкта [25], а также **способность к эмоциональной регуляции** [23].

Для достижения целей настоящего обзора был проведен отбор зарубежных и русскоязычных источников, представленных в различных электронных каталогах: «ScienceDirect», «Sage Journals», «Annual Reviews», «MDPI». Отбор источников охватывает период 2010—2023 гг. и произведен по ключевым словам «internal psychological abilities», «cool and hot intelligences», «personality abilities». В результате был составлен список из 43 источников, относящихся к теме способностей, опосредующих внутреннюю деятельность человека. Примерно половина литературных источников посвящена исследованиям подгруппы «горячих» интеллектов. В настоящей работе приведены ссылки на источники, имеющие ключевое значение для понимания описанных концепций.

Концепция «горячих» интеллектов

Изучение отдельных способностей в структуре эмоционального интеллекта выросло из обширного поля исследований невербального восприятия человека, которое включает в себя «расшифровку» социальных межличностных сигналов, а также точное распознавание эмоциональных выражений [4]. Например, созданная Дж. Мэйером и П. Сэловеем, иерархическая

модель эмоционального интеллекта включает 4 компонента: идентификация эмоций, понимание и анализ эмоций, сознательное управление эмоциями, использование эмоций в мышлении и деятельности для повышения своей эффективности [19; 30].

Другие модели эмоционального интеллекта этой группы затрагивают вопросы понимания и осмысления эмоций. Сюда же относится способность точно обозначать и категоризировать эмоции. Теоретики утверждают, что точная оценка эмоциональных сигналов может быть отличительной чертой высокого уровня эмоционального интеллекта [13]. Если процесс оценки у человека нарушен, то он может неправильно понять событие или его последствия и отреагировать неадекватно.

Кроме прочего, эмоциональный интеллект изучают в рамках смешанных моделей, которые образуют второй теоретический способ рассмотрения и операционализации проблемы [6]. В подходах такого рода оценивают один или несколько атрибутов эмоционального интеллекта, одновременно с этим используя другие измерительные шкалы — например адаптивности, импульсивности и социальной компетентности [7], творческого мышления, гибкости и интуиции. По сравнению с традицией, описанной выше, в этих подходах отсутствует основной акцент на эмоциональном интеллекте как таковом.

Следующий вид «горячего» интеллекта — социальный интеллект. Он помогает правильно интерпретировать социальные взаимодействия, что является жизненно важным аспектом, начиная с самого раннего возраста [9]. Ценность этих способностей была продемонстрирована широким спектром исследований, которые выявили положительное влияние социально-эмоциональных способностей на различные аспекты жизни. Например, исследователи в области образования выяснили, что социальные навыки, развитые в раннем детстве, показывают значимые взаимосвязи с успешностью результатов в дальнейшей жизни [36]. Кроме того, изучение социального интеллекта вносит вклад в клинические исследования, связанные с пониманием психологических и физиологических факторов, объясняющих дефицит социального функционирования у детей и взрослых с определенными психологическими расстройствами, включая шизофрению и расстройства аутистического спектра [18; 40].

Навыки социального интеллекта включают восприятие невербальных сигналов, пронизательность, социальное восприятие и эмпатию. Многие авторы подчеркивают, что социальный интеллект не только способствует установлению социальных связей, но также позволяет влиять на других людей. Так, группа португальских ученых отмечает существенное влияние социального интеллекта на лидерские качества. Как выяснилось, именно высокий уровень социального интеллекта позволял лидерам-участникам исследования влиять на людей так, чтобы заставлять их испытывать соответствующие эмоции и поддерживать действия лидера [10]. В каждой конкретной социальной ситуа-

ции высокие показатели этого «горячего» интеллекта позволяют человеку добиваться желаемой вербальной или поведенческой реакции от людей в группе. Люди, обладающие развитым социальным интеллектом, способны располагать к себе других людей, вызывать их симпатию, считывая их поведенческие и вербальные сигналы, подстраивая и адаптируя свое поведение согласно конкретному социальному контексту [1; 36].

Необходимо развести понятия эмоционального и социального интеллекта. Оба этих интеллекта помогают человеку определять состояние другого человека по наличию у него тех или иных невербальных проявлений. Помимо этого, и социальный, и эмоциональный интеллект связаны со способностью определять причину эмоциональной реакции. Однако они отличаются по направленности своих основных функций. Цель эмоционального интеллекта заключается в управлении своим или чужим эмоциональным состоянием, в то время как социальный интеллект призван повышать степень социальной адаптации и эффективность межличностных взаимодействий. Эмоциональный и социальный интеллект работают вместе, чтобы создать более полное понимание себя и других [3].

Следующий «горячий» интеллект, которому мы уделим внимание — личностный интеллект. Многие исследователи определяют его как способность понимать и анализировать личность человека, а также его различные личностные проявления [31]. С эволюционной точки зрения, люди, которые лучше понимали себя и окружающих, по-видимому, обладали адаптивными преимуществами по сравнению с другими, как в плане выживания, так и в плане размножения. В соответствии с этим было выдвинуто предположение о том, что некоторые люди обладают «психологическим складом ума» — более высокой по сравнению с другими людьми способностью к познанию себя и других [22].

Г. Гарднер (1983) описал внутриличностный интеллект как способность построения целостной личности и идентификации и межличностный интеллект как способность понимать личность других людей [15]. Д. Фандер утверждает, что люди с разной точностью способны осознанно понимать и описывать характеристики личности. Все эти концепции фокусируются в первую очередь на способности анализировать личностную информацию [14]. Дж. Мэйер также присоединяется к этой точке зрения. Согласно его взглядам, люди используют свой личностный интеллект для того, чтобы (а) выявлять в себе и у других личностно значимую информацию и «считывать» черты людей; (б) формировать «модели» личности, которые способствуют лучшему пониманию себя и других; (в) принимать личностные решения в соответствии со своими интересами и ценностями; (г) расставлять приоритеты так, чтобы достигать своих личных целей [22].

Следующий и последний в данной работе «горячий» интеллект — практический. Накопленные данные свидетельствуют о том, что практический интеллект психологически отличен от академического

интеллекта. Так, например, успех в решении абстрактных академических задач не обязательно приводит к успеху в решении житейских бытовых проблем, и наоборот. Практический интеллект относится к когнитивной основе повседневной деятельности. Наиболее обширный массив данных демонстрирует роль практического интеллекта в успешном воплощении различных профессиональных целей [34; 42].

Согласно исторической справке, приведенной в обзоре В. Шнайдера, Дж. Мэйера и Д. Ньюмана, одним из первых, кто высказал эту мысль, был экспериментальный психолог Э. Торндайк (1924), который утверждал, что социальный интеллект отличается от того, который измеряется стандартными тестами интеллекта. Впоследствии многие исследователи также выдвигали это предположение относительно социального и практического интеллекта. Подобное было сделано и известным психометриком Дж. Гилфордом (1967), который в своей теории структуры интеллекта отдельно выделил именно поведенческие проявления интеллекта [31]. Г. Гарднер в свое время утверждал, что межличностный и внутриличностный интеллект отличаются от более академических интеллектов (например лингвистического и логико-математического) [15]. Таким образом, исследования практического интеллекта также вносят вклад в концепцию «горячих» интеллектов. Они оказываются в большой степени независимыми от общего «холодного» интеллекта, что позволяет выделять их в отдельную таксономическую категорию.

Способность к эмоциональной регуляции

В дополнение к способностям «горячего» интеллекта важно рассмотреть и другие способности, которые не связаны с обработкой абстрактной информации, не затрагивающей личностно значимое содержание индивида. Способность к эмоциональной регуляции заключается в управлении возникновением и протеканием эмоционального процесса и служит достижению личных целей, которые, в свою очередь, могут варьироваться в зависимости от контекста ситуации. Регуляция эмоций включает в себя осознание, принятие и понимание эмоций, а также способность не только направлять, но и сдерживать эмоции [23].

Мы можем говорить о регуляции эмоций в том случае, если эмоция была оценена как «хорошая» или «плохая» и результат этой оценки привел к тому, что человек задался целью изменить продолжительность, интенсивность или последствия от возникшей эмоции [16; 29].

Важно упомянуть, что трудности в эмоциональной регуляции лежат в основе множества психологических расстройств, которые характеризуются психологической ригидностью в ответ на ситуационные изменения [28]. Кроме того, эффективная эмоциональная регуляция, заключающаяся в модулировании эмоционального опыта для достижения желаемого результата, является значимым фактором благополучия [2]. Ряд иссле-

дователей также акцентируют внимание на том, что для эффективной эмоциональной регуляции критически важен учет контекста ситуации, в рамках которого те или иные эмоции возникают. Именно понимание контекста позволяет определить, является ли стратегия регуляции адаптивной или дезадаптивной [29].

В зарубежной литературе в последние десятилетия феномен эмоциональной регуляции изучается в рамках двух моделей: процессуальной и модели способностей. Процессуальная модель регуляции эмоций Дж. Гросса основана на предположении о том, что эмоциональный отклик разворачивается поэтапно и на каждом из этапов мы можем повлиять на произошедший эмоциональный отклик. Для этого могут использоваться различные стратегии. Например, стратегия Когнитивной переоценки позволяет изменить эмоциональное состояние, благодаря различным интерпретациям произошедшей ситуации. В свою очередь, прибегая к стратегии подавления экспрессии, мы становимся способны повлиять на внешние проявления эмоциональных состояний [2].

Модель способностей эмоциональной регуляции определяет степень предрасположенности к пониманию и восприятию эмоционального опыта, а также к управлению эмоциональной активностью в зависимости от личностных целей в той или иной ситуации [16].

Эффективное и ситуационно релевантное использование способностей к эмоциональной регуляции может влиять на уровень психологического благополучия, жизнестойкость и степень удовлетворенности жизнью [23]. В то же время исследования показывают, что способности к эмоциональной регуляции могут варьироваться ежедневно и зависеть от множества факторов, начиная от количества трудностей, возникающих в течение дня, заканчивая хорошим настроением, что обнаруживает большой потенциал к продолжению проведения теоретических и эмпирических исследований данного феномена [37].

Способность к интуиции

Привлекает внимание исследователей и интуиция — психологическая способность, которая связана с процессами обработки особой лично значимой информации. Исследователи все чаще приходят к пониманию того, что интуиция не является единым психологическим конструктом, а скорее представляет сложный когнитивный конгломерат, включающий в себя различные процессы и механизмы [43; 25]. Хотелось бы отдельно отметить, что эта психологическая способность так же оказывается в значительной степени независимой от психометрического («холодного») интеллекта [39]. Все больше фактов указывает на важную роль имплицитных процессов и интуиции в социальном познании, творчестве и принятии решений [5; 32]. Однако до сих пор мало что известно об индивидуальных различиях в интуитивных способностях и их структуре, а также о

том, действительно ли интуиция является «интеллектом бессознательного» [43].

В исследованиях интуиции не существует золотого стандарта или ключевой теории. Скорее существуют различные парадигмы и теоретические модели, которые уходят корнями в совершенно разные психологические традиции. В связи с этим трудно дать удовлетворительное универсальное определение интуиции. Большинство исследователей сходятся в том, что интуиция действует преимущественно имплицитно, в обход когнитивного контроля и осознания [11; 25]. Ряд характеристик интуитивных процессов являются спорными и зависят от изучаемого явления. Некоторые исследователи определяют интуицию как способность к неявному обучению и обнаружению когнитивных моделей, а также к подсознательному объединению информации для вынесения верных суждений на основе фрагментарных сигналов [39]. Интуиция основана на различных когнитивных процессах и механизмах. Одним из наиболее фундаментальных и эволюционно древних из них является, по-видимому, способность спонтанно овладевать сложными паттернами на основе процедурной памяти [26].

Помимо этого, интуитивные способности, вероятно, могут позволять интегрировать не напрямую данную обрывочную информацию в единое целое сложным, неочевидным образом, без осознанного доступа к самому процессу. Люди могут правильно распознавать предметы (items) даже на основе небольшого количества информации либо подсознательно объединять их для поиска новых решений. Даже когда человек не знает решения задачи, он может правильно угадать, что может быть с ним связано, и решение проблемы может внезапно появиться в сознании в виде инсайта. Последний часто сопровождается чувством согласованности, положительными эмоциями и субъективной уверенностью в верности решения [5]. Способность решать задачи, требующие проницательности, связана как с конвергентным, так и с дивергентным мышлением, а также со способностью переключаться с одного типа мышления на другой.

Структура интуиции до сих пор не изучена. Исторически она рассматривалась скорее как однородный конструкт. В своем обзоре Дж. Претц и К. Тотц дают подробную историческую справку о развитии представлений об этом феномене [26]. Одним из первых психологов, изучавших интуицию, был К. Юнг, который характеризовал ее как первичный, подсознательный способ восприятия. Его теория разворачивалась в поле психологии личности и индивидуальных различий и не часто касалась когнитивных исследований. Однако на данный момент уже известно, что интуиция положительно связана с эффективностью имплицитного обучения [17]

С другой стороны, теории двойного процесса (dual-process theories) рассматривают интуицию как противоположность рациональному и аналитическому способу обработки информации [8]. Также была предложена альтернативная классификация интуитивных

процессов, состоящая из эвристической, холистической (абстрактной) и аффективной интуиции [26]. Это разделение основано на механизмах, описанных в литературе, подтверждено эмпирически, а отдельные шкалы предсказывают разные результаты [38]. Тем не менее, эта работа была ограничена опросниками самоотчета и не включала объективные когнитивные тесты интуиции. Таким образом, в этих исследованиях проверялась структура интуитивных предпочтений, но не сами способности.

Помимо вышесказанного, важно отметить, что интуитивные способности обычно недооцениваются в психологии, мало внимания уделяется и разработке когнитивных тестов в этой области. Более того, даже корреляции между наиболее популярными шкалами самоотчета, измеряющими интуицию, либо низки, либо статистически не значимы [27], в связи с чем можно утверждать, что существует выраженная необходимость эмпирически разграничить различные типы интуитивных способностей.

Заключение

В процессе анализа зарубежных и отечественных источников, посвященных способностям к обработке личностно значимой информации, было выделено несколько групп. В основную группу таких способностей вошли «горячие» интеллекты. Эта категория способностей является довольно молодой в психологическом после исследований. Однако накопленный массив эмпирических и теоретических знаний демонстрирует ее согласованность и отделенность от «холодного» интеллекта, который традиционно связан с академическим интеллектом, логикой, мышлением и обработкой безличностной информации.

Наибольшее количество теоретических исследований посвящено эмоциональному интеллекту. Эта способность (или набор способностей) отвечает за точность восприятия и понимания как своих, так и чужих эмоций. Эмоциональный интеллект помогает адаптивно использовать информацию, полученную на основе эмоций. В тексте был представлен теоретический анализ эмоционального интеллекта сквозь призму двух подходов. Результаты теоретического анализа зарубежных источников демонстрируют, что необходимо рассматривать эмоциональный интеллект как дискретную переменную и изучать его в связи с другими личностными и интеллектуальными характеристиками.

Социальный интеллект оказался менее теоретически проработанным конструктом, несмотря на то, что интерес к нему научного сообщества обнаружился гораздо раньше. Были описаны критерии разграниче-

ния эмоционального и социального интеллектов, которые иногда объединяют в один теоретический конструкт. Показано, что эмоциональный интеллект обладает более интроспективной природой, в отличие от социального.

Личностный и практический интеллект являются недавними дополнениями к теоретической концепции «горячих» интеллектов. Личностный интеллект помогает ориентироваться в поле понимания особенностей и характеристик личности других людей, в то время как практический интеллект отражает способность к «житейской смекалке» и является незаменимым в решении повседневных задач.

Следующая способность, которая рассматривалась в данном обзоре и не входила в группу «горячих» интеллектов — способность к эмоциональной регуляции. Ее основная функция — психологическая саморегуляция, однако она также опосредует обработку информации, связанную с эмоциональными состояниями человека. Регуляция эмоций пронизывает все сферы жизни и позволяет увеличивать эффективность достижения личностно значимых целей и адаптироваться к актуальным жизненным ситуациям. Одной из наиболее важных особенностей ее функционирования является значимость контекста в каждой конкретной ситуации.

Способность к интуиции завершает проведенный теоретический обзор. Отдельно подчеркивались неогомогенность ее структуры и независимость от общего интеллекта. Интуиция — сложный когнитивный процесс, основанный на имплицитном обучении — позволяет лучше ориентироваться в социальном и личностном познании. Многие теоретические положения так или иначе утверждают это, называя интуицию «бессознательным» интеллектом. Несмотря на то, что она может проявляться в контексте обработки «холодной» информации, интуиция является незаменимой и для внутренней психологической деятельности индивида, которая связана с анализом и обработкой личностно значимых содержаний и укладывается в логику повествования данной статьи.

Общей характеристикой исследований психологических способностей, направленных на обработку личностно значимой информации, выступил недостаток эмпирических исследований и большой потенциал в поле создания психометрических инструментов, в особенности тестов. При этом проведенный нами теоретический анализ зарубежных источников показывает, что уже на данный момент существует достаточно сильный и дифференцированный теоретический базис и исследовательская опора для продолжения изучения способностей такого рода в рамках как психологии личности, так и психодиагностики.

Литература

1. Пагаева Э.В., Верещагина М.В. Теоретические подходы к изучению социального интеллекта // Образовательный вестник «Сознание». 2022. Том 24. № 11. С. 74—82. DOI:10.26787/nydha-2686-6846-2022-24-11-74-82

2. Панкратова А.А. Подход Дж. Гросса к изучению эмоциональной регуляции: примеры кросскультурных исследований [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 147—155. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21778531> (дата обращения: 30.07.2024).
3. Панкратова А.А. Практический, социальный и эмоциональный виды интеллекта: сравнительный анализ [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 2010. № 2. С. 111—119. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18931739> (дата обращения: 30.07.2024).
4. Тест эмоционального интеллекта — русскоязычная методика / Е.А. Сергиенко, Е.А. Хлевная, И.И. Ветрова, А.А. Никитина // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 3. С. 177—192. DOI:10.17759/sps.2019100311
5. Adinolfi P., Loia F. Intuition as emergence: Bridging psychology, philosophy and organizational science // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article ID 787428. 15 p. DOI:10.3389/fpsyg.2021.787428
6. Assessing Emotional Intelligence Abilities, Acquiescent and Extreme Responding in Situational Judgment Tests Using Principal Component Metrics / J. Fontaine, E. Sekwena, E. Veirman, K. Schlegel, C. MacCann, R. Roberts, K. Scherer // *Frontiers in psychology*. 2022. Vol. 13. Article ID 813540. 17 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.813540
7. Bar-On R. Emotional Intelligence: An Integral Part of Positive Psychology // *South African Journal of Psychology*. 2010. Vol. 40. № 1. P. 54—62. DOI:10.1177/008124631004000106
8. Bellini-Leite C. Dual process theory: Embodied and predictive; symbolic and classical // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. P. 673—685. DOI:10.3389/fpsyg.2022.805386
9. Boyatzis R. Social Intelligence // *The Wiley Encyclopedia of Personality and Individual Differences: Personality Processes and Individual Differences* / Eds. B.J. Carducci, C.S. Nave. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2020. P. 435—438.
10. Bueno J., Correia F., Peixoto E. Psychometric properties of the emotional competence inventory-short revised version (ECI-R) // *Psico-USF*. 2021. Vol. 26. № 3. P. 519—532. DOI:10.1590/1413-82712021260310
11. Development and validation of a new measure of intuition: The types of intuition scale / J. Pretz, J. Brookings, L. Carlson, T. Humbert, M. Roy, M. Jones, D. Memmert // *Journal of Behavioral Decision Making*. 2014. Vol. 27. № 5. P. 454—467. DOI:10.1002/bdm.1820
12. Dewey J. *Moral Principles in Education*. Boston: Houghton Mifflin, 1909. 60 p.
13. Emotionally intelligent people use more high-engagement and less low-engagement processes to regulate others' emotions / H. Xiao, K. Double, S. Walker, H. Kunst, C. MacCann // *Journal of Intelligence*. 2022. Vol. 10. № 4. Article ID 76. 10 p. DOI:10.3390/jintelligence10040076
14. Funder D. Personality // *Annual Review of Psychology*. 2001. Vol. 52. P. 197—221. DOI:10.1146/annurev.psych.52.1.197
15. Gardner H. Taking a multiple intelligences (MI) perspective // *Behavioral and Brain Sciences*. 2017. Vol. 40. Article ID e203. DOI:10.1017/S0140525X16001631
16. Gratz K., Roemer L. Multidimensional assessment of emotion regulation and dysregulation: Development, factor structure, and initial validation of the difficulties in emotion regulation scale // *Journal of psychopathology and behavioral assessment*. 2004. Vol. 26. P. 41—54. DOI:10.1023/B:JOBA.0000007455.08539.94
17. Implicit learning as an ability / S. Kaufman, C. DeYoung, J. Gray, L. Jimnez, J. Brown, N. Mackintosh // *Cognition*. 2010. Vol. 116. № 3. P. 321—340. DOI:10.1016/j.cognition.2010.05.011
18. Łoś R., Gajowiec-Chmielewska A. Impairment of social cognition in comparative studies of patients with schizophrenia and their healthy siblings // *Psychiatria Polska*. 2023. Vol. 57. № 5. P. 967—982. DOI:10.12740/PP/152271
19. Mayer J., Caruso D., Salovey P. The Ability Model of Emotional Intelligence: Principles and Updates // *Emotion Review*. 2016. Vol. 8. № 4. P. 290—300. DOI:10.1177/1754073916639667
20. Mayer J., Mitchell D. Intelligence as a subsystem of personality: From Spearman's g to contemporary models of hot processing // *Advances in cognition and education practice* / Eds. W. Tomic, J. Kingma. Greenwich: JAI Press, 1998. Vol. 5. P. 43—75.
21. Mayer J., Panter A., Caruso D. Does personal intelligence exist? Evidence from a new ability-based measure // *Journal of personality assessment*. 2012. Vol. 94. № 2. P. 124—140. DOI:10.1080/00223891.2011.646108
22. Mayer J., Panter A., Caruso D. When people estimate their personal intelligence who is overconfident? Who is accurate? // *Journal of Personality*. 2020. Vol. 88. № 6. P. 1129—1144. DOI:10.1111/jopy.12561
23. McRae K., Gross J. Emotion regulation // *Emotion*. 2020. Vol. 20. № 1. P. 1—9. DOI:10.1037/emo0000703
24. Nexus between Emotional Intelligence (EQ-I) and Entrepreneurial Culture / J. Jimisiah, M.Y. Halimah, H. Sallaudin, F.A. Khairul, A. Rohaizan // *International Journal of Engineering and Advanced Technology*. 2019. Vol. 8. № 6S3. P. 986—993. DOI:10.35940/ijeat.F1093.0986S319
25. Nosal C. On the Relationship Between Intuition, Consciousness and Cognition: In Search of a Unified Concept of Mind // *Roczniki Psychologiczne*. 2021. Vol. 24. № 3—4. P. 345—360. DOI:10.18290/rpsych21242-1s
26. Pretz J., Totz K. Measuring individual differences in affective, heuristic, and holistic intuition // *Personality and Individual Differences*. 2007. Vol. 43. № 5. P. 1247—1257. DOI:10.1016/j.paid.2007.03.015
27. Reasoning strategies predict use of very fast logical reasoning / H. Markovits, P.-L. de Chantal, J. Brisson, E. Dube, V. Thompson, I. Newman // *Memory & Cognition*. 2021. Vol. 49. P. 532—543. DOI:10.3758/s13421-020-01108-3

28. Richmond J., Tull M., Gratz K. The roles of emotion regulation difficulties and impulsivity in the associations between borderline personality disorder symptoms and frequency of nonprescription sedative use and prescription sedative/opioid misuse // *Journal of contextual behavioral science*. 2020. Vol. 16. P. 62—70. DOI:10.1016/j.jcbs.2020.03.002
29. Roth G., Vansteenkiste M., Ryan R. Integrative emotion regulation: Process and development from a self-determination theory perspective // *Development and Psychopathology*. 2019. Vol. 31. № 3. P. 945—956. DOI:10.1017/S0954579419000403
30. Salovey P., Mayer J. Emotional intelligence // *Imagination, cognition and personality*. 1990. Vol. 9. № 3. P. 185—211. DOI:10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG
31. Schneider W., Mayer J., Newman D. Integrating hot and cool intelligences: Thinking broadly about broad abilities // *Journal of Intelligence*. 2016. Vol. 4. Article ID 1. 25 p. DOI:10.3390/jintelligence4010001
32. Social intuition: behavioral and neurobiological considerations / T. Jellema, S. Macinska, R. O'Connor, T. Skodova // *Frontiers in Psychology*. 2024. Vol. 15. Article ID 1336363. 13 p. DOI:10.3389/fpsyg.2024.1336363
33. Spearman C. The nature of “intelligence” and the principles of cognition. London: Macmillan, 1923. 358 p.
34. Sternberg R. Adaptive Intelligence: Its Nature and Implications for Education // *Education Sciences*. 2021. Vol. 11. Article ID 823. 12 p. DOI:10.3390/educsci11120823
35. Sternberg R. The theory of successful intelligence // *The Cambridge Handbook of Intelligence* / Eds. R.J. Sternberg, S.B. Kaufman. New York: Cambridge University Press, 2011. P. 504—527. DOI:10.1017/CBO9780511977244.026
36. Sternberg R., Li A. Social Intelligence: What It Is and Why We Need It More than Ever Before // *Social Intelligence and Nonverbal Communication* / Eds. R.J. Sternberg, A. Kostić. Berlin: Springer Nature, 2020. P. 1—20. DOI:10.1007/978-3-030-34964-6_1
37. The Association of Emotion Regulation Flexibility and Negative and Positive Affect in Daily Life / A. Battaglini, K. Rnic, T. Jameson, E. Jopling, A.Y. Albert, J. LeMoult // *Affective Science*. 2022. Vol. 3. № 3. P. 673—685. DOI:10.1007/s42761-022-00132-7
38. The relationship of types of intuition to thinking styles, beliefs, and cognitions / A. Dennin, K. Furman, J. Pretz, M. Roy // *Journal of Behavioral Decision Making*. 2022. Vol. 35. № 5. Article ID e2283. 18 p. DOI:10.1002/bdm.2283
39. The structure of intuitive abilities and their relationships with intelligence and Openness to Experience / A. Sobkow, J. Traczyk, S.B. Kaufman, C. Nosal // *Intelligence*. 2018. Vol. 67. P. 1—10. DOI:10.1016/j.intell.2017.12.001
40. Vaskinn A., Horan W. Social cognition and schizophrenia: unresolved issues and new challenges in a maturing field of research // *Schizophrenia bulletin*. 2020. Vol. 46. № 3. P. 464—470. DOI:10.1093/schbul/sbaa034
41. Walsh D. Piaget’s Paradox: Adaptation, Evolution, and Agency // *Human Development*. 2023. Vol. 67. P. 273—287. DOI:10.1159/000534306
42. Warne R. Practical Intelligence Is a Real Ability, Separate from General Intelligence // *In the Know: Debunking 35 Myths about Human Intelligence* / R. Warne. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 62—70. DOI:10.1017/9781108593298
43. Zaleskiewicz T., Traczyk J., Sobkow A. Decision making and mental imagery: A conceptual synthesis and new research directions // *Journal of Cognitive Psychology*. 2023. Vol. 35. № 5. P. 603—633. DOI:10.1080/20445911.2023.2198066

References

1. Pagaeva E.V., Vereshchagina M.V. Teoreticheskie podkhody k izucheniyu sotsial’nogo intellekta [Theoretical approaches to the study of social intelligence]. *Obrazovatel’nyi vestnik “Soznanie” = Educational bulletin consciousness*, 2022. Vol. 24, no. 11, pp. 74—82. DOI:10.26787/nydha-2686-6846-2022-24-11-74-82 (In Russ.).
2. Pankratova A.A. Podkhod Dzh. Grossa k izucheniyu emotsional’noi regulyatsii: primery krosskul’turnykh issledovaniy [J. Gross’s approach to studying emotional regulation: examples of cross-cultural studies] [Electronic resource]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2014, no. 1, pp. 147—155. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21778531> (Accessed 30.07.2024). (In Russ.).
3. Pankratova A.A. Prakticheskii, sotsial’nyi i emotsional’nyi vidy intellekta: sravnitel’nyi analiz [The practical, the social and the emotional types of intellect: a comparative analysis] [Electronic resource]. *Voprosy psikhologii [Questions of psychology]*, 2010, no. 2, pp. 111—119. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18931739> (Accessed 30.07.2024). (In Russ.).
4. Sergienko E.A., Khlevnaya E.A., Vetrova I.I., Nikitina A.A. Test emotsional’nogo intellekta — russkoyazychnaya metodika [The test of emotional intelligence — a russian-speaking method]. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2019. Vol. 10, no. 3, pp. 177—192. DOI:10.17759/sps.2019100311 (In Russ.).
5. Adinolfi P., Loia F. Intuition as emergence: Bridging psychology, philosophy and organizational science. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12, article ID 787428. 15 p. DOI:10.3389/fpsyg.2021.787428
6. Fontaine J., Sekwena E., Veirman E., Schlegel K., MacCann C., Roberts R., Scherer K. Assessing Emotional Intelligence Abilities, Acquiescent and Extreme Responding in Situational Judgment Tests Using Principal Component Metrics. *Frontiers in psychology*, 2022. Vol. 13, article ID 813540. 17 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.813540
7. Bar-On R. Emotional Intelligence: An Integral Part of Positive Psychology. *South African Journal of Psychology*, 2010. Vol. 40, no. 1, pp. 54—62. DOI:10.1177/008124631004000106

8. Bellini-Leite C. Dual process theory: Embodied and predictive; symbolic and classical. *Frontiers in Psychology*, 2022. Vol. 13, pp. 673—685. DOI:10.3389/fpsyg.2022.805386
9. Boyatzis R. Social Intelligence. In Carducci B.J., Nave C.S. (eds.), *The Wiley Encyclopedia of Personality and Individual Differences: Personality Processes and Individual Differences*. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2020, pp. 435—438.
10. Bueno J., Correia F., Peixoto E. Psychometric properties of the emotional competence inventory-short revised version (ECI-R). *Psico-USF*, 2021. Vol. 26, no. 3, pp. 519—532. DOI:10.1590/1413-82712021260310
11. Pretz J., Brookings J., Carlson L., Humbert T., Roy M., Jones M., Memmert D. Development and validation of a new measure of intuition: The types of intuition scale. *Journal of Behavioral Decision Making*, 2014. Vol. 27, no. 5, pp. 454—467. DOI:10.1002/bdm.1820
12. Dewey J. *Moral Principles in Education*. Boston: Houghton Mifflin, 1909. 60 p.
13. Xiao H., Double K., Walker S., Kunst H., MacCann C. Emotionally intelligent people use more high-engagement and less low-engagement processes to regulate others' emotions. *Journal of Intelligence*, 2022. Vol. 10, no. 4, article ID 76. 10 p. DOI:10.3390/jintelligence10040076
14. Funder D. Personality. *Annual Review of Psychology*, 2001. Vol. 52, pp. 197—221. DOI:10.1146/annurev.psych.52.1.197
15. Gardner H. Taking a multiple intelligences (MI) perspective. *Behavioral and Brain Sciences*, 2017. Vol. 40, article ID e203. DOI:10.1017/S0140525X16001631
16. Gratz K., Roemer L. Multidimensional assessment of emotion regulation and dysregulation: Development, factor structure, and initial validation of the difficulties in emotion regulation scale. *Journal of psychopathology and behavioral assessment*, 2004. Vol. 26, pp. 41—54. DOI:10.1023/B:JOBA.0000007455.08539.94
17. Kaufman S., DeYoung C., Gray J., Jimnez L., Brown J., Mackintosh N. Implicit learning as an ability. *Cognition*, 2010. Vol. 116, no. 3, pp. 321—340. DOI:10.1016/j.cognition.2010.05.011
18. Łoś R., Gajowiec-Chmielewska A. Impairment of social cognition in comparative studies of patients with schizophrenia and their healthy siblings. *Psychiatria Polska*, 2023. Vol. 57, no. 5, pp. 967—982. DOI:10.12740/PP/152271
19. Mayer J., Caruso D., Salovey P. The Ability Model of Emotional Intelligence: Principles and Updates. *Emotion Review*, 2016. Vol. 8, no. 4, pp. 290—300. DOI:10.1177/1754073916639667
20. Mayer J., Mitchell D. Intelligence as a subsystem of personality: From Spearman's g to contemporary models of hot processing. In Tomic W., Kingma J. (eds.), *Advances in cognition and education practice*. Greenwich: JAI Press, 1998. Vol. 5, pp. 43—75.
21. Mayer J., Panter A., Caruso D. Does personal intelligence exist? Evidence from a new ability-based measure. *Journal of personality assessment*, 2012. Vol. 94, no. 2, pp. 124—140. DOI:10.1080/00223891.2011.646108
22. Mayer J., Panter A., Caruso D. When people estimate their personal intelligence who is overconfident? Who is accurate? *Journal of Personality*, 2020. Vol. 88, no. 6, pp. 1129—1144. DOI:10.1111/jopy.12561
23. McRae K., Gross J. Emotion regulation. *Emotion*, 2020. Vol. 20, no. 1, pp. 1—9. DOI:10.1037/emo0000703
24. Jimisiah J., Halimah M.Y., Sallaudin H., Khairul F.A., Rohaizan A. Nexus between Emotional Intelligence (EQ-I) and Entrepreneurial Culture. *International Journal of Engineering and Advanced Technology*, 2019. Vol. 8, no. 6S3, pp. 986—993. DOI:10.35940/ijeat.F1093.0986S319
25. Nosal C. On the Relationship Between Intuition, Consciousness and Cognition: In Search of a Unified Concept of Mind. *Roczniki Psychologiczne*, 2021. Vol. 24, no. 3—4, pp. 345—360. DOI:10.18290/rpsych21242-1s
26. Pretz J., Totz K. Measuring individual differences in affective, heuristic, and holistic intuition. *Personality and Individual Differences*, 2007. Vol. 43, no. 5, pp. 1247—1257. DOI:10.1016/j.paid.2007.03.015
27. Markovits H., de Chantal P.-L., Brisson J., Dube E., Thompson V., Newman I. Reasoning strategies predict use of very fast logical reasoning. *Memory & Cognition*, 2021. Vol. 49, pp. 532—543. DOI:10.3758/s13421-020-01108-3
28. Richmond J., Tull M., Gratz K. The roles of emotion regulation difficulties and impulsivity in the associations between borderline personality disorder symptoms and frequency of nonprescription sedative use and prescription sedative/opioid misuse. *Journal of contextual behavioral science*, 2020. Vol. 16, pp. 62—70. DOI:10.1016/j.jcbs.2020.03.002
29. Roth G., Vansteenkiste M., Ryan R. Integrative emotion regulation: Process and development from a self-determination theory perspective. *Development and Psychopathology*, 2019. Vol. 31, no. 3, pp. 945—956. DOI:10.1017/S0954579419000403
30. Salovey P., Mayer J. Emotional intelligence. *Imagination, cognition and personality*, 1990. Vol. 9, no. 3, pp. 185—211. DOI:10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG
31. Schneider W., Mayer J., Newman D. Integrating hot and cool intelligences: Thinking broadly about broad abilities. *Journal of Intelligence*, 2016. Vol. 4, article ID 1. 25 p. DOI:10.3390/jintelligence4010001
32. Jellema T., Macinska S., O'Connor R., Skodova T. Social intuition: behavioral and neurobiological considerations. *Frontiers in Psychology*, 2024. Vol. 15, article ID 1336363. 13 p. DOI:10.3389/fpsyg.2024.1336363
33. Spearman C. *The nature of "intelligence" and the principles of cognition*. London: Macmillan, 1923. 358 p.
34. Sternberg R. Adaptive Intelligence: Its Nature and Implications for Education. *Education Sciences*, 2021. Vol. 11, article ID 823. 12 p. DOI:10.3390/educsci11120823
35. Sternberg R. The theory of successful intelligence. In Sternberg R.J., Kaufman S.B. (eds.), *The Cambridge Handbook of Intelligence*. New York: Cambridge University Press, 2011, pp. 504—527. DOI:10.1017/CBO9780511977244.026

36. Sternberg R., Li A. Social Intelligence: What It Is and Why We Need It More than Ever Before. In Sternberg R.J., Kostić A. (eds.), *Social Intelligence and Nonverbal Communication*. Berlin: Springer Nature, 2020, pp. 1—20. DOI:10.1007/978-3-030-34964-6_1
37. Battaglini A., Rnic K., Jameson T., Jopling E., Albert A.Y., LeMoult J. The Association of Emotion Regulation Flexibility and Negative and Positive Affect in Daily Life. *Affective Science*, 2022. Vol. 3, no. 3, pp. 673—685. DOI:10.1007/s42761-022-00132-7
38. Dennin A., Furman K., Pretz J., Roy M. The relationship of types of intuition to thinking styles, beliefs, and cognitions. *Journal of Behavioral Decision Making*, 2022. Vol. 35, no. 5, article ID e2283. 18 p. DOI:10.1002/bdm.2283
39. Sobkow A., Traczyk J., Kaufman S.B., Nosal C. The structure of intuitive abilities and their relationships with intelligence and Openness to Experience. *Intelligence*, 2018. Vol. 67, pp. 1—10. DOI:10.1016/j.intell.2017.12.001
40. Vaskinn A., Horan W. Social cognition and schizophrenia: unresolved issues and new challenges in a maturing field of research. *Schizophrenia bulletin*, 2020. Vol. 46, no. 3, pp. 464—470. DOI:10.1093/schbul/sbaa034
41. Walsh D. Piaget’s Paradox: Adaptation, Evolution, and Agency. *Human Development*, 2023. Vol. 67, pp. 273—287. DOI:10.1159/000534306
42. Warne R. Practical Intelligence Is a Real Ability, Separate from General Intelligence. In Warne R., *In the Know: Debunking 35 Myths about Human Intelligence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020, pp. 62—70. DOI:10.1017/9781108593298
43. Zaleskiewicz T., Traczyk J., Sobkow A. Decision making and mental imagery: A conceptual synthesis and new research directions. *Journal of Cognitive Psychology*, 2023. Vol. 35, no. 5, pp. 603—633. DOI:10.1080/20445911.2023.2198066

Информация об авторах

Корчагина Анастасия Павловна, аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9239-7890>, e-mail: aporchagina@hse.ru

Костенко Василий Юрьевич, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5612-3857>, e-mail: vkostenko@hse.ru

Information about the authors

Anastasia P. Korchagina, Postgraduate Student, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9239-7890>, e-mail: aporchagina@hse.ru

Vasily Yu. Kostenko, PhD in Psychology, Associate Professor, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5612-3857>, e-mail: vasily.kostenko@gmail.com

Получена 22.09.2023

Received 22.09.2023

Принята в печать 26.07.2024

Accepted 26.07.2024

Светлая триада личности: обзор зарубежных исследований

Маралов В.Г.

*Череповецкий государственный университет (ФГБОУ ВО ЧГУ), г. Череповец, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9627-2304>, e-mail: vgmaralov@yandex.ru*

Актуальность проблемы обусловлена значимостью выделения интегрированных характеристик личности, в которых бы отражались ее типические способы поведения, деятельности и отношений к окружающему миру. К таким характеристикам принадлежат понятия черт Темной (макиавеллизм, нарциссизм, психопатия) и Светлой (вера в человечество, гуманизм, кантианство) триад личности. И, если Темная триада черт уже более 20 лет активно исследуется в психологии, то Светлая триада совсем недавно получила статус самостоятельной психологической проблемы. Тем не менее она вызвала живейший интерес в современной психологии, что обусловило появление на свет значительного числа публикаций. В статье представлен обзор ряда современных зарубежных исследований черт Светлой триады личности в период 2018—2024 гг. Рассматриваются различные подходы к выделению черт Светлой триады и к разработке диагностического инструментария. Выделяются и характеризуются основные направления исследования Светлой триады: изучение проявлений черт Светлой триады в зависимости от экономических, политических и культурных условий; исследование взаимосвязи черт Светлой триады с различными типами ценностей и удовлетворенностью жизнью; изучение взаимосвязи черт Светлой триады с поведением людей, в том числе и с поведением в Интернете; черты Светлой триады и проблема лидерства и др. Обсуждаются дискуссионные вопросы, выявленные в ходе анализа исследований черт Светлой триады личности.

Ключевые слова: Темная триада, Светлая триада, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, вера в человечество, гуманизм, кантианство.

Благодарности. Автор выражает благодарность редакции журнала и рецензентам за ценные замечания по статье.

Для цитаты: *Маралов В.Г.* Светлая триада личности: обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 18—30. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130302>

The Light Triad of Personality: A Review of Foreign Studies

Vladimir G. Maralov

*Cherepovets State University, Cherepovets, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9627-2304>, e-mail: vgmaralov@yandex.ru*

The relevance of the problem is due to the importance of identifying integrated characteristics of a person, which would reflect his typical modes of behavior, activity and relationships to the world around him. Such characteristics include the concepts of Dark (Machiavellianism, narcissism, psychopathy) and Light (faith in humanity, humanism, Kantianism) personality triads. And, if the Dark Triad of traits has been actively studied in psychology for more than 20 years, the Light Triad has recently received the status of an independent psychological problem. Nevertheless, it aroused great interest in modern psychology, which led to the appearance of a significant number of publications. The article provides an overview of a number of modern foreign studies of the traits of the Light Triad of personality in the period from 2018 to 2024. Various approaches to identifying the features of the Light Triad and to developing diagnostic tools are considered. The main directions of research of the Light Triad are identified and characterized: the study of the manifestations of the features of the Light Triad depending on economic, political and cultural conditions; study of the relationship between the Light Triad traits and value orientations and life satisfaction; studying the relationship between the traits of the Light Triad and people's behavior, including behavior on the Internet; traits of the Light Triad and the problem of leadership, etc. Disputable issues identified during the analysis of research on the traits of the Light Triad of personality are discussed.

Keywords: Dark Triad, Light Triad, machiavellianism, narcissism, psychopathy, belief in humanity, humanism, Kantianism.

Acknowledgements. The author expresses his gratitude to the editorial board of the journal and reviewers for valuable comments on the article.

For citation: Maralov V.G. The Light Triad of Personality: A Review of Foreign Studies [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2024. Vol. 13, no. 3, pp. 18—30. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130302> (In Russ.).

Введение

Для психологии всегда была привлекательной идея выделения в человеке таких интегрированных характеристик его как индивида или как личности, которые бы описывали типические способы поведения и взаимодействия с окружающим миром. К ним можно отнести классическое разделение людей по типам темперамента, по проявлениям экстраверсии и интроверсии, экстернальности и интернальности, по выраженности качеств личности, составляющих пяти- или шестифакторную модель личности, по выраженности психологического капитала и мн. др. К этой же категории следует отнести идею выделения черт Темной и Светлой триад личности.

Темная триада была «открыта» Д. Паулхусом и К. Уильямсом в 2002 г. (D. Paulhus, K. Williams) [36]. Она включает в себя три черты: нарциссизм, макиавеллизм и психопатию. Нарциссизм проявляется в представлениях индивида о себе как о выдающейся личности, которая достойна признания и уважения. Макиавеллизм — это стремление манипулировать другими людьми для достижения собственных целей. Психопатия — выражение черствости, холодности к людям, импульсивности, что может сопровождаться проявлениями враждебности и агрессивности. Позже к ним была добавлена еще одна черта — садизм (получение удовольствия от страдания других) [10]. Открытие Темной триады вызвало значительный интерес в психологии, что породило огромное число публикаций. И этот интерес продолжает расти.

Выделение черт Темной триады привело к постановке вопроса о существовании некоторой альтернативной личности, обладающей противоположным, т. е. «светлым» набором качеств, которые бы характеризовали ее просоциальную направленность. И такая триада была открыта. Заслуга «открытия» Светлой триады личности приписывается С.Б. Кауфману, Д.Б. Ядену, Э. Хайд, Э. Цукаяма (S.B. Kaufman, D.B. Yaden, E. Hyde, E. Tsukayama). Они в 2019 г. опубликовали статью под названием «Светлая и темная триада личности: противопоставление двух очень разных профилей человеческой природы» [52]. Затем эти идеи были развиты в 2020 г., когда авторы в расширенном составе опубликовали работу под названием «Светлые и темные подтипы человеческой личности — личностно-ориентированный подход, основанный на нескольких исследованиях» [30]. В них они выделили и подробно описали три черты «светлой» личности: веру в человечество, гуманизм, кантианство (происходит от фамилии немецкого философа И. Канта). Точка зре-

ния С. Кауфмана с коллегами на проблему выделения черт «светлой» личности получила широкое распространение и поддержку. Однако она не является единственной.

Анализ публикаций по различным проблемам Светлой триады личности на современном этапе порождает целый ряд вопросов исследовательского характера. Каковы подходы к выделению черт Светлой триады личности? Каковы основные направления изучения проявления этих черт в различных сферах жизни и деятельности? Какое значение они имеют для развития современной психологии? Как могут быть использованы результаты этих исследований в практической работе?

Необходимость ответа на некоторые из этих вопросов и определила цель настоящего исследования — осуществить обзор исследований черт Светлой триады личности в современной зарубежной психологии в период с 2018 (первое исследование черт Светлой триады) по первую половину 2024 г.

В качестве методологии исследования использовался систематический поиск литературы в основном на английском языке в различных поисковых системах, преимущественно в «Академии Google» в период с 2018 по первую половину 2024 г. Область поиска: заголовки, аннотации и ключевые слова. Поисковый запрос: «Dark Triad», «Light Triad», «Belief in humanity», «Humanism», «Kantianism». Было просмотрено более 250 публикаций различного рода, в которых есть упоминание о чертах Темной и Светлой триад личности, сюда же вошли работы, где идет сопоставление черт Светлой и Темной триад личности. В конечном итоге было отобрано 56 работ, в которых есть упоминание о Светлой триаде личности. Проведенный анализ дал возможность выделить ряд направлений, по которым проводятся современные исследования черт Светлой триады личности.

Дискуссия по проблеме выделения черт Светлой триады личности

Подход С. Кауфмана, Д.Б. Ядена, Э. Хайд, Э. Цукаяма. Итак, как было отмечено, считается, что первыми Светлую триаду описали С. Кауфман с соавторами в 2019 г. [52]. Они выделили три составляющие черты Светлой триады: *вера в человечество, гуманизм и кантианство*. Вера в человечество предполагает оптимистичный взгляд на природу человека, веру в фундаментальную доброту людей. Гуманизм характеризует веру в достоинство людей, подчеркивая доброжела-

тельность, сопереживание и помощь другим. Наконец, кантианство рассматривает человека как самоценность, а не как средство достижения чьих-то целей.

Для диагностики этих черт авторами разработан специальный опросник, состоящий из 12 вопросов-утверждений, который получил широкое распространение во всем мире. Приводятся сведения о валидности и надежности опросника. Его использование позволило авторам дать развернутые характеристики «темной» и «светлой» личности. Дополнительные сведения о структурной, конструктивной и прогностической валидности этого опросника представлены в работе П. Лукича и М. Живановича (P. Lukić, M. Živanović) [31]. К настоящему времени имеются: польский вариант опросника [20], португальская версия [42], персидская версия [41], испанская версия [50], филиппинская версия [5], две турецкие версии [37; 47], бразильско-португальская версия [7]; две российские версии [1; 2]. В ближайшее время этот перечень будет только возрастать.

Справедливости ради, следует отметить, что концепция Светлой триады С. Кауфмана с коллегами не является единственной. Имеются и другие подходы.

Подход Л. Джонсон. Годом раньше выхода статьи С. Кауфмана с соавторами, в 2018 г., Лаура Джонсон (L. Johnson) [25] в Канаде защищает магистерскую диссертацию, в которой выделяет также три черты личности, которые называет Светлой триадой, это *эмпатия, сострадание и альтруизм*. Автором дается подробная характеристика этих черт, предлагается свой вариант опросника их диагностики, дается развернутая характеристика его валидности и надежности.

Необходимо отметить, что у Л. Джонсон в современной психологии нашлись последователи. В частности, предложенный ею опросник прошел успешную адаптацию в Иране [56]. В Саудовской Аравии Х. Аль-Доусари с соавт. (H. Al-Dowsari et al.) [9] изучали особенности Светлой триады как показателя эмоциональной толерантности между супружескими парами. И.У. Хан, У.К. Сафдар и М.З. Дуррани (I.U. Khan, U.K. Safdar, M.Z. Durrani) [28] применили концепцию Л. Джонсон для доказательства влияния Светлых черт руководителей на инновационную деятельность сотрудников ряда предприятий Пакистана. А.С. Бэлан, М.С. Ионеску и А. Стэн (A.S. Blan, M.S. Ionescu, A. Stan) [6] использовали опросник Л. Джонсон с целью изучения просоциальных черт личности с когнитивно-эмоциональными стратегиями преодоления стресса у румынских учителей.

Подход Дж. Мусека и Д.К. Грум. Дж. Мусек и Д.К. Грум (J. Musek, D.K. Grum) [34] в качестве альтернативы чертам Темной триады выделяют три черты, заимствованные из арсенала пятифакторной модели личности, которые они отнесли к чертам Светлой триады — это *эмоциональная устойчивость (низкий нейротизм), доброжелательность и добросовестность*. Авторами было установлено, что черты Светлой триады

положительно связаны с общей удовлетворенностью жизнью и традиционными, социальными, когнитивными, демократическими ценностями и, как правило, отрицательно связаны с ценностями статуса или власти. Такой же концепции черт Светлой триады придерживаются К.М. Таджил и Х. Аль-Абброу (K.M. Thajil, & H. AL-Abrow) [48], которые изучали влияние черт Светлой триады — эмоциональной устойчивости, доброжелательности и добросовестности — на отношение к позитивным инновациям среди людей, работающих в сфере здравоохранения.

Подход В.В. Гувейя с соавторами. В.В. Гувейя с соавт. (V.V. Gouveia et al.) [49] предлагают свой вариант Светлой триады — это *альтруизм (благотворительность-эгоизм), прощение (прощение—обвинение) и благодарность (признание—нев्यразительность)*. Разработан специальный опросник для диагностики просоциальной личности. Делаются выводы о возможности его практического использования.

Ряд исследований Светлой триады так или иначе связаны с различными религиями и выполнены в рамках психологии религии.

Подход Л.Дж. Фрэнсиса и Г. Креа. Л.Дж. Фрэнсис и Г. Креа (L.J. Francis, G. Crea) [19] изучали психологические предикторы профессионального выгорания у священников, монашествующих братьев и монашествующих сестер в Италии. В качестве исследуемых черт личности выступили три черты Темной триады (выделяются традиционно) и три черты Светлой триады, к которым авторы отнесли *цель в жизни, эмоциональный интеллект и религиозную веру*. В результате было установлено, что три «светлых» фактора были связаны с более высоким уровнем удовлетворенности служением, чем три «темных» фактора, а цель в жизни являлась хорошим показателем низкого эмоционального выгорания в служении.

Подход Х. Нильссона и А. Каземи. Х. Нильссон и А. Каземи (H. Nilsson, A. Kazemi) [35], опираясь на буддийскую психологию, в роли личностных качеств осознанного лидерства выделяют Светлую триаду черт, к которой отнесены *этичность, любящая доброта и сострадание*. Доказывается, что развитие этих трех черт будет способствовать эффективности функционирования лидера.

Подход К.В. Селезнева. В российской христианской психологии попытку выделить и описать Светлую триаду личности предпринял К.В. Селезнев [3], занимавшийся проблемой создания специального опросника, который бы включал в себя черты Темной триады, черты Светлой триады и веру. В качестве черт Светлой триады у автора выступают *смирение, любовь и преданность*. Такой опросник был разработан и апробирован на контингенте испытуемых, которые были отнесены к трем категориям: «верующие», «агностики», «неверующие». Наибольшие различия по чертам Светлой триады были выявлены у респондентов, отнесенных к группе «верующих» и к группе «неверующих».

Как видим, в современной психологии имеется целый ряд подходов к выделению черт Светлой триады личности, которые получили различную известность и распространенность в мире. Доминирующим, как было уже указано, является подход С. Кауфмана с соавторами [52]. Именно на его основе проводится большинство исследований. В то же время нет никаких оснований отвергать другие подходы, которые могут быть применены при определенных условиях и при решении своих специфических задач.

Исследование распространенности черт Темной и Светлой триад в мире

Хорошо известно, что гендерные, языковые, политические, экономические и экологические факторы влияют на проявления личности, в том числе и на проявления черт Темной и Светлой триад. Исследования, проведенные в разных странах, показали, что существуют определенные закономерности в том, как эти черты проявляются у людей в разных культурных и экономических условиях.

Во-первых, было установлено, что мужчины чаще, чем женщины, набирают высокие баллы по темным чертам характера, особенно по психопатии, за которой следуют макиавеллизм и нарциссизм, но эти разрывы могут быть большими или меньшими в зависимости от страны [53].

Во-вторых, делается вывод, что нарциссизм был ниже в более демократических, менее коррумпированных и более мирных странах; макиавеллизм был выше в странах с меньшим гендерным неравенством и более высоким социально-политическим развитием, таких как Новая Зеландия и Сингапур, в то время как психопатия была выше у мужчин из более мирных стран с большим гендерным равенством, таких как Хорватия и Германия [13].

В-третьих, в культурах, отдающих приоритет индивидуализму, черты Темной триады могут быть более преобладающими и терпимыми, тогда как в культурах, делающих упор на коллективизм, в большей степени развиваются черты Светлой триады. В частности, в исследовании, проведенном С. Рамос-Вера с соавторами (S. Ramos-Vera et al.) [15] в ряде стран Европы, Америки и Африки, было установлено, что макиавеллистские черты в большей степени характерны для стран Латинской Америки и Европы, тогда как в Африке (Нигерия) ведущую позицию занимает гуманизм.

В целом следует отметить, что исследований распространенности Светлой триады в мире еще очень мало. Это обусловлено, с одной стороны, трудностью и затратностью такого рода исследований, с другой стороны, — сложностью оценки и интерпретации полученных данных. Кроме того, вопрос упирается в этику. Насколько этично, например, сравнивать уровень проявления гуманизма у жителей Африки или Америки?

Исследование взаимосвязи черт Темной и Светлой триад личности с различными типами ценностей, психологическим благополучием и удовлетворенностью жизнью

Ценности — это те ориентиры, на которые опирается человек в своей деятельности и в поведении. Поэтому после «открытия» Светлой триады сразу же возник вопрос, насколько она связана с ценностными ориентирами людей. Тем более что к этому времени был наработан определенный материал относительно ценностей людей с преобладанием Темной триады. Здесь исследования велись по ряду направлений.

Например, целью работы Г.К. Укар с соавторами (G.K. Ucar et al.) [38] было изучение связей черт личности Темной и Светлой триад с проэкологическим поведением и ценностными ориентирами. В результате было установлено, что Темная триада коррелирует с увеличением эгоистических и снижением альтруистических и биосферных ценностных ориентиров, а Светлая триада, наоборот, — с усилением альтруистических и биосферных ценностных ориентиров. Б. Алипур Гуран с соавторами (Alipour Gourand et al.) [23] исследовали опосредующую роль ценностей в прогнозировании удовлетворенности жизнью на основе «темных» и «светлых» черт личности.

Ряд исследований был посвящен выявлению взаимосвязей черт Темной и Светлой триад с универсальными ценностями, выделенными Ш. Шварцем. Согласно результатам исследования П.Дж. Кайониуса с соавторами (P.J. Kajonius et al.) [26], макиавеллизм и нарциссизм положительно коррелируют с ценностями достижения и власти, а психопатия — с ценностями гедонизма и власти. В. Лим и Г. Фельдман (V. Lim, G. Feldman) [55] выявили, что черты Темной триады демонстрируют положительную корреляцию с самоутверждением (властью, достижениями, гедонизмом) и открытостью к изменениям (самостоятельностью, стимуляцией) и отрицательную — с самоопределением (универсализмом, доброжелательностью) и с сохранением (конформизмом, традициями, безопасностью). Согласно данным С. Кауфмана с соавторами (S. Kaufman et al.) [52], Светлая триада положительно коррелировала с ценностями самоопределения и смирения и отрицательно — с самоутверждением. Кроме того, она обнаружила слабую положительную связь с сохранением и отрицательную — с открытостью к изменениям.

Что касается связи Светлой триады с психологическим благополучием и удовлетворенностью жизнью, то здесь в основном установлены умеренные положительные связи. Например, А. Мевара (A. Mewara) [33] установила взаимосвязь уровня удовлетворенности жизнью, осознания смысла жизни с чертами Светлой триады среди студентов-медиков и медицинских работников в Индии. В работе А. Скрумеды (A. Skrumeda) [46] изучалась взаимосвязь между чертами Светлой триады, внутренней религиозностью и психологическим благополучием во время пандемии

Covid-19 в Румынии. Результаты показывают, что как черты Светлой триады, так и внутренняя религиозность достоверно предсказывают более высокий уровень психологического благополучия людей, несмотря на сложные жизненные условия.

Исследования взаимосвязи черт Темной и Светлой триад с поведением людей

Большая группа работ посвящена изучению влияния черт Темной и Светлой триады на поведение людей в различных сферах жизнедеятельности. Остановимся только на некоторых наиболее интересных из них.

Исследование, проведенное Р.Д. Петерсоном и К.Л. Палмером (R.D. Peterson, C.L. Palmer) [39], было посвящено изучению политических амбиций людей с Темной и Светлой триадами личности и их участию в общественно-политической жизни. В частности, было установлено, что амбициозность, соперничество и темные черты личности являются важными предикторами политических устремлений. Из черт Светлой триады только вера в человечество оказалась связанной с политическими амбициями людей. Несколько иные данные были получены авторами по второй части исследования, связанной с изучением участия в общественно-политической жизни. Респонденты, набравшие более высокие баллы по макиавеллизму, были настроены участвовать во всех сферах общественной жизни, респонденты с чертами нарциссизма ориентированы на политику и благотворительность, а с чертами психопатии — на политику. При изучении черт Светлой триады были получены неоднозначные результаты. Вера в человечество оказалась связанной с участием в политической и благотворительной деятельности, гуманизм — с участием в социальной жизни и в благотворительности. Кантианство не обнаружило значимых связей.

Р.М. Константин и С.Д. Флорин (R.M. Constantin, S.D. Florin) [11] изучали особенности взаимосвязи черт Светлой триады с контрпродуктивным поведением на работе (поведением, связанным с нарушениями норм и правил) и организационным гражданским поведением (добровольными обязательствами, которые берут на себя работники). Результаты выявили значимые отрицательные корреляции между Светлой триадой и контрпродуктивным рабочим поведением и положительные корреляции между Светлой триадой и организационным гражданским поведением.

М. Грежо и М. Адамус (M. Greo, M. Adamus) [21] исследовали поведение людей во время пандемии COVID-19 с той точки зрения, насколько они поддерживают ограничительные мероприятия, связанные с соблюдением мер предосторожности. Оказалось, что такая поддержка была прямо связана с чертами Светлой личности при опосредующей роли мотивации подчи-

нения. Темная же триада оказалась отрицательно связана с поддержкой противоковидных мер.

Оригинальное исследование было проведено К. Холидия, Б. Басуки и Х. Хамида (K. Kholidiah, B. Basuki, H. Hamidah) [29], которые изучали стиль обучения преподавателей в системе университета, готовящего специалистов в области бухгалтерского дела, в зависимости от степени выраженности черт Темной и Светлой триад личности. Результаты исследования показали следующее. Бухгалтеры-педагоги, которые ориентированы на предоставление образцов и примеров, как правило, имеют нарциссические черты личности. Бухгалтеры-педагоги, которые ориентированы на дисциплинарную сторону обучения, обладают психопатическими чертами. Преподаватели, ориентированные на морально-этическую сторону обучения или создание комфортной обстановки, обладают выраженной верой в человечество. Преподаватели, ориентированные на развитие у студентов самостоятельности и независимости, обладают психопатическими чертами. Преподаватели, ориентированные на развитие эмоционального интеллекта у студентов, обладают верой в человечество.

Д.Л. Дикинсон (D.L. Dickinson) [17] изучал проявления неэтичности у людей с чертами Темной и Светлой триад личности. Участники эксперимента выполнили три задания: задание на оценку просоциальности, задание, представляющее денежный соблазн быть нечестным, и задание на гипотетическую моральную дилемму. Результаты в целом подтвердили гипотезу о том, что «темные» черты личности предсказывают более низкий уровень просоциальности, более высокую вероятность нечестности и повышенную готовность делать аморальный выбор в целом, чем светлые черты.

Аналогичное исследование было проведено Г.Дж. Кертисом (G.J. Curtis) [14] на контингенте студенческой молодежи, который изучал связь черт Темной и Светлой триад личности с проявлениями академических проступков студентами (различные формы обмана, списывание и др.). В результате оказалось, что психопатия и макиавеллизм были прямо связаны с академическими проступками, а из черт Светлой триады только кантианство предсказывало меньшую вовлеченность в академические проступки.

В работе Н.Х.Дж. Джохар с соавторами (N.H.J. Johar et al.) [24] предпринимается попытка выявить роль черт Светлой триады в эффективности командной работы в строительной отрасли. В итоге делается вывод о том, что гуманизм и вера в человечество оказывают существенное влияние на эффективность командной деятельности, роль же кантианства в этом процессе признана незначительной.

П. Бичаксыз и Б. Текеш, (P. Biçaksız, B. Tekeş) [8] изучали связи Светлой триады со стилем вождения автомобиля и выражением гнева за рулем. В результате была обнаружена отрицательная связь черт Светлой триады с нарушениями правил во время вождения, положительная связь — со способностью сдерживать гнев и проявление негативных эмоций.

Исследование влияния черт Светлой триады на поведение в Интернете

На современном этапе развития общества, в эпоху Интернета большое значение приобретают исследования поведения человека в Интернете, в том числе исследования, связанные с выявлением причин интернет-зависимости людей, а также причин антисоциального и просоциального поведения. Так, в работе Э. Марч и Дж. Маррингтон (E. March, J. Marrington) [32] было установлено, что все черты Темной триады выступили в роли положительного предиктора антисоциального онлайн-поведения, кроме нарциссизма. Вера в человечество и гуманизм, за исключением кантианства, предсказывали доминирование просоциального поведения.

С.Х. Мехия-Суасо с соавтрами (С.Х. Mejía-Suazo) [16] изучали взаимосвязь черт Темной и Светлой триад с зависимостью людей от мобильных телефонов, видеоигр и Интернета. Результаты показывают, что макиавеллизм и психопатия оказывают существенное влияние на показатели расстройств, связанных с интернет-играми. На внутриличностные конфликты, связанные с потреблением Интернета, негативно повлияли показатели нарциссизма и положительно — показатели макиавеллизма. Показатели же психопатии хорошо объясняют межличностные конфликты, связанные с потреблением Интернета. На конфликты, связанные с использованием мобильных телефонов, негативно повлияли нарциссизм и кантианство.

Несколько работ посвящены проблеме изучения особенностей проявления черт Светлой триады у людей, которые пользуются специальными сайтами для знакомств. Например, Б. Севи и Б. Догрюол (B. Sevi, B. Doğruoğlu) [44] обнаружили тот факт, что у людей, которые не пользуются сайтами знакомств, как правило, выше уровень кантианства. А люди со Светлой триадой, которые пользуются этими сайтами, в большей мере ориентированы на долгосрочное знакомство. В другой работе Л. Туцакович, Л. Бойич и Н. Николич (L. Tucaković, L. Bojić, N. Nikolić) [54] эти выводы были подтверждены: нарциссизм, психопатия и садизм положительно коррелировали с краткосрочными знакомствами, а вера в человечество и кантианство — отрицательно. Вера в человечество, гуманизм и кантианство были значимыми факторами долгосрочных знакомств при использовании специальных сайтов.

К этим исследованиям примыкают работы, посвященные проблемам взаимосвязи черт Темной триады и Светлой триады личности с отношением людей к неверности. В частности, Б. Севи, Б. Урганчи и Э. Сакман (B. Sevi, B. Urganci, E. Sakman) [45] на основе эмпирического исследования установили, что психопатия и кантианство были значимыми предикторами положительного или отрицательного отношения к неверности, а психопатия — предиктором поведения, связанного с проявлениями неверности. Аналогичные результаты были получены на женском контингенте И. Григорулосом (I. Grigoropoulos) [22].

Светлая триада личности и проблема лидерства

В отличие от исследования черт Темной триады в контексте проблемы лидерства, где имеется большое число работ, изучение лидеров со светлыми чертами и их влияние на последователей еще не получило широкого распространения. Тем не менее имеются несколько работ, в которых предпринимается попытка дать характеристику этому феномену. Обратимся к некоторым из них.

Результаты исследования, проведенные Э. Эбрахими (E. Ebrahimi) [18], показали, что кантианская личность лидера и его гуманизм вызывают признательность со стороны подчиненных, включая воспринимаемую ими организационную поддержку. С. Лихи с соавторами (S. Leahy et al.) [51] свою работу посвятили проблеме изучения деятельности менеджеров по внедрению новых технологий. Оказалось, что сотрудники организации, характеризующиеся такими чертами личности, как гуманизм и кантианство, в большей степени склонны к принятию новых технологий, по сравнению с сотрудниками, не обладающими чертами «светлой» личности. О.Ф. Малик с соавторами (O.F. Malik et al.) [4] изучали влияние повышенного контроля руководителя на поведение подчиненных, в данном случае на поведение младших врачей, работающих в клиниках Пакистана. Результаты показали, что подчиненные с чертами Светлой триады личности продуктивнее справляются с неадекватно повышенным контролем по отношению к себе, в меньшей степени способны негативно реагировать на необоснованные обвинения, по сравнению с коллегами с Темными чертами личности.

Обсуждение и заключение

Приступая к обсуждению результатов обзора исследований по проблемам выделения черт Светлой триады личности, необходимо отметить, что сама идея выделения черт просоциальной, так называемой «светлой» личности, заслуживает внимания, тем более что в реальной жизни мы имеем образцы поведения такого рода людей, достаточно вспомнить имена М. Ганди, Н. Манделы, Матери Терезы и др. Несмотря на то, что с момента «открытия» Светлой триады личности (2018—2019) прошло совсем немного времени, в зарубежной психологии появилось значительное число публикаций, посвященных различным аспектам ее изучения, что свидетельствует о возрастании к этим проблемам научного интереса, обусловленного запросами теории и практики на позитивную просоциально-ориентированную личность, которая является антиподом так называемой «темной» личности [43].

В то же время анализ этих работ показывает, что существует немало вопросов, которые носят дискуссионный характер и нуждаются в дальнейшем обсуждении. Обратимся к некоторым, наиболее значимым из них.

Во-первых, вызывает сомнение выделение именно этих трех черт «светлой» личности, на которых настаивают авторы. Ни у одного из них мы не нашли достаточного логического обоснования, почему, например, это должны быть гуманизм, кантианство, вера в человечество [52] или альтруизм, сострадание и эмпатия [25]. Кроме того, качества, выделенные и С. Кауфманом, и Л. Джонсон, и другими исследователями, очень трудно дифференцировать друг от друга. Например, сложно найти отличия гуманизма от кантианства или эмпатии от сострадания. Поэтому мы полагаем, что, несмотря на то, что подход С. Кауфмана с соавторами получил широкое распространение, другие подходы также имеют равное право на существование и могут быть использованы при решении тех или иных специфических задач.

Во-вторых, определенные сомнения вызывает диагностический инструментарий, предлагаемый авторами для исследования черт «светлой» личности. Как правило, это достаточно короткие опросники. И если при изучении черт «темной» личности, кроме разработанных опросников, имеется еще достаточное количество тестов, используя которые, можно повысить уровень надежности выявления «темных» черт, то при изучении черт «светлой» личности во многих случаях исследователь лишен такой возможности. Вероятно, необходимо вести дальнейшую работу по совершенствованию имеющихся опросников, дополняя их разработанными стандартными схемами наблюдения и экспертными оценками.

В-третьих, практически все исследователи, начиная с С. Кауфмана, признают тот факт, что не бывает полностью «светлых» личностей, каждый человек в той или иной степени совмещает в себе черты и «темной», и «светлой» личности. Однако в процессе организации конкретных эмпирических исследований этот факт учитывается далеко не всегда. В результате осуществляется, как на это указывают некоторые ученые, идеализация «светлой» личности [12], темные черты еще больше «затемняются», а светлые — «осветляются». Лишь в незначительном числе работ предпринималась попытка отследить светлые стороны в Темной триаде и темные стороны в Светлой триаде [12; 27; 40]. На наш взгляд, на этот факт необходимо обратить серьезное внимание при планировании исследований эмпирического и экспериментального характера.

В-четвертых, некоторые выводы, сделанные учеными на основе своих эмпирических исследований, страдают, на наш взгляд, некоторой некорректностью и вызывают сомнения в их достоверности. Например, насколько этично делать выводы о доминировании тех или иных черт Темной или Светлой триад личности в зависимости от страны или континента проживания? [15]. Или другой пример, насколько заслуживают доверия данные, полученные К. Холидия, Б. Басуки, и Х. Хамида (К. Kholidiah, B. Basuki, H. Hamidah) [29], которые изучали стиль обучения преподавателей в системе университета, готовящего специалистов в

области бухгалтерского дела, в зависимости от степени выраженности черт Темной и Светлой триад личности? Действительно ли, например, преподаватели, которые ориентированы на дисциплинарную сторону обучения, обладают психопатическими чертами, а преподаватели, ориентированные на морально-этическую сторону обучения, — выраженной верой в человечество. Справедлив ли этот вывод только для данного конкретного учебного заведения и конкретной категории преподавателей или он может найти более широкое распространение?

В-пятых, мы полагаем, что в ряде работ очень слабо представлена интерпретация полученных данных. Практически все исследователи активно используют методы математической статистики, предоставляют результаты корреляционного, факторного, регрессионного анализа, что повышает уровень их достоверности, однако не дают им оценки с точки зрения значимости для личности и возможности практического использования. Почему, например, как это выявлено в исследовании Б. Севи и Б. Догрюол (B. Sevi, B. Doğruyol) [44], у людей, которые не пользуются сайтами знакомств, как правило, выше уровень кантианства, а люди со Светлой триадой, которые пользуются этими сайтами, в большей мере ориентированы на долгосрочное знакомство? И таких вопросов можно задать достаточно много.

В-шестых, многие исследования проведены на контингенте взрослых людей, в меньшей степени исследуются студенты вузов, практически нет работ, посвященных детскому и подростковому возрасту. В то же время понятно, что важно в процессе выявления и изучения черт «светлой» личности проанализировать генезис их возникновения и развития у человека на разных возрастных этапах. А это, в свою очередь, ставит вопрос о возможности, необходимости и целесообразности формирования черт Светлой триады личности у детей, подростков, взрослых людей. Здесь мы сталкиваемся с некоторыми серьезными вопросами, на которые в специальной литературе мы не нашли ответа. Например, можно и нужно ли специально формировать веру в человечество или кантианство, как это делается относительно других черт личности, например эмпатии? Мы полагаем, что и веру в человечество, и гуманизм, и кантианство в ходе специально организованной психологической работы сформировать достаточно проблематично. Они формируются в ходе всего онтогенетического развития личности под влиянием социальной среды и воспитания.

В заключение следует отметить, что полученные в настоящее время результаты эмпирических исследований, проведенных в зарубежной психологии, имеют определенное значение. В теоретическом плане они стимулируют поиски интегрированных характеристик личности, описывающих типические способы ее поведения и отношения к миру. В практическом плане они дают возможность на основе знания этих черт прогнозировать поведение человека в различных сферах

жизни, осуществлять отбор людей для выполнения определенных видов деятельности или назначения на руководящие должности.

В то же время, опираясь на проведенный анализ работ, следует констатировать, что психологический конструкт черт Светлой триады не носит пока завершенного характера, в силу чего выделение черт «светлой» личности во многом носит умозрительный характер, лишено логических оснований, а сами черты слабо дифференцированы и во многом «перекрывают» друг друга. Здесь предстоит еще серьезная работа по выявлению удовлетворительного психологического конструкта личностных черт.

Сама идея выделения «светлых» сторон личности в противовес «темным» сторонам понятна, она связана с потребностью психологии в изучении позитивных сторон человеческой личности. Однако она несет в себе множество подводных камней, на которые нами было указано в ходе обсуждения результатов исследования. Серьезные опасения вызывает попытка ряда авторов «темное» и «светлое» в личности людей отождествлять с хорошим и плохим, положительными и отрицательными качествами. Такое отождествление порождает стремление все отрицательное приписывать только людям с преобладанием черт Темной триады, а все положительное — только людям со

Светлой триадой. Это сразу же накладывает определенные ограничения на проведенные исследования, порождает вопросы, связанные с этическими проблемами, особенно в том случае, когда отдельным категориям людей, принадлежащих к разным расам и проживающих в различных странах, приписываются черты либо Темной, либо Светлой триады. Это касается и сферы политики, и сферы межличностных отношений, и других сфер жизнедеятельности человека. Вероятно, это обстоятельство предъявляет особые требования к планированию эмпирических или экспериментальных исследований, связанных с изучением черт Темной и Светлой триад личности, и особенно к интерпретации полученных данных.

Если оценить ситуацию с изучением черт Светлой триады в целом, то можно с уверенностью констатировать, что число исследований, посвященных Светлой триаде личности в сопоставлении ее с чертами Темной триады, в ближайшее время будет возрастать, как следствие «поворота» психологии к изучению позитивных аспектов человеческой личности. Важно, чтобы эти исследования носили объективный характер, не создавали бы проблем этического характера, когда «темная» сторона личности отождествляется с отрицательными чертами личности, а «светлая» с ее положительными характеристиками.

Литература

1. Ильичев Н.Р., Золотарева А.А. Пилотажная оценка и предварительные психометрические свойства русскоязычной версии шкалы Светлой триады // Национальный психологический журнал. 2023. № 2(50). С. 3—13. DOI:10.11621/npj.2023.0201
2. Корниенко Д.С., Вязовкина В., Неврюев А.Н. «Светлая триада»: адаптация и психометрические показатели // Психологический журнал. 2023. Том 44. № 5. С. 66—75. DOI:10.31857/S020595920027725-3
3. Селезнев К.В. Тест темной и светлой триады для измерения нравственной составляющей религиозности [Электронный ресурс] // Человек и трансформация современного общества: проблемы безопасности, духовности и культуры: Международный научно-практический Свято-Тихоновский форум: Псков, 13—18 ноября 2021 г.: сб. статей. Псков: Псковский государственный университет, 2021. С. 133—145. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47380809_26087777.pdf (дата обращения: 11.09.2024).
4. Abusive supervision as a trigger of malevolent creativity: do the Light Triad traits matter? / O.F. Malik, A. Shahzad, A. Waheed, and Z. Yousaf // Leadership & Organization Development Journal. 2020. Vol. 41. № 8. P. 1119—1137. DOI:10.1108/LODJ-09-2019-0386
5. Aruta J.J.B.R. Psychometric validation and environmental psychological correlates of the Light Triad traits: Evidence from a non-Western country // Journal of Individual Differences. 2023. Vol. 44. № 3. P. 163—172. DOI:10.1027/1614-0001/a000389
6. Bălan A.S., Ionescu M.C., Stan A. Light triad personality traits and coping strategies in teachers // Current Trends in Natural Sciences. 2023. Vol. 12. № 23. P. 150—159. DOI:10.47068/ctns.2023.v12i23.016
7. Barros L.O., Bonfã-Araujo B., Noronha A.P.P. Light triad scale: Propriedades psicométricas da versão português-brasileira e a relação com aspectos positivos // Revista Psicologia em Pesquisa. 2022. Vol. 16. № 1. Article ID e31427. 21 p. DOI:10.34019/1982-1247.2022.v16.31427
8. Bıçaksız P., Tekeş B. Associations of the light triad with driving style and driving anger expression // Transactions on transport sciences. 2023. Vol. 14. № 2. P. 5—10. DOI:10.5507/tots.2023.004
9. Bright Triad of Personality as an Indicator of Emotional Tolerance between Married Couples / H. Al-Dowsari, H. Al-Farraj, E.W. Meiri, W. Mistarihi // Migration Letters. 2023. Vol. 20(S8). P. 1370—1387. DOI:10.59670/ml.v20iS8.5470
10. Buckels E.E., Trapnel, P.D., Paulhus D.L. Trolls just want to have fun // Personality and Individual Differences. 2014. Vol. 67. P. 97—102. DOI:10.1016/j.paid.2014.01.016
11. Constantin R.M., Florin S.D. An explorative study regarding the relationship between the Light Triad of personality, counterproductive work behavior and organizational citizenship behavior // Review of Socio-Economic Perspectives. 2023. Vol. 8. № 2. P. 19—28. DOI:10.19275/RSEP153

12. *Cooke P.* Dark entrepreneurship, the “dark triad” and its potential “light triad” realization in “green entrepreneurship” // *Urban Science*. 2020. Vol. 4. № 4. Article ID 45. 17 p. DOI:10.3390/urbansci4040045
13. Country-level correlates of the Dark Triad traits in 49 countries / P.K. Jonason, M. Žemojtel-Piotrowska, J. Piotrowski [et al.] // *Journal of Personality*. 2020. Vol. 88. № 6. P. 1252—1267. DOI:10.1111/jopy.12569
14. *Curtis G.J.* It Kant be all bad: Contributions of Light and Dark Triad traits to academic misconduct // *Personality and Individual Differences*. 2023. Vol. 212. Article ID 112262. 4 p. DOI:10.1016/j.paid.2023.112262
15. Dark and Light Triad: A cross-cultural comparison of network analysis in 5 countries / C. Ramos-Vera, A.G. O’Diana, A.S. Villena [et al.] // *Personality and Individual Differences*. 2023. Vol. 215. Article ID 112377. 10 p. DOI:10.1016/j.paid.2023.112377
16. Dark and Light triad: relationship between personality traits and addiction to mobile phones, video games and internet / C.J. Mejía-Suazo, M. Landa-Blanco, G.A. Mejía-Suazo, C.A.M. Martínez // *PsyArXiv*. 2021. 15 p. DOI:10.31234/osf.io/dp659
17. *Dickinson D.L.* Dark Versus Light Personality Types and Moral Choice [Электронный ресурс] // IZA Discussion Paper № 16338. 2023. 34 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=4526263> (дата обращения: 11.09.2024).
18. *Ebrahimi E.* The Analysis and Investigation of Leader’s Light Triad Personality and Its Effect on a Perceived Organizational Support of Followers Considering the Moderating Role of Leader-Member // *Journal of Public Administration*. 2020. Vol. 12. № 4. P. 586—606. DOI:10.22059/jipa.2020.296451.2687
19. *Francis L.J., Crea G.* Psychological predictors of professional burnout among priests, religious brothers, and religious sisters in Italy: The Dark Triad versus the Bright Trinity? // *Pastoral Psychology*. 2021. Vol. 70. № 4. P. 399—418. DOI:10.1007/s11089-021-00951-8
20. *Gerymski R., Krok D.* Psychometric properties and validation of the Polish adaptation of the Light Triad Scale // *Current Issues in Personality Psychology*. 2019. Vol. 7. № 4. P. 341—354. DOI:10.5114/cipp.2019.92960
21. *Grežo M., Adamus M.* Light and Dark core of personality and the adherence to COVID-19 containment measures: The roles of motivation and trust in government // *Acta Psychologica*. 2022. Vol. 223. Article ID 103483. 11 p. DOI:10.1016/j.actpsy.2021.103483
22. *Grigoropoulos I.* Unraveling the intrapersonal factors related to infidelity: The predictive value of light and dark personality traits in a convenient Greek woman sample // *Sexuality & Culture*. 2024. Vol. 28. № 1. P. 400—424. DOI:10.1007/s12119-023-10123-w
23. Investigate the mediating role of value orientation in predicting life satisfaction based on dark and light personality traits and emotional differentiation / B. Alipour Gourand, M. Azmoudeh, K. Esmailpour, S.D. Hosseini Nasab // *Sheenah Journal of Psychology and Psychiatry*. 2022. Vol. 9. № 2. P. 160—174. DOI:10.32598/shenakht.9.2.160
24. *Johar N.H.J., Fuad N.A.M., Abdullah A.* Light triad personality and team effectiveness // *International Journal of Business and Management*. 2022. Vol. 6. № 6. P. 34—38. DOI:10.26666/rmp.ijbm.2022.6.5
25. *Johnson L.K.D.* The Light Triad Scale: Developing and Validating a Preliminary Measure of Prosocial Orientation: master of Science degree in Psychology [Электронный ресурс]. London, 2018. 66 p. URL: <https://ir.lib.uwo.ca/etd/5515> (дата обращения: 11.09.2024).
26. *Kajonius P.J., Persson B.N., Jonason P.K.* Hedonism, Achievement, and Power: Universal values that characterize the Dark Triad // *Personality and Individual Differences*. 2015. Vol. 77. P. 173—178. DOI:10.1016/j.paid.2014.12.055
27. *Kaletta J., Reuther K.* Dark Triad Versus Light Triad: A Comparison and Analysis in the Context of Agile Leadership // 17th European Conference on Management, Leadership and Governance: Valetta, 8—9 November 2021 / Ed. F. Bezzina. Kidmore End: Academic Conferences International, 2021. P. 241—249. DOI:10.34190/MLG.21.081
28. *Khan I.U., Safdar U.K., Durrani M.Z.* The light triad traits, psychological empowerment, creative self-efficacy, self-resilience and innovative performance in ict of Pakistan // *Gomal University Journal of Research*. 2021. Vol. 37. № 3. P. 297—310. DOI:10.51380/gujr-37-03-05
29. *Kholidiah K., Basuki B., Hamidah H.* Dark Triad and Light Triad Personality in Awareness of The Role of Educator Accountants // *Asian Journal of Engineering, Social and Health*. 2023. Vol. 2. № 5. P. 329—346. DOI:10.46799/ajesh.v2i5.61
30. Light and dark trait subtypes of human personality — A multi-study person-centered approach / C.S. Neumann, S.B. Kaufman, L. ten Brinke, D.B. Yaden, E. Hyde, E. Tsykayama // *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 164. Article ID 110121. 11 p. DOI:10.1016/j.paid.2020.110121
31. *Lukić P., Živanović M.* Shedding light on the Light Triad: Further evidence on structural, construct, and predictive validity of the Light Triad // *Personality and Individual Differences*. 2021. Vol. 178. Article ID 110876. 12 p. DOI:10.1016/j.paid.2021.110876
32. *March E., Marrington J.Z.* Antisocial and prosocial online behaviour: Exploring the roles of the Dark and Light Triads // *Current Psychology: A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological Issues*. 2023. Vol. 42. № 2. P. 1390—1393. DOI:10.1007/s12144-021-01552-7
33. *Mewara A.* Effect of light triad, meaning in life on level of life satisfaction among health care workers: A comparative study [Электронный ресурс] // *International Journal of Research and Analytical Reviews*. 2024. Vol. 11. № 1. P. 74—121. URL: <https://www.ijrar.org/papers/IJRARTH00156.pdf> (дата обращения: 11.09.2024).

34. *Musek J., Grum D.K.* The bright side of personality // *Heliyon*. 2021. Vol. 7. № 3. Article ID e06370. 6 p. DOI:10.1016/j.heliyon.2021.e06370
35. *Nilsson H., Kazemi A.* The bright triad of mindful leadership: An alternative to the Dark Triad of leadership // *Psychology of Leaders and Leadership*. 2023. Vol. 26. № 1. P. 67—91. DOI:10.1037/mgr0000138
36. *Paulhus D.L., Williams K.M.* The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism and psychopathy // *Journal of Research in Personality*. 2002. Vol. 36. № 6. P. 556—563. DOI:10.1016/S0092-6566(02)00505-6
37. *Pekta S., Durmu G.* Adaptation of the Light Triad Scale to Turkish: A validity and reliability study // *Akdeniz Spor Bilimleri Dergisi*. 2022. Vol. 5. № 3. P. 664—674. DOI:10.38021/asbid.1167809
38. Personality and pro-environmental engagements: the role of the Dark Triad, the Light Triad, and value orientations / G.K. Ucar, M.K. Malatyali, G.Ö. Planalı, B. Kanik // *Personality and Individual Differences*. 2023. Vol. 203. Article ID 112036. 6 p. DOI:10.1016/j.paid.2022.112036
39. *Peterson R.D., Palmer C.L.* The dark is rising: Contrasting the dark triad and light triad on measures of political ambition and participation // *Frontiers in Political Science*. 2021. Vol. 3. Article ID 657750. 9 p. DOI:10.3389/fpos.2021.657750
40. *Petrović B., Mededović J.* Personality and behavioural characteristics of dark and light narcissism [Электронный ресурс] // *Zbornik Instituta za kriminološka i sociološka istraivanja*. Beograd, 2016. Vol. 35. № 2. P. 7—33. URL: <http://institutecsr.iksi.ac.rs/255/1/petrovic%2C%20medjedovic.pdf> (дата обращения: 11.09.2024).
41. *Safari Shirazi M., Sadeghzadeh M., Mirdrikvand F.* Psychometric properties of Light Triad Scale (LTS) in Iranian students // *Clinical Psychology and Personality*. 2023. Vol. 22. № 1. P. 263—276. DOI:10.22070/CPAP.2023.16600.1263
42. Screening for Light Personalities in Portugal: A Cross-Cultural Validation of the Light Triad Scale With an At-risk-of-delinquency Sample / P. Pechorro, M.N. Baptista, B. Bonfá-Araujo, C. Nunes, M. DeLisi // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2024. Article ID 306624X241228234. 11 p. DOI:10.1177/0306624X241228234
43. *Seligman M.E.P., Csikszentmihalyi M.* Positive psychology: An introduction // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. № 1. P. 5—14. DOI:10.1037/0003-066X.55.1.5
44. *Sevi B., Doruyol B.* Looking from the bright side: The Light Triad predicts Tinder use for love // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2020. Vol. 37. № 7. P. 2136—2144. DOI:10.1177/0265407520918942
45. *Sevi B., Urganci B., Sakman E.* Who cheats? An examination of light and dark personality traits as predictors of infidelity // *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 164. Article ID 110126. 6 p. DOI:10.1016/j.paid.2020.110126
46. *Skrumada A.* The light at the end of the tunnel? An easy triad, religiosity and well-being during the Covid-19 pandemic [Электронный ресурс] // *Annals of the University of St. John Smith A.I. Kuzy, «Psychology» series*. 2023. Vol. 32. P. 39—55. URL: <https://www.psih.uaic.ro/anale-psi/2023/12/21/> (дата обращения: 11.09.2024).
47. *Tekeş B., Bıçaksı, P.* Aydınlik Üçlü (Light Triad) Ölçeğinin Psikometrik Özelliklerinin Değerlendirilmesi // *AYNA Klinik Psikoloji Dergisi*. 2021. Vol. 8. № 3. P. 535—556. DOI:10.31682/ayna.871395
48. *Thajil K.M., AL-Abrow H.* The effect of the bright triad on positive innovation in healthcare sector: The mediating role of emotional intelligence // *International Journal of Healthcare Management*. 2023. Vol. 17. № 2. P. 285—296. DOI:10.1080/20479700.2023.2177608
49. The bright side of the human personality: Evidence of a measure of prosocial traits / V.V. Gouveia, I.C.V. de Oliveira, A.S. de Moura Grangeiro, R.P. Monteiro, G.L. de Holanda Coelho // *Journal of Happiness Studies: An Interdisciplinary Forum on Subjective Well-Being*. 2021. Vol. 22. № 3. P. 1459—1480. DOI:10.1007/s10902-020-00280-2
50. The dark and light of human nature: Spanish adaptation of the Light Triad Scale and its relationship with psychological well-being / M. Stavragi, E. Artacho-Mata, M. Bajo, D. Díaz // *Current Psychology: A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological*. 2023. Vol. 42. P. 26979—26988. DOI:10.1007/s12144-022-03732-5
51. The Light Side of Technology Acceptance: The Direct Effects of the Light Triad on the Technology Acceptance Model / S. Leahy, M.J. Aplin-Houtz, S. Willey, E.K. Lane, S. Sharma, J. Meriac [Электронный ресурс] // *Journal of Managerial Issues*. 2023. Vol. 35. № 3. P. 300—330. URL: <https://www.researchgate.net/publication/372451965> (дата обращения: 12.09.2024)
52. The Light vs. Dark Triad of Personality: Contrasting Two Very Different Profiles of Human Nature / S.B. Kaufman, D.B. Yaden, E. Hyde, E. Tsukayama // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol.10. Article ID 467. 26p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00467
53. The Malevolent Side of Human Nature: A Meta-Analysis and Critical Review of the Literature on the Dark Triad (Narcissism, Machiavellianism, and Psychopathy) / P. Muris, H. Merckelbach, H. Otgaar, E. Meijer // *Perspectives on Psychological Science*. 2017. Vol. 12. № 2. P. 183—204. DOI:10.1177/1745691616666670
54. *Tucaković L., Bojić L., Nikolić N.* The Battle Between Light and Dark Side of Personality: How Light and Dark Personality Traits Predict Mating Strategies in the Online Context // *Interpersona: An International Journal on Personal Relationships*. 2022. Vol. 16. № 2. P. 295—312. DOI:10.5964/ijpr.7869
55. Values and the dark side: Meta-analysis of links between Dark Triad traits and personal values / N. Petrov, V. Lim, A. Fillon, G. Feldman. Hong Kong: University of Hong Kong, 2020. 85 p. DOI:10.17605/OSF.IO/4Z27F
56. *Yousefi R.* Cross-validation of the Light Triad Personality Traits Model // *Journal of Modern Psychological Researches*. 2022. Vol. 17. № 66. P. 301—311. DOI:10.22034/jmpr.2022.15284

References

1. Ilichov N.R., Zolotareva A.A. Pilotazhnaya otsenka i predvaritel'nye psikhometricheskie svoystva russkoyazychnoi versii shkaly Svetloi triady [Pilot assessment and preliminary psychometric properties of the Russian version of the Light Triad Scale]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National psychological journal*, 2023, no. 2(50), pp. 3—13. DOI:10.11621/npj.2023.0201 (In Russ.).
2. Kornienko D.S., Vyazovkina V.K., Nevruiev A.N. «Svetlaya triada»: adaptatsiya i psikhometricheskie pokazateli [«Light Triad»: adaptation and Psychometric Indicators]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2023. Vol. 44, no. 5, pp. 66—75. DOI:10.31857/S020595920027725-3 (In Russ.).
3. Seleznev K.V. Test temnoi i svetloi triady dlya izmereniya npravstvennoi sostavlyayushchei religioznosti [Dark and light triad test for measuring the moral component of religiosity]. *Chelovek i transformatsiya sovremennogo obshchestva: problemy bezopasnosti, dukhovnosti i kul'tury [Man and the transformation of modern society: problems of security, spirituality and culture] [Electronic resource]: Mezhdunarodnyi nauchno-prakticheskii Svyato-Tikhonovskii forum: Pskov, 13—18 noyabrya 2021 g.: Sbornik statei. Pskov: Pskovskii gosudarstvennyi universitet, 2021, pp. 133—145. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47380809_26087777.pdf (Accessed 12.09.2024). (In Russ.).*
4. Malik O.F., Shahzad A., Waheed A., Yousaf Z. Abusive supervision as a trigger of malevolent creativity: do the Light Triad traits matter? *Leadership & Organization Development Journal*, 2020. Vol. 41, no. 8, pp. 1119—1137. DOI:10.1108/LODJ-09-2019-0386
5. Aruta J.J.B.R. Psychometric validation and environmental psychological correlates of the Light Triad traits: Evidence from a non-Western country. *Journal of Individual Differences*, 2023. Vol. 44, no. 3, pp. 163—172. DOI:10.1027/1614-0001/a000389
6. Bălan A.S., Ionescu M.C., Stan A. Light triad personality traits and coping strategies in teachers. *Current Trends in Natural Sciences*, 2023. Vol. 12, no. 23, pp. 150—159. DOI:10.47068/ctns.2023.v12i23.016
7. Barros L.O., Bonfã-Araujo B., Noronha A.P.P. Light triad scale: Propriedades psicométricas da versão português-brasileira e a relação com aspectos positivos. *Revista Psicologia em Pesquisa*, 2022. Vol. 16, no. 1, article ID e31427. 21 p. DOI:10.34019/1982-1247.2022.v16.31427
8. Bıçaksız P., Tekeş B. Associations of the light triad with driving style and driving anger expression. *Transactions on transport sciences*, 2023. Vol. 14, no. 2, pp. 5—10. DOI:10.5507/tots.2023.004
9. Al-Dowsari H., Al-Farraj H., Meiri E.W., Mistarihi W. Bright Triad of Personality as an Indicator of Emotional Tolerance between Married Couples. *Migration Letters*, 2023. Vol. 20(S8), pp. 1370—1387. DOI:10.59670/ml.v20iS8.5470
10. Buckels E.E., Trapnel, P.D., Paulhus D.L. Trolls just want to have fun. *Personality and Individual Differences*, 2014. Vol. 67, pp. 97—102. DOI:10.1016/j.paid.2014.01.016
11. Constantin R.M., Florin S.D. An explorative study regarding the relationship between the Light Triad of personality, counterproductive work behavior and organizational citizenship behavior. *Review of Socio-Economic Perspectives*, 2023. Vol. 8, no. 2, pp. 19—28. DOI:10.19275/RSEP153
12. Cooke P. Dark entrepreneurship, the “dark triad” and its potential “light triad” realization in “green entrepreneurship”. *Urban Science*, 2020. Vol. 4, no. 4, article ID 45. 17 p. DOI:10.3390/urbansci4040045
13. Jonason P.K., Żemojtel-Piotrowska M., Piotrowski J., et al. Country-level correlates of the Dark Triad traits in 49 countries. *Journal of Personality*, 2020. Vol. 88, no. 6, pp. 1252—1267. DOI:10.1111/jopy.12569
14. Curtis G.J. It Kant be all bad: Contributions of Light and Dark Triad traits to academic misconduct. *Personality and Individual Differences*, 2023. Vol. 212, article ID 112262. 4 p. DOI:10.1016/j.paid.2023.112262
15. Ramos-Vera C., O’Diana A.G., Villena A.S., et al. Dark and Light Triad: A cross-cultural comparison of network analysis in 5 countries. *Personality and Individual Differences*, 2023. Vol. 215, article ID 112377. 10 p. DOI:10.1016/j.paid.2023.112377
16. Mejía-Suazo C.J., Landa-Blanco M., Mejía-Suazo G.A., Martínez C.A.M. Dark and Light triad: relationship between personality traits and addiction to mobile phones, video games and internet. *PsyArXiv*. 2021. 15 p. DOI:10.31234/osf.io/dp659
17. Dickinson D.L. Dark Versus Light Personality Types and Moral Choice [Electronic resource]. *IZA Discussion Paper no. 16338*. 2023. 34 p. URL: <https://ssrn.com/abstract=4526263> (Accessed 11.09.2024).
18. Ebrahimi E. The Analysis and Investigation of Leader’s Light Triad Personality and Its Effect on a Perceived Organizational Support of Followers Considering the Moderating Role of Leader-Member. *Journal of Public Administration*, 2020. Vol. 12, no. 4, pp. 586—606. DOI:10.22059/jipa.2020.296451.2687
19. Francis L.J., Crea G. Psychological predictors of professional burnout among priests, religious brothers, and religious sisters in Italy: The Dark Triad versus the Bright Trinity? *Pastoral Psychology*, 2021. Vol. 70, no. 4, pp. 399—418. DOI:10.1007/s11089-021-00951-8
20. Gerymski R., Krok D. Psychometric properties and validation of the Polish adaptation of the Light Triad Scale. *Current Issues in Personality Psychology*, 2019. Vol. 7, no. 4, pp. 341—354. DOI:10.5114/cipp.2019.92960
21. Grežo M., Adamus M. Light and Dark core of personality and the adherence to COVID-19 containment measures: The roles of motivation and trust in government. *Acta Psychologica*, 2022. Vol. 223, article ID 103483. 11 p. DOI:10.1016/j.actpsy.2021.103483

22. Grigoropoulos I. Unraveling the intrapersonal factors related to infidelity: The predictive value of light and dark personality traits in a convenient Greek woman sample. *Sexuality & Culture*, 2024. Vol. 28, no. 1, pp. 400—424. DOI:10.1007/s12119-023-10123-w
23. Alipour Gourand B., Azmoudeh M., Esmailpour K., Hosseini Nasab S.D. Investigate the mediating role of value orientation in predicting life satisfaction based on dark and light personality traits and emotional differentiation. *Sheenah Journal of Psychology and Psychiatry*, 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 160—174. DOI:10.32598/shenakht.9.2.160
24. Johar N.H.J., Fuad N.A.M., Abdullah A. Light triad personality and team effectiveness. *International Journal of Business and Management*, 2022. Vol. 6, no. 6, pp. 34—38. DOI:10.26666/rmp.ijbm.2022.6.5
25. Johnson L.K.D. The Light Triad Scale: Developing and Validating a Preliminary Measure of Prosocial Orientation: master of Science degree in Psychology [Electronic resource]. London, 2018. 66 p. URL: <https://ir.lib.uwo.ca/etd/5515> (Accessed 11.09.2024).
26. Kajonius P.J., Persson B.N., Jonason P.K. Hedonism, Achievement, and Power: Universal values that characterize the Dark Triad. *Personality and Individual Differences*, 2015. Vol. 77, pp. 173—178. DOI:10.1016/j.paid.2014.12.055
27. Kaletta J., Reuther K. Dark Triad Versus Light Triad: A Comparison and Analysis in the Context of Agile Leadership. In Bezzina F. (ed.), 17th European Conference on Management, Leadership and Governance: Valetta, 8—9 November 2021. Kidmore End: Academic Conferences International, 2021, pp. 241—249. DOI:10.34190/MLG.21.081
28. Khan I.U., Safdar U.K., Durrani M.Z. The light triad traits, psychological empowerment, creative self-efficacy, self-resilience and innovative performance in ict of Pakistan. *Gomal University Journal of Research*, 2021. Vol. 37, no. 3, pp. 297—310. DOI:10.51380/gujr-37-03-05
29. Kholidiah K., Basuki B., Hamidah H. Dark Triad and Light Triad Personality in Awareness of The Role of Educator Accountants. *Asian Journal of Engineering, Social and Health*, 2023. Vol. 2, no. 5, pp. 329—346. DOI:10.46799/ajesh.v2i5.61
30. Neumann C.S., Kaufman S.B., ten Brinke L., Yaden D.B., Hyde E., Tsykayama E. Light and dark trait subtypes of human personality — A multi-study person-centered approach. *Personality and Individual Differences*, 2020. Vol. 164, article ID 110121. 11 p. DOI:10.1016/j.paid.2020.110121
31. Lukić P., Živanović M. Shedding light on the Light Triad: Further evidence on structural, construct, and predictive validity of the Light Triad. *Personality and Individual Differences*, 2021. Vol. 178, article ID 110876. 12 p. DOI:10.1016/j.paid.2021.110876
32. March E., Marringto J.Z. Antisocial and prosocial online behaviour: Exploring the roles of the Dark and Light Triads. *Current Psychology: A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological Issues*, 2023. Vol. 42, no. 2, pp. 1390—1393. DOI:10.1007/s12144-021-01552-7
33. Mewara A. Effect of light triad, meaning in life on level of life satisfaction among health care workers: A comparative study [Electronic resource]. *International Journal of Research and Analytical Reviews*, 2024. Vol. 11, no. 1, pp. 74—121. URL: <https://www.ijrar.org/papers/IJRARTH00156.pdf> (Accessed 11.09.2024).
34. Musek J., Grum D.K. The bright side of personality. *Heliyon*, 2021. Vol. 7, no. 3, article ID e06370. 6 p. DOI:10.1016/j.heliyon.2021.e06370
35. Nilsson H., Kazemi A. The bright triad of mindful leadership: An alternative to the Dark Triad of leadership. *Psychology of Leaders and Leadership*, 2023. Vol. 26, no. 1, pp. 67—91. DOI:10.1037/mgr0000138
36. Paulhus D.L., Williams K.M. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism and psychopathy. *Journal of Research in Personality*, 2002. Vol. 36, no. 6, pp. 556—563. DOI:10.1016/S0092-6566(02)00505-6
37. Pektaş S., Durmuş G. Adaptation of the Light Triad Scale to Turkish: A validity and reliability study. *Akdeniz Spor Bilimleri Dergisi*, 2022. Vol. 5, no. 3, pp. 664—674. DOI:10.38021/asbid.1167809
38. Ucar G.K., Malatyal M.K., Planal ı G.Ö., Kanik B. Personality and pro-environmental engagements: the role of the Dark Triad, the Light Triad, and value orientations. *Personality and Individual Differences*, 2023. Vol. 203, article ID 112036. 6 p. DOI:10.1016/j.paid.2022.112036
39. Peterson R.D., Palmer C.L. The dark is rising: Contrasting the dark triad and light triad on measures of political ambition and participation. *Frontiers in Political Science*, 2021. Vol. 3, article ID 657750. 9 p. DOI:10.3389/fpos.2021.657750
40. Petrović B., Međedović J. Personality and behavioural characteristics of dark and light narcissism [Electronic resource]. *Zbornik Instituta za kriminološka I sociološka istraživanja. Beograd*, 2016. Vol. 35, no. 2, pp. 7—33. URL: <http://institutecsr.iksi.ac.rs/255/1/petrovic%2C%20medjedovic.pdf> (Accessed 11.09.2024).
41. Safari Shirazi M., Sadeghzadeh M., Mirdrikvand F. Psychometric properties of Light Triad Scale (LTS) in Iranian students. *Clinical Psychology and Personality*, 2023. Vol. 22, no. 1, pp. 263—276. DOI:10.22070/CPAP.2023.16600.1263
42. Pechorro P., Baptista M.N., Bonfã-Araujo B., Nunes C., DeLisi M. Screening for Light Personalities in Portugal: A Cross-Cultural Validation of the Light Triad Scale With an At-risk-of-delinquency Sample. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2024. Article ID 306624X241228234. 11 p. DOI:10.1177/0306624X241228234
43. Seligman M.E.P., Csikszentmihalyi M. Positive psychology: An introduction. *American Psychologist*, 2000. Vol. 55, no. 1, pp. 5—14. DOI:10.1037/0003-066X.55.1.5
44. Sevi B., Doğruyol B. Looking from the bright side: The Light Triad predicts Tinder use for love. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2020. Vol. 37, no. 7, pp. 2136—2144. DOI:10.1177/0265407520918942

45. Sevi B., Urganci B., Sakman E. Who cheats? An examination of light and dark personality traits as predictors of infidelity. *Personality and Individual Differences*, 2020. Vol. 164, article ID 110126. 6 p. DOI:10.1016/j.paid.2020.110126
46. Skrumada A. The light at the end of the tunnel? An easy triad, religiosity and well-being during the Covid-19 pandemic [Electronic resource]. *Annals of the University of St. John Smith A.I. Kuzy, "Psychology" series*, 2023. Vol. 32, pp. 39—55. URL: <https://www.psih.uaic.ro/anale-psi/2023/12/21/> (Accessed 11.09.2024).
47. Tekeş B., Bıçaksı, P. Aydınlik Üçlü (Light Triad) Ölçeğinin Psikometrik Özelliklerinin Değerlendirilmesi. *AYNA Klinik Psikoloji Dergisi*, 2021. Vol. 8, no. 3, pp. 535—556. DOI:10.31682/ayna.871395
48. Thajil K.M., AL-Abrow H. The effect of the bright triad on positive innovation in healthcare sector: The mediating role of emotional intelligence. *International Journal of Healthcare Management*, 2023. Vol. 17, no. 2, pp. 285—296. DOI:10.1080/20479700.2023.2177608
49. Gouveia V.V., de Oliveira I.C.V., de Moura Grangeiro A.S., Monteiro R.P., de Holanda G.L. Coelho The bright side of the human personality: Evidence of a measure of prosocial traits. *Journal of Happiness Studies: An Interdisciplinary Forum on Subjective Well-Being*, 2021. Vol. 22, no. 3, pp. 1459—1480. DOI:10.1007/s10902-020-00280-2
50. Stavradi M., Artacho-Mata E., Bajo M., Daz D. The dark and light of human nature: Spanish adaptation of the Light Triad Scale and its relationship with psychological well-being. *Current Psychology: A Journal for Diverse Perspectives on Diverse Psychological*, 2023. Vol. 42, pp. 26979—26988. DOI:10.1007/s12144-022-03732-5
51. Leahy S., Aplin-Houtz M.J., Willey S., Lane E.K., Sharma S., Meriac J. The Light Side of Technology Acceptance: The Direct Effects of the Light Triad on the Technology Acceptance Model [Electronic resource]. *Journal of Managerial Issues*, 2023. Vol. 35, no. 3, pp. 300—330. URL: <https://www.researchgate.net/publication/372451965> (Accessed 12.09.2024).
52. Kaufman S.B., Yaden D.B., Hyde E., Tsukayama E. The Light vs. Dark Triad of Personality: Contrasting Two Very Different Profiles of Human Nature. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10, article ID 467. 26 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00467
53. Muris P., Merckelbach H., Otgaar H., Meijer E. The Malevolent Side of Human Nature: A Meta-Analysis and Critical Review of the Literature on the Dark Triad (Narcissism, Machiavellianism, and Psychopathy). *Perspectives on Psychological Science*, 2017. Vol. 12, no. 2, pp. 183—204. DOI:10.1177/1745691616666070
54. Tucaković L., Bojić L., Nikolić N. The Battle Between Light and Dark Side of Personality: How Light and Dark Personality Traits Predict Mating Strategies in the Online Context. *Interpersona: An International Journal on Personal Relationships*, 2022. Vol. 16, no. 2, pp. 295—312. DOI:10.5964/ijpr.7869
55. Petrov N., Lim V., Fillon A., Feldman G. Values and the dark side: Meta-analysis of links between Dark Triad traits and personal values. Hong Kong: University of Hong Kong, 2020. 85 p. DOI:10.17605/OSF.IO/4Z27F
56. Yousefi R. Cross-validation of the Light Triad Personality Traits Model. *Journal of Modern Psychological Researches*, 2022. Vol. 17, no. 66, pp. 301—311. DOI:10.22034/jmpr.2022.15284

Информация об авторах

Маралов Владимир Георгиевич, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, Череповецкий государственный университет (ФГБОУ ВО ЧГУ), г. Череповец, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9627-2304>, e-mail: vgmaralov@yandex.ru

Information about the authors

Vladimir G. Maralov, Doctor of Psychology, Professor of the Department of Psychology, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9627-2304>, e-mail: vgmaralov@yandex.ru

Получена 27.03.2024

Received 27.03.2024

Принята в печать 11.09.2024

Accepted 11.09.2024

Диагностическая методика «Стремление к порядку и предсказуемости»

Ясин М.И.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6249-8527>, e-mail: yasin.mi@yandex.ru

Представлены результаты разработки диагностической методики «Стремление к порядку и предсказуемости», созданной на базе опросника «Стремление к когнитивной закрытости» А. Круглянского. Стремление к когнитивной закрытости — это когнитивный механизм, позволяющий отсекавать лишнюю, противоречивую и мешающую информацию с целью более гармоничного интегрирования данных. Обоснована целесообразность выделения шкал «Стремление к порядку» и «Стремление к предсказуемости» в отдельный конструкт. Снижение размерности и поиск факторной структуры для краткого опросника производился методом моделирования при помощи структурных уравнений (Structural Equation Models, SEM). Выборку составили 505 респондентов, средний возраст — 29,5 лет, из них женщин — 74,6%, мужчин — 25,4%. Для разработанной структуры были получены следующие показатели: $\chi^2/df = 3$; CFI = 0,923; TLI = 0,906; SRMR = 0,0525; RMSEA = 0,0677, — что говорит о весьма хорошем соответствии модели Альфа Кронбаха по шкале «Стремление к порядку» = 0,822, по шкале «Стремление к предсказуемости» = 0,733, Омега МакДоналда по всем пунктам методики с двумя шкалами = 0,833. Результаты ретеста на выборке из 53 человек составили $r = 0,81$. Гендерных различий по показателям обоих шкал не обнаружено. Представленная модель опросника показывает весьма хорошие индексы соответствия модели, внутреннюю согласованность и высокую степень надежности. Дальнейшая работа над конструктом когнитивной закрытости может опираться, в том числе, на результаты, полученные в данном исследовании.

Ключевые слова: психодиагностика, когнитивная закрытость, стремление к когнитивной закрытости, стремление к порядку, стремление к предсказуемости, потребность в структуре.

Для цитаты: Ясин М.И. Диагностическая методика «Стремление к порядку и предсказуемости» [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 31—40. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130303>

Diagnostic Method “Need for Order and Predictability”

Miroslav I. Yasin

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6249-8527>, e-mail: yasin.mi@yandex.ru

The article presents the results of the development of the diagnostic methodology “Striving for order and predictability”, created on the basis of the questionnaire “Striving for cognitive closure” by A. Kruglyansky. The need for cognitive closure is a cognitive process that allows avoiding of unnecessary, contradictory and interfering information in order to integrate data easier and substantiated consideration of two parameters — “Striving for order” and “Striving for predictability” — into a single construct. Reduction of test dimensionality is achieved by using structural equation modeling (Structural Equation Models, SEM). The sample consisted of 505 respondents, average age 29.5 years, of which 74.6% were women, 25.4% were men. For the developed structure the following indicators were obtained: $\chi^2/df=3$; CFI=0.923; TLI=0.906; SRMR = 0.0525; RMSEA=0.0677, which indicates a very good fit of the model. Cronbach’s alpha for the “Striving for Order” scale = 0.822, for the “Striving for Predictability” scale = 0.733, McDonald’s Alpha for all items of the two-scale questionnaire = 0.833. The retest results on a sample of 53 people is $r=0.81$. No gender differences were found on both scales. The presented model of the questionnaire shows very good model fit indices, internal consistency and a high degree of reliability. Further work on the construct of cognitive closure may use the results of current study.

Keywords: psychodiagnostics, cognitive closure, the need for cognitive closure, the need for order, the need for predictability, the need for structure.

For citation: Yasin M.I. Diagnostic Method “Need for Order and Predictability” [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2024. Vol. 13, no. 3, pp. 31—40. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130303> (In Russ.).

Введение

Стремление к порядку и стремление к предсказуемости являются частным проявлением стремления к когнитивной закрытости — конструкта, представленного А. Круглянски для описания когнитивного стиля человека. Указанные понятия введены в теорию эпистемической мотивации как отдельные параметры мотивации к избеганию нежелательной информации.

Стремление к когнитивной закрытости — это когнитивный механизм, позволяющий отсекал лишнюю, противоречивую и мешающую информацию с целью более гармоничного интегрирования данных. Стремление к когнитивной закрытости дает возможность делать однозначные выводы, получать однозначный ответ и более уверенно принимать единственное решение. Данную концепцию автор вводит в более широкий контекст «теорий когнитивной согласованности» [11; 24]. Стремление к предсказуемости, как часть модели когнитивной согласованности, делает акцент на эпистемических и мотивационных аспектах. Эпистемическая составляющая касается когнитивного ожидания определенного результата, а мотивационная — определяет аффективную реакцию человека на соответствие или несоответствие ожиданиям от получаемой информации. Аффективная реакция на когнитивный результат определяется субъективной ценностью, которую индивид придает этому результату [11].

Мотивационный подход к процессам когнитивного закрытия позволяет рассматривать субъективные склонности при принятии или отвержении поступающей информации, что делает модель А. Круглянски полезной при объяснении социально-информационных процессов, причин недооценки или переоценки сообщений, формирования когнитивной ошибки, возникновения заблуждений, стереотипов, дискриминации, когнитивной избирательности и других психологических явлений.

Измерения стремления к когнитивной закрытости имеют более чем 30-летнюю историю. После разработки англоязычного оригинала методики, содержащей 47 пунктов, разбитых на 5 основных шкал и шестую шкалу «лжи» [28], она применялась в достаточно большом числе психологических, социально-психологических и психолого-клинических исследований, что отражено в ряде метаанализов [10; 12]. Особенно часто методика используется в социально-психологических исследованиях, где изучается связь когнитивной закрытости с такими явлениями, как стереотипизация, ригидность, адаптивность к межкультурному взаимодействию, подверженность стрессу, религиозный догматизм, правый авторитаризм, толерантность и дискриминация [1; 2].

Высокий уровень когнитивной закрытости коррелирует со склонностью к упрощению и, как следствие, предпочтению альтернативной культурной идентификации, которая сопровождается более высокой степенью выраженности внутреннего конфликта. А низкий

уровень закрытости связан с тенденцией к гибридизации и, соответственно, примирения различающихся культурных установок [2]. Высокая степень закрытости ведет к радикализации в межкультурных отношениях, что, в свою очередь, может приводить к поддержке экстремистских настроений [1]. Стремление к когнитивной закрытости положительно и значимо связано со стремлением к безопасности, конформизмом, традиционализмом и популистскими установками [4]. В исследовании Ф. Альбарелло и соавторов продемонстрирована весьма высокая связь предрасудков и стремления к когнитивной закрытости ($r = 0,533$, $p < 0,001$); также показаны значимые положительные корреляции с национальной идентичностью личности, связывающими моральными нормами, национальными предрасудками и ожиданием угрозы со стороны других; отрицательная связь наблюдается с индивидуальными моральными нормами. Поиск возможных опосредующих факторов, влияющих на связь стремления к когнитивной закрытости и национальных предрасудков, показал, что связь — прямая и не имеет значимых медиаторов [6].

В исследовании было обнаружено, что люди, характеризующиеся высоким уровнем стремления к когнитивной закрытости, с большей вероятностью поддерживают гендерные стереотипы, которые влияют на их негативное отношение к женщинам-руководителям, и проявляют склонность к предпочтению мужчин-руководителей. Это объясняется их склонностью опираться на социальные стереотипы, в том числе стереотипы о женщинах, в которых закреплены представления о них как «мягких и утешающих», что несовместимо со стандартными представлениями о руководителях как «компетентных и решительных» [14]. Стремление к когнитивной закрытости не только создает склонность к следованию стереотипу, но имеет сильные корреляции со склонностью к враждебности, что оказывает дополнительное модулирующее воздействие на связь закрытости и стереотипизации, т. е. стремление к закрытости дважды вносит вклад в предвзятое и дискриминирующее отношение к женщинам [26].

Стремление к когнитивной закрытости может прогнозировать стресс и тревожность в ситуациях неопределенности. В силу того, что люди с высокой степенью стремления к когнитивной закрытости нуждаются в определенном ответе, но не могут его получить, возрастает их тревога. Этот механизм сыграл роль в том, как люди со склонностью к закрытости переносили вызовы пандемии COVID-19. В ряде исследований было показано, что более высокая потребность в когнитивной завершенности была связана с более высоким уровнем тревоги и стресса в период пандемии COVID-19 [19; 29]. Решающим фактором роста тревожности является повышенная чувствительность к ситуациям риска и возможности точного прогнозирования в период эпидемии у людей с высоким стремлением к когнитивной закрытости; но также некоторый вклад в тревожность вносит склонность к конспироло-

гическим теориям и упрощенным сценариям (в случае пандемии — негативным) [19]. В исследовании также отмечается, что индивидуальные различия в стремлении к когнитивной закрытости могут быть связаны с психическими расстройствами и более высоким уровнем тревожности во время непредсказуемых ситуаций [19]. Тревожность на фоне пандемии выросла у всех участников лонгитюдного исследования, однако у людей с высоким стремлением к когнитивной закрытости она была более выраженной, при этом рост тревоги не зависел от реальных рисков заболевания и его исхода, но был связан именно с когнитивным стилем респондентов [29].

Опросник А. Круглянки и соавторов продолжает использоваться во многих направлениях психологических исследований и продолжает оставаться актуальным и адекватным измерительным инструментом. Опросник переводился на ряд языков; существуют индийская, голландская, бельгийская (фламандская), бразильская (португальскоязычная), испанская, чешская, польская, корейская, китайская, турецкая и другие версии; также была выполнена русскоязычная адаптация опросника [3].

Полная версия опросника содержит пять шкал: «Стремление к порядку» (The need for order), «Стремление к предсказуемости» (The need for predictability), «Решительность» (Decisiveness) «Избегание двойственности» (Avoidance of ambiguity), «Закрытость мышления» (Closed-mindedness).

Наряду с полной, была создана сокращенная версия методики. Сокращенная англоязычная версия [21] состоит из 15 утверждений и является единой шкалой. Разработка короткой шкалы, по словам авторов, была предпринята вследствие того, что разные группы ученых предлагали свои, достаточно разнообразные, попытки снизить число пунктов, что приводило к путанице и невозможности сравнивать результаты разных исследований. Однако этот шаг проблемы не решил, так как, во-первых, наряду с однофакторной моделью были сохранены и двухфакторные, трехфакторные и иные модели на национальных языках; во-вторых, однофакторная модель подвергалась критике в плане ее согласованности [8] и измеряемых параметров [16]. Также «дословная» адаптация короткой версии на национальные языки, позволяет в качестве мер соответствия предоставить только согласованность шкалы по коэффициенту Альфа Кронабаха, но часто не позволяет подтвердить иные меры соответствия. Примерами таких адаптаций могут быть короткие версии шкалы [1; 23].

Обсуждения проблем «целостности» полной версии измерительной методики когнитивной закрытости А. Круглянки начались со статьи С.Л. Нойберга и соавторов 1997 года [16]. Авторы показали, что шкала «Решительность» отрицательно коррелирует с остальными шкалами теста, также шкала «Закрытость мышления» показала низкую корреляцию с остальными шкалами. К аналогичным выводам приходят А. Роетс и

А. Ван Хейл, которые в 2007 г. проводили перепроверку методики в рамках исследования, в котором пытались разделить стремление к когнитивной закрытости и возможность ее достижения [21, 22]. Авторы показали, что шкала «Решительность» отрицательно коррелирует с остальным тестом, является относительно самостоятельной, не вносит вклада в целостный конструкт шкалы «Когнитивной закрытости» и предложили не учитывать ее в интегративном результате теста. Согласующиеся с приведенными результаты были получены и в сопоставлении моделей, выполненной М. Кроусоном [9]. Автор констатирует достаточно сильную согласованность шкал «Стремление к порядку», «Стремление к предсказуемости» и «Избегание двойственности», но слабые результаты по шкалам «Решительность» и «Закрытость мышления». В русскоязычной адаптации теста были получены аналогичные результаты [3].

Проверки внешней валидности опросника когнитивной закрытости в ряде исследований показывают отличия трех обсуждаемых шкал («Стремление к порядку», «Стремление к предсказуемости» и «Избегание двойственности»), что указывает на то, что они составляют некоторый целостный конструкт. [17; 18].

Выявление проблем со шкалами «Решительность» и «Закрытость мышления» привело к тому, что их стали исключать из анализа в ряде исследований. Польская версия опросника [30] содержит только три шкалы: «Стремление к порядку», «Стремление к предсказуемости» и «Избегание двойственности», по которым авторы представляют надежность Альфа Кронабаха, в промежутке от 0,86 до 0,89, другие измерения согласованности не предоставлены.

Сравнив несколько факторных моделей англоязычной версии теста, М. Кроусон [9] приходит к выводу о том, что пятифакторная модель удовлетворительна, наиболее слабые ее места — шкалы «Решительность» и «Закрытости мышления». Двухфакторная модель со шкалами 13 и 15 пунктов имеет значительные преимущества перед пятифакторной, каждая шкала имеет высокую внутреннюю согласованность, но между собой они связаны слабо. М. Кроусон утверждает, что шкала «Решительность» может рассматриваться как самостоятельная, и в целостный конструкт когнитивной закрытости не входит [8; 9].

Ряд исследователей полагают оптимальной двухфакторную модель, где «Решительность» вынесена в отдельный ортогональный фактор [7; 10; 31]. Однако не во всех языковых адаптациях удается добиться сопоставимого результата. Чешская [31] и бразильская двухфакторные [7] модели показали требуемые индексы соответствия только при применении процедуры корреляции остатков; китайская модель была представлена как двухфакторная, но на стадии соответствия модели в ней осталось всего шесть утверждений [15].

М. Томпсон, критикуя пятифакторную модель, отмечает, что сам конструкт «Стремление к когнитивной закрытости» хорошо описывает реально существую-

ющие когнитивные механизмы, так как его наличие подтверждается рядом психометрических исследований, в том числе выполненных им и соавторами. Измерения по шкале «Стремление к когнитивной закрытости» оказываются близкими по смыслу и тесно связанными корреляционно (с показателями порядка 0,7) с такими шкалами, как «Потребность в структуре» и «Потребность в валидации». Но автор высказывает мнение, что сам по себе измерительный инструмент, предложенный А. Кургьянски, должен быть уточнен. М. Томпсон отмечает, что конструкт должен быть более узким, с меньшим количеством пунктов, чтобы точно отражать именно стремление к закрытости, а чрезмерно расширять его, включая в него утверждения еще двух шкал («Решительность» и «Закрытость мышления»), которые плохо с ним связаны в первоначальной версии, нецелесообразно [25].

Теоретический конструкт когнитивного закрытия достаточно хорошо описывает действительность, — утверждает С. Ньюнберг. Однако он отмечает, что модель, представленная А. Кургьянски в полной версии, может быть подвержена сомнению. С. Ньюнберг подчеркивает, что две первые шкалы («Стремление к порядку» и «Стремление к предсказуемости») имеют достаточно тесные связи между собой, также они сильно положительно коррелируют с измерениями по шкалам «Потребности в структуре» и «Потребности в значении» опросника «Индивидуальная потребность в структуре» (Personal Need for Structure Scale). Автор утверждает, что две шкалы теста закрытости являются альтернативным методом измерения уже имеющегося конструкта опросника «Индивидуальная потребность в структуре» [16].

Анализ работ, посвященных валидации опросника А. Кургьянски «Стремление к когнитивной закрытости» показал, что: а) шкала «Решительность» демонстрирует обратную связь с другими шкалами теста [3; 7; 16; 31; 30], ее предлагают не учитывать в интегральном балле по опроснику [22]; б) шкала «Закрытость мышления» оказывается самым слабым звеном теста — ее согласованность наиболее низкая во всех языковых адаптациях, связь с другими шкалами также невысокая [3; 8; 9]; в) три оставшиеся шкалы — «Стремление к порядку», «Стремление к предсказуемости» и «Избегание двойственности» оказываются наиболее сильной стороной конструкта, имеют высокую внутреннюю согласованность и достаточно коррелируют друг с другом [5; 9; 18; 25; 30]; г) шкалы «Стремление к порядку» и «Стремление к предсказуемости» показывают высокую согласованность и в наибольшей степени позитивно связаны между собой [16; 25].

Опираясь на выводы С. Ньюнберга и М. Томпсона о связи шкал «Стремление к порядку» и «Стремление к предсказуемости» [16; 25], мы полагаем, что именно они являются центральными для раскрытия феномена когнитивной закрытости, как динамического мотивационного процесса по отсечению лишней, мешающей и противоречивой информации и получению одно-

значного ясного ответа. Однако данные о принципиальной непротиворечивости четырех шкал теста (за исключением шкалы «Решительность») показывают нам, что они также могут вносить вклад в раскрытие конструкта когнитивной закрытости. Шкала «Закрытость мышления» может вносить некоторый вклад в описание конструкта, но такая вероятность невелика, если учитывать данные предыдущих исследований [3; 8; 9].

Цель работы: на базе полного опросника «Стремление к когнитивной закрытости» (за исключением шкалы «Решительность») выполнить сокращение числа утверждений и шкал, описать его согласованность и внутреннюю валидность.

Метод

В основу опросника были положены утверждения, взятые из полной русскоязычной версии опросника «Стремление к когнитивной закрытости» А. Кургьянски, содержащего шкалы: «Стремление к порядку» (10 вопросов), «Стремление к предсказуемости» (8 вопросов), «Решительность» (7 вопросов), «Избегание двойственности» (9 вопросов), «Закрытость мышления» (8 вопросов) [3]. Шкала «Лжи» не включалась в анализ. Утверждения были снабжены шестибальной шкалой Ликерта со значениями: «1» — «полностью не согласен», «2» — «скорее не согласен», «3» — «частично согласен», «4» — «частично согласен», «5» — «скорее согласен», «6» — «полностью согласен». Шестибальная шкала была выбрана, так как она была использована в полной оригинальной англоязычной версии теста и русскоязычной адаптации. В опросную форму также были включены вопросы о возрасте, поле, уровне образования респондентов. Данные были собраны в электронном виде, возможность пропуска ответов была запрещена настройками формы.

Выборка

Выборка составила 505 респондентов. Возраст респондентов — от 14 до 71 года, средний возраст — 29,5 лет, медиана — 26 лет, стандартная ошибка среднего по возрасту — 0,45. Респонденты студенческого возраста (18—22 лет) составили 37,2% выборки. Из них женщины составили 377 человек (74,6%), мужчины — 128 человек (25,4%).

Методы анализа данных

Снижение размерности и поиск факторной структуры для краткого опросника производился методом моделирования при помощи структурных уравнений (Structural Equation Models, SEM) в программе Jamovi 1.6.15. Проверка на нормальность, корреляции результатов теста и ретеста, проверка различий результата по гендерным подгруппам осуществлялись средствами IBM SPSS «Statistics 23»; измерение статистической мощности производилась в G-Power 3.1.9.7.

Результаты

Нормальность распределения: показатель Шапиро—Уилка, рассчитанный по каждому из первоначального списка утверждений полной версии теста (42 пункта), составил от 0,718 до 0,930 при $p < 0,001$, что говорит о нормальности распределения по каждому из утверждений и о пригодности данных для анализа методом структурных уравнений.

Показатели соответствия

При поиске согласованной модели методом структурных уравнений, в шкале «Порядок» были обнаружены слабые пункты (с низким весом, z-баллами и высокой вероятностью допустимой ошибки при учете в модели) — v11, v34 и v47. Указанные пункты были удалены из финальной модели теста «Стремление к порядку и предсказуемости». В шкале «Стремление к предсказуемости» было обнаружено 4 слабых пункта — v5, v7, v8, v19, — они были удалены из финальной версии. Однако моделирование показало, что хорошее соответствие можно получить, добавив в эту шкалу утверждения 2 пункта из шкалы «Избегания двусмысленности» — v3 («Я не люблю неопределенные ситуации») и v9 («Я чувствую дискомфорт, когда не понимаю, почему-то или иное событие произошло в моей жизни»), — указанные пункты соответствуют шкале по смыслу. В шкалу «Стремление к предсказуемости» также добавлено одно утверждение из шкалы «Стремления к порядку» — v11 («Я ненавижу изменять свои планы в последнюю минуту»), — также подходящее по смыслу.

При получении оптимальной модели методом структурных уравнений были выведены факторные

нагрузки (табл. 1) и показатели меры соответствия (табл. 2).

В приведенной модели $\chi^2/df = 3$ (при рекомендуемых параметрах 2—5), что соответствует нормативным значениям; CFI = 0,923 (при рекомендуемых параметрах $> 0,9$), TLI = 0,906 (при рекомендуемых параметрах $> 0,9$), SRMR = 0,0525 (при рекомендуемых параметрах $< 0,8$), RMSEA = 0,0677 (при рекомендуемых параметрах $0,02 < RMSEA < 0,08$). Полученные результаты показали весьма хорошее соответствие модели [13; 14; 27].

Схема модели представлена на рис. 1.

Внутренняя согласованность шкал

Альфа Кронбаха по шкале «Стремление к порядку» составила 0,822, по шкале «Стремление к предсказуемости» — 0,733, Омега МакДоналда по всем пунктам методики с двумя шкалами — 0,833.

Проверка ретестовой надежности

Корреляция Пирсона результатов двух тестов, проведенных с интервалом в три недели на выборке из 52 испытуемых, составила 0,81, при $p < 0,001$ (SPSS); статистическая мощность измерения $(1 - \beta) = 1$ (G-Power).

Проверка на гендерные различия

При сопоставлении мужской и женской части выборки при помощи критерия однородности дисперсий Левиния выявлено, что для шкалы «Стремление к порядку» различий между выборками не обнаружено ($F = 1,68$, при $p = 0,196$), для шкалы «Стремление к предсказуемости» различий между выборками не обнаружено ($F = 1,108$, при $p = 0,293$).

Таблица 1

Факторные нагрузки пунктов теста

Фактор	Индикатор	Вес	SE	Z	p
Порядок	v1	0,591	0,0580	10,19	<0,001
	v6	0,843	0,0653	12,91	<0,001
	v20	0,683	0,0789	8,65	<0,001
	v24	0,822	0,0687	11,97	<0,001
	v34	1,210	0,0606	19,97	<0,001
	v35	1,279	0,0563	22,71	<0,001
	v37	0,910	0,0590	15,43	<0,001
Предсказуемость	v3	0,723	0,0621	11,63	<0,001
	v9	0,691	0,0723	9,56	<0,001
	v11	0,758	0,0802	9,45	<0,001
	v26	0,717	0,0680	10,54	<0,001
	v27	0,807	0,0724	11,14	<0,001
	v45	1,124	0,0718	15,65	<0,001

Таблица 2

Меры соответствия

χ^2	df	CFI	TLI	SRMR	RMSEA
194	64	0,923	0,906	0,0525	0,0677

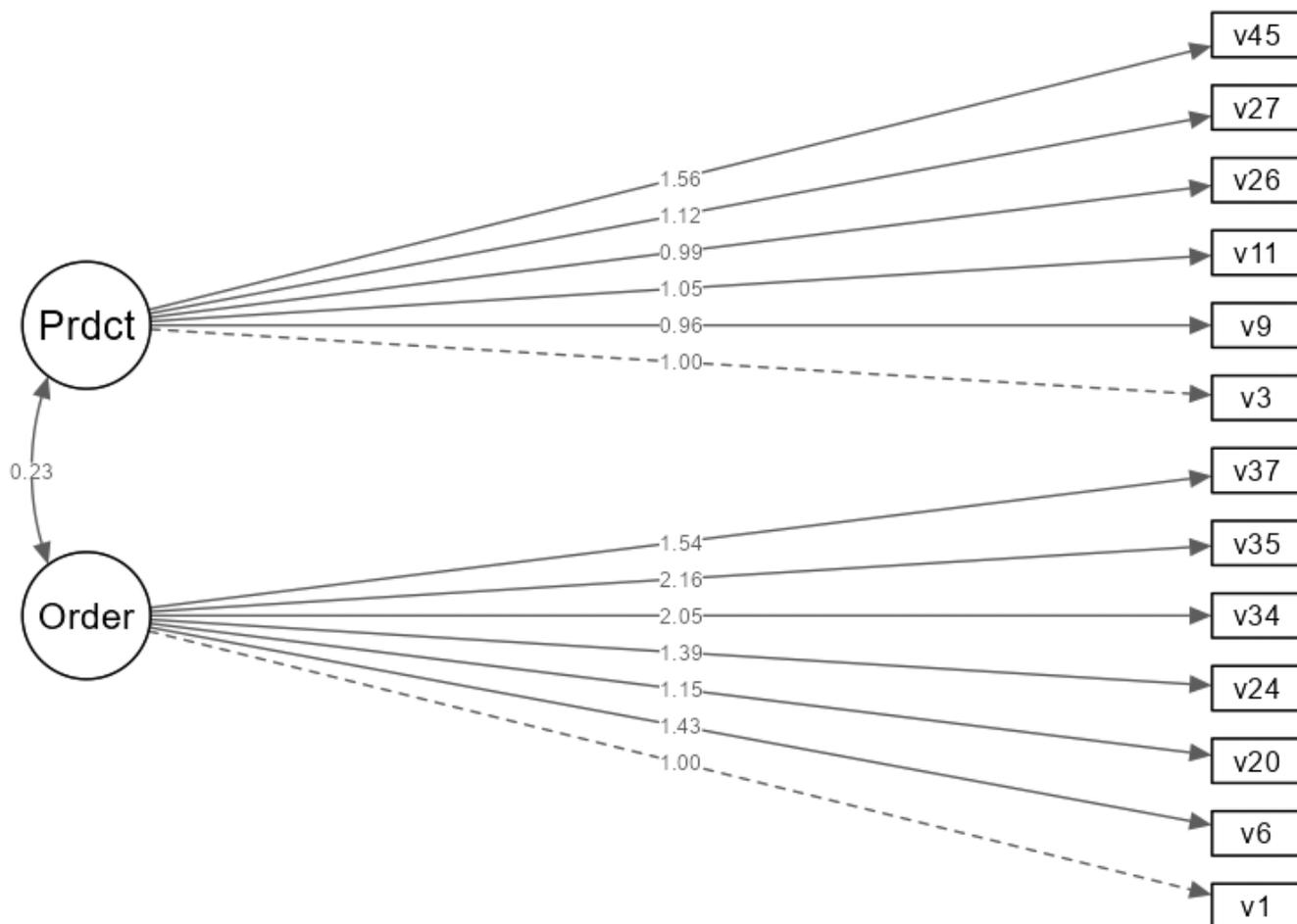

Рис. 1. Структурная модель диагностической методики «Стремление к порядку и предсказуемости»

Обсуждение результатов

Полученная структура опросника продемонстрировала весьма хорошие показатели соответствия модели, ретестовой надежности и степени согласованности.

Наше предположение о том, что наилучшим образом конструкт «Стремление к когнитивной закрытости» раскрывается через пункты опросника, принадлежащие к шкалам «Стремление к порядку» и «Стремление к предсказуемости», подтвердилось.

После получения оптимальной модели методом структурных уравнений шкала «Стремление к порядку» сократилась до 7 пунктов в представленной нами финальной версии (относительно 10 утверждений в первоначальной полной версии). Шкала «Стремление к предсказуемости» в финальной версии состоит из 6 утверждений, при этом в конечную модель вошло 3 утверждения из полной версии этой шкалы (первоначальная размерность — 8 утверждений), также в нее вошли 2 пункта шкалы «Избегания двусмысленности» (указанные пункты вполне соответствуют шкале по смыслу) и 1 утверждение шкалы «Стремления к порядку», также подходящее по смыслу. (Утверждения представлены в Приложении). Пункты шкалы «Закрытость мышления» в результате поиска оптимальной модели вышли из анализа, что под-

тверждает еще раз слабое участие этой шкалы в раскрытии феномена когнитивной закрытости.

Сопоставляя результаты моделирования, предложенные в данной статье, а также выводы, сделанные С. Ньюнбергом и коллегами [16] и М. Томпсоном и коллегами [25], можно заключить, что конструкт когнитивной закрытости наиболее точно описывается параметрами стремления к порядку и стремления к предсказуемости.

Полагаем целесообразным назвать данную модель «Стремление к порядку и предсказуемости», чтобы точнее отразить заложенный в ней смысл и не смешивать его с другими многообразными модификациями теста А. Круглянки.

Заключение

Методика разработана в общем контексте исследований стремления к когнитивной закрытости, конструкта, первоначально предложенного А. Круглянки. Конструкт им введен в общий контекст теории эпистемической мотивации, а в более широком контексте — теорий когнитивной согласованности.

Обширная критика первоначальной пятифакторной модели А. Круглянки, разработка сокращенных

версий с разным количеством факторов, исследования внешней валидности вариаций опросника показывает, что уточнение конструкта продолжается. Однако ценность его несомненна, так как с опорой на него производится достаточное количество исследований, в том числе есть работы по уточнению полной и сокращенных версий опросника.

В данной работе приводятся аргументы в пользу того, что конструкт «Стремление к когнитивной закрытости»

наиболее точно описывается параметрами «Стремление к порядку» и «Стремление к предсказуемости».

Представленная модель опросника показывает весьма хорошие индексы соответствия модели, внутреннюю согласованность и высокую степень надежности.

Дальнейшая работа над конструктом когнитивной закрытости может опираться, в том числе, на результаты, полученные в данном исследовании.

Приложение

Стремление к порядку

1. (v1) Я думаю, что наличие четких правил и порядка в работе — основа успеха.
2. (v6) Я считаю, что хорошо упорядоченный образ жизни с четким расписанием соответствует моему темпераменту.
3. (v20) Мои вещи обычно находятся в беспорядке*.
4. (v 4) Я считаю, что аккуратность и организованность — одни из наиболее важных качеств хорошего студента.
5. (v34) Я считаю, что организация четкого распорядка позволяет мне получать от жизни больше удовольствия.
6. (v35) Мне нравится четкий и структурированный образ жизни.
7. (v37) Мне нравится, когда для любого дела есть план, а у любой вещи — место.

Стремление к предсказуемости

- (v3) Я не люблю неопределенные ситуации (изначально — *Избегание двусмысленности*).
- (v9) Я чувствую дискомфорт, когда не понимаю, почему-то или иное событие произошло в моей жизни (изначально — *«Избегание двусмысленности»*).
- (v11) Я ненавижу изменять свои планы в последнюю минуту (изначально — *«Стремление к порядку»*).
- (v26) Я не люблю быть с людьми, которые способны на неожиданные поступки.
- (v27) Я предпочитаю общаться с хорошо знакомыми людьми, потому что знаю, чего от них ожидать.
- (v45) Я не люблю непредсказуемых ситуаций.
- * Обратные пункты.

Литература

1. Хухлаев О.Е., Павлова О.С. «Мне известно, что мне ничего не известно». Социально-когнитивные предпосылки поддержки радикальных взглядов // Социальная психология и общество. 2021. Том 12. № 3. С. 87—102. DOI:10.17759/sps.2021120307
2. Ясин М.И., Рябиченко Т.А. Когнитивные предикторы гибридной и альтернативной идентификации в поликультурной среде: обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 3. С. 79—91. DOI:10.17759/jmfp.2021100308
3. Ясин М.И., Хухлаев О.Е. Русскоязычная адаптация опросника Д. Вебстер и А. Круглянки «Стремление к когнитивной закрытости» // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Том 20. № 2. С. 282—299. DOI:10.17323/1813-8918-2023-2-282-299
4. At the roots of Allport's «prejudice-prone personality»: The impact of need for cognitive closure on prejudice towards different outgroups and the mediating role of binding moral foundations / F. Albarello, F. Contu, C. Baldner, M. Vecchione, M. Ellenberg, A.W. Kruglanski, A. Pierro // International Journal of Intercultural Relations. 2023. Vol. 97. Article ID 101885. 14 p. DOI:10.1016/j.ijintrel.2023.101885
5. Berenbaum H., Bredemeier K., Thompson R.J. Intolerance of uncertainty: Exploring its dimensionality and associations with need for cognitive closure, psychopathology, and personality // Journal of Anxiety Disorders. 2008. Vol. 22. № 1. P. 117—125. DOI:10.1016/j.janxdis.2007.01.004
6. Bianco F., Kosic A., Pierro A., The mediating role of national identification, binding foundations and perceived threat on the relationship between need for cognitive closure and prejudice against migrants in Malta // Journal of Community & Applied Social Psychology. 2022. Vol. 32. № 2. P. 172—185. DOI:10.1002/casp.2559
7. Caro Simes dos Reis M.I., Pilati R. Need for closure: Measure adaptation to Brazil and relation with moral foundations and Prosociality // Trends in Psychology. 2021. Vol. 29. № 1. P. 86—103. DOI:10.1007/s43076-020-00047-x

8. *Crowson H.M.* Multidimensionality of a unidimensional scale: The problems and potential of the need for closure scale for educational research [Электронный ресурс]. Alabama: ERIC, 2001. 28 p. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED460157.pdf> (дата обращения: 13.09.2024).
9. *Crowson H.M.* Revisiting the factorial validity of the 15-item Need for Closure Scale [Электронный ресурс] // *Individual Differences Research*. 2013. Vol. 11. № 4. P. 133—138. URL: <https://www.researchgate.net/profile/H-Crowson/publication/289021706> (дата обращения: 13.09.2024).
10. Disparate roads to certainty processing strategy choices under need for closure / *M. Kossowska, E. Szumowska, P. Dragon, K. Jaško, A.W. Kruglanski* // *European Review of Social Psychology*. 2018. Vol. 29. № 1. P. 161—211. DOI:10.1080/10463283.2018.1493066
11. Does inconsistency always lead to negative affect? The influence of need for closure on affective reactions to cognitive inconsistency / *D. Di Santo, M. Chernikova, A.W. Kruglanski, A. Pierro* // *International Journal of Psychology*. 2020. Vol. 55. № 5. P. 882—890. DOI:10.1002/ijop.12652
12. *Gendi M., Rubin M., Sanatkar S.* Understanding the relation between the need and ability to achieve closure: A single paper meta-analysis assessing subscale correlations // *New Ideas in Psychology*. 2023. Vol. 69. Article ID 101007. 6 p. DOI:10.1016/j.newideapsych.2022.101007
13. *Hair Jr.J.F., Sarstedt M.* Factors versus composites: Guidelines for choosing the right structural equation modeling method // *Project Management Journal*. 2019. Vol. 50. № 6. P. 619—624. DOI:10.1177/8756972819882132
14. How the mere desire for certainty can lead to a preference for men in authority (particularly among political liberals) / *C. Baldner, A. Pierro, D. Di Santo, C. Cabras* // *Journal of Applied Social Psychology*. 2021. Vol. 52. № 8. P. 710—720. DOI:10.1111/jasp.12830
15. *Moneta G.B., Yip P.P.Y.* Construct validity of the scores of the Chinese version of the Need for Closure Scale // *Educational and Psychological Measurement*. 2004. Vol. 64. № 3. P. 531—559. DOI:10.1177/0013164403258446
16. *Neuberg S.L., Judice T.N., West S.G.* What the need for closure scale measures and what it does not: Toward differentiating among related epistemic motives // *Journal of personality and social psychology*. 1997. Vol. 72. № 6. P. 1396—1412. DOI:10.1037//0022-3514.72.6.1396
17. Reporting reliability, convergent and discriminant validity with structural equation modeling: A review and best-practice recommendations / *G.W. Cheung, H.D. Cooper-Thomas, R.S. Lau, L.C. Wang* // *Asia Pacific Journal of Management*. 2023. Vol. 41. P. 745—783. DOI:10.1007/s10490-023-09871-y
18. *Rezazadeh M., Zarrinabadi N.* Examining need for closure and need for cognition as predictors of foreign language anxiety and enjoyment // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2023. Vol. 44. № 2. P. 83—95. DOI:10.1080/01434632.2020.1798972
19. Risk-perception change associated with COVID-19 vaccine’s side effects: the role of individual differences / *L. Colautti, A. Cancer, S. Magenes, A. Antonietti, P. Iannello* // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. № 3. Article ID 1189. 14 p. DOI:10.3390/ijerph19031189
20. *Rodriguez A., Reise S.P., Haviland M.G.* Evaluating bifactor models: Calculating and interpreting statistical indices // *Psychological methods*. 2016. Vol. 21. № 2. P. 137—150. DOI:10.1037/met0000045
21. *Roets A., Van Hiel A.* Item selection and validation of a brief, 15-item version of the Need for Closure Scale // *Personality and Individual Differences*. 2011. Vol. 50. № 1. P. 90—94. DOI:10.1016/j.paid.2010.09.004
22. *Roets A., Van Hiel A.* Separating ability from need: Clarifying the dimensional structure of the need for closure scale // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2007. Vol. 33. № 2. P. 266—280. DOI:10.1177/0146167206294744
23. *Schlink S., Walther E.* Kurz und gut: Eine deutsche Kurzsкала zur Erfassung des Bedürfnisses nach kognitiver Geschlossenheit [Short and sweet: A German short scale to measure need for cognitive closure] // *Zeitschrift für Sozialpsychologie*. 2007. Vol. 38. № 3. P. 153—161. DOI:10.1024/0044-3514.38.3.153
24. The epistemic bases of changes of opinion and choices: The joint effects of the need for cognitive closure, ascribed epistemic authority and quality of advice / *G. Pica, M. Milyavsky, A. Pierro, A.W. Kruglanski* // *European Journal of Social Psychology*. 2021. Vol. 51. № 4—5. P. 690—702. DOI:10.1002/ejsp.2753
25. The personal need for structure and personal fear of invalidity measures: Historical perspectives, current applications, and future directions / *M.M. Thompson, M.E. Naccarato, K.C.H. Parker, G.B. Moskowitz* // *Cognitive social psychology: The Princeton Symposium on the Legacy and Future of Social Cognition* / Ed. G.B. Moskowitz. New York: Psychology Press, 2001. P. 19—39. DOI:10.4324/9781410605887
26. *Viola M., Baldner C., Pierro A.* How and when need for cognitive closure impacts attitudes towards women managers (Cómo y cuándo la necesidad de cierre influye en las actitudes hacia las mujeres directivas) // *International Journal of Social Psychology*. 2023. Vol. 38. № 1. P. 157—191. DOI:10.1080/02134748.2022.2139065
27. *Wang Y.A., Rhemtulla M.* Power analysis for parameter estimation in structural equation modeling: A discussion and tutorial // *Advances in Methods and Practices in Psychological Science*. 2021. Vol. 4. № 1. 17 p. DOI:10.1177/2515245920918253
28. *Webster D.M., Kruglanski A.W.* Individual differences in need for cognitive closure // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol. 67(6). P. 1049—1062. DOI:10.1037//0022-3514.67.6.1049

29. White H.A. Need for cognitive closure predicts stress and anxiety of college students during COVID-19 pandemic // *Personality and Individual Differences*. 2022. Vol. 187. Article ID 111393. 4 p. DOI:10.1016/j.paid.2021.111393
30. Wnuk A., Oleksy T., Toruczyk-Ruiz S. A cognitively-gated place? the role of need for closure in a biased perception of the place's past // *Current Psychology*. 2019. Vol. 40. P. 3659—3670. DOI:10.1007/s12144-019-00310-0
31. Zkrácená škála kognitivního uzavření: struktura české verze u vzorku studentů učitelství a učitelů / K. Vlčková, S. Ježek, T. Kohoutek, J. Mareš // *Orbis scholae*. 2019. Vol. 13. № 2. P. 49—64. DOI:10.14712/23363177.2019.11

References

1. Khukhlaev O.E., Pavlova O.S. “Mne izvestno, chto mne nichego ne izvestno”. Sotsial’no-kognitivnye predposylki podderzhki radikal’nykh vzglyadov [“I Know that I don’t Know Anything”. Socio-Cognitive Antecedents of the Radicalization]. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2021. Vol. 12, no. 3, pp. 87—102. DOI:10.17759/sps.2021120307 (In Russ.).
2. Yasin M.I., Ryabichenko T.A. Kognitivnye prediktory gibridnoi i al’ternativnoi identifikatsii v polikul’turnoi srede: obzor zarubezhnykh issledovaniy [Cognitive predictors of hybrid and alternative identification in multicultural environment: review of foreign studies]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2021. Vol. 10, no. 3, pp. 79—91. DOI:10.17759/jmfp.2021100308 (In Russ.).
3. Yasin M.I., Khukhlaev O.E. Russkoyazychnaya adaptatsiya oprosnika D. Vebster i A. Kruglyanski “Stremlenie k kognitivnoi zakrytosti» [Russian-Language Adaptation of the Questionnaire D. Webster and A. Kruglyanski «The Need for Cognitive Closure”]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2023. Vol. 20, no. 2, pp. 282—299. DOI:10.17323/1813-8918-2023-2-282-299 (In Russ.).
4. Albarello F., Contu F., Baldner C., Vecchione M., Ellenberg M., Kruglanski A.W., Pierro A. At the roots of Allport’s “prejudice-prone personality”: The impact of need for cognitive closure on prejudice towards different outgroups and the mediating role of binding moral foundations. *International Journal of Intercultural Relations*, 2023. Vol. 97, article ID 101885. 14 p. DOI:10.1016/j.ijintrel.2023.101885
5. Berenbaum H., Bredemeier K., Thompson R.J. Intolerance of uncertainty: Exploring its dimensionality and associations with need for cognitive closure, psychopathology, and personality. *Journal of Anxiety Disorders*, 2008. Vol. 22, no. 1, pp. 117—125. DOI:10.1016/j.janxdis.2007.01.004
6. Bianco F., Kosic A., Pierro A. The mediating role of national identification, binding foundations and perceived threat on the relationship between need for cognitive closure and prejudice against migrants in Malta. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 2022. Vol. 32, no. 2, pp. 172—185. DOI:10.1002/casp.2559
7. Caro Simes dos Reis M.I., Pilati R. Need for closure: Measure adaptation to Brazil and relation with moral foundations and Prosociality. *Trends in Psychology*, 2021. Vol. 29, no 1, pp. 86—103. DOI:10.1007/s43076-020-00047-x
8. Crowson H.M. Assessing the Multidimensionality of a Unidimensional Scale: The Problems and Potential of the Need for Closure Scale for Educational Research [Electronic resource]. Alabama: ERIC, 2001. 28 p. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED460157.pdf> (Accessed 13.09.2024).
9. Crowson H.M. Revisiting the factorial validity of the 15-item Need for Closure Scale [Electronic resource]. *Individual Differences Research*, 2013. Vol. 11, no. 4, pp. 133—138. URL: <https://www.researchgate.net/profile/H-Crowson/publication/289021706> (Accessed 13.09.2024).
10. Kossowska M., Szumowska E., Dragon P., Jaško K., Kruglanski A.W. Disparate roads to certainty processing strategy choices under need for closure. *European Review of Social Psychology*, 2018. Vol. 29, no. 1, pp. 161—211. DOI:10.1080/10463283.2018.1493066
11. Di Santo D., Chernikova M., Kruglanski A.W., Pierro A. Does inconsistency always lead to negative affect? The influence of need for closure on affective reactions to cognitive inconsistency. *International Journal of Psychology*, 2020. Vol. 55, no. 5, pp. 882—890. DOI:10.1002/ijop.12652
12. Gendi M., Rubin M., Sanatkar S. Understanding the relation between the need and ability to achieve closure: A single paper meta-analysis assessing subscale correlations. *New Ideas in Psychology*, 2023. Vol. 69, article ID 101007. 6 p. DOI:10.1016/j.newideapsych.2022.101007
13. Hair Jr.J.F., Sarstedt M. Factors versus composites: Guidelines for choosing the right structural equation modeling method. *Project Management Journal*, 2019. Vol. 50, no. 6, pp. 619—624. DOI:10.1177/8756972819882132
14. Baldner C., Pierro A., Di Santo D., Cabras C. How the mere desire for certainty can lead to a preference for men in authority (particularly among political liberals). *Journal of Applied Social Psychology*, 2021. Vol. 52, no. 8, pp. 710—720. DOI:10.1111/jasp.12830
15. Moneta G.B., Yip P.P.Y. Construct validity of the scores of the Chinese version of the Need for Closure Scale. *Educational and Psychological Measurement*, 2004. Vol. 64, no. 3, pp. 531—559. DOI:10.1177/0013164403258446
16. Neuberg S.L., Judice T.N., West S.G. What the need for closure scale measures and what it does not: Toward differentiating among related epistemic motives. *Journal of personality and social psychology*, 1997. Vol. 72, no. 6, pp. 1396—1412. DOI:10.1037//0022-3514.72.6.1396

17. Cheung G.W., Cooper-Thomas H.D., Lau R.S., Wang L.C. Reporting reliability, convergent and discriminant validity with structural equation modeling: A review and best-practice recommendations. *Asia Pacific Journal of Management*, 2023. Vol. 41, pp. 745—783. DOI:10.1007/s10490-023-09871-y
18. Rezazadeh M., Zarrinabadi N. Examining need for closure and need for cognition as predictors of foreign language anxiety and enjoyment. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2023. Vol. 44, no. 2, pp. 83—95. DOI:10.1080/01434632.2020.1798972
19. Colautti L., Cancer A., Magenes S., Antonietti A., Iannello P. Risk-perception change associated with COVID-19 vaccine’s side effects: the role of individual differences. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022. Vol. 19, no. 3, article ID 1189. 14 p. DOI:10.3390/ijerph19031189
20. Rodriguez A., Reise S.P., Haviland M.G. Evaluating bifactor models: Calculating and interpreting statistical indices. *Psychological methods*, 2016. Vol. 21, no. 2, pp. 137—150. DOI:10.1037/met0000045
21. Roets A., Van Hiel A. Item selection and validation of a brief, 15-item version of the Need for Closure Scale. *Personality and Individual Differences*, 2011. Vol. 50, no. 1, pp. 90—94. DOI:10.1016/j.paid.2010.09.004
22. Roets A., Van Hiel A. Separating ability from need: Clarifying the dimensional structure of the need for closure scale. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2007. Vol. 33, no. 2, pp. 266—280. DOI:10.1177/0146167206294744
23. Schlink S., Walther E. Kurz und gut: Eine deutsche Kurzsкала zur Erfassung des Bedürfnisses nach kognitiver Geschlossenheit [Short and sweet: A German short scale to measure need for cognitive closure]. *Zeitschrift für Sozialpsychologie*, 2007. Vol. 38, no. 3, pp. 153—161. DOI:10.1024/0044-3514.38.3.153
24. Pica G., Milyavsky M., Pierro A., Kruglanski A.W. The epistemic bases of changes of opinion and choices: The joint effects of the need for cognitive closure, ascribed epistemic authority and quality of advice. *European Journal of Social Psychology*, 2021. Vol. 51, no. 4—5, pp. 690—702. DOI:10.1002/ejsp.2753
25. Thompson M.M., Naccarato M.E., Parker K.C.H., Moskowitz G.B. The personal need for structure and personal fear of invalidity measures: Historical perspectives, current applications, and future directions. In Moskowitz G.B. (ed.), *Cognitive social psychology: The Princeton Symposium on the Legacy and Future of Social Cognition*. New York: Psychology Press, 2001, pp. 19—39. DOI:10.4324/9781410605887
26. Viola M., Baldner C., Pierro A. How and when need for cognitive closure impacts attitudes towards women managers [Cómo y cuándo la necesidad de cierre influye en las actitudes hacia las mujeres directivas]. *International Journal of Social Psychology*, 2023. Vol. 38, no. 1, pp. 157—191. DOI:10.1080/02134748.2022.2139065
27. Wang Y.A., Rhemtulla M. Power analysis for parameter estimation in structural equation modeling: A discussion and tutorial. *Advances in Methods and Practices in Psychological Science*, 2021. Vol. 4, no. 1. 17 p. DOI:10.1177/2515245920918253
28. Webster D.M., Kruglanski A.W. Individual differences in need for cognitive closure. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1994. Vol. 67(6), pp. 1049—1062. DOI:10.1037//0022-3514.67.6.1049
29. White H.A. Need for cognitive closure predicts stress and anxiety of college students during COVID-19 pandemic. *Personality and Individual Differences*, 2022. Vol. 187, article ID 111393. 4 p. DOI:10.1016/j.paid.2021.111393
30. Wnuk A., Oleksy T., Toruńczyk-Ruiz S. A cognitively-gated place? the role of need for closure in a biased perception of the place’s past. *Current Psychology*, 2019. Vol. 40, pp. 3659—3670. DOI:10.1007/s12144-019-00310-0
31. Vlčková K., Ježek S., Kohoutek T., Mareš J. Zkrácená kognitivního uzavření: struktura české verze u vzorku studentů učitelství a učitelů. *Orbis scholae*, 2019. Vol. 13, no. 2, pp. 49—64. DOI:10.14712/23363177.2019.11

Информация об авторах

Ясин Мирослав Иванович, аспирант Аспирантской школы по психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6249-8527>, e-mail: yasin.mi@yandex.ru

Information about the authors

Miroslav I. Yasin, PhD Student of Doctoral School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6249-8527>, e-mail: yasin.mi@yandex.ru

Получена 22.03.2024

Received 22.03.2024

Принята в печать 13.09.2024

Accepted 13.09.2024

Индивидуально-личностные предикторы психологического состояния женщин в период беременности: системный обзор

Болзан Н.А.

*Белорусский государственный университет (БГУ), г. Минск, Республика Беларусь
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3591-5276>, e-mail: nika.bolzan@gmail.com*

В статье проводится комплексный анализ индивидуально-личностных предикторов психологического состояния женщины в период беременности. Целью данного обзора являются систематизация и анализ исследований индивидуально-личностных предикторов психологического состояния женщины во время беременности. В качестве методологии исследования использовались рекомендации для систематических обзоров (PRISMA). В итоговый анализ было включено 31 исследование на русском и английском языках. На основе данных статей был проведен анализ негативных, позитивных и амбивалентных индивидуально-личностных предикторов психологического состояния женщины во время беременности. Среди негативных факторов отмечаются негативный прошлый опыт, нейротизм и эмоциональная лабильность. В качестве позитивных предикторов анализируются развитые копинг-стратегии, экстраверсия, эмоциональная стабильность, добросовестность и самоэффективность. Амбивалентные факторы представлены знаниями о беременности и родах, стремлением к контролю, эмпатией и эмоциональным интеллектом. Особое внимание уделено подробному и тщательному обзору исследований по данной теме, выявлению пробелов и противоречивых данных. Заключение подчеркивает важность комплексного подхода к психологической поддержке беременных женщин.

Ключевые слова: беременность, индивидуально-личностные особенности беременных, перинатальная психология, психологическое состояние беременных женщин, предикторы психологического состояния, систематический обзор.

Для цитаты: Болзан Н.А. Индивидуально-личностные предикторы психологического состояния женщин в период беременности: системный обзор [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 41–51. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130304>

Individual Psychological Characteristics of Women During Pregnancy

Nika A. Bolzan

*Belarusian State University, Minsk, Belarus
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3591-5276>, e-mail: nika.bolzan@gmail.com*

This article provides a comprehensive analysis of individual personality predictors of a woman's psychological state during pregnancy. The purpose of this review is to systematize and analyze studies of individual personal predictors of a woman's psychological state during pregnancy. The study methodology was based on the Guidelines for Systematic Reviews (PRISMA). The final analysis included 31 studies in Russian and English. Based on these latest data set an analysis of negative, positive and ambivalent individual predictors of a woman's psychological state during pregnancy was carried out. Negative factors include negative past experiences, neuroticism and emotional lability. Developed coping strategies, extraversion, emotional stability, conscientiousness and self-efficacy are analyzed as positive predictors. Ambivalent factors are represented by knowledge about pregnancy and childbirth, the desire for control, empathy and emotional intelligence. Particular attention is paid to a detailed and thorough review of research on the topic, identifying gaps and conflicting data. The conclusion emphasizes the importance of an integrated approach to psychological support for pregnant women.

Keywords: pregnancy, individual and personal characteristics of pregnant women, perinatal psychology, psychological state of pregnant women, predictors of psychological state, systematic review.

For citation: Bolzan N.A. Individual Psychological Characteristics of Women During Pregnancy [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2024. Vol. 13, no. 3, pp. 41–51. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130304> (In Russ.).

Введение

Беременность представляет собой не только особый физиологический процесс, но и глубокое психологическое переживание для женщины, сопровождаемое комплексом эмоциональных, когнитивных и социальных изменений [4; 17]. Во время беременности женщины могут испытывать эмоциональную лабильность, раздражительность, повышенную тревожность, чувствительность, подозрительность, астению, снижение активности и неадекватную самооценку [4; 7; 23]. Многие исследователи описывают беременность как «психологическую нагрузку», сопровождаемую частыми колебаниями настроения, варьирующими от возбуждения до острого стресса [27]. В современной науке накоплено достаточно данных о том, что психоэмоциональное состояние беременной женщины может оказывать влияние на течение беременности и родов, развитие акушерских осложнений, а также на самочувствие матери в послеродовой период [10; 15; 23; 27]. Некоторые исследователи отмечают, что особое психологическое состояние женщины во время беременности, такое как тревожность или депрессия, может вносить вклад в 10—15% случаев развития эмоциональных и поведенческих проблем будущего ребенка, в том числе эмоциональных нарушений, признаков СДВГ и проблем в когнитивном развитии [6]. Негативное психологическое состояние женщины во время беременности является достаточно распространенной проблемой; так, было выявлено, что клинически высокие симптомы тревоги диагностируются у 18—24% беременных женщин [10]. Актуальные исследования указывают на то, что распространенность депрессии во время беременности достигает 17,2% [10].

Несмотря на это, изучению психологических факторов, которые способны оказать влияние на психологическое состояние женщины при беременности, уделяется не так много внимания. Заметна тенденция акцентировать внимание на физическом здоровье матери и плода, минимизируя важность психического состояния и приписывая эмоциональные жалобы физиологическим и гормональным изменениям, характерным для беременности [11]. В большинстве же существующих работ по данной теме рассматриваются социально-демографические и медицинские факторы: возраст матери, социально-экономический и семейный статус, прошлая история беременности, уровень образования и социальной поддержки [25]. Гораздо меньшее число исследований посвящено изучению взаимосвязи между различными индивидуально-личностными особенностями женщины и ее психологическим состоянием во время беременности. Хотя имеются убедительные доказательства того, что данные факторы также вносят вклад в психоэмоциональное состояние беременной женщины, а помимо этого, дают важное понимание о возможностях коррекции этого состояния и оказания грамот-

ной психологической поддержки [21; 22]. На данный момент не было предпринято попытки систематизировать данные исследования, чтобы концептуализировать личностные факторы, вносящие вклад в психологическое состояние женщины в процессе беременности. Кроме того, некоторые исследования демонстрируют противоречащие результаты. Понимание индивидуально-психологических особенностей в этот период имеет ключевое значение для обеспечения адекватной поддержки и помощи женщинам, а также для предотвращения потенциальных психологических проблем.

Таким образом, целью данного обзора являются систематизация и анализ исследований индивидуально-личностных предикторов психологического состояния женщины во время беременности, включая эмоциональное благополучие и психическое здоровье. Объектом исследования выступают индивидуально-личностные предикторы психологического состояния женщин в период беременности. Предметом являются эмпирические исследования, посвященные изучению данной темы.

В рамках исследования ставятся следующие задачи.

1. Выделение исследовательских и методологических проблем разработки вопроса психологического состояния женщин в период беременности.
2. Поиск и отбор исследований, изучающих индивидуально-личностные предикторы психологического состояния женщины в период беременности.
3. Анализ и систематизация отобранных исследований, выделение категорий предикторов.
4. Построение модели влияния индивидуально-личностных предикторов психологического состояния женщины во время беременности.

Актуальность данной темы обусловлена не только социальной значимостью беременности как ключевого этапа в жизни женщины, но и необходимостью глубокого понимания психологических механизмов, которые могут влиять на благополучие матери и ребенка. Исследование этих аспектов способствует разработке эффективных подходов к психологической поддержке и помощи в этот важный период. На данный момент не проводилось системных обзоров, направленных на изучение непосредственно индивидуально-личностных предикторов, влияющих на психологическое состояние женщины в период беременности.

Методы и процедура исследования

Проведенное исследование представляет собой системный обзор без метаанализа. Методологической основой исследования стал перечень рекомендаций «Предпочтительные элементы отчетности для систематических обзоров и метаанализов» (PRISMA) [29].

Критерии включения исследований: в обзор включены исследования, опубликованные с 1990 по 2024 год, посвященные анализу личностных факторов

и их влияния на психологическое состояние беременных женщин. Исследования включались, если они: 1) представляли собой эмпирические исследования со статистическим анализом данных на русском и английском языках, 2) выборку исследования представляли беременные женщины, 3) были доступны в полном тексте, 4) были опубликованы в рецензируемом журнале, 5) изучали индивидуально-личностные особенности женщин в период беременности (то, что определяет индивидуальные различия в чувствах, мыслях и поведении). Не включались статьи, представляющие собой обзор литературы, а также исследования без предоставления результатов статистического анализа.

Поиск литературы проводился в научных базах данных, таких как PubMed, PsycINFO, Embase и eLibrary.

Использовались ключевые слова и их комбинации на русском и английском языках, включая «беременность», «психоэмоциональное состояние», «психическое здоровье», «личностные факторы», «благополучие» и другие схожие термины.

Данные из отобранных исследований были извлечены и систематизированы. Основное внимание уделялось целям исследования, методологии, основным результатам и выводам. Качество включенных исследований оценивалось на основе их методологии, представленности выборки, точности и объективности результатов. Оценка приемлемости включения исследований в обзор и извлечение данных производились автором статьи. Схема отбора и включения статей представлена на рис. 1.

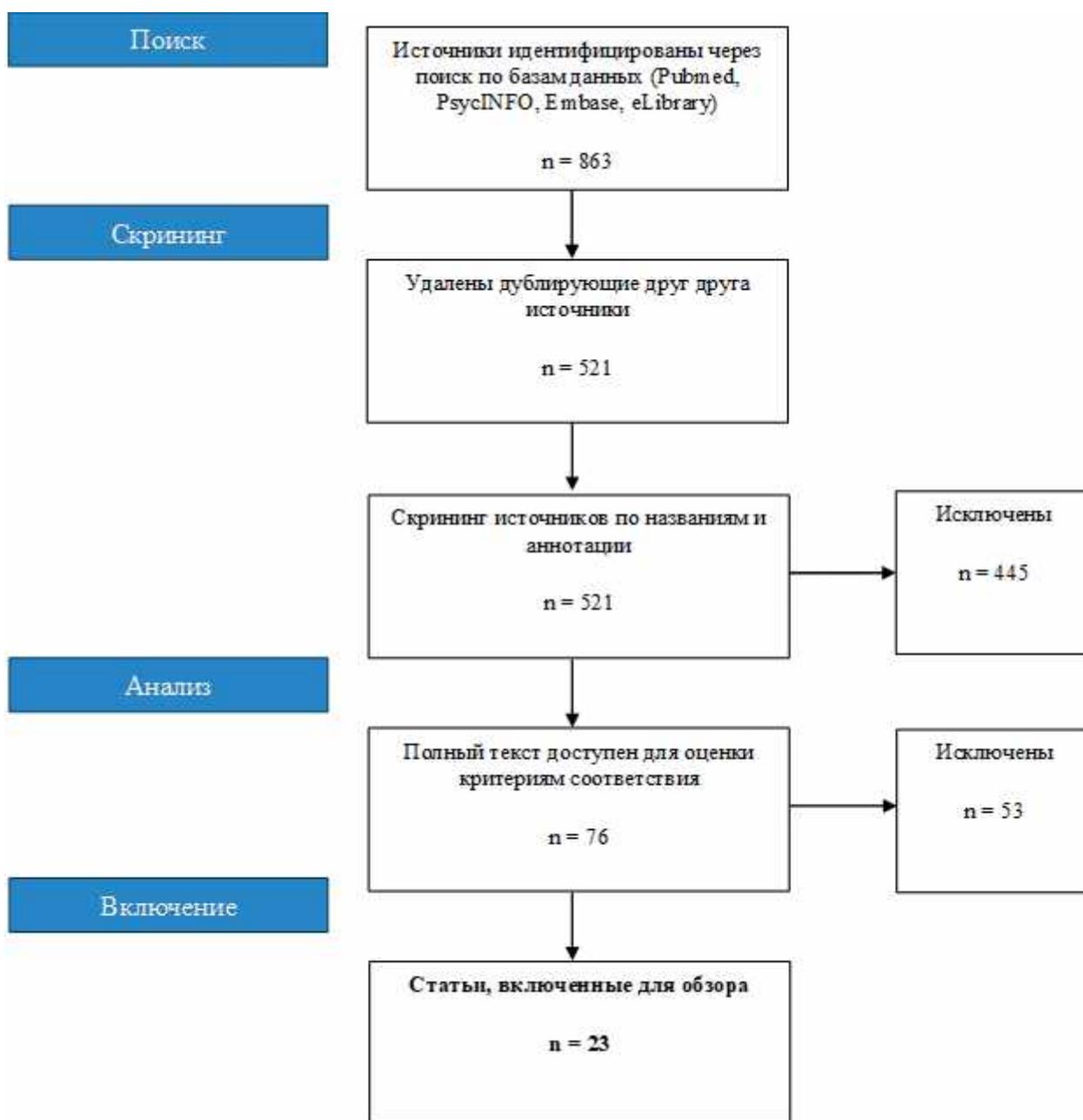

Рис. 1. Схема отбора исследований для обзора

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты отобранных исследований были синтезированы для формирования обобщенного понимания влияния личностных факторов на психологическое состояние беременных женщин. Были применены качественные методы анализа данных, в итоге применения которых было выделено 863 статьи. После применения критериев отбора и исключения дублирующих друг друга и несоответствующих исследований, для детального анализа была отобрана 31 статья. Анализируемые исследования включали работы, охватывающие различные аспекты личностных факторов и их влияния на психологическое состояние женщин в период беременности. Географическое распределение исследований охватывало разные регионы, включая страны СНГ, Европу, Северную Америку и Азию. В большинстве исследований применялись линейные регрессионные модели, а также корреляционный и сравнительный анализ в качестве методов статистического анализа. Оценка качества исследований показала, что большинство из них имеют приемлемый уровень доказательности, с адекватной методологией и обоснованными выводами.

Выделенные факторы были распределены по трем категориям.

1. **Негативные** — в исследованиях было установлено негативное влияние или взаимосвязь предиктора с психологическим состоянием женщины в период беременности, а именно ухудшение психологического благополучия, рост симптомов депрессии, тревоги и стресса, усиление тревоги и страха перед родами, негативного отношения к беременности.

2. **Позитивные** — исследования показали существование взаимосвязи индивидуально-личностных характеристик на психологическое состояние беременных женщин, а также их возможное влияние на него, что проявлялось в виде улучшения психологического благополучия и усиления положительного отношения к беременности, снижения симптомов депрессии, тревоги и стресса, страха перед родами.

3. **Амбивалентные** — в разных исследованиях были обнаружены как позитивные, так и негативные взаимосвязи данных предикторов с психологическим состоянием женщины в период беременности.

Результаты проведенного обзора были систематизированы в табл. 1.

Таким образом, в данном анализе была предпринята попытка рассмотреть и систематизировать те индивидуально-личностные факторы, которые, по данным различных исследований, могут влиять на психологическое состояние женщины в период бере-

Таблица 1

Индивидуально-личностные предикторы психологического состояния женщин во время беременности, выявленные в процессе систематического обзора литературы

Название	Следствия для психологического состояния	Исследования
<i>Негативные факторы</i>		
Отрицательный жизненный опыт	Стресс, высокая тревожность, избегание проблем, соматические реакции	Б. Ларссон и др. (B. Larsson et al.), 2023 [14]
Нейротизм, тревожность как личностная черта	Тревога, депрессия, стресс, психосоматические реакции	Д. Дудек и др. (D. Dudek et al.), 2014 [24]; Р. Дж. Джонстон, А. Е. Браун (R.G. Johnston, A.E. Brown), 2013 [13]; Р. Мартин-Сантос и др. (R. Martin-Santos et al.), 2012 [12]; У. Мингли и др. (Y. Mingli et al.), 2020 [28]; М. Роман (M. Roman et al.), 2019 [21]; Дж. К. ван Бюссел и др. (J.C. van Bussel et al.), 2009 [31];
Эмоциональная лабильность	Тревога, дезадаптация, стресс	О.Д. Высочина, 2022 [2]; Н.А. Сейвори и др. (N.A. Savory et al.), 2021 [24]
<i>Позитивные факторы</i>		
Копинг-стратегии	Психологическое благополучие, конструктивные поведенческие стратегии	Ю.И. Буйнова, 2019 [1]; I. Artieta-Pinedo et al., 2023 [9]
Экстраверсия	Психологическое благополучие, положительное отношение к беременности и родам, низкий уровень стресса, высокий уровень социальной поддержки	Р. Оцтюрк и О. Гюнер (R. ztrk, . Gner), 2020 [19]; К. Малишевска и др. (K. Maliszewska et al), 2016 [22]; Дж. Веркерк и др. (J.G. Verkerk et al), 2005 [20]
Эмоциональная стабильность	Уменьшение вероятности депрессии и тревожности; позитивное отношение к родам и беременности	Э. Ассельманн и др. (E. Asselmann et al.), 2021 [5]; Л. Джонс и др. (L. Jones et al.), 2010 [8]; Р. Серра и др. (R. Serra et al.) 2023 [30]
Добросовестность	Уменьшение вероятности депрессии и тревожности; позитивное отношение к родам и беременности	Э.М. Маршалл и др. (E.M. Marshall et al.), 2015 [16]; И.М. Гёненч и др. (I.M. Gönenç et al), 2019 [26]
Самозффективность	Положительное отношение к беременности и родам	А. Юксель и др. (A. Yüksel et al.), 2019 [32]

Название	Следствия для психологического состояния	Исследования
<i>Амбивалентные факторы</i>		
Знание о беременности и родах	Низкий и высокий уровень стресса, страх перед родами	В. Баранов и др. (V. Baranov et al.), 2020 [17]
Стремление к контролю	Низкий и высокий уровень стресса	Н.В. Палиева и др., 2023 [3]
Эмпатия и эмоциональный интеллект	Психологическая готовность к материнству, страх перед родами	С. Озер и З. Йилар Эркек (S. Ozer, Z. Yilar Erkek), 2021 [18]

менности. Далее будет приведено обсуждение полученных результатов. В качестве первой категории были выделены те предикторы, которые негативно влияют на состояние женщины, усиливая дистресс.

Основное внимание в этих исследованиях уделяется личностным чертам женщины, ее предыдущему жизненному опыту, а также способам совладания со стрессом и механизмам его преодоления. Предыдущий опыт женщины влияет на ее восприятие беременности. Исследование Б. Ларссона и коллег показывает, что женщины, которые ранее пережили трудные беременности или роды, могут подходить к последующей беременности с большей осторожностью и тревожностью [14]. Женщины, столкнувшиеся с патологической беременностью, часто склонны к беспокойству и повышенному стрессу; они убеждены в возможности неудачи, что усиливает негативный эмоциональный фон во время вынашивания ребенка [14]. Их уверенность в себе может усилиться лишь после рождения ребенка, что кардинально отличает их от женщин, чья беременность проходит без осложнений. Такое негативное воздействие психотравмирующих обстоятельств может приводить к тому, что у них развиваются разнообразные психические нарушения, такие как невротические состояния, астения, избегание проблем и соматические реакции.

Следующая категория негативных факторов, способствующих тревоге и стрессу, включает определенные черты личности — в первую очередь нейротизм и эмоциональную лабильность. Влияние индивидуальных особенностей на переживание беременности представляет собой многоаспектное поле исследований, основанных на понимании того, как различные психологические характеристики женщины могут формировать ее восприятие и переживание этого ключевого периода в ее жизни. Клинические данные свидетельствуют о важности эмоциональной устойчивости для здорового течения беременности [2; 24]. Часто у беременных с низким уровнем благополучия обнаруживаются невротические симптомы, такие как общая эмоциональная неустойчивость, раздражительность, повышенная чувствительность, умственное истощение и стресс, усиливающиеся из-за преобладающего пессимизма [13; 14; 21; 24; 28]. Личности с невротическими особенностями более подвержены стрессу и беспокойству в период беременности, в то время как более стабильные личности лучше адаптируются к изменениям, связанным с беременностью [12; 14]. Например, исследование М. Роман и коллег показало, что более высокий уровень нейротизма свя-

зан с развитием депрессии у женщин, как в пренатальный, так и в постнатальный периоды [21]. В ряде исследований было обнаружено, что низкие уровни эмоциональной устойчивости связаны с негативными аспектами психоэмоционального состояния беременных [24]. Действительно, эмоциональная устойчивость может считаться универсальным фактором, располагающим к достижению психологического благополучия, и ее значение при беременности особенно важно: эмоционально устойчивые женщины могут испытывать меньше негативных эмоций, меньше тревожиться за будущие роды и здоровье ребенка, проявлять оптимизм, важный для позитивного функционирования.

Стоит отметить, что беременность часто рассматривается экспертами и как период, предоставляющий возможности для личностного роста и развития женщины, что может привести к новому уровню качества жизни. [1; 5]. Можно говорить о беременности как о кризисе, который в благоприятных условиях может способствовать достижению личной зрелости, оказывая значительное влияние как на мать, так и на ее ранние эмоциональные связи с ребенком. Однако, несмотря на то, что все чаще беременность рассматривается как период, предоставляющий возможности для индивидуального развития женщины, положительные факторы, влияющие на состояние беременной женщины, действительно остаются менее изученными по сравнению с отрицательными. Это может быть обусловлено несколькими ключевыми причинами. Традиционно исследования в области психологии беременности склонны акцентировать внимание на проблемах и трудностях, таких как депрессия, тревожность, стресс и психосоматические расстройства [9; 19]. Это связано с тем, что негативные факторы оказывают непосредственное и очевидное влияние на благополучие матери и ребенка, требуя немедленного вмешательства. Изучение позитивных сторон беременности предполагает анализ сложных, часто субъективных и многогранных психологических процессов, таких как эмоциональный рост, укрепление самооценки и развитие чувства собственного Я. Это требует более сложных методологических подходов и долгосрочных исследований, что может быть менее доступно и более трудоемко. Общественные представления о беременности часто фокусируются на трудностях и вызовах, что может ограничивать интерес исследователей к позитивным компонентам. Такие стереотипы могут влиять на направления исследований в этой области.

К первой категории среди положительных факторов относятся эффективные способы совладания со стрессом и развитые копинг-механизмы. Женщины, легко преодолевающие стресс за счет таких стратегий, как использование физических упражнений, техник релаксации, посещение сеансов психотерапии, способны с большим успехом совладать с физическими и эмоциональными трудностями беременности [9]. И. Артиета-Пинедо и коллеги обнаружили, что женщины в период беременности, предпочитающие более активные копинг-стратегии, демонстрируют более высокий уровень психологического благополучия [9]. В другом исследовании акцентируется внимание на связи между способностью женщины структурировать свое поведение в период беременности и ее благоприятным исходом [1]. Изучалось, как поведенческие подходы, основанные на когнитивном, эмоциональном и волевом регулировании, способствуют достижению цели — рождению здорового младенца. Сравнительный анализ выявил, что женщины, столкнувшиеся с осложненным течением беременности, чаще обладают низким уровнем внутреннего контроля над своим здоровьем, предоставляя решения внешним факторам и другим людям [1]. Такие женщины склонны к ошибочному пониманию жизненных ситуаций и непоследовательности в оценке своих поступков. Проведенные исследования указывают на то, что осознание себя в качестве активного участника процесса беременности и как человека, ответственного за свое состояние в такой сложной ситуации, как беременность, позволяет женщинам полагаться на свои внутренние ресурсы и использовать эффективные поведенческие стратегии для успешного течения беременности.

Наконец, среди личностных факторов изучен положительный эффект экстраверсии, эмоциональной стабильности и добросовестности на течение беременности и родов. Как отмечают Р. Оцтюрк и О. Гюнер, экстраверсия как личностная черта также может оказывать положительное влияние на переживание беременности и родов [19]. Экстраверты, как правило, обладают большим оптимизмом, и склонностью к активному общению, что может усиливать социальную поддержку, улучшать их настроение и уменьшать чувство изоляции во время беременности [19; 20; 22]. Эти факторы могут способствовать более легкой адаптации к изменениям, связанным с беременностью, и уменьшению ощущения стресса. Экстраверты часто находят удовольствие в обмене опытом с другими беременными женщинами или мамами, что создает дополнительную систему поддержки и снижает риск развития послеродовой депрессии.

Исследования демонстрируют, что женщины с высокой эмоциональной стабильностью менее подвержены риску развития депрессивных и тревожных симптомов, а также расстройств в период беременности и после рождения ребенка [5; 8; 30]. Кроме того, было установлено, что высокие показатели

других характеристик личности из модели «Большой пятерки», в частности добросовестности, коррелируют с более низким риском постнатальной депрессии или тревожности [16; 26]. Повышенная добросовестность коррелирует с укреплением чувства контроля, наличием целей и смысла в жизни, а также с более эффективной саморегуляцией [16]. Исходя из этого, женщины с более выраженной добросовестностью вероятнее успешно адаптируются к материнству. Помимо этого, в одном из исследований было выявлено, что самооффективность во время беременности связана с более низким уровнем страха перед родами и меньшей выраженностью психологических проблем [32].

Ряд исследований демонстрируют противоречивые данные о некоторых личностных факторах. Одни работы выделяют их позитивный эффект на психологическое состояние беременной женщины, другие, наоборот, — негативный. Эти факторы также были проанализированы, была предпринята попытка дать объяснение их амбивалентному влиянию.

Знания о беременности и родах могут оказывать как позитивное, так и негативное влияние на психологическое состояние беременной женщины. С одной стороны, хорошо информированные женщины могут чувствовать себя более уверенно и подготовленно к предстоящим изменениям и вызовам, что уменьшает их тревожность и стресс [17]. С другой стороны, избыток информации, особенно если она содержит негативные или пугающие сценарии, может усилить тревогу и беспокойство, как это было выявлено в исследовании В. Баранова [17]. Таким образом, когда информация о беременности и родах представлена в сбалансированной, позитивной и поддерживающей форме, она может способствовать укреплению психологической устойчивости и уверенности в своих силах. Если информация слишком детализирована, сосредоточена на рисках и осложнениях, она может вызвать излишнюю тревогу и даже фобии, связанные с беременностью и родами.

Следующим фактором является стремление к контролю. Н.В. Палиева с соавторами в своей работе указывают, что стремление к контролю может помочь женщине чувствовать себя более уверенно и организованно, однако чрезмерное стремление к контролю может привести к повышенному стрессу, особенно если возникают ситуации, выходящие за рамки ее контроля [3]. В умеренных дозах стремление к контролю может способствовать планированию, подготовке к родам и созданию благоприятной среды для беременности. Чрезмерное стремление к контролю, особенно в условиях, которые не могут быть полностью контролируемыми, может привести к увеличению стресса и разочарованию [3]. Таким образом, важно стремиться к сбалансированному контролю, который дает возможность учесть будущие трудности и снизить вероятность их проявления, но в то же время позволяет отпускать контроль в ситуациях, не поддающихся изменению.

Некоторые личностные качества могут иметь амбивалентное влияние в зависимости от обстоятельств и контекста [18]. Например, высокий уровень эмпатии и эмоционального интеллекта может быть полезен для установления связи с ребенком, но также может увеличить уровень стресса из-за повышенной чувствительности к окружающим проблемам. В исследовании С. Озер и З. Йилар Эркек было обнаружено, что высокий уровень эмоционального интеллекта у беременных женщин связан, с одной стороны, с большей готовностью к материнству, с другой — с повышением страха перед родами [18]. Однако, по нашему мнению, развитый эмоциональный интеллект все же важен для формирования благоприятного психологического состояния: он позволяет женщинам лучше понять изменения, происходящие с ними во время беременности, обеспечивает более эффективное управление эмоциями в межличностных отношениях и стрессовых ситуациях.

Таким образом, в результате анализа были определены негативные, позитивные и амбивалентные индивидуально-личностные характеристики, взаимосвязанные с психологическим состоянием беременной женщины, они представлены на инфографике (рис. 2). Стоит также отметить, что достаточно большое число индивидуальных показателей остаются до сих пор неизученными.

Заключение

В данной статье был проведен анализ индивидуально-личностных факторов, имеющих позитивное, негативное и амбивалентное влияние на психологическое состояние женщины в период беременности. Анализируя психологические особенности беременности, необходимо подчеркнуть ее сложную и многоаспектную природу. Беременность — это процесс существенных физиологических, психологических и социальных изменений, который несет в себе как потенциальные риски для психического здоровья, так и возможности для личностного роста и развития.

Был выявлен существенный пробел в исследовании психологического состояния беременных женщин, а также личностных факторов, влияющих на него. Помимо этого, были обнаружены многочисленные противоречия в подобного рода исследованиях, что может быть вызвано особенностями социокультурного контекста и методологическими сложностями при изучении данной темы. Важной проблемой является понимание того, как индивидуальные особенности, включая тип личности, предыдущий опыт и способы преодоления стресса, влияют на переживание беременности. Это знание может быть использовано для разработки эффективных подходов к психологическому консультированию и поддержке.

Стоит отметить, что выводы данного обзора являются ограниченными из-за малого числа доступных для анализа исследований, которые плюс к тому характеризуются относительно небольшими размерами выборок и качественной неоднородностью. Кроме того, ограничением данного обзора является исключение из анализа мотивов рождения ребенка и репродуктивных установок по причине того, что основным фокусом внимания были устойчивые и более стабильные личностные особенности беременных женщин.

Поддержание психологического благополучия беременных женщин имеет критическое значение не только для их собственного здоровья, но и для благополучия их будущих детей. Исследования в этой области должны продолжаться, чтобы обеспечить более глубокое понимание психологических аспектов беременности и разработку более эффективных стратегий поддержки и вмешательства для психологического благополучия нации. Следующим важным направлением может стать сопоставление более широкого круга факторов — личностных, социальных, медицинских, культурных — друг с другом, а также проведение метааналитического исследования по данной теме. В анализ могут быть включены в том числе мотивы рождения ребенка и репродуктивные установки, в которых во многом отражается синтез приведенных выше факторов.

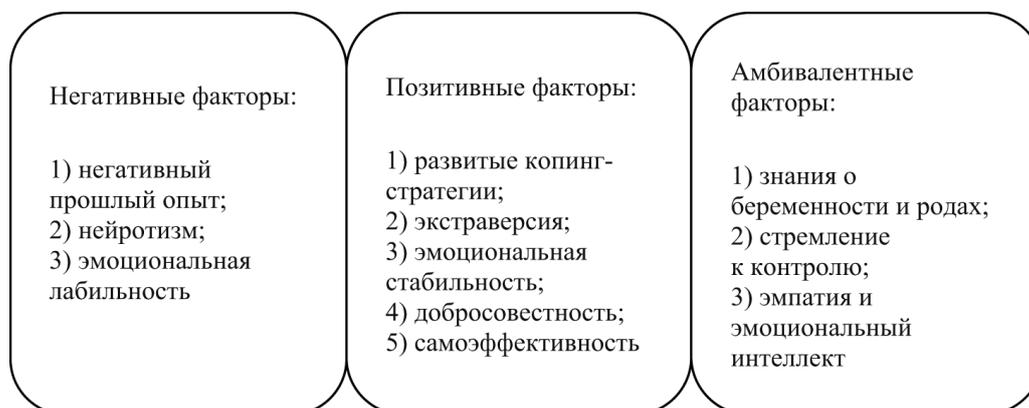

Рис. 2. Индивидуально-личностные факторы психологического состояния беременных женщин

Литература

1. Буйнова Ю.И. Различия в выраженности показателей отношения к беременности, локуса контроля и эмоционального состояния у женщин с запланированной и незапланированной беременностью [Электронный ресурс] // International journal of professional science. 2019. № 11. С. 45—51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41537702> (дата обращения: 10.09.2024).
2. Высочина О.Д. Эффективность психологической коррекции тревожных состояний у женщин в период осложнения беременности [Электронный ресурс] // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 12(76). С. 421—426. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50142082> (дата обращения: 10.09.2024).
3. Психологические особенности и состояние здоровья беременных женщин, угрожаемых по выкидышам и преждевременным родам [Электронный ресурс] / Н.В. Палиева, А.Ю. Тарасова, Ю.А. Петрова, В.В. Чернавский // Главный врач Юга России. 2023. № 2(88). С. 34—38. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53831656> (дата обращения: 10.09.2024).
4. A systematic review of psychological treatments for clinical anxiety during the perinatal period / S.A. Loughnan, M. Wallace, A.E. Joubert, H. Haskelberg, G. Andrews, J.M. Newby // Archives of Women's Mental Health. 2018. Vol. 21. № 5. P. 481—490. DOI:10.1007/s00737-018-0812-7
5. Asselmann E, Garthus-Niegel S., Martini J. Personality impacts fear of childbirth and subjective birth experiences: A prospective-longitudinal study // PLoS One. 2021. Vol. 16. № 11. Article ID e0258696. 15 p. DOI:10.1371/journal.pone.0258696
6. Cantwell R. Mental disorder in pregnancy and the early postpartum // Anesthesia. 2021. Vol. 76. № S4. P. 76—83. DOI:10.1111/anae.15424
7. Ceulemans M., Hompes T., Foulon V. Mental health status of pregnant and breastfeeding women during the COVID-19 pandemic: A call for action // International Journal of Gynecology and Obstetrics. 2020. Vol. 151. № 1. P. 146—147. DOI:10.1002/ijgo.13295
8. Cognitive style, personality and vulnerability to postnatal depression / L. Jones, J. Scott, C. Cooper, L. Forty, K.G. Smith, P. Sham, A. Farmer, P. McGuffin, N. Craddock, I. Jones // The British Journal of Psychiatry. 2010. Vol. 196. № 3. P. 200—215. DOI:10.1192/bjp.bp.109.064683
9. Coping strategies during pregnancy and their relationship with anxiety and depression / I. Artieta-Pinedo, C. Paz-Pascual, M. Espinosa, A. Garcia-Alvarez, T.E. Group, P. Bully // Women Health. 2023. Vol. 63. № 4. P. 296—307. DOI:10.1080/03630242.2023.2188097
10. Frequency and Associated Factors for Anxiety and Depression in Pregnant Women: A Hospital-Based Cross-Sectional Study / N.S. Ali, I.S. Azam, B.S. Ali, G. Tabbusum, S.S. Moin // The Scientific World Journal. 2012. Vol. 2012. Article ID 653098. 9 p. DOI:10.1100/2012/653098
11. Howard L.M., Khalifeh H. Perinatal mental health: a review of progress and challenges // World Psychiatry. 2020. Vol. 19. № 3. P. 313—327. DOI:10.1002/wps.20769
12. Is Neuroticism a risk factor for postpartum depression? / R. Martin-Santos, E. Gelabert, S. Subir [et al.] // Psychological Medicine. 2012. Vol. 42. № 7. P. 1559—1565. DOI:10.1017/S0033291712000712
13. Johnston R.G., Brown A.E. Maternal trait personality and childbirth: The role of extraversion and neuroticism // Midwifery. 2013. Vol. 29. № 11. P. 1244—1250. DOI:10.1016/j.midw.2012.08.005
14. Larsson B, Rubertsson C, Hildingsson I. Previous negative experiences of healthcare reported by Swedish pregnant women with fear of birth — A mixed method study // Sexual & Reproductive Healthcare. 2023 Vol. 36. Article ID 100859. 5 p. DOI:10.1016/j.srhc.2023.100859
15. Lavy V., Lotti G., Zizhong Y. Empowering Mothers and Enhancing Early Childhood Investments: Effect on Adult Outcomes and Children Cognitive and Noncognitive Skills // Journal of Human Resources. 2022. Vol. 57. № 3. P. 821—867. DOI:10.3368/jhr.57.3.0917-9083R2
16. Marshall E.M., Simpson J.A., Rholes W.S. Personality, Communication, and Depressive Symptoms across the Transition to Parenthood: A Dyadic Longitudinal Investigation // European Journal of Personality. 2015. Vol. 29. № 2. P. 216—34. DOI:10.1002/per.1980
17. Maternal Depression, Women's Empowerment, and Parental Investment: Evidence from a Randomized Controlled Trial / V. Baranov, S. Bhalotra, P. Biroli, J. Maselko // American Economic Review. 2020. Vol. 110. № 3. P. 824—859. DOI:10.1257/aer.20180511
18. Ozer S., Erkek Z.Y. The Relationship Between Pregnant Women' Emotional Intelligence and Fear of Childbirth, Readiness For Childbirth and Ways of Coping with Stress // Journal of Basic and Clinical Health Sciences. 2021. Vol. 2. P. 83—93. DOI:10.30621/jbachs.899477
19. Öztürk R., Güner Ö. Comparing Psychosocial Health in Women with and without Risky Pregnancies: A Cross-Sectional Study // Erciyes Medical Journal. 2020. Vol. 42. № 4. P. 417—425. DOI: 10.14744/etd.2020.66750
20. Personality Factors as Determinants of Depression in Postpartum Women: A Prospective 1-Year Follow-up Study / G.J. Verkerk, J. Denollet, G.L. Van Heck, M.J. Van Son, V.J. Pop // Psychosomatic Medicine. 2005. Vol. 67. № 4. P. 632—647. DOI:10.1097/01.psy.0000170832.14718.98

21. Personality Traits and Postnatal Depression: The Mediated Role of Postnatal Anxiety and Moderated Role of Type of Birth / M. Roman, C.M. Bostan, L.R. Diaconu-Gherasim, T. Constantin // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. Article ID 1625. 14 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.01625
22. Personality type, social support and other correlates of risk for affective disorders in early puerperium / K. Maliszewska, M. Bidzan, M. Świątkowska-Freund, K. Preis // *Ginekologia Polska*. 2016. Vol. 87. № 12. P. 814—829. DOI:10.5603/gp.2016.0094
23. Prevalence and associated factors of antenatal depression: Systematic reviews and meta-analyses / X. Yin, N. Sun, N. Jiang [et al.] // *Clinical Psychology Review*. 2021. Vol. 83. Article ID 101932. 8 p. DOI:10.1016/j.cpr.2020.101932
24. Prevalence and predictors of poor mental health among pregnant women in Wales using a cross-sectional survey / N.A. Savory, B. Hannigan, R.M. John, J. Sanders, S.M. Garay // *Midwifery*. 2021. Vol. 103. Article ID 103103. 9 p. DOI:10.1016/j.midw.2021.103103
25. Rates of depressive and anxiety symptoms in the perinatal period during the COVID-19 pandemic: Comparisons between countries and with pre-pandemic data / V. Mateus, S. Cruz, R. Costa [et al.] // *Journal of Affective Disorders*. 2022. Vol. 316. P. 245—253. DOI:10.1016/j.jad.2022.08.017
26. The effect of the personality traits of pregnant women on the fear of childbirth / I.M. Gönenç, M.N. Aker, H. Güven, Ö. Moraloğlu Tekin // *Perspectives in psychiatric care*. 2020. Vol. 56. № 2. P. 347—354. DOI:10.1111/ppc.12440
27. The impact of maternal depression, anxiety, and stress on early neurodevelopment in boys and girls / T. Zhang, Z.-C. Luo, Y. Ji [et al.] // *Journal of Affective Disorders*. 2023. Vol. 321. P. 74—82. DOI:10.1016/j.jad.2022.10.030
28. The mediating role of perceived social support between anxiety symptoms and life satisfaction in pregnant women: A cross-sectional study / M. Yu, T. Qiu, C. Liu, Q. Cui, H. Wu // *Health and Quality of Life Outcomes*. 2020. Vol. 18. Article ID 223. 8 p. DOI:10.1186/s12955-020-01479-w
29. The PRISMA 2020 statement: an updated guideline for reporting systematic reviews / M.J. Page, J.E. McKenzie, P.M. Bossuyt [et al.] // *BMJ*. 2021. Vol. 372. Article ID n71. 9 p. DOI:10.1136/bmj.n71
30. The relationship between personality traits and individual factors with perinatal depressive symptoms: A cross-sectional study / R. Serra, N. Giacchetti, F.S. Bersani, G. Cappannini, M. Martucci, M. Panfili, C. Sogos, F. Aceti // *BMC Pregnancy Childbirth*. 2023. Vol. 23. Article ID 382. 8 p. DOI:10.1186/s12884-023-05701-7
31. *van Bussel J.C.H., Spitz B., Demyttenaere K.* Anxiety in pregnant and postpartum women. An exploratory study of the role of maternal orientations // *Journal of Affective Disorders*. 2009. Vol. 114. № 1—3. P. 232—242. DOI:10.1016/j.jad.2008.07.018
32. *Yuksel A., Bayrakçı H., Bahadır Yılmaz E.* Self-efficacy, psychological well-being and perceived social support levels in pregnant women // *International Journal of Caring Sciences*. 2019. Vol. 12. № 2. P. 1120—1129.

References

1. Buinova Yu.I. Razlichiiia v vyrazhennosti pokazatelei otnosheniia k beremennosti, lokusa kontrolia i emotsional'nogo sostoianiia u zhenshchin s zaplanirovannoi i nezaplanirovannoi beremennost'iu [Differences in the severity of indicators of attitude towards pregnancy, locus of control and emotional state in women with planned and unplanned pregnancy] [Electronic resource]. *International journal of professional science*, 2019, no. 11, pp. 45—51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41537702> (Accessed 10.09.2024). (In Russ.).
2. Vysochina O.D. Effektivnost' psikhologicheskoi korrektsii trevozhnykh sostoianii u zhenshchin v period oslozhneniia beremennosti [The effectiveness of psychological correction of anxiety in women during pregnancy complications] [Electronic resource]. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki = Skif. Questions of student science*, 2022, no. 12(76), pp. 421—426. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50142082> (Accessed 10.09.2024). (In Russ.).
3. Palieva N.V., Tarasova A.Yu., Petrova Yu.A., Chernavskiy V.V. Psikhologicheskie osobennosti i sostoianie zdorov'ia beremennykh zhenshchin, ugrozhaemykh po vykidysham i prezhdevremennym rodam [Psychological characteristics and health status of pregnant women threatened by miscarriages and premature birth] [Electronic resource]. *Glavnyi vrach Iuga Rossii [Chief Doctor of the South of Russia]*, 2023, no. 2(88), pp. 34—38. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53831656> (Accessed 10.09.2024). (In Russ.).
4. Loughnan S.A., Wallace M., Joubert A.E., Haskelberg H., Andrews G., Newby J.M. A systematic review of psychological treatments for clinical anxiety during the perinatal period. *Archives of Women's Mental Health*, 2018. Vol. 21, no. 5, pp. 481—490. DOI:10.1007/s00737-018-0812-7
5. Asselmann E, Garthus-Niegel S., Martini J. Personality impacts fear of childbirth and subjective birth experiences: A prospective-longitudinal study. *PLoS One*, 2021. Vol. 16, no. 11, article ID e0258696. 15 p. DOI:10.1371/journal.pone.0258696
6. Cantwell R. Mental disorder in pregnancy and the early postpartum. *Anesthesia*, 2021. Vol. 76, no. S4, pp. 76—83. DOI:10.1111/anae.15424
7. Ceulemans M., Hompes T., Foulon V. Mental health status of pregnant and breastfeeding women during the COVID-19 pandemic: A call for action. *International Journal of Gynecology and Obstetrics*, 2020. Vol. 151, no. 1, pp. 146—147. DOI:10.1002/ijgo.13295

8. Jones L., Scott J., Cooper C., Forty L., Smith K.G., Sham P., Farmer A., McGuffin P., Craddock N., Jones I. Cognitive style, personality and vulnerability to postnatal depression. *The British Journal of Psychiatry*, 2010. Vol. 196, no. 3, pp. 200—215. DOI:10.1192/bjp.bp.109.064683
9. Artieta-Pinedo I., Paz-Pascual C., Espinosa M., Garca-Alvarez A., Group T.E., Bully P. Coping strategies during pregnancy and their relationship with anxiety and depression. *Women Health*, 2023. Vol. 63, no. 4, pp. 296—307. DOI:10.1080/03630242.2023.2188097
10. Ali N.S., Azam I.S., Ali B.S., Tabbusum G., Moin S.S. Frequency and Associated Factors for Anxiety and Depression in Pregnant Women: A Hospital-Based Cross-Sectional Study. *The Scientific World Journal*, 2012. Vol. 2012, article ID 653098. 9 p. DOI:10.1100/2012/653098
11. Howard L.M., Khalifeh H. Perinatal mental health: a review of progress and challenges. *World Psychiatry*, 2020. Vol. 19, no. 3, pp. 313—327. DOI:10.1002/wps.20769
12. Martin-Santos R., Gelabert E., Subir S. et al. Is Neuroticism a risk factor for postpartum depression? *Psychological Medicine*, 2012. Vol. 42, no. 7, pp. 1559—1565. DOI:10.1017/S0033291712000712
13. Johnston R.G., Brown A.E. Maternal trait personality and childbirth: The role of extraversion and neuroticism. *Midwifery*, 2013. Vol. 29, no. 11, pp. 1244—1250. DOI:10.1016/j.midw.2012.08.005
14. Larsson B, Rubertsson C, Hildingsson I. Previous negative experiences of healthcare reported by Swedish pregnant women with fear of birth — A mixed method study. *Sexual & Reproductive Healthcare*, 2023 Vol. 36, article ID 100859. 5 p. DOI:10.1016/j.srhc.2023.100859
15. Lavy V., Lotti G., Zizhong Y. Empowering Mothers and Enhancing Early Childhood Investments: Effect on Adult Outcomes and Children Cognitive and Noncognitive Skills. *Journal of Human Resources*, 2022. Vol. 57, no. 3, pp. 821—867. DOI:10.3368/jhr.57.3.0917-9083R2
16. Marshall E.M., Simpson J.A., Rholes W.S. Personality, Communication, and Depressive Symptoms across the Transition to Parenthood: A Dyadic Longitudinal Investigation. *European Journal of Personality*, 2015. Vol. 29, no. 2, pp. 216—34. DOI:10.1002/per.1980
17. Baranov V., Bhalotra S., Biroli P., Maselko J. Maternal Depression, Women’s Empowerment, and Parental Investment: Evidence from a Randomized Controlled Trial. *American Economic Review*, 2020. Vol. 110, no. 3, pp. 824—859. DOI:10.1257/aer.20180511
18. Ozer S., Erkek Z.Y. The Relationship between Pregnant Women’ Emotional Intelligence and Fear of Childbirth, Readiness for Childbirth and Ways of Coping with Stress. *Journal of Basic and Clinical Health Sciences*, 2021. Vol. 2, pp. 83—93. DOI:10.30621/jbachs.899477
19. ztrk R., Gner . Comparing Psychosocial Health in Women with and without Risky Pregnancies: A Cross-Sectional Study. *Erciyes Medical Journal*, 2020. Vol. 42, no. 4, pp. 417—425. DOI: 10.14744/etd.2020.66750
20. Verkerk G.J., Denollet J., Van Heck G.L., Van Son M.J., Pop V.J. Personality Factors as Determinants of Depression in Postpartum Women: A Prospective 1-Year Follow-up Study. *Psychosomatic Medicine*, 2005. Vol. 67, no. 4, pp. 632—647. DOI:10.1097/01.psy.0000170832.14718.98
21. Roman M., Bostan C.M., Diaconu-Gherasim L.R., Constantin T. Personality Traits and Postnatal Depression: The Mediated Role of Postnatal Anxiety and Moderated Role of Type of Birth. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10, article ID 1625. 14 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.01625
22. Maliszewska K., Bidzan M., Świątkowska-Freund M., Preis K. Personality type, social support and other correlates of risk for affective disorders in early puerperium. *Ginekologia Polska*, 2016. Vol. 87, no. 12, pp. 814—829. DOI:10.5603/gp.2016.0094
23. Yin X., Sun N., Jiang N. et al. Prevalence and associated factors of antenatal depression: Systematic reviews and meta-analyses. *Clinical Psychology Review*, 2021. Vol. 83, article ID 101932. 8 p. DOI:10.1016/j.cpr.2020.101932
24. Savory N.A., Hannigan B., John R.M., Sanders J., Garay S.M. Prevalence and predictors of poor mental health among pregnant women in Wales using a cross-sectional survey. *Midwifery*, 2021. Vol. 103, article ID 103103. 9 p. DOI:10.1016/j.midw.2021.103103
25. Mateus V., Cruz S., Costa R. et al. Rates of depressive and anxiety symptoms in the perinatal period during the COVID-19 pandemic: Comparisons between countries and with pre-pandemic data. *Journal of Affective Disorders*, 2022. Vol. 316, pp. 245—253. DOI:10.1016/j.jad.2022.08.017
26. Gönenç I.M., Aker M.N., Güven H., Moraloğlu Tekin Ö. The effect of the personality traits of pregnant women on the fear of childbirth. *Perspectives in psychiatric care*, 2020. Vol. 56, no. 2, pp. 347—354. DOI:10.1111/ppc.12440
27. Zhang T., Luo Z.-C., Ji Y. et al. The impact of maternal depression, anxiety, and stress on early neurodevelopment in boys and girls. *Journal of Affective Disorders*, 2023. Vol. 321, pp. 74—82. DOI:10.1016/j.jad.2022.10.030
28. Yu M., Qiu T., Liu C., Cui Q., Wu H. The mediating role of perceived social support between anxiety symptoms and life satisfaction in pregnant women: A cross-sectional study. *Health and Quality of Life Outcomes*, 2020. Vol. 18, article ID 223. 8 p. DOI:10.1186/s12955-020-01479-w
29. Page M.J., McKenzie J.E., Bossuyt P.M. et al. The PRISMA 2020 statement: an updated guideline for reporting systematic reviews. *BMJ*, 2021. Vol. 372, article ID n71. 9 p. DOI:10.1136/bmj.n71

30. Serra R., Giacchetti N., Bersani F.S., Cappannini G., Martucci M., Panfili M., Sogos C., Aceti F. The relationship between personality traits and individual factors with perinatal depressive symptoms: A cross-sectional study. *BMC Pregnancy Childbirth*, 2023. Vol. 23, article ID 382. 8 p. DOI:10.1186/s12884-023-05701-7
31. van Bussel J.C.H, Spitz B., Demyttenaere K. Anxiety in pregnant and postpartum women. An exploratory study of the role of maternal orientations. *Journal of Affective Disorders*, 2009. Vol. 114, no. 1—3, pp. 232—242. DOI:10.1016/j.jad.2008.07.018
32. Yuksel A., Bayrakci H., Bahadir Yilmaz E. Self-efficacy, psychological well-being and perceived social support levels in pregnant women. *International Journal of Caring Sciences*, 2019. Vol. 12, no. 2, pp. 1120—1129.

Информация об авторах

Болзан Ника Андреевна, аспирант, практикующий психолог, Белорусский государственный университет (БГУ), г. Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3591-5276>, e-mail: nika.bolzan@gmail.com

Information about the authors

Nika A. Bolzan, PhD Student, Practicing Psychologist, Belarusian State University, Minsk, Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3591-5276>, e-mail: nika.bolzan@gmail.com

Получена 04.04.2024

Received 04.04.2024

Принята в печать 10.09.2024

Accepted 10.09.2024

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY AND AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Возрастная динамика развития восприятия визуально-пространственной перспективы

Кричка М.Н.

*Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5427-4963>, e-mail: krichkamn@ipran.ru*

В статье представлен обзор зарубежных исследований восприятия визуально-пространственной перспективы, как способности определять визуальные впечатления другого человека. Этот феномен впервые был описан Ж. Пиаже, но его изучение остается актуальным до сих пор. Как показал анализ современных научных источников, пониманию перспективы первого уровня может способствовать альтерцентрическая интерференция; развитие восприятия перспективы второго уровня тесно связано с формированием навыков навигации и ментального вращения, а также с оптимизацией использования пространственных систем отсчета. Долгий путь становления в течение всего дошкольного периода проходит аллоцентрическая система отсчета: от геометрии пространства и локальных ориентиров до конфигурации элементов массива. Геометрия массива, как форма пространственных связей между объектами, остается стабильной по отношению к цели даже при мысленном вращении. Соответственно, чем более совершенную аллоцентрическую систему отсчета применяет ребенок, тем эффективней он может воспринимать чужую точку зрения. Эту закономерность необходимо учитывать в дальнейших исследованиях восприятия перспективы.

Ключевые слова: развитие восприятия перспективы, аллоцентрические и эгоцентрические системы отсчета, альтерцентрический эффект, ментальное вращение.

Для цитаты: Кричка М.Н. Возрастная динамика развития восприятия визуально-пространственной перспективы [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 52–61. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130305>

Age Dynamics of the Development of Visual-Spatial Perspective-Taking

Marina N. Krichka

*Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5427-4963>, e-mail: krichkamn@ipran.ru*

The article presents an overview of foreign studies of the visual-spatial perspective-taking as the ability to determine what the other person sees. This phenomenon was first described by J. Piaget, but his study remains relevant to this day. As the analysis of modern scientific sources has shown, altercentric interference can contribute understanding of Level 1 perspective-taking; the development of Level 2 perspective-taking is closely related to the formation of navigation skills and mental rotation, and with the optimization of the use of spatial reference systems. An allocentric frame of reference goes pass a long way of formation throughout the preschool period: from the geometry of space and local landmarks to the configuration of array elements. The geometry of the array, as a form of spatial connections between objects, remains stable in relation to the target even with mental rotation. Accordingly, the more formed allocentric frame of reference a child uses, the more effectively he can perceive another's viewpoint. This pattern should be taken into account in further studies of perspective-taking.

Keywords: development of perspective-taking, allocentric and egocentric reference frames, altercentric effect, mental rotation.

For citation: Krichka M.N. Age Dynamics of the Development of Visual-Spatial Perspective-Taking [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2024. Vol. 13, no. 3, pp. 52–61. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130305> (In Russ.).

Введение

Умение занимать позицию другого человека, видеть ситуацию его глазами является необходимым качеством для успешного социального взаимодействия. Данная способность формируется в течение детства и связана с когнитивным развитием ребенка и с увеличением его социального опыта. Этой проблеме было посвящено большое количество исследовательских зарубежных трудов, в связи с чем возникла необходимость их систематизации.

Направление изучения восприятия визуально-пространственной перспективы получило свое развитие благодаря известному эксперименту Ж. Пиаже «Три горы», в котором ребенку демонстрировали макет горной местности и от него требовалось определить, что может видеть кукла, сидящая с разных сторон. На основании полученных результатов ученый заключил, что детям до 7 лет сложно осознавать точку зрения, отличную от их собственной. Дальнейшие исследования этого явления с использованием маскировки или упрощенных стимулов показали, что способность делать выводы о зрительном опыте других людей появляется в более раннем возрасте. Для объяснения этих новых данных Дж. Флейвеллом (John H. Flavell) была предложена двухуровневая модель понимания перспективы. На первом уровне ребенок способен отмечать, что другой человек может видеть объект, которого он сам не видит, или наоборот. На более позднем втором уровне ребенок начинает осознавать, что один и тот же объект может вызывать у людей различные визуальные впечатления, если они рассматривают его с разных позиций. Эти два типа информации явно различаются, но оба требуют представления того факта, что есть другая точка зрения и необходимо вычислить разницу между позициями, своей и другого человека. Тренировка второго уровня, предпринятая в одном из исследований Дж. Флейвелла, не дала эффективного результата [11]. Невозможность искусственно ускорить развитие следующей стадии говорит о том, что разрыв между первым и вторым уровнями — существенный и отражает гетерохронность развития.

Разные уровни понимания перспективы

Понимание перспективы первого уровня подробно изучали Х. Фергюсон (Ferguson H.J.) с коллегами, используя задачу «Точечная перспектива» [9]. В экспериментах проводили регистрацию движений глаз с помощью айтрекера. Испытуемым показывали изображения человека в комнате с кругами на стенах. Записывали количество и расположение фиксаций, чтобы сравнить, как люди распределяют свое визуальное внимание между объектом перед лицом аватара и объектом позади него. Результаты показали, что участники при восприятии перспективы были подвержены как эгоцентрическому влиянию, вмешательству соб-

ственной точки зрения, так и альтерцентрическому влиянию, воздействию точки зрения изображенного человека. К примеру, при рассмотрении собственной перспективы участники проявили более сильную тенденцию сначала фиксировать круги, местоположение которых совпадало с направлением взгляда персонажа по сравнению с кругами, которые были расположены со стороны его спины. Также была установлена социальная природа альтерцентрического эффекта. Кроме изображений человека, в качестве стимулов использовались стрелки, указывающие направление. Эффект проявлялся сильнее при использовании антропоморфного стимула [40]. Причина альтерцентрической тенденции связана с врожденной избирательностью человека к лицу как к биологически и социально значимому объекту. Следствием этого является автоматическое привлечение внимания к направлению взгляда аватара.

Влияние чужой перспективы проявляется в раннем возрасте, что было продемонстрировано на детях первого года жизни в одном из исследований В. Саутгейт (Southgate V.). Она пришла к выводу о том, что склонность детей к альтерцентризму на этом этапе продиктована необходимостью интенсивного обучения через наблюдение за другими и является важной основой развития [39]. Последующие исследования на взрослой выборке показали, что альтерцентрический эффект имеет ограничения, и вмешательство чужой точки зрения не происходит постоянно, как предполагалось ранее, а зависит от того, какие задачи поставлены перед человеком. Увеличение визуальной сложности сцены, посредством добавления барьеров, количества дисков, второго аватара, приводит к уменьшению этого эффекта [33; 38].

П. Микелон и Дж. Закс (Michelon P., Zacks J.M.) в эксперименте по определению визуально-пространственной перспективы выявили две разные схемы решения этого вопроса [23]. В одном из заданий участников попросили оценить, может ли кукла видеть данный объект или нет; их результаты варьировались с учетом расстояния, но не в зависимости от угла зрения. Исследователи пришли к выводу, что испытуемые проводили линию от глаз куклы. В следующем задании участников попросили оценить, находится ли объект слева или справа от куклы, тогда эффективность выполнения линейно менялась в зависимости от угла зрения, но в меньшей степени — от расстояния. Эти результаты говорили о том, что для оценки перспективы участники мысленно перемещают себя в положение игрушки. Авторы связали использование различных стратегий с моделью двухуровневого восприятия перспективы. Отслеживание линии взгляда применяется при восприятии перспективы первого уровня, эгоцентрическое мысленное вращение используется при восприятии перспективы второго уровня.

В своем исследовании Л. Парсон (Parsons L.M.) приходит к схожему выводу — в зависимости от задачи испытуемый может использовать эгоцентрическое вращение [6; 30]. В попытке повторить результаты эксперимента Р. Шепарда по ментальной ротации слож-

ных геометрических объектов, Л. Парсон в качестве стимулов использовал изображения человека с вытянутой правой/левой рукой. В результате график функции, связывающий ориентацию стимулов со временем реакции, существенно отличался от графика той же функции предыдущего исследования, в котором наблюдалось объектно-ориентированное преобразование, это указывало на то, что выполнялась иная трансформация. Испытуемым было удобно вычислять поворот, ставя себя на место изображенного человека. В дальнейшем это неоднократно было подтверждено другими исследованиями.

Изучая переход между двумя уровнями восприятия перспективы, учеными было установлено, что они имеют слабую интеграцию между собой. Второй уровень кардинально отличается от первого и опирается на пространственные и навигационные механизмы. В таких экспериментах, чтобы вывести за скобки влияние восприятия перспективы первого уровня на ответы испытуемых, в условиях с аватаром использовались барьеры, загораживающие ему угол обзора. Результаты показали, что понимание перспективы на этих двух уровнях является разными и независимыми когнитивными процессами [2; 12; 32; 46; 47].

Мысленное перемещение себя в противоположную точку обзора может привести к конфликту между позицией в воображаемом пространстве и фактической позицией в окружающей среде. К. Прессон и Д. Монтелло (Presson C.C., Montello D.R.) объясняют, что сложность мысленного поворота связана с конфронтацией между первичными и вторичными пространственными системами координат [35]. Первичная система является ориентацией на непосредственное окружение, работает в режиме реального времени и имеет привилегированный статус при решении пространственных задач. Альтернативная, вторичная система используется для решения задач пространственного воображения.

Таким образом, результаты приведенных исследований позволяют предположить, что восприятие перспективы первого уровня является легким, не требующим сложных вычислений. Даже совсем маленькие дети могут демонстрировать навыки определения перспективы этого уровня. Суждения строятся, исходя из направления взгляда другого человека. Происходит альтерцентрическая интерференция, которая облегчает перспективные суждения. Второй уровень является более сложным. Для того чтобы увидеть другую точку зрения на тот же объект, необходимо выполнить мысленный поворот перспективы, что создает конфликт между реальной и воображаемой позицией ребенка.

Пространственные системы отсчета при восприятии перспективы

По мнению Дж. Хаттенлохера (Huttenlocher J.), трудность восприятия перспективы второго уровня

заключается не только в ментальном вращении и противостоянии двух позиций, но и в сложности вычисления [14]. Любая задача по определению перспективы всегда состоит из трех элементов: первого наблюдателя, который вычисляет точку зрения другого, второго наблюдателя, перспективу которого вычисляют; объект (или массив объектов), на который направлено внимание обоих наблюдателей. Соответственно, решение данной пространственной задачи — это двухэтапный процесс. На первом этапе наблюдатель перемещается на новую точку обзора и фиксирует отношения между воображаемым зрителем и одним элементом массива, поскольку конфликт позиций на этом шаге мешает формированию представления всего массива. На втором этапе происходит вращение пары «наблюдатель—элемент массива» до тех пор, пока они не соединятся с позицией первого наблюдателя.

Такая модель решения перспективной задачи созвучна с положениями теории пространственных систем отсчета: при восприятии перспективы происходит переключение между эгоцентрической и аллоцентрической системами.

Существует несколько систем отсчета или способов кодирования пространственной информации. Эгоцентрическое кодирование — это способ указания местоположения цели по отношению к самому зрителю. Аллоцентрическое или объектно-центрированное кодирование — способ указания отношения цели к другим объектам. Этими объектами могут быть геометрия помещения, ориентиры-маяки. Для подвижных организмов жизненно необходимо существование этих двух систем отсчета, с помощью которых формируются пространственные представления, обладающие контрастными характеристиками, поскольку воспоминания о местоположении должны быть, с одной стороны, довольно стабильными, чтобы противостоять различным помехам, с другой стороны, в достаточной мере гибкими, чтобы адаптироваться к быстро меняющимся условиям.

Организмы могут отслеживать перемещения своего положения, опираясь только на эгоцентрическую систему отсчета. При условии, если отслеживание затруднено или когда организмы теряют ориентацию, перед ними встает острая необходимость сверять эгоцентрическую информацию с аллоцентрической. Одним из первых к такому выводу в своем исследовании пришел Дж. Ризер (Rieser J.) [37]. Испытуемого заводили в помещение, где вокруг него было расположено девять объектов, которые необходимо было запомнить, далее человек закрывал глаза и должен был отвечать на вопросы: «Представьте, что вы стоите и смотрите на такой-то объект, укажите на другой объект». На основании времени ответов, независимых от угла поворота при воображаемых перемещениях, исследователь пришел к выводу, что субъекты имеют прямой доступ к межобъектным отношениям в памяти.

Различные исследования показывают, что в режиме реального времени переключение пространственной

перспективы происходит легко, когда испытуемые с завязанными глазами физически перемещаются во вторую позицию, прежде чем указать на невидимый объект. Вестибулярная, кинестетическая и проприоцептивная информация о степени и направлении движения тела поддерживает автоматический процесс обновления пространственных отношений к объектам в окружающем пространстве [3; 22; 31; 45].

Данные исследований М. Мэя (May M.) показали, что при представлении другой позиции в уме, автоматическое обновление пространственной информации не совершается, этот процесс оказывается гораздо более сложным, происходит конфликт между реальной и воображаемыми точками зрения [21; 36]. У человека в такой ситуации возникает необходимость корректировки противоречивых пространственных данных, в которой существенную роль играет навык переключения между эгоцентрической и объектно-центрированной системами отсчета.

Формирование аллоцентрической системы отсчета в течение детства

Согласно теории Ж. Пиаже (Piaget J.), развитие эгоцентрической системы происходит раньше, чем формирование аллоцентрической [34]. По убеждению ученого, первые понятия о пространстве не формируются независимо от действий наблюдателя. Расстояние и протяженность объекта изначально не кодируется как его собственная характеристика, а скорее определяется мерой досягаемости при активном взаимодействии ребенка с ним. Только к концу первого года жизни, когда младенцы начинают самостоятельно двигаться, они начинают объективно воспринимать пространство, как независимое от их собственного тела и движений.

Результаты исследований Дж. Хаттенлохера и Н. Ньюкомб (Huttenlocher J., Newcombe N.) поставили под сомнение взгляды Ж. Пиаже; они указывали на то, что младенцы могут использовать внешние особенности окружающей среды для определения местоположения объектов. При поиске предмета в замкнутом пространстве, для малышей особенно важны геометрические свойства помещения [26; 27].

Геометрия пространства является одним из видов ранней аллоцентрики. Было установлено, что после дезориентации ребенка в помещении, несмотря на текущее местоположение, которое может не совпадать с выученным, он сходу определяет искомый угол. Это связано с тем, что геометрическая форма является постоянной и не зависит от положения наблюдателя. Такое аллоцентрическое представление состоит из внутренних связей длин сторон и углов [15; 17].

Более поздние исследования показали, что кроме геометрии пространства дети используют еще скалярные свойства среды. С. Лоуренко (Lourenco S.F.) с коллегами проводили эксперимент, используя пространство квадратной формы, где невозможно опреде-

лить различие углов, но участники могли воспользоваться подсказками на стенах [18]. В некоторых условиях сигналы были скалярными, т. е. упорядоченными по цвету и размеру. Использовалось отношение точек меньшего размера к точкам большего размера или отношение яркостей. 18—30-месячные дети проявили высокую чувствительность к подсказкам, как к своеобразным сигналам-«маякам», в процессе переориентации. Упорядоченность скалярных сигналов облегчила зрителям восприятие левого и правого и явилась дополнительным источником информации к геометрическим данным.

К следующим видам аллоцентрических систем отсчета относятся ориентиры, которые бывают проксимальными и дистальными. Использование простых проксимальных сигналов, таких как «маяки» или ближайшие ориентиры, которые находятся непосредственно рядом или очень близко к целевому местоположению, происходит в младенческом возрасте. Применение дистальных ориентиров начинается в диапазоне между 21 и 36 месяцами. Опыт самостоятельного передвижения детей способствует формированию опоры на отдаленные ориентиры, которые, чаще всего, являются крупными неподвижными объектами. При перемещении зрителя ближайшие ориентиры, как правило, смещаются, а дистальные ориентиры обладают более высокой достоверностью для определения местоположения других объектов [41].

Ближе к 4-летнему возрасту у детей начинает развиваться способность кодировать местоположение относительно множества ориентиров. Это гораздо более точная система, чем использование отдельных ориентиров. Если один ориентир рассматривать как локальную систему отсчета, то ребенок сначала применяет локальные рамки по отношению к разным целям и только позже осознает преимущество использования общей системы отсчета [8; 5; 16].

Несмотря на чувствительность младенцев к геометрии пространства, в виде конфигурации границ, навык использования старшими детьми конфигурации связей между ориентирами для определения местоположения формируется весь дошкольный период. Трудность вывода о соотношении между объектами заключается прежде всего в том, что пространственная форма массива явно не определена и необходимо дополнительное когнитивное усилие, чтобы объединить между собой отдельные объекты и думать о них как о едином целом. Соединение геометрической с негеометрической информацией, такой как ближайшие или дистальные ориентиры, является сложной задачей и выполняется надежно ближе к 6-летнему возрасту [13; 20; 44; 48; 49].

В одном исследовании М. Нардини (M. Nardini) с коллегами изучали, как влияет учет пространственных отношений между ориентирами на восприятие перспективы [1]. Перед ребенком на столе стояли три геометрические фигуры, под одну из них прятали игрушку. Затем его дезориентировали и подводили к массиву,

либо со знакомой ему стороны, либо с противоположной. Ответы были верными во всех возрастных группах детей, если спрашивали о спрятанной вещи с заученной позиции. В данном случае информация могла кодироваться относительно тела. При условии восприятия с другой позиции верные ответы на вопросы увеличивались с возрастом. 4-летние отвечали в большинстве случаев ошибочно, что говорит о том, что они использовали одну и ту же стратегию, зависящую от собственной точки зрения. В 5 лет показатели были случайными — ни систематически правильными, ни некорректными, что указывало на переходный этап. Дети осознавали, что изменившаяся точка зрения требует другого ответа, но отвечали произвольным образом. Дети 6-летнего возраста определяли искомое местоположение в пространственном массиве с новой точки зрения, даже если с этой позицией они не были знакомы. Это указывало на то, что у них развилась способность составлять конфигурацию объектов или «мысленную карту» массива, благодаря которой объекты, выступающие ориентирами места скрытия, могут быть распознаны с любой точки зрения. Умение использовать геометрию ориентиров помогает воспринимать другую перспективу. Аналогичный результат был получен в исследовании Э.Х. ван Хугмоед (A.H. Van Hoogmoed) [7]. Но в данном случае необходимо учитывать, что в экспериментах М. Нардини и Э.Х. ван Хугмоед ребенка физически перемещали на другую позицию, тогда как в обычных стандартных исследованиях было необходимо представлять другую точку зрения.

Таким образом, приведенные данные позволяют резюмировать, что ребенок с самого раннего детства обладает двумя способами восприятия пространственной информации — на основе эгоцентрической и объектно-центрированной систем отсчета. Первоначально они находятся в примитивной зачаточной форме, но в обоих направлениях на протяжении всего детства происходят значительные изменения. Кроме развития умения применять аллоцентрические системы, от использования геометрии помещений и сигналов-маяков к задействованию конфигурации ориентиров, происходит аналогичное развитие эгоцентрического восприятия в течение дошкольного периода. Однако рост пространственного познания включает в себя как улучшение использования отдельных пространственных систем, так и способность интегрировать их. С. Лоуренко (Lourenco S.F.) в своих исследованиях приходит к заключению о том, что дети младше 8 лет не справляются с сигналами двух систем в конфликтных испытаниях, хотя они могут задействовать как самодвижение, так и ориентиры, но при этом их не объединяют, а используют каждый тип информации по отдельности. Только с возрастом развиваются когнитивная гибкость и умение разрешать конфликты между системами отсчета [10; 19].

Для объяснения регулирования различных источников пространственной информации Н. Ньюкомб (Newcombe N.S.) первой предложила адаптивную ком-

бинационную модель, следуя которой использование различных сенсорных модальностей, геометрической и негеометрической информации, объектно-центрированной и эгоцентрической систем зависит от относительных весов, присвоенных им [28]. Далее веса объединяются в соответствии с байесовскими правилами [29; 42]. Сами веса определяют надежность информации, которая выводится на основе прошлого опыта. Дальнейшие исследования теории комбинационной модели Дж. Негена (J. Negen) с коллегами показали, что байесовский метод не является универсальным и не во всех случаях применим [4; 24; 25; 43]. В случае с эгоцентрической пространственной информацией этот метод работает, как, например, комбинация проприоцептивных и вестибулярных сигналов при навигации. Но эта априорная весовая конструкция имеет ограниченное применение для представления того, как люди фиксируют местоположения в аллоцентрической системе отсчета. Как показало исследование, проводившееся в больших помещениях, информацию от ориентиров используют изолированно, игнорируя геометрический сигнал. Ориентация в пространстве зависит не только от умения кодировать и представлять местоположение объектов, но и от способности правильно выбирать соответствующую кодировку, отвергая нерелевантную информацию. Проблемы координации в пространстве связаны с развитием более общих, центральных когнитивных способностей, одной из которых является торможение, или когнитивный контроль. Авторы приходят к выводу, что использование аллоцентрических априорных данных приводит к увеличению сложности и биологическим затратам, которые будут больше, чем отдача, получаемая организмом.

В завершение можно добавить, что успешно решать перспективную задачу могут совсем маленькие дети при условии предъявления фронтальных предметов. Они делают правильный выбор, если обращают внимание на тот факт, что другой наблюдатель может видеть определенную особенность объекта, например лицо или спину куклы. В такой ситуации возможно даже не требуется навык мысленного вращения.

При восприятии перспективы сложного массива, по аналогии «трех гор», необходимо опираться на аллоцентрическую информацию, чтобы фиксировать отношения объектов между собой при перемещении в другую позицию. Поскольку уровень использования объектно-центрированной системы у всех детей разный, то и определение другой точки зрения будет с различным результатом.

Дети, у которых развита локальная аллоцентрическая система, могут достичь цели, вычисляя, какой предмет находится ближе всего к наблюдателю, если при этом не нужно определять положение других объектов. Однако при восприятии сложного массива, где необходимо учитывать отношение всех остальных элементов к другому зрителю, могут возникнуть трудности и тогда они возвращаются к эгоцентрической реакции.

Дети, которые используют аллоцентрическую систему на основе конфигурации ориентиров, будут правильно определять перспективу, даже при условии предъявления сложного набора объектов. В этом случае, удерживая пару «ближайший объект—зритель», при вращении массива можно определить, в какой последовательности повернутся все остальные связанные между собой элементы. Геометрия массива, как форма пространственных связей между объектами, является самой стабильной системой отсчета в состоянии перемещения точки обзора.

Заключение

Наиболее влиятельной теорией пространственного развития человека является концепция Жана Пиаже. Он утверждал, что трудности детей при восприятии перспективы заключаются в том, что они полагаются на эгоцентрическую информацию, кодируют местоположение относительно себя, а не по отношению к особенностям окружающей среды. Результаты современных исследований дополнили и расширили эту теорию, открыли множество граней проявления этого сложного процесса. Было установлено, что кроме эгоцентрического вмешательства при определенных условиях возможно и проявление альтерцентрического вмешательства, чему способствует автоматическая фиксация направления взгляда другого человека. Также дети с раннего возраста опираются не только на эгоцентрическую, но и на аллоцентрическую систему отсчета, в связи с чем они могут кодировать местоположение, отличное от их собственного положения в пространстве; но трудность у них может вызывать восприятие конфигурации сложного массива объектов.

Путь развития объектно-центрированной системы отсчета очень длительный. Однако, чем выше уровень развития этой системы у ребенка, тем успешнее он может ее применить при восприятии чужой точки зрения, устраняя противоречивые сигналы от реальной и воображаемой позиций.

Различают два уровня восприятия перспективы: понимание того, что другой человек может видеть со своего местоположения, и понимание того, какие характеристики окружающей среды можно увидеть с местоположения другого человека. Ребенок, достигший второго уровня, способен представлять и координировать несколько перспектив в одной согласованной пространственной структуре.

В данном обзоре мы рассмотрели основные идеи и тенденции разных теорий, связанных с изучением формирования понимания перспективы. Проведя анализ научных работ по этой обширной теме, мы систематизировали источники, выделили два основных направления. Первое направление — это изучение восприятия перспективы у взрослых и детей, которое можно разделить на две области исследований — развитие перспективы первого и второго уровня. Второе основное направление — это изучение становления пространственных систем отсчета, которое также можно разделить на несколько сфер исследований — развитие систем в младенческом, дошкольном и школьном возрастах. Малоизученной остается область, находящаяся на стыке этих направлений, такая как вклад пространственных систем отсчета в понимание перспективы. Обобщенные нами данные современных теорий можно будет использовать как основу для дальнейших эмпирических исследований развития такого сложного навыка, как восприятие перспективы.

Литература

1. A viewpoint-independent process for spatial reorientation / M. Nardini, R.L. Thomas, V. Knowland, O.J. Braddick, J. Atkinson // *Cognition*. 2009. Vol. 112. № 2. P. 241—248. DOI:10.1016/j.cognition.2009.05.003
2. Aldrich L. Spontaneous visual perspective-taking: level 2 representations of another's perspective are not related to what they actually see [Электронный ресурс] // *The Plymouth Student Scientist*. 2021. Vol. 14. № 2. P. 497—512. URL: https://pearl-prod.plymouth.ac.uk/bitstream/handle/10026.1/18512/TPSS-Vol14n2_497-512Aldrich.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 09.09.2024).
3. Anastasiou C., Baumann O., Yamamoto N. Does path integration contribute to human navigation in large-scale space? // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2022. Vol. 30. P. 822—842. DOI:10.3758/s13423-022-02216-8
4. Bayesian transfer in a complex spatial localization task / R. Kiryakova, S. Aston, U.R. Beierholm, M. Nardini // *Journal of Vision*. 2020. Vol. 20. № 6. 19 p. DOI:10.1167/jov.20.6.17
5. Coding locations relative to one or many landmarks in childhood / J. Negen, L.B. Ali, B. Chere, H.E. Roome, Y. Park, M. Nardini // *PLoS Computational Biology*. 2019. Vol. 15. № 10. Article ID e1007380. 25 p. DOI:10.1371/journal.pcbi.1007380
6. Dahm S.F., Muraki E.J., Pexman P.M. Hand and foot selection in mental body rotations involves motor-cognitive interactions // *Brain Sciences*. 2022. Vol. 12. № 11. Article ID 1500. 16 p. DOI:10.3390/brainsci12111500
7. Development of Landmark Use for Navigation in Children: Effects of Age, Sex, Working Memory and Landmark Type / A.H. Van Hoogmoed, J. Wegman, D. van den Brink, G. Janzen // *Brain Sciences*. 2022. Vol. 12. № 6. Article ID 776. 18 p. DOI:10.3390/brainsci12060776
8. Differential developmental trajectories for egocentric, environmental and intrinsic frames of reference in spatial memory / M. Nardini, N. Burgess, K. Breckenridge, J. Atkinson // *Cognition*. 2006. Vol. 101. № 1. P. 153—172. DOI:10.1016/j.cognition.2005.09.005

9. Ferguson H.J., Apperly I., Cane J.E. Eye tracking reveals the cost of switching between self and other perspectives in a visual perspective-taking task // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2017. Vol. 70. № 8. P. 1646—1660. DOI:10.1080/17470218.2016.1199716
10. Fernandez-Baizan C., Arias J.L., Mendez M. Egocentric and allocentric spatial memory in young children: A comparison with young adults // *Infant and Child Development*. 2021. Vol. 30. № 2. Article ID e2216. 15 p. DOI:10.1002/icd.2216
11. Flavell J.H. Cognitive monitoring // *Children's oral communication skills* / Ed. W.P. Dickson. New York: Academic Press, 1981. P. 35—60.
12. Gunalp P., Moossaian T., Hegarty M. Spatial perspective taking: Effects of social, directional, and interactive cues // *Memory & Cognition*. 2019. Vol. 47. № 5. P. 1031—1043. DOI:10.3758/s13421-019-00910-y
13. Hu Q., Fu Y., Shao Y. Young children's representation of locations in a series: a front-back representation or an ordinal representation? // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Article ID 1327. 6 p. DOI:10.3389/fpsyg.2020.01327
14. Huttenlocher J., Presson C.C. Mental rotation and the perspective problem // *Cognitive Psychology*. 1973. Vol. 4. № 2. P. 277—299. DOI:10.1016/0010-0285(73)90015-7
15. Huttenlocher J., Vasilyeva M. How toddlers represent enclosed spaces // *Cognitive Science*. 2003. Vol. 27. № 5. P. 749—766. DOI:10.1016/S0364-0213(03)00062-4
16. Landmark-based spatial navigation across the human lifespan / M. Becu, D. Sheynikhovich, S. Ramanoel, G. Tatur, A. Ozier-Lafontaine, C.N. Authie, J.-A. Sahel, A. Arleo // *eLife*. 2023. Vol. 12. Article ID e81318. 24 p. DOI:10.7554/eLife.81318
17. Li W., Hu Q., Shao Y. Separation of geometric and featural information in children's spatial representation: Evidence from a model selection task // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2022. Vol. 213. Article ID 105272. DOI:10.1016/j.jecp.2021.105272
18. Lourenco S.F., Addy D., Huttenlocher J. Location representation in enclosed spaces: What type of information afford young children an advantage? // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2009. Vol. 104. № 3. P. 313—325. DOI:10.1016/j.jecp.2009.05.007
19. Lourenco S.F., Frick A. Remembering where: The origins and early development of spatial memory // *The handbook of children's memory development* / Eds. P.J. Bauer, R. Fivush. Oxford: Wiley-Blackwell, 2014. P. 367—393.
20. Mastrogiuseppe M., Gianni E., Lee S.A. Does a row of objects comprise a boundary? How children miss the forest for the trees in spatial navigation // *Developmental Psychology*. 2023. Vol. 59. № 12. P. 2397—2407. DOI:10.1037/dev0001638
21. May M. Imaginal perspective switches in remembered environments: Transformation versus interference accounts // *Cognitive Psychology*. 2004. Vol. 48. № 2. P. 163—206. DOI:10.1016/S0010-0285(03)00127-0
22. May M., Klatzky R.L. Path integration while ignoring irrelevant movement // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 2000. Vol. 26. № 1. P. 169—186. DOI:10.1037/0278-7393.26.1.169
23. Michelon P., Zacks J.M. Two kinds of visual perspective taking // *Perception & Psychophysics*. 2006. Vol. 68. P. 327—337. DOI:10.3758/BF03193680
24. Nardini M. Merging familiar and new senses to perceive and act in space // *Cognitive processing*. 2021. Vol. 22. № 3. P. 69—75. DOI:10.1007/s10339-021-01052-3
25. Negen J., Bird L.-A., Nardini M. An Adaptive Cue Selection Model of Allocentric Spatial Reorientation // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2021. Vol. 47. № 10. P. 1409—1429. DOI:10.1037/xhp0000950
26. Newcombe N. Navigation and the developing brain // *Journal of Experimental Biology*. 2019. Vol. 222. № 1. Article ID 186460. 11 p. DOI:10.1242/jeb.186460
27. Newcombe N., Huttenlocher J., Learmonth A. Infants' coding of location in continuous space // *Infant Behavior and Development*. 1999. Vol. 22. № 4. P. 483—510. DOI:10.1016/S0163-6383(00)00011-4
28. Newcombe N.S., Ratliff K.R. Explaining the development of spatial reorientation: Modularity-plus-language versus the emergence of adaptive combination // *The Emerging Spatial Mind* / Eds. J. Plumert, J. Spencer. New York: Oxford University Press, 2007. P. 53—76. DOI:10.1093/acprof:oso/9780195189223.003.0003
29. Newman P.M., McNamara T. Integration of visual landmark cues in spatial memory // *Psychological Research*. 2022. Vol. 86. P. 1636—1654. DOI:10.1007/s00426-021-01581-8
30. Parsons L.M. Imagined Spatial Transformation of One's Body // *Journal of Experimental Psychology: General*. 1987. Vol. 116. № 2. P. 172—191. DOI:10.1037//0096-3445.116.2.172
31. Path integration in large-scale space and with novel geometries: Comparing vector addition and encoding-error models / S.K. Harootonian, R.C. Wilson, L. Hejtmanek, E.M. Ziskin, A.D. Ekstrom // *PLoS Computational Biology*. 2020. Vol. 16. № 5. Article ID e1007489. 28 p. DOI:10.1371/journal.pcbi.1007489
32. Perspective taking as virtual navigation? Perceptual simulation of what others see reflects their location in space but not their gaze / E. Ward, G. Ganis, K.L. McDonough, P. Bach // *Cognition*. 2020. Vol. 199. № 3. Article ID 104241. DOI:10.1016/j.cognition.2020.104241
33. Perspective-taking is spontaneous but not automatic / C. O'Grady, T. Scott-Phillips, S. Lavelle, K. Smith // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 2020. Vol. 73. № 10. P. 1605—1628. DOI:10.1177/1747021820942479

34. Piaget J., Inhelder B. The child's conception of space. London: Routledge & K. Paul, 1956. 490 p.
35. Presson C.C., Montello D.R. Updating after Rotational and Translational Body Movements: Coordinate Structure of Perspective Space // Perception. 1994. Vol. 23. № 12. P. 1447—1455. DOI:10.1068/p231447
36. Puls K., May M. Disentangling spatial conflicts in mental perspective taking // Acta Psychologica. 2020. Vol. 207. Article ID 103078. DOI:10.1016/j.actpsy.2020.103078
37. Rieser J. Access to knowledge of spatial structure at novel points of observation // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition. 1989. Vol. 15. № 6. P. 1157—1165. DOI:10.1037/0278-7393.15.6.1157
38. Sette P.D., Bindemann M., Ferguson H.J. Visual perspective-taking in complex natural scenes // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2022. Vol. 75. № 8. P. 1541—1551. DOI:10.1177/17470218211054474
39. Southgate V. Are infants altercentric? The other and the self in early social cognition // Psychological Review. 2019. Vol. 127. № 4. P. 505—523. DOI:10.1037/rev0000182
40. Spontaneous visual perspective-taking with constant attention cue: A modified dot-perspective task paradigm / S. Zhou, H. Yang, Y. Wang, X. Zhou, S. Li // Attention, Perception & Psychophysics. 2023. Vol. 86. P. 1176—1185. DOI:10.3758/s13414-023-02772-8
41. The development of spatial location coding: Place learning and dead reckoning in the second and third years / N Newcombe, J. Huttenlocher, A.B. Drumme, J.G. Wiley // Cognitive Development. 1998. Vol. 13. № 2. P. 185—200. DOI:10.1016/S0885-2014(98)90038-7
42. The Developmental trajectories of children's reorientation to global and local properties of environmental geometry / M.G. Buckley, L.J. Holden, A.D. Smith, M. Haselgrove // Journal of Experimental Psychology: General. 2022. Vol. 153. № 4. P. 889—912. DOI:10.1037/xge0001265
43. The Difficulty of Effectively Using Allocentric Prior Information in a Spatial Recall Task / J. Negen, L.-A. Bird, E. King, M. Nardini // Scientific Reports. 2020. Vol. 10. Article ID 7000. 10 p. DOI:10.1038/s41598-020-62775-5
44. Vasilyeva M., Bowers E. Children's use of geometric information in mapping tasks // Journal of Experimental Child Psychology. 2006. Vol. 95. № 4. P. 255—277. DOI:10.1016/j.jecp.2006.05.001
45. Vestibular contribution to spatial encoding / S. Zanchi, L.F. Cuturi, G. Sandini, M. Gori, E.R. Ferre // European Journal of Neuroscience. 2023. Vol. 58. № 9. P. 4034—4042. DOI:10.1111/ejn.16146
46. Ward E., Ganis G., Bach P. Spontaneous vicarious perception of the content of another's visual perspective // Current Biology. 2019. Vol. 29. P. 874—880. DOI:10.1016/j.cub.2019.01.046
47. Working memory capacity, mental rotation, and visual perspective taking: A study of the developmental cascade hypothesis / Q. Zhang, Z. Liang, T. Zhang, C. Wang, T. Wang // Memory & Cognition. 2022. Vol. 50. № 2. P. 1432—1442. DOI:10.3758/s13421-021-01272-0
48. Yang Y., Li W., Wang Q. How well do 5- to 7- year-old children remember the spatial structure of a room? // Journal of Cognition and Development. 2022. Vol. 23. № 3. P. 385—410. DOI:10.1080/15248372.2022.2025809
49. Young children's representation of geometric relationships between locations in location coding / Q. Hu, M. Zhang, Y. Shao, G. Feng // Journal of Experimental Child Psychology. 2019. Vol. 189. Article ID 104703. DOI:10.1016/j.jecp.2019.104703

References

1. Nardini M., Thomas R.L., Knowland V., Braddick O.J., Atkinson J. A viewpoint-independent process for spatial reorientation / *Cognition*, 2009. Vol. 112, no. 2, pp. 241—248. DOI:10.1016/j.cognition.2009.05.003
2. Aldrich L. Spontaneous visual perspective-taking: level 2 representations of another's perspective are not related to what they actually see [Electronic resource]. *The Plymouth Student Scientist*, 2021. Vol. 14, no. 2, pp. 497—512. URL: https://pearl-prod.plymouth.ac.uk/bitstream/handle/10026.1/18512/TPSS-Vol14n2_497-512Aldrich.pdf?sequence=1&isAllowed=y (Accessed 09.09.2024).
3. Anastasiou C., Baumann O., Yamamoto N. Does path integration contribute to human navigation in large-scale space? *Psychonomic Bulletin & Review*, 2022. Vol. 30, pp. 822—842. DOI:10.3758/s13423-022-02216-8
4. Kiryakova R., Aston S., Beierholm U.R., Nardini M. Bayesian transfer in a complex spatial localization task. *Journal of Vision*, 2020. Vol. 20, no. 6. 19 p. DOI:10.1167/jov.20.6.17
5. Negen J., Ali L.B., Chere B., Roome H.E., Park Y., Nardini M. Coding locations relative to one or many landmarks in childhood. *PLoS Computational Biology*, 2019. Vol. 15, no. 10, article ID e1007380. 25 p. DOI:10.1371/journal.pcbi.1007380
6. Dahm S.F., Muraki E.J., Pexman P.M. Hand and foot selection in mental body rotations involves motor-cognitive interactions. *Brain Sciences*, 2022. Vol. 12, no. 11, article ID 1500. 16 p. DOI:10.3390/brainsci12111500
7. Van Hoogmoed A.H., Wegman J., van den Brink D., Janzen G. Development of Landmark Use for Navigation in Children: Effects of Age, Sex, Working Memory and Landmark Type. *Brain Sciences*, 2022. Vol. 12, no. 6, article ID 776. 18 p. DOI:10.3390/brainsci12060776
8. Nardini M., Burgess N., Breckenridge K., Atkinson J. Differential developmental trajectories for egocentric, environmental and intrinsic frames of reference in spatial memory. *Cognition*, 2006. Vol. 101, no. 1, pp. 153—172. DOI:10.1016/j.cognition.2005.09.005

9. Ferguson H.J., Apperly I., Cane J.E. Eye tracking reveals the cost of switching between self and other perspectives in a visual perspective-taking task. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2017. Vol. 70, no. 8, pp. 1646—1660. DOI:10.1080/17470218.2016.1199716
10. Fernandez-Baizan C., Arias J.L., Mendez M. Egocentric and allocentric spatial memory in young children: A comparison with young adults. *Infant and Child Development*, 2021. Vol. 30, no. 2, article ID e2216. 15 p. DOI:10.1002/icd.2216
11. Flavell J.H. Cognitive monitoring. In Dickson W.P. (ed.), *Children's oral communication skills*. New York: Academic Press, 1981, pp. 35—60.
12. Gunalp P., Moossaian T., Hegarty M. Spatial perspective taking: Effects of social, directional, and interactive cues. *Memory & Cognition*, 2019. Vol. 47, no. 5, pp. 1031—1043. DOI:10.3758/s13421-019-00910-y
13. Hu Q., Fu Y., Shao Y. Young children's representation of locations in a series: a front-back representation or an ordinal representation? *Frontiers in Psychology*, 2020. Vol. 11, article ID 1327. 6 p. DOI:10.3389/fpsyg.2020.01327
14. Huttenlocher J., Presson C.C. Mental rotation and the perspective problem. *Cognitive Psychology*, 1973. Vol. 4, no. 2, pp. 277—299. DOI:10.1016/0010-0285(73)90015-7
15. Huttenlocher J., Vasilyeva M. How toddlers represent enclosed spaces. *Cognitive Science*, 2003. Vol. 27, no. 5, pp. 749—766. DOI:10.1016/S0364-0213(03)00062-4
16. Becu M., Sheynikhovich D., Ramanoel S., Tatur G., Ozier-Lafontaine A., Authie C.N., Sahel J.-A., Arleo A. Landmark-based spatial navigation across the human lifespan. *eLife*, 2023. Vol. 12, article ID e81318. 24 p. DOI:10.7554/eLife.81318
17. Li W., Hu Q., Shao Y. Separation of geometric and featural information in children's spatial representation: Evidence from a model selection task. *Journal of Experimental Child Psychology*, 2022. Vol. 213, article ID 105272. DOI:10.1016/j.jecp.2021.105272
18. Lourenco S.F., Addy D., Huttenlocher J. Location representation in enclosed spaces: What type of information afford young children an advantage? *Journal of Experimental Child Psychology*, 2009. Vol. 104, no. 3, pp. 313—325. DOI:10.1016/j.jecp.2009.05.007
19. Lourenco S.F., Frick A. Remembering where: The origins and early development of spatial memory. In Bauer P.J., Fivush R. (eds.), *The handbook of children's memory development*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2014, pp. 367—393.
20. Mastrogiuseppe M., Gianni E., Lee S.A. Does a row of objects comprise a boundary? How children miss the forest for the trees in spatial navigation. *Developmental Psychology*, 2023. Vol. 59, no. 12, pp. 2397—2407. DOI:10.1037/dev0001638
21. May M. Imaginal perspective switches in remembered environments: Transformation versus interference accounts. *Cognitive Psychology*, 2004. Vol. 48, no. 2, pp. 163—206. DOI:10.1016/S0010-0285(03)00127-0
22. May M., Klatzky R.L. Path integration while ignoring irrelevant movement. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 2000. Vol. 26, no. 1, pp. 169—186. DOI:10.1037/0278-7393.26.1.169
23. Michelon P., Zacks J.M. Two kinds of visual perspective taking. *Perception & Psychophysics*, 2006. Vol. 68, pp. 327—337. DOI:10.3758/BF03193680
24. Nardini M. Merging familiar and new senses to perceive and act in space. *Cognitive processing*, 2021. Vol. 22, no. 3, pp. 69—75. DOI:10.1007/s10339-021-01052-3
25. Negen J., Bird L.-A., Nardini M. An Adaptive Cue Selection Model of Allocentric Spatial Reorientation. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*, 2021. Vol. 47, no. 10, pp. 1409—1429. DOI:10.1037/xhp0000950
26. Newcombe N. Navigation and the developing brain. *Journal of Experimental Biology*, 2019. Vol. 222, no. 1, article ID 186460. 11 p. DOI:10.1242/jeb.186460
27. Newcombe N., Huttenlocher J., Learmonth A. Infants' coding of location in continuous space. *Infant Behavior and Development*, 1999. Vol. 22, no. 4, pp. 483—510. DOI:10.1016/S0163-6383(00)00011-4
28. Newcombe N.S., Ratliff K.R. Explaining the development of spatial reorientation: Modularity-plus-language versus the emergence of adaptive combination. In Plumert J., Spencer J. (eds.), *The Emerging Spatial Mind*. New York: Oxford University Press, 2007. P. 53—76. DOI:10.1093/acprof:oso/9780195189223.003.0003
29. Newman P.M., McNamara T. Integration of visual landmark cues in spatial memory. *Psychological Research*, 2022. Vol. 86, pp. 1636—1654. DOI:10.1007/s00426-021-01581-8
30. Parsons L.M. Imagined Spatial Transformation of One's Body. *Journal of Experimental Psychology: General*, 1987. Vol. 116, no. 2, pp. 172—191. DOI:10.1037//0096-3445.116.2.172
31. Harootyan S.K., Wilson R.C., Hejtmanek L., Ziskin E.M., Ekstrom A.D. Path integration in large-scale space and with novel geometries: Comparing vector addition and encoding-error models. *PLoS Computational Biology*, 2020. Vol. 16, no. 5, article ID e1007489. 28 p. DOI:10.1371/journal.pcbi.1007489
32. Ward E., Ganis G., McDonough K.L., Bach P. Perspective taking as virtual navigation? Perceptual simulation of what others see reflects their location in space but not their gaze. *Cognition*, 2020. Vol. 199, no. 3, article ID 104241. DOI:10.1016/j.cognition.2020.104241
33. O'Grady C., Scott-Phillips T., Lavelle S., Smith K. Perspective-taking is spontaneous but not automatic. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2020. Vol. 73, no. 10, pp. 1605—1628. DOI:10.1177/1747021820942479

34. Piaget J., Inhelder B. The child's conception of space. London: Routledge & K. Paul, 1956. 490 p.
35. Presson C.C., Montello D.R. Updating after Rotational and Translational Body Movements: Coordinate Structure of Perspective Space. *Perception*, 1994. Vol. 23, no. 12, pp. 1447—1455. DOI:10.1068/p231447
36. Puls K., May M. Disentangling spatial conflicts in mental perspective taking. *Acta Psychologica*, 2020. Vol. 207, article ID 103078. DOI:10.1016/j.actpsy.2020.103078
37. Rieser J. Access to knowledge of spatial structure at novel points of observation. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*, 1989. Vol. 15, no. 6, pp. 1157—1165. DOI:10.1037/0278-7393.15.6.1157
38. Sette P.D., Bindemann M., Ferguson H.J. Visual perspective-taking in complex natural scenes. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 2022. Vol. 75, no. 8, pp. 1541—1551. DOI:10.1177/17470218211054474
39. Southgate V. Are infants altercentric? The other and the self in early social cognition. *Psychological Review*, 2019. Vol. 127, no. 4, pp. 505—523. DOI:10.1037/rev0000182
40. Zhou S., Yang H., Wang Y., Zhou X., Li S. Spontaneous visual perspective-taking with constant attention cue: A modified dot-perspective task paradigm. *Attention, Perception & Psychophysics*, 2023. Vol. 86, pp. 1176—1185. DOI:10.3758/s13414-023-02772-8
41. Newcombe N., Huttenlocher J., Drummey A.B., Wiley J.G. The development of spatial location coding: Place learning and dead reckoning in the second and third years. *Cognitive Development*, 1998. Vol. 13, no. 2, pp. 185—200. DOI:10.1016/S0885-2014(98)90038-7
42. Buckley M.G., Holden L.J., Smith A.D., Haselgrove M. The Developmental trajectories of children's reorientation to global and local properties of environmental geometry. *Journal of Experimental Psychology: General*, 2022. Vol. 153, no. 4, pp. 889—912. DOI:10.1037/xge0001265
43. Negen J., Bird L.-A., King E., Nardini M. The Difficulty of Effectively Using Allocentric Prior Information in a Spatial Recall Task. *Scientific Reports*, 2020. Vol. 10, article ID 7000. 10 p. DOI:10.1038/s41598-020-62775-5
44. Vasilyeva M., Bowers E. Children's use of geometric information in mapping tasks. *Journal of Experimental Child Psychology*, 2006. Vol. 95, no. 4, pp. 255—277. DOI:10.1016/j.jecp.2006.05.001
45. Zanchi S., Cuturi L.F., Sandini G., Gori M., Ferre E.R. Vestibular contribution to spatial encoding. *European Journal of Neuroscience*, 2023. Vol. 58, no. 9, pp. 4034—4042. DOI:10.1111/ejn.16146
46. Ward E., Ganis G., Bach P. Spontaneous vicarious perception of the content of another's visual perspective. *Current Biology*, 2019. Vol. 29, pp. 874—880. DOI:10.1016/j.cub.2019.01.046
47. Zhang Q., Liang Z., Zhang T., Wang C., Wang T. Working memory capacity, mental rotation, and visual perspective taking: A study of the developmental cascade hypothesis. *Memory & Cognition*, 2022. Vol. 50, no. 2, pp. 1432—1442. DOI:10.3758/s13421-021-01272-0
48. Yang Y., Li W., Wang Q. How well do 5- to 7- year-old children remember the spatial structure of a room? *Journal of Cognition and Development*, 2022. Vol. 23, no. 3, pp. 385—410. DOI:10.1080/15248372.2022.2025809
49. Hu Q., Zhang M., Shao Y., Feng G. Young children's representation of geometric relationships between locations in location coding. *Journal of Experimental Child Psychology*, 2019. Vol. 189, article ID 104703. DOI:10.1016/j.jecp.2019.104703

Информация об авторах

Кричка Марина Николаевна, аспирант лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5427-4963>, e-mail: krichkamn@ipran.ru

Information about the authors

Marina N. Krichka, PhD Student of the Laboratory of Psychology of the Development of the Subject in Normal and Post-traumatic conditions, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5427-4963>, e-mail: krichkamn@ipran.ru

Получена 22.03.2024

Принята в печать 02.09.2024

Received 22.03.2024

Accepted 02.09.2024

Эмоциональная дифференцированность и ее связь с регуляцией эмоций: обзор исследований

Рассказова М.А.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3796-3165>, e-mail: m rasskazova@hse.ru*

В статье представлен обзор ряда современных зарубежных исследований эмоциональной дифференцированности и ее роли в процессах регуляции эмоций. Предпринята попытка обобщить существующие на данный момент результаты о связи эмоциональной дифференцированности с различными личностными и поведенческими конструктами, а также о ее роли в психологическом благополучии. Выявлены основные преимущества высокого уровня эмоциональной дифференцированности отрицательных эмоций и недостатки низкого уровня эмоциональной дифференцированности отрицательных эмоций. Проведено разделение между эмоциональной дифференцированностью как чертой и сиюминутной эмоциональной дифференцированностью, обозначены сложности в концептуализации и измерении конструкта сиюминутной эмоциональной дифференцированности, отмечены перспективы изучения связи между обоими показателями эмоциональной дифференцированности и регуляции эмоций. Проведен анализ нескольких исследований, посвященных роли эмоциональной дифференцированности в выборе и эффективности использования условно адаптивных и условно дезадаптивных стратегий регуляции эмоций. Обнаружено, что более высокий уровень эмоциональной дифференцированности отрицательных эмоций связан с эффективностью использования стратегий регуляции эмоций, но не с их выбором. Выявлены сходства и расхождения в методологии и полученных результатах анализируемых исследований. Сформулированы вопросы, требующие дальнейшего изучения, описаны перспективы для будущих исследований. Обозначена практическая значимость результатов исследований для использования в целях психотерапии и лечения психологических расстройств.

Ключевые слова: эмоциональная дифференцированность, эмоциональная дифференцированность отрицательных эмоций, метод многократных замеров, регуляция эмоций, стратегии регуляции эмоций.

Финансирование. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Благодарности. Автор благодарит за оказанную поддержку научного руководителя Д.В. Люсина.

Для цитаты: *Рассказова М.А.* Эмоциональная дифференцированность и ее связь с регуляцией эмоций: обзор исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 62–72. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130306>

Emotional Differentiation and Its Relationship to Emotion Regulation: Research Overview

Mariia A. Rasskazova

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3796-3165>, e-mail: m rasskazova@hse.ru*

The article reviews of a number of modern foreign studies of emotion differentiation and its role in emotion regulation processes. An attempt is made to generalise the currently existing results on the connection of emotional differentiation with various personality and behavioural constructs, as well as about its role of in psychological well-being. The main advantages of high negative emotional differentiation and disadvantages of low negative emotional differentiation are identified. Trait and momentary emotional differentiation was distinguished, difficulties in conceptualising and measuring the momentary emotional differentiation were outlined, the lines of future studies of the relationship between both measures of emotional differentiation and emotion regulation were described. Several studies of the role of emotional differentiation in the choice and effectiveness of putatively adaptive and maladaptive emotion regulation strategies were analysed. It was found that higher levels of negative emotional differentiation were related to the effectiveness of emotion regulation strategies rather than to their choice. Similarities and differences in the methodology and obtained results of the analysed studies are identified. Issues requiring further research are formulated, prospects for future research are described. The practical significance of the research findings for the use in psychotherapy and treatment of psychological disorders is outlined.

Keywords: experience sampling, emotion differentiation, negative emotion differentiation, emotion regulation, emotion regulation strategies.

Funding. The study was carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University “Higher School of Economics”.

Acknowledgements. The author thanks for the support of the scientific supervisor D.V. Lyusin.

For citation: Rasskazova M.A. Emotional Differentiation and Its Relationship to Emotion Regulation: Research Overview [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2024. Vol. 13, no. 3, pp. 62—72. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130306> (In Russ.).

Введение

Под регуляцией эмоций (РЭ) понимается способность регулировать интенсивность, частоту и продолжительность положительных и/или отрицательных эмоций [34]. В последние годы зарождается ветвь исследования РЭ в ее связи с таким конструктом, как эмоциональная дифференцированность (ЭД). На сегодняшний день существует лишь несколько эмпирических работ, в которых изучалась эта взаимосвязь, что говорит о малом количестве знаний в этой области. Кроме того, эти работы отличает отсутствие методологического единства и разнородность полученных результатов. Целью данного обзора является анализ текущей литературы, посвященной ЭД, ее роли в психологическом функционировании человека и ее связи с РЭ, выявление сходства и противоречий в полученных результатах для обозначения направлений и перспектив будущих исследований.

Эмоциональная дифференцированность

Теоретические подходы, рассматривающие эмоциональный опыт человека, несмотря на некоторые различия, единогласно постулируют функциональную природу эмоций [4; 32]. В современных описаниях эмоций, основанных на оценке, эмоции рассматриваются как «детекторы смысла», включающие оценку личной значимости конкретной ситуации в зависимости от актуальной цели индивида [36].

Существуют индивидуальные различия в том, как люди осознают состав своих эмоций [2]. Эти различия называют общим термином *эмоциональная сложность* (*emotion complexity*), который включает в себя два крупных концептуальных определения: *эмоциональный диалектизм* (*emotional dialecticism*) как способность одновременного переживания положительных и отрицательных эмоций и *эмоциональную дифференцированность* (*emotion differentiation*) как способность испытывать разнообразные эмоции.

Эмоциональная дифференцированность — конструкт, выражающий то, насколько тонко человек может различать свои эмоции. Люди с более высокой ЭД могут более хорошо различать схожие по валентности эмоциональные переживания (например, гнев и разочарование), называть их и описывать [27].

Переживание эмоций как более дискретных и конкретных может позволить человеку делать более четкие прогнозы относительно значения событий или физиологических ощущений [16], координируя комплекс когнитивных, физиологических и поведенческих механизмов, способствующих повышению приспособленности к текущей ситуации [32].

ЭД измеряется с помощью разных методик, но чаще всего — с помощью метода многократных замеров эмоционального состояния (*experience sampling*), основанного на регулярных самоотчетах испытуемых о своем настроении [44]. На основании полученных данных вычисляются показатели ЭД, чаще всего эти показатели строятся на основе ИСС — измерения внутренней согласованности оценок эмоций. Высокий ИСС (ближе к 1) говорит о высокой степени ковариации между сходными по валентности эмоциями, что указывает на низкую дифференцированность, т. е. несколько эмоций как бы «склеиваются» в субъективном опыте человека и не разделяются по степени выраженности. Напротив, низкий показатель ИСС (ближе к 0) говорит о более высокой дифференциации, поскольку люди сообщают о более разнообразных эмоциях. Для большей точности в интерпретации результатов чаще всего оценка ЭД проводится отдельно для отрицательных (ЭД/О) и положительных (ЭД/П) эмоций [1].

Несмотря на значительное разнообразие эмоциональных переживаний, доступных человеку, большее внимание в научной литературе уделяют негативным эмоциям. Вероятно, это связано с тем, что именно негативные эмоции больше связаны со способами приспособления к среде и избеганием угроз выживанию [32]. Негативные эмоции имеют большую информационную ценность, поскольку сигнализируют о необходимости изменения или корректировки текущего состояния или деятельности.

Исследования последних десятилетий показывают, что способность к точному различению собственных негативных эмоций связана с более высоким уровнем психологического благополучия [10; 41], более высоким уровнем любопытства [30], эмпатической точности [18], полноты жизни и разнообразия повседневных событий [15; 35], с более успешным принятием решений в условиях риска [25], а также может быть полезна в ситуациях, связанных с интенсивными негативными эмоциями. Например, люди с высоким уровнем ЭД/О проявляют меньше агрессии в ответ на гнев и прово-

кацию (словесное или физическое нападение) в отношении того, кто их обидел [13], проявляют меньше импульсивности [45], более эффективно справляются с регуляцией своих негативных эмоций [5], употребляют меньше алкоголя в момент, когда испытывают сильные негативные эмоции [9]. Также люди с высокой ЭД/О более устойчивы к проявлению депрессивных симптомов под воздействием ежедневных негативных событий [43; 46], а подростки менее подвержены развитию симптомов депрессии во время переживания стресса [21].

Любопытно, что ЭД/О связана не только с различными поведенческими аспектами, но и с субъективным переживанием интенсивности негативных эмоций. Известно, что люди с более высокой ЭД/О испытывают меньшее усиление негативных эмоций после использования стратегий саморегуляции [5]. В одном из последних исследований [16] измерялся не только уровень ЭД, но и объективный показатель физиологической реакции сердечно-сосудистой системы на стрессовую задачу. Результаты показали, что более высокодифференцированные люди по сравнению с менее дифференцированными сообщали о менее интенсивных негативных эмоциях во время стрессового воздействия, даже несмотря на то, что демонстрировали большую симпатическую реактивность. Эти результаты предполагают, что люди с более высоким уровнем ЭД/О могут воспринимать свои эмоции как более управляемые, независимо от уровня физиологического возбуждения. В совокупности результаты упомянутых исследований позволяют предположить, что точное различие эмоциональных переживаний, содержащих специфическую информацию о контексте, помогает снизить их интенсивность и функционируют как форма имплицитной регуляции эмоций [36].

Напротив, низкий уровень ЭД может ограничивать количество информации, связанной с эмоциями, которую человек способен извлекать из окружающей среды, что делает его менее подготовленным к эффективному регулированию своих эмоций [5; 24]. Кроме того, крайне низкий уровень ЭД может указывать на такое нарушение эмоциональной сферы, как алекситимия, и проявляться в трудности идентифицировать и описывать свои чувства и телесные ощущения. Известно, что алекситимия влияет на качество жизни, общий уровень психологического здоровья, а также связана с рядом психопатологий и нарушений в регуляции эмоций [33].

Однако в целом низкий уровень ЭД не является нарушением, хотя и может быть связан с дезадаптивным поведением как способом совладания с эмоциональным возбуждением. Особенно эта связь прослеживается у групп людей, имеющих клинический диагноз. Низкая ЭД/О является характерной чертой людей с депрессивным расстройством [17], социальным тревожным расстройством [7; 23], расстройством аутистического спектра [11]. У людей с пограничным расстройством личности руминация в совокупности с

низкой ЭД/О повышает риск актов несуицидального самоповреждения [8], а у людей, страдающих от алкогольной зависимости, низкая ЭД/О повышает риск употребления алкоголя в 90-дневный период выздоровления: лица с высокой ЭД/О сообщают о более редких эпизодах употребления, чем лица с низкой ЭД/О [12]. Также любопытны результаты, полученные при исследовании связи ЭД и руминации как фактора, усиливающего психологическое расстройство: взаимодействие ЭД/О и ЭДП значительно защищает от развития депрессии при руминации [26]; кроме того, ЭД/О является значимым модулирующим фактором между руминацией и социальным избеганием как в клинической выборке людей с социальным тревожным расстройством, так и в неклинической выборке студентов колледжа. Для низкодифференцированных людей более высокий уровень руминации предсказывает более высокую частоту социального избегания, и эти результаты не распространяются на людей со средней и высокой ЭД/О [37]. В работе, посвященной исследованию связи ЭД/О и ПТСР, было обнаружено, что люди с диагнозом ПТСР испытывают больше проблем с дифференциацией своих негативных эмоций, чем люди, пережившие травму и не страдающие ПТСР: избегание, связанное с травмой, ассоциируется с одновременным проявлением симптомов ПТСР, а более высокий уровень ЭД/О ослабляет эту связь, хотя и не устраняет ее полностью [29]. На основе результатов данных исследований справедливо полагать, что ЭД/О может быть трансдиагностическим защитным фактором от поведенческой дисрегуляции в клинических и неклинических группах [36; 45].

Наконец, Seah с соавторами в 2020 году провели метаанализ, в котором обобщили предшествующие работы о связи ЭД/О и дезадаптивного поведения от алкоголизма до несоблюдения графика приема препаратов. В 17 исследованиях на клинических и неклинических выборках была обнаружена отрицательная связь между ЭД/О и дезадаптивным поведением. Немаловажно, что эта связь оставалась значимой даже при контроле среднего уровня негативных эмоций [38].

Внутриличностные колебания ЭД

В большинстве исследований, посвященных ЭД, этот конструкт оценивается как устойчивая индивидуальная характеристика человека, т. е. как черта (trait emotion differentiation). Однако все больше внимания в последние годы уделяется вопросу о том, какова вариативность ЭД на внутриличностном уровне и может ли она быть предиктором других оцениваемых переменных. Современные теории черт утверждают, что индивидуальные различия в поведении, мыслях и чувствах состоят из стабильной и переменной частей и поведение одного и того же человека может меняться от случая к случаю в зависимости от разных обстоятельств, контекста, ресурсов и др. [19]. Поэтому есть все основания

полагать, что изучение показателей внутриличностных колебаний ЭД, таких как сиюминутная ЭД (state emotion differentiation) и средняя ЭД за день (daily emotion differentiation), позволит лучше понять, как ЭД в целом связана с поведением, поскольку контекст и цели являются определяющими факторами для того, чтобы эмоции и поведение были признаны адаптивными [2].

В одном из первых исследований, в котором измерялись сиюминутная ЭД и средняя ЭД за день, было установлено, что эти показатели являются значимыми предикторами сиюминутной импульсивности у людей с пограничным расстройством личности и депрессивным расстройством, в то время как общий показатель ЭД как черты был значим минимально [45]. Интересны результаты, полученные при изучении роли стресса в предсказании колебаний дифференциации эмоций. Было показано, что высокий уровень стресса связан с более низким средним ЭД за день и что стресс в один день предсказывает более низкий уровень ЭД/О на следующий день [47]. Продолжая идею измерения внутриличностных колебаний ЭД, авторы одной из последних работ ввели новый способ оценки — индекс дифференциации сиюминутных эмоций — для изучения связи ЭД с сиюминутным благополучием. Этот индекс непосредственно связан с классическим показателем ЭД (ИСС) и оценивает ее в конкретной временной точке относительно общего уровня дифференциации эмоций человека. В работе было обнаружено, что более высокие уровни сиюминутной дифференцированности, как позитивных, так и негативных эмоций, положительно связаны с позитивными сиюминутными показателями благополучия и отрицательно — с негативными сиюминутными показателями благополучия [27].

В работе Springstein и соавторов (2024) на основе индекса сиюминутной ЭД, разработанного авторами предыдущего исследования, было выявлено, что в знакомой социальной ситуации, по сравнению с менее знакомой, люди с большей точностью дифференцируют свои положительные эмоции, причем связь между этими показателями с большей силой проявляется у пожилых людей по сравнению с молодыми. Таким образом, результаты последних работ показывают, что внутриличностные колебания ЭД, т. е. показатели сиюминутной ЭД, и ЭД на уровне дня могут быть важными и значимыми предикторами других переменных [39].

Существуют и другие исследования, в которых оценивалась степень разнообразия, с которой эмоции переживаются на сиюминутном уровне [например: 3; 20], но все они отличаются разнородностью в способах измерения, операционализации показателей и результатах, что не позволяет составить обобщенную картину о поведенческих эффектах этих показателей. Это говорит о том, что изучение сиюминутной ЭД как предсказательного фактора адаптивной или дезадаптивной поведенческой активности находится в зачаточном состоянии и требует дальнейшего внимательного исследования.

Эмоциональная дифференцированность и регуляция эмоций

Представленные теоретические и эмпирические исследования, несмотря на некоторую разнородность в способах оценки и концептуализации конструкта эмоциональной дифференцированности [44], тем не менее создают обобщенную картину позитивного эффекта способности к различению эмоций. Являясь значимым компонентом общего психологического здоровья и предиктором более успешного адаптивного поведения, совершенно закономерно, что ЭД также связана с различными процессами регуляции эмоций, поскольку способность к регулированию эмоций в соответствии с требованиями контекста и текущими целями играет центральную роль во многих областях функционирования человека и вносит существенный вклад в уровень общего психологического благополучия [14; 34; 42;]. Справедливо предположить, что когда человек точно знает, что чувствует, ему легче выбрать наиболее подходящую или эффективную стратегию регуляции эмоций для этой конкретной эмоции в данном конкретном контексте, и усилия по регуляции эмоций будут более эффективными [5]. Напротив, если эмоции не дифференцированы друг от друга, а используются как взаимозаменяемые для описания общего негативного аффекта, то информация, которую они предоставляют, будет неспецифичной и нечувствительной к факторам контекста [27].

В связи с этим изучение связи ЭД и РЭ представляется довольно перспективным не только с фундаментальной точки зрения, но и с точки зрения психотерапии и психокоррекции. Если люди, более тонко различающие свои эмоции, действительно способны лучше их регулировать, то это знание может служить нескольким психотерапевтическим целям: 1) диагностировать у некоторых клиентов степень ЭД, чтобы понять, не связаны ли их психологические трудности с недостатком в различении эмоций и их регуляции; 2) развивать степень ЭД у тех клиентов, кто испытывает трудности с различением и называнием эмоций; 3) обучать клиентов наиболее успешно регулировать себя в соответствии с текущим эмоциональным состоянием, контекстом и долгосрочными целями.

В первом исследовании, посвященном изучению связи эмоциональной дифференцированности и регуляции эмоций (РЭ), людей просили сообщать об интенсивных негативных переживаниях и их ответных регуляторных усилиях. На протяжении двух недель участники заполняли дневник, оценивая свои самые сильные эмоциональные переживания каждый день и указывая, в какой степени они использовали стратегии регуляции эмоций. Результаты показали, что те, кто умел различать негативные эмоции, использовали почти на 30% больше стратегий для уменьшения негативных и увеличения позитивных эмоций по сравнению с людьми с низким уровнем ЭД [24]. Эти результаты впервые показали, что интенсивные негативные

эмоции при высокой степени дифференцированности могут быть функциональными и связаны со здоровыми стратегиями регуляции эмоций.

В одном из недавних исследований изучалось, связана ли ЭД/О с выбором стратегии, операционализированным как степень использования каждой стратегии, и эффективностью стратегий, операционализированной как связь между каждой стратегией и последующей негативной эмоцией.

Предполагалось, что ЭД/О будет связана положительно с переоценкой и принятием (условно адаптивные стратегии) и отрицательно — с подавлением и руминацией (условно дезадаптивные стратегии). Также авторы ожидали, что уровень ЭД/О будет изменять интенсивность негативных эмоций: у людей с низким ЭД/О при использовании всех стратегий негативные эмоции будут усиливаться, в то время как у людей с высоким ЭД/О использование условно адаптивных стратегий будет снижать уровень негативных эмоций, а эффекты подавления и руминации на негативные эмоции будут ослаблены по сравнению с низкодифференцированными людьми. Было проведено два исследования: в первом изучалась связь ЭД/О и РЭ в повседневной жизни; второе исследование проводилось во время эмоционального события в реальной жизни и изучало эту связь в интенсивный эмоциональный период.

Негативные эмоции были связаны как с усилением регуляции, так и со снижением дифференциации, поэтому средний уровень негативных эмоций выступал контролируемой переменной. В соответствии с первой гипотезой была обнаружена связь ЭД/О с уменьшением подавления и руминации, но только во втором исследовании, что, предположительно, указывает на то, что связь между ЭД/О и РЭ возникает только в эмоциональных ситуациях. Результаты первого исследования не дали возможности подтвердить первую гипотезу. В целом, как отмечают авторы, это говорит о том, что ЭД/О не имеет сильного отношения к выбору стратегии. То есть оказалось, что навык распознавания собственных эмоций еще не обязательно связан с предпочтением более адаптивного способа справляться с переживанием.

В соответствии со второй гипотезой, результаты показали, что среди низкодифференцированных испытуемых стратегии регуляции эмоций были связаны с усилением негативных эмоций. Среди высокодифференцированных испытуемых использование всех стратегий, как условно адаптивных, так и условно дезадаптивных, также было связано с усилением негативных эмоций, однако эта связь была ослаблена по сравнению с низкодифференцированными людьми. Это говорит о том, что люди с высокой ЭД/О более эффективно справляются с регуляцией эмоций [5].

Схожие результаты были получены и в другой работе, в которой исследовалось: 1) связана ли ЭД/О как черта с привычным использованием отдельных стратегий Р; 2) каким образом ЭД/О как черта связана с ежедневным использованием отдельных стратегий РЭ;

3) как внутриличностные ежедневные колебания ЭД/О связаны с ежедневным использованием отдельных стратегий РЭ. Стратегии включали четыре условно адаптивные стратегии (рефлексия, дистанцирование, нереактивность, переоценка) и четыре условно дезадаптивные стратегии (руминация, избегание переживаний, экспрессивное подавление, беспокойство). Как и в предыдущем исследовании, авторы ожидали, что более высокая ЭД/О будет положительно связана с условно адаптивными стратегиями РЭ и отрицательно связана с условно дезадаптивными стратегиями РЭ. Для того чтобы оценить уникальный вклад ЭД/О в выбор стратегии, оценивалось, в какой степени ЭД/О связана с РЭ помимо негативных эмоций.

Результаты показали, что более высокая ЭД/О положительно связана с большим использованием условно адаптивных стратегий и с меньшим использованием условно дезадаптивных стратегий руминации и тревоги. Однако при контроле среднего уровня негативных эмоций значимых взаимосвязей между измеряемыми показателями не наблюдалось. Эти результаты были аналогичными в трех измеряемых условиях, что говорит лишь о слабой связи ЭД, как черты, с выбором стратегий РЭ [31].

В одном из лонгитюдных исследований, которое проводилось в течение четырех лет на выборке студентов колледжа, изучалось, какова модулирующая роль ЭД/О в связи между интенсивностью стрессовых повседневных событий и стратегиями, используемыми для регуляции дистресса, возникающего в результате этих событий. Учитывая условность разделения стратегий РЭ на адаптивные и дезадаптивные и отсутствие эмпирических данных об их принципиальном отличии, в данной работе были выбраны стратегии с опорой на другой вид их классификации [28]: к стратегиям вовлечения, т. е. участия в борьбе с негативными эмоциями, была отнесена стратегия решения проблемы, а к группе стратегий отстранения, характеризующихся попытками уйти от тревожащих мыслей и эмоций, были отнесены стратегии избегания и отвлечения. Отдельно были также изучены две поведенческие стратегии: употребление психоактивных веществ и поиск социальной поддержки. Предполагалось, что: 1) интенсивность самого стрессового события каждого дня будет связана с более активным использованием стратегий регуляции отстранения и вовлечения; 2) люди с более высоким уровнем ЭД/О будут реже использовать стратегии отстранения и чаще использовать стратегии вовлечения при сильном стрессе.

Частично подтверждая вторую гипотезу, результаты показали, что люди с высоким уровнем ЭД/О реже использовали стратегии отстранения, чем люди с более низким уровнем ЭД/О. Однако защитная роль ЭД/О в высокострессовых ситуациях была подтверждена лишь частично: более высокий уровень ЭД/О защищал от использования отвлечения в ситуациях высокого стресса, но не от употребления психоактивных веществ или избегания. Также ЭД/О не был связан со стратегиями вовле-

чения (т. е. решением проблем и социальной поддержкой). Вопреки прогнозам, люди с более высоким уровнем ЭД/О не использовали стратегии вовлечения чаще, и ЭД/О не модерировала связь между интенсивностью стресса и использованием стратегий вовлечения [6].

Анализ представленных работ показывает, что на данный момент результаты исследований связи ЭД и РЭ выглядят несколько противоречиво и разрозненно. Исследование Барретт с соавторами, положившее основу для дальнейшего изучения этой области, не позволяет сделать вывод о связи ЭД с выбором стратегий РЭ или с эффективностью их использования, а указывает, скорее, на степень их применения в зависимости от уровня ЭД. Кроме того, лишь в одном из исследований изучалась связь ЭД и эффективности использования стратегий РЭ. Полученные результаты требуют дополнения другими работами, в совокупности с которыми станет возможным составить обобщенную картину о связи этих показателей.

В результатах двух исследований были обнаружены схожие тенденции: работы Е.К. Калокеринос (E.K. Kalokerinos) с соавторами [5] и М.С. О'Толе (M.S. O'Toole) с соавторами [31] согласуются в общем выводе об отсутствии значимой связи ЭД/О с выбором стратегий РЭ при контроле среднего уровня негативных эмоций. Однако в работе В.А. Браун (V.A. Brown) с соавторами [6] эта связь была обнаружена для стратегий отстранения: люди с высоким уровнем ЭД/О реже использовали стратегии отстранения, чем люди с более низким уровнем ЭД/О.

Стоит отметить, что при относительно схожих процедурах измерения ЭД процедуры измерения выбора стратегий РЭ значительно отличаются от работы к работе. Е.К. Калокеринос с соавторами предложили оценить степень использования каждой стратегии применительно к эмоциям, измеряемым предыдущим замером, т. е. участники отвечали, какие стратегии они использовали с момента предыдущего уведомления. М.С. О'Толе с соавторами использовали процедуру сиюминутной оценки применения стратегий РЭ, т. е. предлагали отметить степень использования стратегий по отношению к эмоциям, которые участники только что оценивали. В.А. Браун с соавторами просили участников вспомнить самое негативное событие дня и оценить, насколько сильно они использовали каждую из шести различных стратегий РЭ в ответ на это негативное событие.

Таким образом, описанные расхождения в направлениях исследований, процедурах и полученных результатах на данный момент не позволяют сделать общее заключение о том, связана ли ЭД/О с выбором стратегий РЭ и эффективностью их использования.

Перспективы

Способность эффективно регулировать эмоции в соответствии с текущими целями и/или контекстуаль-

ными требованиями играет центральную роль во многих областях психологического функционирования, включая социальное функционирование, академическую и трудовую деятельность и, в особенности, психическое здоровье. Улучшение способности к РЭ через обучение эффективному использованию стратегий является важным аспектом некоторых психотерапевтических подходов, направленных на коррекцию психологических расстройств. Тем не менее для лучшего обоснования моделей психического здоровья и соответствующих вмешательств все еще необходимы новые знания в понимании процессов РЭ и их связи с другими личностными конструктами [34].

В представленном обзоре мы сосредоточились на новой, зарождающейся области исследования процессов регуляции эмоций в их связи с таким личностным конструктом, как эмоциональная дифференцированность. Существующие работы показывают, что эмоциональная дифференцированность так же, как и регуляция эмоций, играет важную роль в процессах психологического функционирования человека и непосредственным образом связана с уровнем общего психологического благополучия. На сегодняшний день получено немало подтверждений связи ЭД, преимущественно ЭД/О, с более адаптивными формами поведения и ответных реакций на события окружающей среды.

Закономерно предположить, что, выполняя функциональную роль в поддержании психологического благополучия, ЭД и РЭ могут быть предиктивно связаны, однако вопрос об этой связи изучался крайне мало. После первого в этой области исследования 2001 года [24] прошло больше десяти лет, прежде чем этот вопрос снова привлек внимание ученых. Анализ последних немногочисленных работ показывает как сходство, так и противоречие в полученных результатах. В двух исследованиях [5; 31] было обнаружено, что ЭД слабо связана с выбором условно адаптивных или условно дезадаптивных стратегий РЭ, а значимость связи исчезает при контроле среднего уровня негативных эмоций, но в другом исследовании [6] была частично зафиксирована такая связь для стратегий отдаления. Что касается связи ЭД с эффективностью использования стратегий РЭ, то в этом вопросе на сегодняшний день не накоплено достаточно данных, чтобы судить об общей закономерности, хотя результаты о наличии этой связи известны.

Таким образом, остаются без определенного ответа следующие вопросы: если высокая ЭД положительно связана с более адаптивными формами поведения, то каковы причины ненаблюдаемой связи высокой ЭД с условно адаптивными стратегиями? Может ли корень этого несоответствия скрываться в теоретической разобщенности во взглядах касательно разделения стратегий РЭ на условно адаптивные и дезадаптивные? Или проблема — в отсутствии общей методологии и общих измерительных стратегий? Одним из вариантов объяснения обнаруженных противоречий может служить теоретическое представление о том, что дифференциация

ция сама по себе может исполнять функцию стратегии регуляции эмоций, помогая людям дистанцироваться от них [22], снижая силу их висцерального переживания и связанного с ними когнитивного содержания, что, в свою очередь, приводит к снижению самооценки интенсивности эмоций [40]. Однако это предположение на данный момент не имеет достаточных эмпирических подтверждений и нуждается в дальнейшей проверке.

Кроме того, на текущий момент не вполне изучена роль внутриличностных колебаний ЭД: сиюминутной ЭД и средней ЭД за день. Известно лишь несколько работ, в которых этот показатель был зафиксирован, однако в них не наблюдается согласованности в операционализации конструкта и методах его измерения. Мы не обнаружили работ, в которых исследовался бы вопрос о том, как связана сиюминутная ЭД с использованием стратегий РЭ. Что если внутриличностные

колебания ЭД вносят существенный вклад в выбор стратегий? Ответы на поставленные вопросы, вероятно, смогут дать больше информации и заполнить существующие в данный момент пробелы.

Понимание того, какие показатели эмоционального опыта могут быть поведенчески адаптивными в соответствии с целями и контекстом, является важным вопросом, как с точки зрения фундаментальной науки, так и для практической психотерапии, связанной с лечением людей с эмоциональными расстройствами, где поведенческая адаптация является главной целью. Существующие на данный момент исследования предоставляют богатую информацию, которая уже активно используется в различных областях практической психологии, а будущие исследования помогут еще больше прояснить роль эмоциональной дифференцированности в вопросах, касающихся психологической адаптации.

Литература

1. Сучкова Е.А., Люсин Д.В. Методы измерения эмоциональной дифференцированности: сравнительный анализ // Психологический журнал. 2023. Том 44. № 6. С. 77—85. DOI:10.31857/S020595920029013-0
2. A systematic review and meta-analysis of the association between complexity of emotion experience and behavioral adaptation / M.S. O'Toole, M.E. Renna, E. Elkjær, M.B. Mikkelsen, D.S. Mennin // *Emotion Review*. 2020. Vol. 12. № 1. P. 23—38. DOI:10.1177/1754073919876019
3. An ecological momentary assessment investigation of complex and conflicting emotions in youth with borderline personality disorder / H.E. Andrewes, C. Hulbert, S.M. Cotton, J. Betts, A.M. Chanen // *Psychiatry Research*. 2017. Vol. 252. P. 102—110. DOI:10.1016/j.psychres.2017.01.100
4. Barrett L.F. The theory of constructed emotion: An active inference account of interoception and categorization // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 2017. Vol. 12. № 1. P. 1—23. DOI:10.1093/scan/nsw154
5. Differentiate to regulate: Low negative emotion differentiation is associated with ineffective use but not selection of emotion-regulation strategies / E.K. Kalokerinos, Y. Erbas, E. Ceulemans, P. Kuppens // *Psychological Science*. 2019. Vol. 30. № 6. P. 863—879. DOI:10.1177/0956797619838763
6. Does negative emotion differentiation influence how people choose to regulate their distress after stressful events? A four-year daily diary study / B.A. Brown, F.R. Goodman, D.J. Disabato, T.B. Kashdan, S. Armeli, H. Tennen // *Emotion*. 2021. Vol. 21. № 5. P. 1000—1012. DOI:10.1037/emo0000969
7. Emotion differentiation and emotion regulation in high and low socially anxious individuals: An experience-sampling study / M.S. O'Toole, M.B. Jensen, H.N. Fentz, R. Zachariae, E. Hougaard // *Cognitive Therapy and Research*. 2014. Vol. 38. P. 428—438. DOI:10.1007/s10608-014-9611-2
8. Emotion differentiation as a protective factor against nonsuicidal self-injury in borderline personality disorder / L.F. Zaki, K.G. Coifman, E. Rafaeli, K.R. Berenson, G. Downey // *Behavior therapy*. 2013. Vol. 44. № 3. P. 529—540. DOI:10.1016/j.beth.2013.04.008
9. Emotion differentiation as resilience against excessive alcohol use: An ecological momentary assessment in underage social drinkers / T.B. Kashdan, P. Ferrisizidis, R.L. Collins, M. Muraven // *Psychological Science*. 2010. Vol. 21. № 9. P. 1341—1347. DOI:10.1177/0956797610379863
10. Emotion differentiation dissected: Between-category, within-category, and integral emotion differentiation, and their relation to well-being / Y. Erbas, E. Ceulemans, E.S. Blanke, L. Sels, A. Fischer, P. Kuppens // *Cognition and Emotion*. 2019. Vol. 33. № 2. P. 258—271. DOI:10.1080/02699931.2018.1465894
11. Emotion differentiation in autism spectrum disorder / Y. Erbas, E. Ceulemans, J. Boonen, I. Noens, P. Kuppens // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2013. Vol. 7. № 10. P. 1221—1227. DOI:10.1016/j.rasd.2013.07.007
12. Emotion differentiation in early recovery from alcohol use disorder: Associations with in-the-moment affect and 3 month drinking outcomes / N.N. Emery, K.J. Walters, L. Njeim, M. Barr, D. Gelman, D. Eddie // *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*. 2022. Vol. 46. № 7. P. 1294—1305. DOI:10.1111/acer.14854
13. Emotion differentiation moderates aggressive tendencies in angry people: A daily diary analysis / J.R.S. Pond, T.B. Kashdan, C.N. DeWall, A. Savostyanova, N.M. Lambert, F.D. Fincham // *Emotion*. 2012. Vol. 12. № 2. P. 326—337. DOI:10.1037/a0025762
14. Emotion regulation dynamics in daily life: Adaptive strategy use may be variable without being unstable and predictable without being autoregressive / M. Wenzel, E.S. Blanke, Z. Rowland, T. Kubiak // *Emotion*. 2022. Vol. 22. № 7. P. 1487—1504. DOI:10.1037/emo0000967

15. Emotional granularity is associated with daily experiential diversity / K. Hoemann, Y. Lee, P. Kuppens, M. Gendron, R.L. Boyd // *Affective Science*. 2023. Vol. 4. № 2. P. 291—306. DOI:10.31234/osf.io/24mpf
16. Examining the role of emotion differentiation on emotion and cardiovascular physiological activity during acute stress/ A.S. Bonar, J.K. MacCormack, M.J. Feldman, K.A. Lindquist // *Affective Science*. 2023. Vol. 4. P. 317—331. DOI:10.1007/s42761-023-00189-y
17. Feeling blue or turquoise? Emotional differentiation in major depressive disorder / E. Demiralp, R.J. Thompson, J. Mata [et al.] // *Psychological Science*. 2012. Vol. 23. № 11. P. 1410—1416. DOI:10.1177/0956797612444903
18. Feeling me, feeling you: The relation between emotion differentiation and empathic accuracy / Y. Erbas, L. Sels, E. Ceulemans, P. Kuppens // *Social Psychological and Personality Science*. 2016. Vol. 7. № 3. P. 240—247. DOI:10.1177/1948550616633504
19. *Fleeson W., Jayawickreme E.* Whole trait theory // *Journal of Research in Personality*. 2015. Vol. 56. P. 82—92. DOI:10.1016/j.jrp.2014.10.009
20. *Grossmann I., Gerlach T.M., Denissen J.J.A.* Wise reasoning in the face of everyday life challenges // *Social Psychological and Personality Science*. 2016. Vol. 7. № 7. P. 611—622. DOI:10.1177/1948550616652206
21. High emotion differentiation buffers against internalizing symptoms following exposure to stressful life events in adolescence: An intensive longitudinal study / E.C. Nook, J.C. Flournoy, A.M. Rodman, P. Mair, K.A. McLaughlin // *Clinical Psychological Science*. 2021. Vol. 9. № 4. P. 699—718. DOI:10.31234/osf.io/q4uy8
22. *Kashdan T.B., Barrett L.F., McKnight P.E.* Unpacking emotion differentiation: Transforming unpleasant experience by perceiving distinctions in negativity // *Current Directions in Psychological Science*. 2015. Vol. 24. № 1. P. 10—16. DOI:10.1177/0963721414550708
23. *Kashdan T.B., Farmer A.S.* Differentiating emotions across contexts: Comparing adults with and without social anxiety disorder using random, social interaction, and daily experience sampling // *Emotion*. 2014. Vol. 14. № 3. P. 629—638. DOI:10.1037/a0035796
24. Knowing what you're feeling and knowing what to do about it: Mapping the relation between emotion differentiation and emotion regulation / L.F. Barrett, J. Gross, T.C. Christensen, M. Benvenuto // *Cognition and Emotion*. 2001. Vol. 15. № 6. P. 713—724. DOI:10.1080/02699930143000239
25. *Li Y., Ashkanasy N.M.* Risk adaptation and emotion differentiation: An experimental study of dynamic decision-making // *Asia Pacific Journal of Management*. 2019. Vol. 36. P. 219—243. DOI:10.1007/s10490-017-9559-3
26. *Liu D.Y., Gilbert K.E., Thompson R.J.* Emotion differentiation moderates the effects of rumination on depression: A longitudinal study // *Emotion*. 2020. Vol. 20. № 7. P. 1234—1243. DOI:10.1037/emo0000627
27. Momentary emotion differentiation: the derivation and validation of an index to study within-person fluctuations in emotion differentiation / Y. Erbas, E.K. Kalokerinos, P. Kuppens, S. van Halem, E. Ceulemans // *Assessment*. 2022. Vol. 29. № 4. P. 700—716. DOI:10.1177/1073191121990089
28. *Naragon-Gainey K., McMahon T.P., Chacko T.P.* The structure of common emotion regulation strategies: A meta-analytic examination // *Psychological Bulletin*. 2017. Vol. 143. № 4. P. 384—427. DOI:10.1037/bul0000093
29. Negative emotion differentiation in trauma-exposed community members: Associations with posttraumatic stress disorder symptoms in daily life / C.P. Pugach, L.R. Starr, P.J. Silvia, B.E. Wisco // *Journal of psychopathology and clinical science*. 2023. Vol. 132. № 8. P. 1007—1018. DOI:10.1037/abn0000851
30. Nuanced aesthetic emotions: Emotion differentiation is related to knowledge of the arts and curiosity / K. Fayn, P.J. Silvia, Y. Erbas, N. Tiliopoulos, P. Kuppens // *Cognition and Emotion*. 2018. Vol. 32. № 3. P. 593—599. DOI:10.1080/02699931.2017.1322554
31. *O'Toole M.S., Elkjaer E., Mikkelsen M.B.* Is negative emotion differentiation associated with emotion regulation choice? Investigations at the person and day level // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article ID 684377. 11 p. DOI:10.3389/fpsyg.2021.684377
32. Positive emotion differentiation: A functional approach / M.N. Shiota, S.L. Neufeld, A.F. Danvers, E.A. Osborne, O. Sng, C.I. Yee // *Social and Personality Psychology Compass*. 2014. Vol. 8. № 3. P. 104—117. DOI:10.1111/spc3.12092
33. *Preece D.A., Gross J.J.* Conceptualizing alexithymia // *Personality and Individual Differences*. 2023. Vol. 215. Article ID 112375. 6 p. DOI:10.1016/j.paid.2023.112375
34. Relations between emotion regulation strategies and affect in daily life: A systematic review and meta-analysis of studies using ecological momentary assessments / T. Boemo, I. Nieto, C. Vazquez, A. Sanchez-Lopez // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. 2022. Vol. 139. Article ID 104747. 16 p. DOI:10.1016/j.neubiorev.2022.104747
35. Rich and balanced experiences of daily emotions are associated with activity diversity across adulthood / S. Lee, E.J. Urban-Wojcik, S.T. Charles, D.M. Almeida // *The Journals of Gerontology: Series B*. 2022. Vol. 77. № 4. P. 710—720. DOI:10.1093/geronb/gbab144
36. *Scherer K.R., Moors A.* The emotion process: Event appraisal and component differentiation // *Annual Reviews of Psychology*. 2019. Vol. 70. № 14. P. 719—745. DOI:10.1146/annurev-psych-122216-011854
37. *Seah T.H., Aurora P., Coifman K.G.* Emotion differentiation as a protective factor against the behavioral consequences of rumination: A conceptual replication and extension in the context of social anxiety // *Behavior Therapy*. 2020. Vol. 51. № 1. P. 135—148. DOI:10.1016/j.beth.2019.05.011

38. Seah T.H., Coifman K.G. Emotion differentiation and behavioral dysregulation in clinical and nonclinical samples: A meta-analysis // *Emotion*. 2022. Vol. 22. № 7. P. 1686—1697. DOI:10.1037/emo0000968
39. Springstein T., Thompson R.J., English T. Examining situational differences in momentary emotion differentiation and emotional clarity in everyday life // *Emotion*. 2024. Vol. 24. № 4. P. 947—959. DOI:10.1037/emo0001311
40. Subjective responses to emotional stimuli during labeling, reappraisal, and distraction / M.D. Lieberman, T.K. Inagaki, G. Tabibnia, M.J. Crockett // *Emotion*. 2011. Vol. 11. № 3. P. 468—480. DOI:10.1037/a0023503
41. Tan T.Y., Wachsmuth L., Tugade M.M. Emotional nuance: Examining positive emotional granularity and well-being // *Frontiers in psychology*. 2022. Vol. 13. Article ID 715966. 6 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.715966
42. The association between the selection and effectiveness of emotion-regulation strategies and psychopathological features: A daily life study / M. Houben, E.K. Kalokerinos, P. Koval, Y. Erbas, J. Mitchell, M. Pe, P. Kuppens // *Clinical Psychological Science*. 2023. Article ID 21677026231203662. 11 p. Preprint. DOI:10.1177/21677026231203662
43. The perils of murky emotions: Emotion differentiation moderates the prospective relationship between naturalistic stress exposure and adolescent depression / L.R. Starr, R. Hershenberg, Z.A. Shaw, Y.I. Li, A.C. Santee // *Emotion*. 2020. Vol. 20. № 6. P. 927—938. DOI:10.1037/emo0000630
44. Thompson R.J., Springstein T., Boden M. Gaining clarity about emotion differentiation // *Social and Personality Psychology Compass*. 2021. Vol. 15. № 3. Article ID e12584. 14 p. DOI:10.1111/spc3.12584
45. Undifferentiated negative affect and impulsivity in borderline personality and depressive disorders: A momentary perspective / R.L. Tomko, S.P. Lane, L.M. Pronove, H.R. Treloar, W.C. Brown, M.B. Solhan, P.K. Wood, T.J. Trull // *Journal of abnormal psychology*. 2015. Vol. 124. № 3. P. 740—753. DOI:10.1037/abn0000064
46. When feelings lack precision: Low positive and negative emotion differentiation and depressive symptoms in daily life / L.R. Starr, R. Hershenberg, Y.I. Li, Z.A. Shaw // *Clinical Psychological Science*. 2017. Vol. 5. № 4. P. 613—631. DOI:10.1177/2167702617694657
47. Why I don't always know what I'm feeling: The role of stress in within-person fluctuations in emotion differentiation / Y. Erbas, E. Ceulemans, E.K. Kalokerinos, M. Houben, P. Koval, M.L. Pe, P. Kuppens // *Journal of personality and Social Psychology*. 2018. Vol. 115. № 2. P. 179—191. DOI:10.1037/pspa0000126

References

1. Suchkova E.A., Lyusin D.V. Metody izmereniya emotsional'noi differentsirovannosti: sravnitel'nyi analiz [Emotion Differentiation Measuring Methods: Comparative Analysis]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]*, 2023. Vol. 44, no. 6, pp. 77—85. DOI:10.31857/S020595920029013-0 (In Russ.).
2. O'Toole M.S., Renna M.E., Elkjr E., Mikkelsen M.B., Mennin D.S. A systematic review and meta-analysis of the association between complexity of emotion experience and behavioral adaptation. *Emotion Review*, 2020. Vol. 12, no. 1, pp. 23—38. DOI:10.1177/1754073919876019
3. Andrewes H.E., Hulbert C., Cotton S.M., Betts J., Chanen A.M. An ecological momentary assessment investigation of complex and conflicting emotions in youth with borderline personality disorder. *Psychiatry Research*, 2017. Vol. 252, pp. 102—110. DOI:10.1016/j.psychres.2017.01.100
4. Barrett L.F. The theory of constructed emotion: An active inference account of interoception and categorization. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, 2017. Vol. 12, no. 1, pp. 1—23. DOI:10.1093/scan/nsw154
5. Kalokerinos E.K., Erbas Y., Ceulemans E., Kuppens P. Differentiate to regulate: Low negative emotion differentiation is associated with ineffective use but not selection of emotion-regulation strategies. *Psychological Science*, 2019. Vol. 30, no. 6, pp. 863—879. DOI:10.1177/0956797619838763
6. Brown B.A., Goodman F.R., Disabato D.J., Kashdan T.B., Armeli S., Tennen H. Does negative emotion differentiation influence how people choose to regulate their distress after stressful events? A four-year daily diary study. *Emotion*, 2021. Vol. 21, no. 5, pp. 1000—1012. DOI:10.1037/emo0000969
7. O'Toole M.S., Jensen M.B., Fentz H.N., Zachariae R., Hougaard E. Emotion differentiation and emotion regulation in high and low socially anxious individuals: An experience-sampling study. *Cognitive Therapy and Research*, 2014. Vol. 38, pp. 428—438. DOI:10.1007/s10608-014-9611-2
8. Zaki L.F., Coifman K.G., Rafaeli E., Berenson K.R., Downey G. Emotion differentiation as a protective factor against nonsuicidal self-injury in borderline personality disorder. *Behavior Therapy*, 2013. Vol. 44, no. 3, pp. 529—540. DOI:10.1016/j.beth.2013.04.008
9. Kashdan T.B., Ferrisizidis P., Collins R.L., Muraven M. Emotion differentiation as resilience against excessive alcohol use: An ecological momentary assessment in underage social drinkers. *Psychological Science*, 2010. Vol. 21, no. 9, pp. 1341—1347. DOI:10.1177/0956797610379863
10. Erbas Y., Ceulemans E., Blanke E.S., Sels L., Fischer A., Kuppens P. Emotion differentiation dissected: Between-category, within-category, and integral emotion differentiation, and their relation to well-being. *Cognition and Emotion*, 2019. Vol. 33, no. 2, pp. 258—271. DOI:10.1080/02699931.2018.1465894
11. Erbas Y., Ceulemans E., Boonen J., Noens I., Kuppens P. Emotion differentiation in autism spectrum disorder. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 2013. Vol. 7, no. 10, pp. 1221—1227. DOI:10.1016/j.rasd.2013.07.007

12. Emery N.N., Walters K.J., Njeim L., Barr M., Gelman D., Eddie D. Emotion differentiation in early recovery from alcohol use disorder: Associations with inthemoment affect and 3month drinking outcomes. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research*, 2022. Vol. 46, no. 7, pp. 1294—1305. DOI:10.1111/acer.14854
13. Pond J.R.S., Kashdan T.B., DeWall C.N., Savostyanova A., Lambert N.M., Fincham F.D. Emotion differentiation moderates aggressive tendencies in angry people: A daily diary analysis. *Emotion*, 2012. Vol. 12, no. 2, pp. 326—337. DOI:10.1037/a0025762
14. Wenzel M., Blanke E.S., Rowland Z., Kubiak T. Emotion regulation dynamics in daily life: Adaptive strategy use may be variable without being unstable and predictable without being autoregressive. *Emotion*, 2022. Vol. 22, no. 7, pp. 1487—1504. DOI:10.1037/emo0000967
15. Hoemann K., Lee Y., Kuppens P., Gendron M., Boyd R.L. Emotional granularity is associated with daily experiential diversity. *Affective Science*, 2023. Vol. 4, no. 2, pp. 291—306. DOI:10.31234/osf.io/24mpf
16. Bonar A.S., MacCormack J.K., Feldman M.J., Lindquist K.A. Examining the role of emotion differentiation on emotion and cardiovascular physiological activity during acute stress. *Affective Science*, 2023. Vol. 4, pp. 317—331. DOI:10.1007/s42761-023-00189-y
17. Demiralp E., Thompson R.J., Mata J. et al. Feeling blue or turquoise? Emotional differentiation in major depressive disorder. *Psychological Science*, 2012. Vol. 23, no. 11, pp. 1410—1416. DOI:10.1177/0956797612444903
18. Erbas Y., Sels L., Ceulemans E., Kuppens P. Feeling me, feeling you: The relation between emotion differentiation and empathic accuracy. *Social Psychological and Personality Science*, 2016. Vol. 7, no. 3, pp. 240—247. DOI:10.1177/1948550616633504
19. Fleeson W., Jayawickreme E. Whole trait theory. *Journal of Research in Personality*, 2015. Vol. 56, pp. 82—92. DOI:10.1016/j.jrp.2014.10.009
20. Grossmann I., Gerlach T.M., Denissen J.J.A. Wise reasoning in the face of everyday life challenges. *Social Psychological and Personality Science*, 2016. Vol. 7, no. 7, pp. 611—622. DOI:10.1177/1948550616652206
21. Nook E.C., Flournoy J.C., Rodman A.M., Mair P., McLaughlin K.A. High emotion differentiation buffers against internalizing symptoms following exposure to stressful life events in adolescence: An intensive longitudinal study. *Clinical Psychological Science*, 2021. Vol. 9, no. 4, pp. 699—718. DOI:10.31234/osf.io/q4uy8
22. Kashdan T.B., Barrett L.F., McKnight P.E. Unpacking emotion differentiation: Transforming unpleasant experience by perceiving distinctions in negativity. *Current Directions in Psychological Science*, 2015. Vol. 24, no. 1, pp. 10—16. DOI:10.1177/0963721414550708
23. Kashdan T.B., Farmer A.S. Differentiating emotions across contexts: Comparing adults with and without social anxiety disorder using random, social interaction, and daily experience sampling. *Emotion*, 2014. Vol. 14, no. 3, pp. 629—638. DOI:10.1037/a0035796
24. Barrett L.F., Gross J., Christensen T.C., Benvenuto M. Knowing what you're feeling and knowing what to do about it: Mapping the relation between emotion differentiation and emotion regulation. *Cognition and Emotion*, 2001. Vol. 15, no. 6, pp. 713—724. DOI:10.1080/02699930143000239
25. Li Y., Ashkanasy N.M. Risk adaptation and emotion differentiation: An experimental study of dynamic decision making. *Asia Pacific Journal of Management*, 2019. Vol. 36, pp. 219—243. DOI:10.1007/s10490-017-9559-3
26. Liu D.Y., Gilbert K.E., Thompson R.J. Emotion differentiation moderates the effects of rumination on depression: A longitudinal study. *Emotion*, 2020. Vol. 20, no. 7, pp. 1234—1243. DOI:10.1037/emo0000627
27. Erbas Y., Kalokerinos E.K., Kuppens P., van Halem S., Ceulemans E. Momentary emotion differentiation: the derivation and validation of an index to study within-person fluctuations in emotion differentiation. *Assessment*, 2022. Vol. 29, no. 4, pp. 700—716. DOI:10.1177/1073191121990089
28. Naragon-Gainey K., McMahon T.P., Chacko T.P. The structure of common emotion regulation strategies: A meta-analytic examination. *Psychological Bulletin*, 2017. Vol. 143, no. 4, pp. 384—427. DOI:10.1037/bul0000093
29. Pugach C.P., Starr L.R., Silvia P.J., Wisco B.E. Negative emotion differentiation in trauma-exposed community members: Associations with posttraumatic stress disorder symptoms in daily life. *Journal of psychopathology and clinical science*, 2023. Vol. 132, no. 8, pp. 1007—1018. DOI:10.1037/abn0000851
30. Fayn K., Silvia P.J., Erbas Y., Tiliopoulos N., Kuppens P. Nuanced aesthetic emotions: Emotion differentiation is related to knowledge of the arts and curiosity. *Cognition and Emotion*, 2018. Vol. 32, no. 3, pp. 593—599. DOI:10.1080/02699931.2017.1322554
31. O'Toole M.S., Elkjær E., Mikkelsen M.B. Is negative emotion differentiation associated with emotion regulation choice? Investigations at the person and day level. *Frontiers in Psychology*, 2021. Vol. 12, article ID 684377. 11 p. DOI:10.3389/fpsyg.2021.684377
32. Shiota M.N., Neufeld S.L., Danvers A.F., Osborne E.A., Sng O., Yee C.I. Positive emotion differentiation: A functional approach. *Social and Personality Psychology Compass*, 2014. Vol. 8, no. 3, pp. 104—117. DOI:10.1111/spc3.12092
33. Preece D.A., Gross J.J. Conceptualizing alexithymia. *Personality and Individual Differences*, 2023. Vol. 215, article ID 112375. 6 p. DOI:10.1016/j.paid.2023.112375

34. Boemo T., Nieto I., Vazquez C., Sanchez-Lopez A. Relations between emotion regulation strategies and affect in daily life: A systematic review and meta-analysis of studies using ecological momentary assessments. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 2022. Vol. 139, article ID 104747. 16 p. DOI:10.1016/j.neubiorev.2022.104747
35. Lee S., Urban-Wojcik E.J., Charles S.T., Almeida D.M. Rich and balanced experiences of daily emotions are associated with activity diversity across adulthood. *The Journals of Gerontology: Series B*, 2022. Vol. 77, no. 4, pp. 710—720. DOI:10.1093/geronb/gbab144
36. Scherer K.R., Moors A. The emotion process: Event appraisal and component differentiation. *Annual Reviews of Psychology*, 2019. Vol. 70, no. 14, pp. 719—745. DOI:10.1146/annurev-psych-122216-011854
37. Seah T.H., Aurora P., Coifman K.G. Emotion differentiation as a protective factor against the behavioral consequences of rumination: A conceptual replication and extension in the context of social anxiety. *Behavior Therapy*, 2020. Vol. 51, no. 1, pp. 135—148. DOI:10.1016/j.beth.2019.05.011
38. Seah T.H., Coifman K.G. Emotion differentiation and behavioral dysregulation in clinical and nonclinical samples: A meta-analysis. *Emotion*, 2022. Vol. 22, no. 7, pp. 1686—1697. DOI:10.1037/emo0000968
39. Springstein T., Thompson R.J., English T. Examining situational differences in momentary emotion differentiation and emotional clarity in everyday life. *Emotion*, 2024. Vol. 24, no. 4, pp. 947—959. DOI:10.1037/emo0001311
40. Lieberman M.D., Inagaki T.K., Tabibnia G., Crockett M.J. Subjective responses to emotional stimuli during labeling, reappraisal, and distraction. *Emotion*, 2011. Vol. 11, no. 3, pp. 468—480. DOI:10.1037/a0023503
41. Tan T.Y., Wachsmuth L., Tugade M.M. Emotional nuance: Examining positive emotional granularity and well-being. *Frontiers in psychology*, 2022. Vol. 13, article ID 715966. 6 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.715966
42. Houben M., Kalokerinos E.K., Koval P., Erbas Y., Mitchell J., Pe M., Kuppens P. The association between the selection and effectiveness of emotion-regulation strategies and psychopathological features: A daily life study. *Clinical Psychological Science*, 2023. 11 p. Preprint. DOI:10.1177/21677026231203662
43. Starr L.R., Hershenberg R., Shaw Z.A., Li Y.I., Santee A.C. The perils of murky emotions: Emotion differentiation moderates the prospective relationship between naturalistic stress exposure and adolescent depression. *Emotion*, 2020. Vol. 20, no. 6, pp. 927—938. DOI:10.1037/emo0000630
44. Thompson R.J., Springstein T., Boden M. Gaining clarity about emotion differentiation. *Social and Personality Psychology Compass*, 2021. Vol. 15, no. 3, article ID e12584. 14 p. DOI:10.1111/spc3.12584
45. Tomko R.L., Lane S.P., Pronove L.M., Treloar H.R., Brown W.C., Solhan M.B., Wood P.K., Trull T.J. Undifferentiated negative affect and impulsivity in borderline personality and depressive disorders: A momentary perspective. *Journal of abnormal psychology*, 2015. Vol. 124, no. 3, pp. 740—753. DOI:10.1037/abn0000064
46. Starr L.R., Hershenberg R., Li Y.I., Shaw Z.A. When feelings lack precision: Low positive and negative emotion differentiation and depressive symptoms in daily life. *Clinical Psychological Science*, 2017. Vol. 5, no. 4, pp. 613—631. DOI:10.1177/2167702617694657
47. Erbas Y., Ceulemans E., Kalokerinos E.K., Houben M., Koval P., Pe M.L., Kuppens P. Why I don't always know what I'm feeling: The role of stress in within-person fluctuations in emotion differentiation. *Journal of personality and Social Psychology*, 2018. Vol. 115, no. 2, pp. 179—191. DOI:10.1037/pspa0000126

Информация об авторах

Рассказова Мария Александровна, аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3796-3165>, e-mail: m rasskazova@hse.ru

Information about the authors

Mariia A. Rasskazova, PhD Student, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3796-3165>, e-mail: m rasskazova@hse.ru

Получена 13.03.2024

Принята в печать 11.09.2024

Received 13.03.2024

Accepted 11.09.2024

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ MEDICAL PSYCHOLOGY

Возраст и женское бесплодие: обзор отечественных и зарубежных исследований

Тимченко Д.Д.

*Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3113-0316>, e-mail: dchertok@mail.ru*

В статье предпринимается попытка провести обзор отечественных и зарубежных исследований за последние двадцать лет по проблеме психологических особенностей женщин с диагнозом «бесплодие» в разных возрастных группах. В рамках обзора дается определение бесплодия, рекомендованное Всемирной организацией здравоохранения, кратко анализируется эволюция взглядов на психологические истоки бесплодия: рассматриваются психосоматическая модель, популярная в начале XX в., и современный биопсихосоциальный подход. Делается акцент на возрастной специфике переживания бесплодия как индивидуальной психологической реакции на диагноз. Поднимается проблема возрастного бесплодия и его распространенности в современном мире. Описываются медицинские аспекты ухудшения фертильности, такие как снижение качества и количества яйцеклеток. Раскрывается взаимосвязь стресса, бесплодия и возраста. Анализируются факторы, влияющие на риск развития тревожной и депрессивной симптоматики в процессе лечения, а также психологические причины отказов от лечения. Подчеркивается связь социокультурного контекста и психоэмоционального состояния инфертильных женщин. Рассматриваются исследования психологических последствий бесплодия в развивающихся странах, а также в странах с пронаталистической политикой.

Ключевые слова: бесплодие, женщина, возраст, стресс, репродуктивная функция, психоэмоциональное состояние, социокультурный контекст.

Для цитаты: Тимченко Д.Д. Возраст и женское бесплодие: обзор отечественных и зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 2. С. 73—82. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130307>

Age and Women’s Infertility: National and Foreign Researches’ Review

Daria D. Timchenko

*Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3113-0316>, e-mail: dchertok@mail.ru*

The article attempts to review national and foreign studies over the past twenty years on the problem of psychological characteristics of women diagnosed with infertility in different age groups. The review provides a definition of infertility recommended by WHO, briefly analyzes the evolution of views on the psychological origins of infertility: the psychosomatic model, popular at the beginning of the 20th century, and the modern biopsychosocial approach are considered. The emphasis is on the age-specific experience of infertility as an individual psychological reaction to the diagnosis. The problem of age-related infertility and its prevalence in the modern world is being raised. Medical aspects of impaired fertility are described, such as decreased quality and quantity of eggs cells. The relationship between stress, infertility and age is revealed. The factors influencing the risk of developing anxiety and depressive symptoms during treatment are analyzed, as well as psychological reasons for refusal of treatment. The connection between the socio-cultural context and the psycho-emotional state of infertile women is emphasized. The review studies the psychological consequences of infertility in developing countries, as well as in countries with pronatalist policies.

Keywords: infertility, woman, age, stress, reproductive function, psycho-emotional state, socio-cultural context.

For citation: Timchenko D.D. Age and Women’s Infertility: National and Foreign Researches’ Review [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* = Journal of Modern Foreign Psychology, 2024. Vol. 13, no. 2, pp. 73—82. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130307> (In Russ.).

Введение

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения (далее — ВОЗ), бесплодие — это заболевание мужской или женской репродуктивной системы, характеризующееся неспособностью достичь беременности после 12 месяцев регулярных незащищенных половых контактов [18]. По статистике, в бездетных браках на долю женского бесплодия приходится около 40—50% случаев.

По данным множества исследований, женщины, в отличие от мужчин, тяжелее переживают трудности с зачатием и оказываются более эмоционально уязвимы в процессе лечения [31].

Активное изучение психологических особенностей инфертильных женщин на Западе ведется с середины 80-х гг., в России — с начала 90-х гг. Только за последние 10 лет, по данным статистики портала Elibrary, опубликовано порядка 11328 статей, посвященных психологическим аспектам женского бесплодия.

В данный аналитический обзор были включены оригинальные полнотражные статьи из 6 электронных зарубежных и отечественных баз данных: Web of Science, «PubMed», сообщества «ResearchGate», поисковой платформы «Semantic Scholar», электронных библиотек Elibrary и «Киберленинка». Поиск статей осуществлялся по ключевым словам, названиям статей, аннотациям и OCR.

Интерес исследователей к этой теме обусловлен, с одной стороны, отчетливой тенденцией к росту доли бесплодных пар. Анализ данных из 195 стран за период с 1990 г. по 2017 г. показал, что глобальное бремя бесплодия в среднем увеличивается на 0,37% в год для женщин и на 0,29% для мужчин [17]. От проблемы вынужденной бездетности страдает около 186 миллионов человек. С другой стороны, с 2000-х гг. стремительно распространяется доступность вспомогательных репродуктивных технологий (далее — ВРТ). В 2023 г. в журнале «Population Research and Policy Review» вышла обзорная статья, посвященная прогнозированию и оценке вклада репродуктивных технологий в общую рождаемость. По оценке экспертов, на 2018 год в мире родилось 8 миллионов детей, зачатых с помощью ВРТ, и их процент будет увеличиваться. Все большее число стран включает искусственные методы репродукции в пул социально-политических мер реагирования на демографический кризис [23]. Важно отметить, что, несмотря на значительный прогресс в развитии методов ВРТ, их эффективность оценивается в границах от 20 до 40%, а доля отказов от лечения достигает одной трети, даже при условии компенсации затрат со стороны страховых компаний [10]. В качестве одной из ключевых причин прекращения лечения исследователи выделяют психологическое состояние пациентов. Метаанализ факторов риска и психологических последствий бесплодия, опубликованный в 2022 г., который включал 32 исследования с выборкой более 124 тыс. респондентов, продемонстрировал, что

риск психологического дистресса у женщин с нарушениями фертильности на 60% выше, чем у здоровых. Также возрастает вероятность развития тревожных и депрессивных расстройств, которая оценивается в 60 и 40% соответственно [31].

Попытки осмыслить и концептуализировать психологические предпосылки бесплодия предпринимались с начала XX в. В 1930 г. была введена психогенная модель инфертильности, которая объясняла случаи отсутствия беременности, не имеющие под собой медицинских причин. Предполагалось, что в основе этиологии необъяснимого бесплодия лежит психопатология. Развивая эту идею, многие исследователи делали акцент на том, что ядром необъяснимого бесплодия могут являться разные формы психических конфликтов, блокирующие репродуктивную функцию. Фокус был на роли женщины и ее внутреннем сопротивлении беременности, при этом мужское бесплодие в значительной степени игнорировалось [27]. С развитием диагностических технологий психогенная модель утратила авторитет. Анализируя эволюцию психологии бесплодия, Дж. Бойвен и С. Гамейро из Кардиффского университета приходят к выводу о том, что с середины 80-х гг. XX в. фокус смещается с индивидуальной психопатологии на многофакторные модели понимания проблемы инфертильности. Наиболее популярным становится биопсихосоциальный подход [9].

В основе этой концепции лежит идея о том, что, с одной стороны, бесплодие имеет под собой биологические, т. е. медицинские причины, с другой стороны, существуют индивидуальная психологическая реакция на лечение, а также социальные последствия, такие как: стигма, разводы, давление со стороны семьи. Американский профессор социологии А. Грейл, исследующий проблемы гендерной фертильности и бесплодия, резюмировал, что одновременно в организме женщины разыгрывается биологическая, личная и социальная драма [13; 14]. Таким образом, бесплодие выступает как сложная междисциплинарная проблема, однако целостный взгляд на инфертильность встречается лишь в некоторых работах. Выделяют две исследовательские традиции социально-психологических последствий нарушений репродуктивной функции. Одна опирается на количественные методы изучения клинических проявлений у пациентов с целью оценки потребностей в психологическом консультировании. Вторая — на качественные исследования, задача которых проанализировать опыт бесплодных людей через призму социально-культурного контекста [15].

Несмотря на значительный массив исследований психосоциальных аспектов бесплодия, крайне мало работ, раскрывающих возрастную специфические особенности переживания этого диагноза. Важность изучения этой проблематики обусловлена, с одной стороны, объективной тенденцией к позднему материнству — за последнее десятилетие количество рожениц старше 35 лет увеличилось на 44%, что связано с изменением социального статуса современной женщины

[23]. С другой стороны, — тем, что способность к зачатию детерминирована фактором возраста и почти вдвое снижается после 30 лет и в 4 раза — после 35, что коррелирует с падением эффективности методов ВРТ в этой возрастной группе [23]. Таким образом, женщина с диагнозом «бесплодие» в возрасте после 35 лет будет иметь значительно меньше шансов на наступление беременности, чем женщина в 25 или 30 лет. А ведь именно эта возрастная группа является наиболее преобладающей в протоколах экстракорпорального оплодотворения (далее — ЭКО). При этом период снижения репродуктивной функции совпадает со временем нормативных кризисов (возрастных и семейных), а материнство является одним из ключевых аспектов социальной идентичности женщины, что вносит существенный вклад в переживание бесплодия. Поэтому фокус внимания в данной работе направлен не просто на обзор исследований психологических особенностей бесплодных женщин, а на выявление возраст-специфических особенностей переживания бесплодия. Можно выделить несколько основных тем публикаций у отечественных и зарубежных авторов по интересующей тематике:

- выявление взаимосвязи между бесплодием, стрессом и возрастом женщины;
- анализ факторов, влияющих на выраженность тревожной и депрессивной симптоматики в процессе лечения нарушений репродуктивной функции;
- исследование копинг-стратегий бесплодных женщин в разных репродуктивных возрастах;
- анализ влияния социокультурного контекста на переживание бесплодия.

Взаимосвязь между бесплодием, стрессом и возрастом

Взаимосвязь бесплодия и стресса рассматривается в зарубежной медицинской литературе с 70-х гг. XX в. Одна из первых работ, посвященных дистрессу как психологическому последствию инфертильности, это книга по самопомощи медсестры Б.Э. Менинг «Бесплодие: руководство для бездетной пары». Как указывают Дж. Бойвен и С. Гамейро, считается, что именно Б.Э. Менинг впервые применила модель переживания утраты Кюблер-Росс к ситуации вынужденной бездетности. По ее мнению, диагноз бесплодие почти повсеместно сопровождается специфическим «синдромом чувств» — смеси шока, гнева, отрицания, вины и изоляции [9]. За последние 20 лет было проведено множество зарубежных и российских исследований факторов, обуславливающих выраженность стрессовой реакции в процессе лечения бесплодия.

Такие отечественные авторы, как Е.В. Битюцкая, Е.В. Воронцова, Э.Ф. Галимова, Л. Сухоцкая, И.А. Тлиашинова, рассматривают нарушение репродуктивного здоровья как психотравмирующий фактор, приводящий к психической и социальной дезадапта-

ции [2; 5; 6; 7]. Большинство участниц программ экстракорпорального оплодотворения находятся в уязвимом психоэмоциональном состоянии, обусловленном как стрессом от медицинских манипуляций, так и длительным переживанием неопределенности.

Наиболее актуальным направлением у зарубежных авторов является оценка выраженности стресса посредством измерения его биологического маркера — кортизола. Однако в большинстве работ связь возраста и психоэмоционального состояния не раскрывается, ее лишь можно смоделировать опосредованно, опираясь на разрозненные научные данные. Например, в систематическом обзоре «Бесплодие и кортизол», вышедшем в 2023 г., Б.В. Карунам и соавторы проанализировали 16 тематических исследований с участием около 1100 женщин и 400 мужчин и выявили, что в большей части представленных выборок респондентов отсутствует дифференциация по возрасту. Однако, судя по результатам, возраст-специфические закономерности, свидетельствующие о взаимосвязи уровня стресса и бесплодия, присутствуют [17].

Во всех исследованиях уровень кортизола измерялся до начала лечения с помощью ВРТ или перед повторной попыткой, а также у пар, которые пытались забеременеть самостоятельно. Результаты оказались противоречивыми. Из 7 работ, в которых испытуемыми были женщины, в четырех был выявлен повышенной уровень кортизола при бесплодии, в трех не обнаружили различий в сравнении с группой нормы. В исследованиях, которые показали высокий уровень кортизола, было 939 участниц против 117 — в трех, которые не выявили различий [17].

Неоднородность тенденции авторы связывают с разным временем забора проб, размером выборок, количеством попыток лечения, а также специфическими причинами бесплодия. Например, при некоторых диагнозах, таких как гиперпролактинемия, повышенный уровень кортизола будет являться следствием основного заболевания, а не результатом воздействия стресса. Во многих исследованиях не указывалось количество предшествующих неудачных попыток. При этом в статье отмечается, что значимый субъективный уровень потенциально ожидаемого стресса от лечения связан с более высоким уровнем кортизола [17].

И здесь можно предположить, что выраженность стресса при лечении с возрастом будет возрастать. В первую очередь это происходит за счет увеличения числа неудачных попыток. Дело в том, что после 35—37 лет эффективность ВРТ значительно снижается. Это связано со старением яичников и, как следствие, ухудшением качества яйцеклеток, что приводит к анеуплодиям — патологическому изменению набора хромосом у эмбрионов [12]. Если в возрасте до 30 лет яйцеклетки с генетическими поломками составляют лишь 2%—3%, то к 40 годам доля дефектов достигает 30%. Кроме того, после 35 лет увеличивается частота патологий беременности и перинатальных потерь. Эту тенденцию подтверждает ряд метаанализов, по резуль-

татам которых процент клинических беременностей, которые не привели к рождению живого ребенка, увеличивается прямо пропорционально возрасту: с 14% в группе до 35 лет, до 40% у пациенток старше 40 лет [8].

Следовательно, чем старше женщина, тем больше попыток ей требуется для наступления беременности и тем с большим количеством сложностей в процессе прохождения протоколов лечения она сталкивается, что закономерно будет влиять на уровень субъективно переживаемого стресса в этой возрастной группе.

Важно отметить, что связь между кортизолом и поздним репродуктивным возрастом является двусторонней. С одной стороны, к 40 годам изменяются суточные колебания кортизола. Причины — возрастные эндокринные перестройки, соматические заболевания и фоновый стресс. С другой стороны, нарушение регуляции кортизола под влиянием стресса и сочетанных факторов может быть предиктором ускорения процессов старения и снижения фертильности за счет негативного влияния на репродуктивную систему женщины [17].

Гипотезу о связи стресса и бесплодия выдвинули С.К. Вассер и Д.П. Бараш еще в 1983 г. Под воздействием стресса происходит активация гипоталамо-гипофизарной надпочечниковой оси и симпатико-адреналино-медулярной системы. Это приводит к функциональным изменениям на нейроэндокринном уровне, что негативно сказывается на работе репродуктивных органов. Результатом может быть развитие таких патологий, как нарушение менструального цикла, ановуляция, спазм маточных труб, изменения эндометрия [30].

Факторы влияющие на риск развития тревожной и депрессивной симптоматики в процессе лечения бесплодия

Женщины, проходящие лечение с использованием ВРТ, вне зависимости от возраста находятся в зоне риска развития тревожной и депрессивной симптоматики, что подтверждают как зарубежные, так и отечественные исследования. Распространенность большого депрессивного расстройства оценивается в диапазоне от 15 до 60%, клинически значимого беспокойства — от 8 до 50% [26]. Важно отметить, что на состояние пациентов, проходящих лечение, сильное влияние оказывают гормональные препараты, такие как, например, гонадотропины, кломифен, лейпролид. Побочным действием фармакотерапии может быть плохое самочувствие, тревожность, раздражительность и сниженное настроение. Поэтому сложно отделить психологические последствия бесплодия от негативного воздействия лекарств [17].

В то же время, именно психоэмоциональное состояние в процессе терапии бесплодия является одной из ключевых причин отказа от повторных попыток ЭКО. В австрийском исследовании были проанализированы

обоснования прерывания лечения с использованием репродуктивных технологий по государственной программе. Несмотря на то, что женщины могли пройти 6 попыток искусственного оплодотворения бесплатно, до 50% пациенток бросали лечение, так и не забеременев. В среднем — после третьего цикла. В качестве двух основных причин были выделены «эмоциональные затраты» и тревога, связанная с новыми попытками забеременеть, что подтверждается и в других работах [10].

По данным исследований, фактором, усугубляющим психологическое состояние в процессе лечения, является возраст женщины. Чем она старше, тем выше риск развития психопатологии. В китайском исследовании с выборкой около 1700 участниц в возрасте свыше 35 лет был идентифицирован как независимый фактор риска развития депрессивной симптоматики, что согласуется с данными исследований, проведенных в Китае ранее [22]. Авторы приходят к выводу, что причина — снижение частоты беременностей в протоколах ЭКО после 35 лет, что является триггером развития депрессии у зрелых пациенток.

В Иранском исследовании с участием 50 бесплодных пар было выявлено, что возраст имеет прямо пропорциональную связь с риском развития психопатологии, в особенности ипохондрии, навязчивых состояний и психотической симптоматики. Также авторы обнаружили, что тревожная и депрессивная симптоматика нарастает по мере длительности лечения и с увеличением возраста пациенток. Выраженность психопатологии у женщин была выше по сравнению с мужчинами, что объясняется ролью женщины в традиционном обществе и бременем культурных ожиданий в отношении материнства [24].

К похожим выводам приходят и отечественные авторы, отмечая, что, в целом, в выборке женщин среднего и позднего репродуктивных возрастов обнаруживается тенденция к преобладанию тревожно-депрессивной симптоматики, однако до 35 лет преобладают тревожные расстройства, а в группе 36—41 года — соматоформные [2; 4]. При этом с увеличением количества неудачных попыток забеременеть тревожная симптоматика снижается, а депрессивная, напротив, становится более выраженной. Наиболее отчетливо дистресс бесплодия проявляется примерно через 2—3 года после начала лечения.

Важно отметить, что в ряде работ была выявлена взаимосвязь между выраженностью симптомов депрессии и сниженной способностью к зачатию, представлены данные о негативном влиянии психических расстройств на репродуктивную систему и, напротив, продемонстрировано, что низкий уровень тревоги коррелирует с более высокой вероятностью наступления беременности в протоколах ЭКО [4; 26].

Очевидно, что в общей структуре репродуктивного здоровья физиологические и психологические компоненты неразрывно связаны. И.В. Карголь делает вывод о том, что бесплодие и психические расстройства разного генеза циркулярно опосредуют друг друга [3]. То

есть депрессивные и тревожные состояния отрицательно влияют на способность к зачатию, при этом длительное бесплодие провоцирует нарушения психоэмоциональной сферы. В этом контексте фактор возраста является «отягчающим» обстоятельством, закономерно влияя как на продолжительность лечения, так и на субъективные переживания женщины [3; 17; 30].

Исследование копинг-стратегий бесплодных женщин в разных репродуктивных возрастах

Как отечественные, так и зарубежные авторы рассматривают бесплодие как трудную жизненную ситуацию, характеризующуюся переживанием стресса, фрустрации, конфликта и кризиса. Эта негативная аффективная составляющая становится специфическим неблагоприятным фактором, влияющим на эффективность лечения и эскалацию напряженности. Именно поэтому наряду с психологическими последствиями бесплодия актуальной темой современных исследований являются копинг-стратегии инфертильных женщин и их влияние на психоэмоциональное состояние в процессе лечения.

В целом, для инфертильных женщин вне зависимости от возраста свойственны стратегии избегания либо гиперкомпенсации, высокий уровень добровольной социальной изоляции на фоне переживания диагноза.

В бельгийском исследовании предикторов дистресса при бесплодии, в котором приняли участие 106 мужчин и 102 женщины, авторы пришли к выводу, что самыми значимыми предпосылками негативных психологических последствий лечения были склонность к навязчивостям, пассивный копинг и самокритика [21].

В позднем репродуктивном периоде тенденция к избеганию и изоляции еще более усугубляется. Е.А. Белан указывает на выраженную экзистенциальную отчужденность, наиболее отчетливо проявляющуюся около 40 лет, с разделением жизненного пространства на «внешнее» и «внутреннее» [1].

Е.В. Битюцкая и Е.В. Воронцова приходят к выводу о том, что представительницам выборки с нарушением фертильности до 44 лет свойственно находиться в амбивалентных колебаниях между надеждой и безнадеежностью, использовать стратегию ухода от трудностей, отрицать наличие проблем, избегать принятия решений [2].

К похожим выводам приходят и зарубежные авторы. Например, в исследовании эмоциональных потребностей бесплодных женщин, проведенном в Италии на выборке в 324 человека, было выявлено, что женщины в 40 лет и старше по сравнению с более молодой группой меньше упоминали об общении с людьми, использовали мало глаголов в будущем времени, практически не выражали негативных эмоций. Авторы заключили, что в период значимого снижения фертильности проявляется склонность к изоляции.

Она выражается в меньшей заинтересованности в социальных контактах, сниженной способности представлять свое будущее [28].

У женщин, страдающих бесплодием, происходит искажение временной перспективы, им свойственна ориентация на прошлое, пессимизм в отношении настоящего, затруднения в построении планов на будущее, нарушение целостности восприятия времени собственной жизни. Кроме того, длительность бесплодия, возможно, является более значимой предпосылкой развития депрессивной симптоматики, чем срок лечения. К. Миалл объясняет это формированием так называемой «стигматизированной идентичности» [20]. По мнению автора, в конце четвертой декады жизни бездетность часто рассматривается как значимая неудача, что приводит к игнорированию мероприятий, связанных с празднованием рождения детей, избеганию беременных подруг, скрывать своего диагноза [20].

Можно сделать вывод о том, что поздний репродуктивный возраст, наряду с продолжительной историей неудачных попыток забеременеть, является фактором, опосредующим использование стратегий избегания и изоляции, что приводит к нарастанию депрессивной симптоматики.

Влияние социокультурного контекста на переживание бесплодия

В контексте изучения психологических особенностей бесплодных женщин важно отметить, что материнство является одной из значимых составляющих личностной сферы и связано с половозрастной и социальной идентификацией, поскольку беременность и появление ребенка являются важнейшими этапами формирования женской идентичности. Это отражается и в современных исследованиях. Например, А. Грейс и коллеги, проанализировав интервью с бесплодными респондентками, выделили 11 ключевых тем, характерных для данной выборки. Наиболее часто участницы исследования говорили о негативной идентичности, чувстве никчемности и неадекватности, гневе, обиде, зависти к другим матерям и изоляции [15]. Для женщин, столкнувшихся с репродуктивными трудностями, характерно гипертрофированное чувство вины, даже если причиной бесплодия является мужской фактор. Переживание сопровождается острым ощущением дефективности и женской несостоятельности. Вынужденная бездетность крайне негативно влияет на самооценку, при этом достижение беременности, напротив, ассоциировано с ее улучшением. В исследовании М. Нагорска и соавторов продемонстрировано, что нет разницы в оценке себя у пациенток, зачавших с помощью ЭКО или естественным путем, однако в обеих группах она растет по мере развития беременности. Кроме того, выявлено, что женщины чаще, чем мужчины, отмечают, что готовы к усыновлению, и з чего можно сделать вывод о том, что рождение ребенка

для них имеет большую ценность. Также отмечено, что при вторичном бесплодии, когда у женщины есть дети и она не может забеременеть повторно, уровень самооценки и субъективно воспринимаемого качества жизни выше, чем у бездетных [11].

Как отмечают И.А. Тлиашинова и Р.Н. Мингазова, бесплодие остается социальным бременем для женщин, особенно в пронаталистских сообществах: этнических и религиозных общинах. В тех социальных условиях, где рождение детей является частью негласного социального договора между супругами, бесплодие становится стигмой [7].

Это свидетельствует о том, что психоэмоциональное состояние инфертильных женщин отражает особенности и установки той социальной среды, в которую интегрирована их семья.

Анализируя исследования бесплодия в развивающихся странах, А. Грейл резюмирует, что восприятие бездетности пропитано культурным и политическим контекстом. Например, в Южной Африке рождение ребенка дает право на долю имущества мужа. В Египте женщины несут бремя бесплодия, даже если выявлен мужской фактор. В Бангладеш традиционным лечением трудностей с зачатием считается повторный брак мужчины [15].

По данным исследований в Иране, где рождение детей играет важное культурное и религиозное значение, женщины чувствуют себя виноватыми за бездетность вне зависимости от генеза проблем с зачатием. Традиционно ожидается, что беременность наступит сразу после свадьбы, и если в течение года этого не произошло, то женщину называют бесплодной. Поскольку для мужчины нарушение репродуктивной функции является позором, мужа зачастую отказываются проходить обследование и жены берут на себя бремя общественного осуждения. В итоге бездетные женщины подвергаются стигматизации, чаще разводятся, становятся жертвами домашнего насилия и финансовых лишений [19].

На Мали, где традиционно начинают рожать до 15 лет, бездетные респондентки сообщали о хроническом напряжении в семье, критике со стороны родственников, причем уровень психологической дезадаптации был одинаковым при первичном и вторичном бесплодии [16].

В Оманском исследовании психосоциальных последствий бесплодия большинство участниц сообщали о чувстве вины перед мужьями, страхе развода и оказываемом на них социальном давлении (например, в обсуждении со стороны соседей). Тревога в отношении будущего нарастала с увеличением возраста и сроком бесплодия более 4-х лет. Некоторые женщины выражали обеспокоенность одинокой старостью, так как о стариках традиционно заботятся дети [25].

Можно сделать вывод, что в развивающихся странах бесплодие приводит к крайне негативным социальным последствиям, таким как стигматизация, домашнее насилие, разводы. Более старший возраст,

вероятно, является дополнительным фактором риска развития психологической дезадаптации вследствие того, что шансы на беременность снижаются, при этом возрастает тревога потери брака и одинокой старости.

Несмотря на то, что в развитых странах бездетные женщины не подвергаются открытой дискриминации, пронаталистически ориентированная политика также сказывается на субъективном восприятии бесплодия [15]. Наглядный пример — Швеция, где 3 попытки ЭКО покрываются программами медицинского страхования. В рамках одного исследования шведским парам, проходящим лечение нарушения репродуктивной функции, было предложено расставить в порядке значимости три фактора, вызывающих стресс. У женщин на первом месте оказался — «рождение детей — главный смысл жизни», на втором — «женская роль и социальное давление», на третьем — «влияние на сексуальную жизнь»; у мужчин первый и второй факторы поменялись местами, третий был на той же позиции [26]. Эти результаты отражают субъективное переживание значимости материнства и восприятие роли женщины в культурном контексте.

Еще в одном исследовании, проведенном в Израиле, где также ведется активная пронаталистическая политика, была изучена небольшая выборка женщин и сделан вывод о том, что ни одна из респонденток не верила в существование добровольной бездетности как сознательного выбора [15].

В России активная пронаталистическая политика поддержки рождаемости ведется с 2006 года, однако в отечественных исследованиях практически не отражен социокультурный контекст восприятия бесплодия. При этом важно отметить, что бесплодие является одним из значимых факторов разводов в нашей стране. Это отражает социальную ценность родительства и тенденцию к поиску ее реализации.

Заключение

Психологические особенности бесплодия исследуются как отечественными, так и зарубежными авторами более 20 лет. Анализ публикаций по данной проблематике показал, что, несмотря на значительный массив данных, возраст-специфические особенности переживания инфертильности раскрыты лишь отчасти. Ряд авторов выделяют возраст в качестве одного из аспектов, влияющих на психологическое состояние женщин. Отдельные исследования демонстрируют связь позднего репродуктивного статуса с развитием депрессивной и тревожной симптоматики. Влияние возраста на выраженность стрессовой реакции в процессе лечения можно смоделировать лишь теоретически. Изменение временной перспективы рассмотрено как общая тенденция. Однако различия между молодыми и зрелыми женщинами в работах не раскрываются. Также не выявлены четкие закономерности между использованием копинг-стратегий и

состоянием бесплодных женщин в разных возрастных группах, отмечается лишь склонность к изоляции и избегаю, характерные для бесплодия в целом. Во многих исследованиях анализируется влияние социокультурного контекста на переживание бесплодия, однако возраст респондентов практически не интерпретируется в качестве переменной. Раскрытие возрастнo-пси-

хологических особенностей бесплодия является значимой теоретической и фундаментальной задачей. Выявление этих закономерностей позволит дифференцировать специфические мишени психокоррекционного воздействия у пациенток разных возрастов и разработать протоколы психологического сопровождения с опорой на полученные результаты.

Литература

1. Белан Е.А. Социально-психологические особенности и индивидуально-личностные показатели женщин, переживающих бесплодие как личностный кризис на основе проективных методов [Электронный ресурс] // Методология современной психологии. 2021. № 14. С. 21—30. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46584023> (дата обращения: 01.08.2024).
2. Битюцкая Е.В., Воронцова Е.В. Особенности восприятия репродуктивных трудностей у женщин с разной направленностью копинга // Национальный психологический журнал. 2023. Том 49. № 2. С. 46—65. DOI:10.11621/npj.2023.0204
3. Карголь И.В. Психологические аспекты изучения женского бесплодия [Электронный ресурс] // Научные ведомости белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 18(137). С. 202—208. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20781869> (дата обращения: 01.08.2024).
4. Лошак-Геллер Е.С. Психологические причины прекращения лечения бесплодия методом ВРТ [Электронный ресурс] // Вестник медицинского института «Реавиз»: Реабилитация, врач и здоровье. 2022. № 2 (приложение). С. 283—284. URL: <https://vestnik.reaviz.ru/jour/article/view/474/323> (дата обращения: 01.08.2024).
5. Редокс-потенциал и репродуктивное здоровье: поиск актуальных маркеров бесплодия [Электронный ресурс] / Э.Ф. Галимова, Ю.Ю. Громенко, Д.А. Еникеев, Ш.Н. Галимов // Вестник Башкирского государственного медицинского университета. 2021. № 1. С. 13—19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45627044> (дата обращения: 01.08.2024).
6. Социально-психологическая поддержка пар при лечении бесплодия (на примере польского исследования) / Л. Сухоцкая, М. Пасэк, М. Блихаж, Г.В. Леонидова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Том 14. № 2. С. 188—200. DOI:10.15838/esc.2021.2.74.12
7. Тлиашинова И.А., Мингазова Э.Н. Психологические аспекты в проблемах бесплодия среди населения различных стран // Менеджер здравоохранения. 2021. № 8. С. 61—69. DOI:10.21045/1811-0185-2021-8-61-69
8. Age-related natural fertility outcomes in women over 35 years: a systematic review and individual participant data meta-analysis / S.J. Chua, N.A. Danhof, M.H. Mochtar [et al.] // Human Reproduction. 2020. Vol. 35. № 8. P. 1808—1820. DOI:10.1093/humrep/deaa29
9. Boivin J., Gameiro S. Evolution of psychology and counseling in infertility // Fertility and Sterility. 2015. Vol. 104. № 2. P. 251—259. DOI:10.1016/j.fertnstert.2015.05.035
10. Domar A.D. Impact of psychological factors on dropout rates in insured infertility patients // Fertility and sterility. 2004. Vol. 81. № 2. P. 271—273. DOI:10.1016/j.fertnstert.2003.08.013
11. Factors affecting self-esteem and disease acceptance in patients from infertile couples / M. Naforska, B. Zych, B. Obrzut, D. Darmochwal-Kolarz // Frontiers in Public Health. 2023. Vol. 11. Article ID 1177340. 9p. DOI:10.3389/fpubh.2023.1177340
12. Fertility and ageing / ESHRE Capri Workshop Group // Human reproduction update. 2005. Vol. 11. № 3. P. 261—276. DOI:10.1093/humupd/dmi006
13. Greil A.L. A secret stigma: the analogy between infertility and chronic illness and disability [Электронный ресурс] // Advances in Medical Sociology. 1991. Vol. 2. P. 17—38. URL: <https://www.researchgate.net/publication/285479566> (дата обращения: 01.08.2024).
14. Greil A.L. Infertility and psychological distress: a critical review of the literature // Social Science and Medicine. 1997. Vol. 45. № 11. P. 1679—1704. DOI:10.1016/S0277-9536(97)00102-0
15. Greil A.L., Klauson-Blevins S., McQuillan J. The Experience of Infertility: A Review of Recent Literature // Sociology of health & illness. 2009. Vol. 32. № 1. P. 140—162. DOI:10.1111/j.1467-9566.2009.01213.x
16. Hess R.F., Ross R., Gililand Jr J.L. Infertility, Psychological Distress, and Coping Strategies among Women in Mali, West Africa: A Mixed-Methods Study // African Journal of Reproductive Health. 2018. Vol. 22. № 1. P. 60—72. DOI:10.29063/ajrh2018/v22i1.6
17. Infertility and cortisol: a systematic review / B.V. Karunyam, A.K. Abdul Karim, I. Naina Mohamed, A. Ugasman, W.M.Y. Mohamed, A.M. Faizal, M.A. Abu, J. Kumar // Frontiers in endocrinology. 2023. Vol. 14. Article ID 1147306. 19 p. DOI:10.3389/fendo.2023.1147306
18. Infertility prevalence estimates, 1990—2021 [Электронный ресурс] / World Health Organization. Geneva: World Health Organization, 2023. 79 p. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/978920068315> (дата обращения: 05.08.2024).

19. Marital satisfaction in Iranian infertile women: A systematic review and meta-analysis / A. Tabatabaee, A. Fallahi, B. Shakeri, V. Baghi, R. Gheshlagh // *Frontiers in Public Health*. 2022. Vol. 10. Article ID 1027005. 10 p. DOI:10.3389/fpubh.2022.1027005
20. Miall C. Perceptions of informal sanctioning and the stigma of involuntary childlessness // *Deviant Behaviour*. 1985. Vol. 6. № 4. P. 383—403. DOI:10.1080/01639625.1985.9967686
21. Predictors of psychological distress in patients starting IVF treatment: Infertility-specific versus general psychological characteristics / U. Van den Broeck, T. D'Hooghe, P. Enzlin, K. Demyttenaere // *Human reproduction*. 2010. Vol. 25. № 1. P. 1471—1480. DOI:10.1093/humrep/deq030
22. Prevalence and associated factors of infertility among 20—49-year-old women in Henan Province, China / S. Liang, Y. Chen, Q. Wang, H. Chen, C. Cui, X. Xu // *Reproductive Health*. 2021. Vol. 18. Article ID 254. 13 p. DOI:10.1186/s12978-021-01298-2
23. Projecting the Contribution of Assisted Reproductive Technology to Completed Cohort Fertility / E. Lazzari, M. Potančoková, T. Sobotka, E. Gray, G. Chambers // *Population Research and Policy Review*. 2023. Vol. 42. Article ID 6. 22 p. DOI:10.1007/s11113-023-09765-3
24. Psychological Disorders among Iranian Infertile Couples Undergoing Assisted Reproductive Technology (ART) [Электронный ресурс] / M. Karimzadeh, N. Salsabili, F.A. Asbagh, R. Teymouri, G. Pourmand, T.S. Naeini // *Iranian journal of public health*. 2017. Vol. 46. № 3. P. 333—341. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/28435819/> (дата обращения: 05.08.2024).
25. Psychosocial Impacts of Infertility among Omani Women with Polycystic Ovarian Syndrome: A Qualitative Study / H. ALSumri, L. Szatkowski, J. Gibson, L. Fiaschi, M. Bains // *International Journal of Fertility & Sterility*. 2023. Vol 17. № 2. P. 107—114. DOI:10.22074/IJFS.2022.550111.1310
26. Thara R., Ramachandran V., Hassan P. Psychological aspects of infertility [Электронный ресурс] // *Indian journal of psychiatry*. 1986. Vol. 28. P. 329—334. URL: https://www.researchgate.net/publication/51651432_Psychological_aspects_of_infertility (дата обращения: 01.08.2024).
27. Thorn P. Understanding Infertility: Psychological and Social Considerations from a Counselling Perspective // *International Journal of Fertility and Sterility*. 2009. Vol. 3. № 2. P. 48—51. DOI:10.22074/IJFS.2009.45746
28. Toward a Personalized Psychological Counseling Service in Assisted Reproductive Technology Centers: A Qualitative Analysis of Couples' Needs / G. Scaravelli, F. Fedele, R. Spoletini, S. Monaco, A. Renzi, M. Di Trani // *Journal of Personalized Medicine*. 2022. Vol. 13. Article ID 73. 11 p. DOI:10.3390/jpm13010073
29. Wang L., Tang Y., Wang Y. Predictors and incidence of depression and anxiety in women undergoing infertility treatment: A cross-sectional study // *PloS One*. 2023. Vol. 18. Article ID e0284414. 12 p. DOI:10.1371/journal.pone.0284414
30. Wasser S.K., Barash D.P. Reproductive suppression among female mammals: Implications for biomedicine and sexual selection theory // *The Quarterly Review of Biology*. 1983. Vol. 58. № 4. P. 513—538. DOI:10.1086/413545
31. Worldwide prevalence, risk factors and psychological impact of infertility among women: A systematic review and meta-analysis / N.H.N. Hazlina, M.N. Norhayati, I.S. Bahari, N.A.N.M. Arif // *BMJ Open*. 2022. Vol. 12. Article ID e057132. 7 p. DOI:10.1136/bmjopen-2021-057132

References

1. Belan E.A. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti i individual'no-lichnostnye pokazateli zhenshchin, perezvivayushchikh besplodie kak lichnostnyi krizis na osnove proektivnykh metodov [Socio-psychological characteristics and individual-personal indicators of women experiencing infertility as a personal crisis based on projective methods] [Electronic resource]. *Metodologiya sovremennoi psikhologii [Methodology of modern psychology]*, 2021, no. 14, pp. 21—30. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46584023> (Accessed 01.08.2024). (In Russ.).
2. Bityutskaya E.V., Vorontsova E.V. Osobennosti vospriyatiya reproduktivnykh trudnostei u zhenshchin s raznoi napravlennoy kopinga [Perception of reproductive difficulties in women with different coping orientations]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*, 2023. Vol. 49, no. 2, pp. 46—65. DOI:10.11621/npi.2023.0204 (In Russ.).
3. Kargol' I.V. Psikhologicheskie aspekty izucheniya zhenskogo besplodiya [Psychological aspects of studying female infertility] [Electronic resource]. *Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Scientific Bulletin of Belgorod State University*, 2012, no. 18 (137), pp. 202—208. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20781869> (Accessed 01.08.2024). (In Russ.).
4. Loshak-Geller E.S. Psikhologicheskie prichiny prekrashcheniya lecheniya besplodiya metodom VRT [Psychological reasons for stopping infertility treatment using ART] [Electronic resource]. *Vestnik meditsinskogo instituta «Reaviz»: Reabilitatsiya, vrach i zdorov'e [Bulletin of the Medical Institute "Reaviz": Rehabilitation, doctor and health]*, 2022, no. 2 (приложения), pp. 283—284. URL: <https://vestnik.reaviz.ru/jour/article/view/474/323> (Accessed 01.08.2024). (In Russ.).
5. Galimova E.F., Gromenko Yu.Yu., Yenikeyev D.A., Galimov Sh.N. Redoks-potentsial i reproduktivnoe zdorov'e: poisk aktual'nykh markerov besplodiya [Redox potential and reproductive health: searching for current markers of infertility]

- [Electronic resource]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta [Bulletin of Bashkir State Medical University]*, 2021. № 1. С. 13—19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45627044> (Accessed 01.08.2024). (In Russ.).
6. Suchocka L., Pasek M., Blicharz M., Leonidova G.V. Sotsial'no-psikhologicheskaya podderzhka par pri lechenii besplodiya (na primere pol'skogo issledovaniya) [Social and psychological support of couples in treating infertility (case study of the polish research)]. *Economic and social changes: facts, trends, forecast = Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2021. Vol. 14, no. 2, pp. 188—200. DOI:10.15838/esc.2021.2.74.12 (In Russ.).
 7. Tliashinova I.A., Mingazova E.N. Psikhologicheskie aspekty v problemakh besplodiya sredi naseleniya razlichnykh stran [Psychological aspects in the problems of infertility among the population of various countries]. *Menedzher zdravookhraneniya = Manager Zdravookhraneniya*, 2021, no. 8, pp. 61—69. DOI:10.21045/1811-0185-2021-8-61-69 (In Russ.).
 8. Chua S.J., Danhof N.A., Mochtar M.H. et al. Age-related natural fertility outcomes in women over 35 years: a systematic review and individual participant data meta-analysis. *Human Reproduction*, 2020. Vol. 35, no. 8, pp. 1808—1820. DOI:10.1093/humrep/deaa29
 9. Boivin J., Gameiro S. Evolution of psychology and counseling in infertility. *Fertility and Sterility*, 2015. Vol. 104, no. 2, pp. 251—259. DOI:10.1016/j.fertnstert.2015.05.035
 10. Domar A.D. Impact of psychological factors on dropout rates in insured infertility patients. *Fertility and sterility*, 2004. Vol. 81, no. 2, pp. 271—273. DOI:10.1016/j.fertnstert.2003.08.013
 11. Naforska M., Zych B., Obrzut B., Darmochwal-Kolarz D. Factors affecting self-esteem and disease acceptance in patients from infertile couples. *Frontiers in Public Health*, 2023. Vol. 11, article ID 1177340. 9 p. DOI:10.3389/fpubh.2023.1177340
 12. ESHRE Capri Workshop Group. Fertility and ageing. *Human reproduction update*, 2005. Vol. 11, no. 3, pp. 261—276. DOI:10.1093/humupd/dmi006
 13. Greil A.L. A secret stigma: the analogy between infertility and chronic illness and disability [Electronic resource]. *Advances in Medical Sociology*, 1991. Vol. 2, pp. 17—38. URL: <https://www.researchgate.net/publication/285479566> (Accessed 01.08.2024).
 14. Greil A.L. Infertility and psychological distress: a critical review of the literature. *Social Science and Medicine*, 1997. Vol. 45, no. 11, pp. 1679—1704. DOI:10.1016/S0277-9536(97)00102-0
 15. Greil A.L., Klauson-Blevins S., McQuillan J. The Experience of Infertility: A Review of Recent Literature. *Sociology of health & illness*, 2009. Vol. 32, no. 1, pp. 140—162. DOI:10.1111/j.1467-9566.2009.01213.x
 16. Hess R.F., Ross R., Gililand Jr J.L. Infertility, Psychological Distress, and Coping Strategies among Women in Mali, West Africa: A Mixed-Methods Study. *African Journal of Reproductive Health*, 2018. Vol. 22, no. 1, pp. 60—72. DOI:10.29063/ajrh2018/v22i1.6
 17. Karunyam B.V., Abdul Karim A.K., Naina Mohamed I., Ugusman A., Mohamed W.M.Y., Faizal A.M., Abu M.A., Kumar J. Infertility and cortisol: a systematic review. *Frontiers in endocrinology*, 2023. Vol. 14, article ID 1147306. 19 p. DOI:10.3389/fendo.2023.1147306
 18. World Health Organization. Infertility prevalence estimates, 1990—2021 [Electronic resource]. Geneva: World Health Organization, 2023. 79 p. URL: <https://www.who.int/publications/i/item/978920068315> (Accessed 05.08.2024).
 19. Tabatabaee A., Fallahi A., Shakeri B., Baghi V., Gheshlagh R. Marital satisfaction in Iranian infertile women: A systematic review and meta-analysis. *Frontiers in Public Health*, 2022. Vol. 10, article ID 1027005. 10 p. DOI:10.3389/fpubh.2022.1027005
 20. Miall C. Perceptions of informal sanctioning and the stigma of involuntary childlessness. *Deviant Behaviour*, 1985. Vol. 6, no. 4, pp. 383—403. DOI:10.1080/01639625.1985.9967686
 21. Van den Broeck U., D'Hooghe T., Enzlin P., Demyttenaere K. Predictors of psychological distress in patients starting IVF treatment: Infertility-specific versus general psychological characteristics. *Human reproduction*, 2010. Vol. 25, no. 1, pp. 1471—1480. DOI:10.1093/humrep/deq030
 22. Liang S., Chen Y., Wang Q., Chen H., Cui C., Xu X. Prevalence and associated factors of infertility among 20—49-year-old women in Henan Province, China. *Reproductive Health*, 2021. Vol. 18, article ID 254. 13 p. DOI:10.1186/s12978-021-01298-2
 23. Lazzari E., Potančoková M., Sobotka T., Gray E., Chambers G. Projecting the Contribution of Assisted Reproductive Technology to Completed Cohort Fertility. *Population Research and Policy Review*, 2023. Vol. 42, article ID 6. 22 p. DOI:10.1007/s11113-023-09765-3
 24. Karimzadeh M., Salsabili N., Asbagh F.A., Teymouri R., Pourmand G., Naeini T.S. Psychological Disorders among Iranian Infertile Couples Undergoing Assisted Reproductive Technology (ART) [Electronic resource]. *Iranian journal of public health*, 2017. Vol. 46, no. 3, pp. 333—341. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/28435819/> (Accessed 05.08.2024).
 25. ALSumri H., Szatkowski L., Gibson J., Fiaschi L., Bains M. Psychosocial Impacts of Infertility among Omani Women with Polycystic Ovarian Syndrome: A Qualitative Study. *International Journal of Fertility & Sterility*, 2023. Vol 17, no. 2, pp. 107—114. DOI:10.22074/IJFS.2022.550111.1310
 26. Thara R., Ramachandran V., Hassan P. Psychological aspects of infertility [Electronic resource]. *Indian journal of psychiatry*, 1986. Vol. 28, pp. 329—334. URL: https://www.researchgate.net/publication/51651432_Psychological_aspects_of_infertility (Accessed 01.08.2024).

27. Thorn P. Understanding Infertility: Psychological and Social Considerations from a Counselling Perspective. *International Journal of Fertility and Sterility*, 2009. Vol. 3, no. 2, pp. 48—51. DOI:10.22074/IJFS.2009.45746
28. Scaravelli G., Fedele F., Spoletini R., Monaco S., Renzi A., Di Trani M. Toward a Personalized Psychological Counseling Service in Assisted Reproductive Technology Centers: A Qualitative Analysis of Couples' Needs. *Journal of Personalized Medicine*, 2022. Vol. 13, article ID 73. 11 p. DOI:10.3390/jpm13010073
29. Wang L., Tang Y., Wang Y. Predictors and incidence of depression and anxiety in women undergoing infertility treatment: A cross-sectional study. *PloS one*, 2023. Vol. 18, article ID e0284414. 12 p. DOI:10.1371/journal.pone.0284414
30. Wasser S.K., Barash D.P. Reproductive suppression among female mammals: Implications for biomedicine and sexual selection theory. *The Quarterly Review of Biology*, 1983. Vol. 58, no. 4, pp. 513—538. DOI:10.1086/413545
31. Hazlina N.H.N., Norhayati M.N., Bahari I.S., Arif N.A.N.M. Worldwide prevalence, risk factors and psychological impact of infertility among women: A systematic review and meta-analysis. *BMJ Open*, 2022. Vol. 12, article ID e057132. 7 p. DOI:10.1136/bmjopen-2021-057132

Информация об авторах

Тимченко Дарья Дмитриевна, аспирантка лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация., ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3113-0316>, e-mail: dchertok@mail.ru

Information about the authors

Daria D. Timchenko, PhD Student of the Laboratory of Psychology of the Subject's Development in normal and post-traumatic conditions, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3113-0316>, e-mail: dchertok@mail.ru

Получена 30.01.2024
Принята в печать 31.07.2024

Received 30.01.2024
Accepted 31.07.2024

*Вне тематики номера
Outside of the theme rooms*

**ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ
GENERAL PSYCHOLOGY**

**Атрибуты корпоративной культуры организации как предикторы
выгорания сотрудников: краткий обзор**

Жданова П.Р.

*Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2653-3609>, e-mail: pozmail.ru@mail.ru

В статье представлен обзор концепций эмоционального выгорания сотрудников, корпоративной культуры организации, а также исследований, которые посвящены изучению аспектов корпоративной культуры как предикторов эмоционального выгорания сотрудников. Профессиональное выгорание, которое является значительной проблемой в современной рабочей среде, оказывает влияние как на физическое, так и на психическое здоровье сотрудников, а также на общее качество их трудовой деятельности. За последние три десятилетия было проведено множество исследований, целью которых являлось выявление ключевых предикторов выгорания. Данные исследования концентрируются на таких аспектах, как рабочая среда, межличностные отношения в коллективе, степень соответствия аспектов корпоративной культуры личностным ценностям и ожиданиям работника. Обзор исследований в данной статье показал, что когда корпоративная культура не совпадает с представлениями сотрудников, это способствует не только снижению уровня удовлетворенности, но и формированию выгорания у сотрудников. Исследования подчеркивают, что такие аспекты корпоративной культуры, как степень социальной поддержки, участия в принятии решений, уровень мотивации и вознаграждения, качество взаимоотношений в организации, могут существенным образом влиять на возникновение профессионального стресса и эмоциональное состояние сотрудников. Выявление атрибутов корпоративной культуры, влияющих на эмоциональное состояние сотрудников, играет важную роль в создании здоровой рабочей атмосферы.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, синдром выгорания, корпоративная культура, предикторы выгорания, атрибуты корпоративной культуры.

Финансирование. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ проекта 22-00-014 «Психологические факторы адаптации сотрудников к цифровой трансформации внутриорганизационной коммуникации») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)».

Для цитаты: Жданова П.Р. Атрибуты корпоративной культуры организации как предикторы выгорания сотрудников: краткий обзор [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 83–92. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130308>

Attributes of Organizational Culture as Predictors of Employee Burnout: A Brief Review

Polina R. Zhdanova

*National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2653-3609>, e-mail: pozmail.ru@mail.ru*

The article provides an overview of concepts related to employee burnout, organizational corporate culture, and research dedicated to studying aspects of corporate culture as predictors of employee burnout. Professional burnout, a significant issue in today's work environment, influences both the physical and mental health of employees, as well

as the overall quality of their work performance. Over the past three decades, numerous studies have aimed to identify key predictors of burnout. These studies focus on aspects such as the work environment, interpersonal relationships within the team, the degree of alignment between corporate culture aspects and employees' personal values and expectations. The review of researches in this article has shown that when corporate culture does not coincide with employees' perceptions, it not only leads to reduced satisfaction levels but also contributes to the development of burnout among employees. Research underscores that aspects of corporate culture, such as the degree of social support, participation in decision-making, motivation, rewards, and the quality of relationships within the organization, can significantly impact professional stress and the emotional state of employees. Identifying attributes of corporate culture that affect employees' emotional state plays a crucial role in creating a healthy work atmosphere.

Keywords: emotional burnout, burnout syndrome, organizational culture, predictors of burnout, attributes of organizational culture.

Funding. The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University (grant no. 22-00-014 “Psychological Factors of Employee Adaptation to Digital Transformation of Intraorganizational Communication”).

For citation: Zhdanova P.R. Attributes of Organizational Culture as Predictors of Employee Burnout: A Brief Review [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2024. Vol. 13, no. 3, pp. 83—92. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130308> (In Russ.).

Введение

В условиях экономических и социальных изменений сотрудники все больше подвергаются профессиональному стрессу, который негативно влияет на их психоэмоциональное состояние. Атрибуты корпоративной культуры могут как усилить выгорание, так и помочь сотрудникам справиться со стрессом на работе. Определение факторов корпоративной культуры, оказывающих влияние на эмоциональное состояние сотрудников и приводящих к выгоранию, становится крайне важным для разработки эффективных стратегий управления персоналом и создания здоровой организационной среды. Целью обзора является анализ исследований, посвященных атрибутам корпоративной культуры, которые влияют на возникновение эмоционального выгорания у сотрудников.

Рассмотрение различных научных статей, посвященных данной теме, позволяет более глубоко понять механизмы возникновения профессионального выгорания и подходы к его предотвращению.

Эмоциональное выгорание

Первые попытки изучения эмоционального выгорания относятся ко второй половине XX века. Впервые понятие «эмоциональное выгорание» было введено Г. Фрейденбергом в 1974 г. для описания психологического истощения сотрудников, занятых в сфере социального взаимодействия [3]. В настоящее время можно отметить несколько подходов к изучению синдрома эмоционального выгорания.

Однофакторные теории концептуализируют выгорание как физическое и эмоциональное истощение, которое сопровождается снижением мотивации и негативными эмоциональными переживаниями [24].

Данный синдром возникает в результате длительного пребывания сотрудника в ситуации стресса, которая сопровождается высокими требованиями и широким кругом обязанностей. Модель А. Пайнза и Е. Аронсона (A. Pines, E. Aronson) описывает эмоциональное выгорание как «...состояние физического и психического истощения, вызванное длительным пребыванием в ситуациях эмоциональной перегрузки» [24, с. 17]. Двухфакторная модель Д. Дирендонк и В. Шауфели (D. Dierendonck, W. Schaufeli) рассматривает эмоциональное выгорание как сочетание «эмоционального истощения и деперсонализации» [15, с. 88]. Первый фактор проявляется как физическая и психологическая усталость, сопровождающаяся напряжением и нерелевантными эмоциональными реакциями, а второй фактор связан с отчуждением, цинизмом, а также низкой эмоциональной вовлеченностью в профессиональную деятельность.

Трехфакторная модель, которую представили К. Маслач и С. Джексон, описывает эмоциональное выгорание как сочетание «эмоционального истощения, деперсонализации и редукации профессиональных достижений» [22, с. 26]. Эмоциональное истощение предполагает, что сотрудник испытывает усталость, апатию и недостаток ресурсов для полноценного и эффективного выполнения своей профессиональной деятельности. Деперсонализация у сотрудников проявляется как циничное или негативное отношение к другим людям, задействованным в профессиональной деятельности, в том числе к коллегам, клиентам или руководству. Редукция профессиональных достижений у сотрудников проявляется как ощущение нереализованности, неудачи или неполноценности в профессиональной деятельности, в том числе снижение самооценки как специалиста, страх ошибок и неуверенность в своих способностях [22].

Другую модель развития эмоционального выгорания предложили Б. Перлман и Е. Хартман (B. Perlman,

Е. Hartman) [23]. Первая стадия характеризуется формированием профессионального стресса, когда рабочая среда воспринимается как потенциально стрессовая. Вторая стадия характеризуется переживанием профессионального стресса. В третьей стадии отмечаются «аффективные, когнитивные, физиологические и поведенческие реакции на профессиональный стресс» [23, с. 27]. Завершающая, четвертая, стадия связана непосредственно с переживанием эмоционального выгорания.

В.В. Бойко [2] предлагает другой взгляд на рассмотрение эмоционального выгорания. С точки зрения автора, выгорание представляет собой «...психологический механизм защиты, который формируется у личности в ответ на воздействие психотравмирующей ситуации» [2, с. 28]. Выгорание является механизмом защиты, который имеет негативные последствия для психологического благополучия и выполнения профессиональной деятельности.

Н.В. Водопьянова и Е.С. Старченкова [3] отмечают, что эмоциональное выгорание выражается на нескольких уровнях:

- 1) физическое истощение (усталость, нарушение сна, общее недомогание, головные боли и другое);
- 2) аффективно-когнитивные нарушения (раздражительность, тревожность, чувство беспомощности, снижение радости и удовольствия);
- 3) поведенческие нарушения (дистанцирование, избегание социального взаимодействия, конфликтность, снижение производительности и эффективности работы).

Корпоративная культура организации

Корпоративная культура организации является системным явлением, которое включает «...комплекс различных инструментов управленческого воздействия» [5, с. 427]. Существует множество подходов к пониманию содержания корпоративной культуры. В.А. Макеев [6] отмечает, что корпоративная культура выражается в ценностях, имеет внутренний характер, который опосредует внутреннее взаимодействие, сплоченность и эмоциональный комфорт сотрудников в организации. Также стоит отметить подход П. Харриса и Р. Морана (P. Harris, R. Moran) [17], которые выделяют следующие атрибуты корпоративной культуры: «осознание сотрудником своего места в организации, система и язык организации, внешний вид, привычки и традиции, связанные с приемом пищи, отношение ко времени и его использование, взаимодействие, ценности и нормы, мировоззрение, развитие и самореализация, трудовая этика и мотивирование» [17, с. 12]. Выделяются также следующие компоненты корпоративной культуры: миссия организации; стратегические цели; система общения; ценности; этика; социально-психологический климат; способы связи сотрудников с компанией; формы

вовлечения сотрудников, в том числе традиции, мотивация, символы корпоративной принадлежности [17]. В других источниках выделяют пять основных компонентов корпоративной культуры, которые включают в себя корпоративный стиль, систему внутренних коммуникаций, методы и стиль лидерства, подходы к разрешению конфликтов и иерархическую структуру организации. Каждый из этих элементов играет важную роль в определении общей атмосферы и эффективности работы в компании, — пишет Э.И. Ахметгалиева [1].

Модель, представленная Э.Х. Шейн [9], предлагает три уровня: артефакты, ценности и базовые субъективные предположения. Артефактами являются наблюдаемые элементы культуры, такие как пространство, дресс-код, общение и документы. Они легко заметны, но трудно определить их реальную значимость и нормы, которые они представляют. Ценности определяют, что должно быть сделано и как решаются проблемы. Ценности часто исходят от лидеров и становятся ключевыми убеждениями организации. Они могут быть явно объявлены или скрыты в основных положениях организации. Основные субъективные предположения — это внутренние убеждения, которые оказывают реальное влияние на поведение людей в организации. Они формируют базовую культурную основу, которая может быть незаметной, но управляет поведением и убеждениями членов организации [9].

Также корпоративная культура строится на основе атрибутов, которые формируются на нескольких уровнях: на уровне всей компании, на уровне ее подразделений и направлений, на уровне конкретных структурных подразделений, а также на уровне индивидуального сотрудника [7]. Каждый из данных уровней имеет свои особенности и влияет на общую корпоративную культуру организации. На уровне всей компании фокусируются на параметрах, характеризующих систему ценностей, цели организации, отношения между руководством и сотрудниками, участие персонала в принятии решений, связь оплаты труда с успехами компании, традиции, влияние компании на жизнь сотрудников и общества и другое. На уровне подразделений важно учитывать подсистему ценностей, целей и задач; взаимоотношения между подразделениями и сотрудниками; информированность коллектива о проблемах, роли каждого подразделения в работе и традициях, существующих внутри него [4].

Корпоративная культура служит для адаптации компании к внешней среде и развития внутренних процессов, тем самым создавая уникальные конкурентные преимущества. Она способствует увеличению эффективности деятельности компании и реализации стратегического потенциала сотрудников [8]. Благодаря корпоративной культуре у сотрудников формируется чувство значимости и принадлежности, при этом поддерживается уважение к их индивидуальным ценностям и целям.

Атрибуты корпоративной культуры как предикторы выгорания

Корпоративная культура может оказывать существенное воздействие на сотрудников и функционирование организации. Негативные аспекты корпоративной культуры могут вызывать профессиональный стресс, снижать уровень мотивации и удовлетворенности работой. Так, К. Маслач и М. Лейтер (С. Maslach, M. Leiter) [22] проводили исследования роли организационных факторов в развитии профессионального выгорания. Авторы выделяют шесть основных факторов корпоративной культуры, оказывающих влияние на процесс выгорания [22]:

1. Перегрузка работой. Данный фактор относится к чрезмерному объему задач и высоким требованиям, предъявляемым к сотрудникам. Данная перегрузка может приводить к эмоциональному истощению и уменьшению личной эффективности.

2. Отсутствие контроля над работой. Недостаток возможности влиять на свои рабочие процессы, методы работы или принятие решений, связанных с работой, могут вызвать чувство бессилия и фрустрации.

3. Отсутствие вознаграждения. Недостаточное признание усилий сотрудника, как материальное, так и эмоциональное, может снижать мотивацию и удовлетворенность работой.

4. Недостаточная поддержка со стороны коллег и руководства. Отсутствие поддержки и понимания со стороны коллег и руководителей может приводить к ощущению изоляции и профессиональной некомпетентности.

5. Несправедливое отношение со стороны руководства. Восприятие несправедливости и дискриминации на рабочем месте может вызывать чувство обиды и недоверия.

6. Конфликты между работниками. Межличностные конфликты на работе могут создавать напряженную и негативную рабочую атмосферу, способствуя развитию выгорания.

А. Баккер и Э. Демероути (A. Bakker, E. Demerouti) [12] описывают модель требований-ресурсов работы. Данная модель предлагает взгляд на то, как требования, предъявляемые к сотрудникам, и доступные им ресурсы взаимодействуют, оказывая влияние на уровень профессионального выгорания. Авторы в своих исследованиях показывают, что, когда работник сталкивается с высокими рабочими требованиями, такими как чрезмерная рабочая нагрузка, строгие сроки или сложные задачи, без соответствующих ресурсов для их выполнения, увеличивается риск профессионального выгорания. Отсутствие достаточных ресурсов, таких как поддержка со стороны коллег и руководства, адекватные средства для осуществления профессиональной деятельности, возможность профессионального развития и автономии, усиливают негативное воздействие высоких требований на работника [12]. В исследовании среди работников медицинской сферы было

обнаружено, что работники с высокими требованиями работы и недостаточными ресурсами для их выполнения были более подвержены риску профессионального выгорания. Таким образом, исследование А. Баккера и Э. Демероути [12] подчеркивает значимость баланса между требованиями и ресурсами на рабочем месте, а также важность создания поддерживающей и ресурсно обеспеченной рабочей среды для предотвращения профессионального выгорания у работников.

Теория соответствия личности работника требованиям организации (Personal-Job Fit) подчеркивает важность согласованности между индивидуальными характеристиками сотрудника и требованиями его рабочей среды для уменьшения риска профессионального выгорания. Несовпадение в данной области может увеличивать вероятность выгорания, особенно в условиях интенсивной работы и недостаточной поддержки. Исследования М. Хан и соавторов (M. Khan et al.) [19] подтверждают, что слабое соответствие личности медработников требованиям организации коррелирует с высоким риском выгорания. Данная концепция также предполагает, что соответствие личности работника требованиям организации может изменять взаимосвязь между рабочими требованиями и доступными ресурсами, усиливая влияние высоких требований на выгорание и ослабляя положительные эффекты рабочих ресурсов. Когда сотрудники сталкиваются с увеличением рабочей нагрузки, они чаще прибегают к неэффективным стратегиям саморегуляции. В таких ситуациях организационные ресурсы, такие как управление персоналом и лидерство, играют важную роль в профилактике и предотвращении выгорания. Данное дополнение к модели требований и ресурсов дает более комплексное понимание причин профессионального выгорания [12].

В. Шауфели (W. Schaufeli) [25] показывает, что удовлетворение трех ключевых потребностей сотрудников (автономности, компетентности и связанности), которые обеспечиваются корпоративной культурой, играет важную роль в увеличении их вовлеченности в работу. Когда сотрудники имеют возможность самостоятельно решать задачи, использовать свои навыки и получать обратную связь, это положительно сказывается на их вовлеченности в профессиональную деятельность и может повышать производительность труда, включая оказание дополнительной помощи коллегам и выполнение задач, выходящих за рамки их обязанностей. Низкая вовлеченность в работу, которая также опосредуется атрибутами корпоративной культуры, играет важную роль в развитии эмоционального выгорания. Когда данные потребности не удовлетворяются, может возникать неэффективное функционирование, такое как зависимость от работы, скука или профессиональное выгорание [25].

Результаты исследований показывают связь между изменениями в рабочем климате и корпоративной культуре с симптомами выгорания сотрудников. Обнаружено, что наиболее значимыми для эмоцио-

нального выгорания оказались такие показатели, как самоэффективность сотрудников в организации, социальная поддержка, совместное решение задач, обратная связь, психологический климат и сотрудничество, что является значимыми атрибутами корпоративной культуры. Данные результаты подчеркивают, что изменения в корпоративной культуре или рабочем климате могут иметь существенное влияние на уровень выгорания сотрудников и их общее физическое и психологическое состояние [30]. В исследовании Дж. Маццетти и соавторов (G. Mazzetti et al.) отмечается, что рабочая нагрузка, ролевая неопределенность, ролевой конфликт, ролевой стресс, стрессовые события и рабочее давление являются ключевыми факторами, которые могут приводить к хронической усталости и деперсонализации [26].

Исследование О. Ремийус и соавторов (O. Remijus et al.) [18] показывает, что эмоциональное выгорание в организациях может быть обусловлено рядом факторов, включающих нестабильный график работы и частые переработки, конфликтные и неопределенные рабочие роли, недооценку усилий со стороны руководства, однообразие рабочих задач, физическое переутомление без достаточного времени для отдыха, ограниченные возможности для профессионального и личного развития, неэффективные программы адаптации новых сотрудников, а также трудности в эмоциональной и интеллектуальной коммуникации в работе.

Исследование Ю. Лан и соавторов (Lan Y. et al.) [28] подчеркивает важность организационного климата для мотивации сотрудников и снижения их намерений уволиться с работы. Высокая рабочая нагрузка и конфликты внутри коллектива увеличивают стресс и могут привести к выгоранию. Управление рабочим стрессом и нагрузкой имеет решающее значение для удержания сотрудников и снижения текучести кадров. Такие факторы, как характер работы, тип профессии, стаж, условия на рабочем месте, интенсивность труда, стресс на работе, неопределенность ролей, уровень образования, возможность участия в принятии решений, организационные процессы, а также экономические и социальные аспекты, могут влиять на уровень профессионального выгорания сотрудников.

Кроме того, исследование Т. Луббаде (T. Lubbadah) [21] показывает, что недемократичность организационной структуры, несправедливость в системе вознаграждения и неконструктивная критика могут способствовать увеличению профессионального выгорания. Такие факторы, как характер и стиль работы, интенсивность трудовой деятельности, ограниченное время отдыха между рабочими сменами, стресс, связанный с темпом работы, а также проблемы с транспортом для прибытия на работу, могут усиливать риск выгорания. Исследование Т. Луббаде (T. Lubbadah) [21] показывает, что такие аспекты корпоративной культуры, как рабочая нагрузка, контроль, вознаграждение, обязательства, справедливость и ценности влияют на уровень профессионального выгорания.

Отмечается важность такого фактора, как возможность контроля сотрудником процесса своего труда, что предполагает способность принимать профессиональные решения и обладание определенной свободой действий при выполнении своих обязанностей. Отсутствие контроля в рабочей среде может значительно усиливать риск профессионального выгорания. Также стоит отметить такой аспект корпоративной культуры, как вознаграждение. Вознаграждение может быть как внешним (зарплата, премии), так и внутренним (похвала, признание, возможности для карьерного роста) и играет ключевую роль в мотивации сотрудников. При недостаточном вознаграждении у сотрудников может повышаться риск возникновения выгорания. Исследования показывают, что справедливость в организации предполагает справедливость методов и процедур, используемых для оценки деятельности работника при начислении заработной платы и в карьерном росте. Восприятие несправедливости может усилить риск выгорания [21].

В исследовании В. Цанг (W. Tsang) [29] выявлено, что цели, мотивация, взаимодействие коллектива, психологический климат и организационная приверженность являются факторами, воздействующими на эффективность сотрудников. А также сотрудники, испытывающие давление в данных аспектах корпоративной культуры, более склонны к высокому профессиональному стрессу, что может привести к выгоранию. Выгорание не имеет значимой связи со стилем управления и взаимодействием руководителя, однако имеет обратную корреляцию с такими атрибутами, как сотрудничество, соблюдение норм, структура, поддержка, а также мораль и ценности [29].

Такие факторы, как ограничения в возможности использовать свой потенциал, неясные цели или давление при достижении целей, могут привести к усилению профессионального стресса и последующему выгоранию [8]. Корпоративная культура, поддерживающая участие сотрудников в принятии решений и разрешении конфликтов, может помочь в снижении уровня деперсонализации и предотвращении выгорания в коллективе, что представлено в обзоре Д. Белиас и А. Кустелиос (D. Belias, A. Koustelios) [13].

С. Чжан и М. Лю (S. Zhang, M. Liu) [33] провели ряд исследований, в которых показывается, что удовлетворенность работой, в том числе корпоративной культурой, влияет не только на производительность сотрудников и их эмоциональное состояние, но и оказывает влияние на общую функциональность и успех организации. Исследование С. Замини и соавторов (S. Zamini et al.) [32] выявило, что корпоративная культура имеет значительную связь с уровнем удовлетворенности от работы, что, в свою очередь, связано с эмоциональным выгоранием. Корпоративная культура влияет на удовлетворенность работой, создавая определенный эмоциональный климат и условия для сотрудников. Корпоративная культура, которая ценит взаимоподдержку, признание и развитие, повышает удовлетво-

ренность работой, снижая риск эмоционального выгорания, поскольку удовлетворенные сотрудники чувствуют себя более мотивированными, ценными и вовлеченными, что снижает стресс и усталость, связанные с профессиональной деятельностью.

Ю. Ли и соавторы (Y. Lee et al.) [20] в своем исследовании показывают, что корпоративная культура, в частности мотивация сотрудников, система вознаграждений и взаимоотношения в организации, влияют на лояльность сотрудников. Корпоративная культура, направленная на результативность, а также имеющая строгую иерархическую структуру, которая поддерживается строгими формализованными процедурами, влияет на развитие выгорания у сотрудников на фоне высокого профессионального стресса [20]. Т. Ву и соавторы (T. Wu et al.) [31] в исследовании показывают, что неудовлетворенность корпоративной культурой и отсутствие возможностей карьерного роста способствуют профессиональному стрессу и общей неудовлетворенности работой, что может приводить к профессиональному выгоранию.

Через многоуровневое моделирование исследования доказывают, что на всех уровнях корпоративной культуры соблюдение этических принципов связано с меньшим выгоранием и более высокой вовлеченностью в работу. Исследование А. Браун и соавторов (A. Brown et al.) [14] выявляет, что удовлетворенность организационной средой и корпоративной культурой имеет положительную связь с организационной приверженностью и лояльностью, что отрицательно связано с выгоранием сотрудников. А повышение удовлетворенности организационной средой и корпоративной культурой является более эффективным методом профилактики выгорания по сравнению со снижением рабочей нагрузки [14].

З. Адигузель и И. Кучукоглу (Z. Adiguzel, I. Kucukoglu) [10] отмечают, что профессиональный стресс, вызванный несопадением корпоративной культуры с ожиданиями, желаниями и потребностями сотрудников, значительно влияет на физическое, психологическое и эмоциональное состояние, что приводит к снижению мотивации и производительности. Исследование Д. Джамил (D. Jamil) [27] подчеркивает значительное влияние восприятия сотрудниками корпоративной культуры предприятия на уровень удовлетворенности работой и намерение сотрудников покинуть организацию. Наибольшее влияние на намерения сотрудников покинуть компанию оказывает переработка, недостаток обратной связи, отсутствие роста, недостаточное признание и недостаток вознаграждения.

Неудовлетворенность такими атрибутами корпоративной культуры, как коммуникация в организации, ценности, стиль и методы управления, мотивационные составляющие, а также мораль и традиции, является фактором формирования синдрома эмоционального выгорания, тревожности и апатии у сотрудников. Положительная связь существует между эмоциональным истощением и конфликтом ролей, редукцией

профессиональных достижений и общей поддержкой, оказываемой всем сотрудникам, а также деперсонализацией и отсутствием индивидуальной поддержки [12].

Корпоративная культура тесно связана с эмоциональным состоянием сотрудников и их производительностью. Негативно на эмоциональное состояние сотрудников влияют такие атрибуты корпоративной культуры, как формальность отношений внутри коллектива, строгий контроль со стороны руководства, дисциплина и строгая иерархия. Это может способствовать раздражительности, агрессивности, тревожности, снижению интереса к своей профессиональной деятельности и в целом к формированию выгорания у сотрудников, отмечают И. Халаса и А. Аль-Катауна (I. Halasah, A. Al-Qatawneh) [16].

В организациях, где корпоративная культура не соответствует представлениям работников, отмечается неэффективное взаимодействие, сотрудники не ощущают социальную поддержку, не могут проявлять инициативу и самостоятельность, что увеличивает риск формирования выгорания. Ценности, существующие в организации, влияют на мотивацию сотрудников, а наличие неразвитой корпоративной культуры способствует повышению уровня тревожности и уменьшает устойчивость к стрессам [1]. Можно выделить основные атрибуты слабой корпоративной культуры, которые связаны с выгоранием: отсутствие ориентации на социальные задачи и коллективные ценности, принятие решений в индивидуальной форме, неготовность к инновациям и обоснованному риску [7]. Слабая культура снижает мотивацию и координацию действий, она характеризуется неэффективным взаимодействием, предполагает закрытость и непрозрачность, как внутри, так и за пределами организации [8].

Таким образом, анализ исследований показывает значимость корпоративной культуры, включая такие факторы, как стиль управления, поддержка со стороны коллег и руководства, рабочие условия, норма загрузки работой, система вознаграждений, контроль и коммуникация. Личностные характеристики, такие как самоэффективность и уровень стрессоустойчивости, также играют роль в развитии выгорания [27]. Понимание данных аспектов позволяет организациям внедрять стратегии для улучшения рабочей среды и уменьшения риска выгорания среди сотрудников, включая обучение навыкам стрессоустойчивости и улучшение организационной культуры.

Выгорание в профессиональной сфере негативно сказывается на сотрудниках и организации в целом, вызывая ухудшение психического и физического состояния работников, понижение производительности труда и увеличение текучести кадров. Поэтому создание культуры, способствующей благополучию сотрудников и соответствующей их потребностям, является критически важным для эффективного функционирования организации.

Дальнейшее направление исследований может быть сконцентрировано на разработке и анализе программ

по улучшению рабочей среды, поддержке здоровья сотрудников, внедрении психологических тренингов или программ улучшения корпоративной культуры. Также необходимы исследования, направленные на

оценку влияния различных стилей управления на уровень эмоционального выгорания сотрудников и разработку рекомендаций для создания здоровой корпоративной культуры.

Литература

1. Ахметгалиева Э.И. Эмоциональное выгорание сотрудников современной организации: диагностика и профилактика // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 7. С. 34—37. DOI:10.37882/2500-3682.2020.07.02
2. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб.: Сударыня, 1999. 229 с.
3. Водопьянова Н.В., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008. 336 с.
4. Кабалина В.И., Джокич А., Чеглакова Л.М. Организационный климат и выгорание сотрудников промышленной компании // Российский журнал менеджмента. 2023. Том 21. № 2. С. 228—254. DOI:10.21638/spbu18.2023.2045
5. Магомедов А.А., Алиева П.Р. Корпоративная культура // Московский экономический журнал. 2022. Том 7. № 8. С. 427—436. DOI:10.55186/2413046X_2022_7_8_477
6. Макеев В.А. Корпоративная культура как фактор эффективной деятельности организации. М.: Ленанд, 2022. 248 с.
7. Михайлов А.А., Федулов В.И. Совершенствование корпоративной культуры как способ противодействия эмоциональному выгоранию сотрудников // Управленческий учет. 2022. № 2. С. 292—298. DOI:10.25806/uu2-22022292-298
8. Стельмашенко О.В., Бондаренко С.Ю. Организационная культура как фактор профессионального выгорания персонала // Теория и практика управления человеческими ресурсами: Чита, 27 мая 2022 г.: Сборник статей конференции / Под ред. И.В. Петрова, М.А. ПолUTOва. Чита: Забайкальский государственный университет, 2022. С. 164—169.
9. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2010. 330 с.
10. Adiguzel Z., Kucukoglu I. Examining of the effects of employees on work stress, role conflict and job insecurity on organizational culture [Электронный ресурс] // International Journal of Economics and Management. 2019. Vol. 1. № 4. P. 37—48. URL: https://www.researchgate.net/profile/Zafer-Adiguzel/publication/337137196_Examining_of_The_Effects_of_Employees_on_Work_Stress_Role_Conflict_and_Job_Insecurity_on_Organizational_Culture (дата обращения: 26.07.2024).
11. Bakker A.B., de Vries J.D. Job Demands—Resources theory and self-regulation: New explanations and remedies for job burnout // Anxiety, Stress, & Coping. 2021. Vol. 34. № 1. P. 1—21. DOI:10.1080/10615806.2020.1797695
12. Bakker A.B., Demerouti E., Sanz-Vergel A. Job demands—resources theory: Ten years later // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2023. Vol. 10. № 1. P. 25—53. DOI:10.1146/annurev-orgpsych-120920-053933
13. Belias D., Koustelios A. Organizational Culture and Job Satisfaction: A Review [Электронный ресурс] // International Review of Management and Marketing. 2014. Vol. 4. № 2. P. 132—149. URL: <https://www.econjournals.com/index.php/irmm/article/view/746> (дата обращения: 26.07.2024).
14. Brown A.R., Walters J.E., Jones A.E. Pathways to Retention: Job Satisfaction, Burnout, & Organizational Commitment among Social Workers // Journal of Evidence-Based Social Work. 2019. Vol. 16. № 6. P. 577—594. DOI:10.1080/26408066.2019.1658006
15. Burnout among general practitioners: a perspective from equity theory / D. Dierendonck, W.B. Schaufeli, H.J. Sixma // Journal of Social and Clinical Psychology. 1994. Vol. 13. № 1. P. 86—100. DOI:10.1521/jscp.1994.13.1.86
16. Halasah I.H., Al-Qatawneh A.S. Burnout and its relationship with organizational culture (Case study of the administrative staff in faculty of sciences-Mutah University-Jordan) // Humanities and Social Sciences Series. 2022. Vol. 35. № 3. P. 13—40. DOI:10.35682/1137
17. Harris P.R., Moran R.T. Managing Cultural Differences: Instructor's Guide. Houston: Gulf Publishing Co, 1996. 255 p.
18. Influence of organizational culture on job satisfaction and workers retention [Электронный ресурс] / O.N. Remijus, O.F. Chinedu, O.D. Maduka, C.D. Ngige // International Journal of Management and Entrepreneurship. 2019. Vol. 1. № 1. P. 83—102. <https://www.researchgate.net/profile/Fabian-Osita/publication/342987862> (дата обращения: 12.08.2024).
19. Khan M.Y., Mushtaq J., Naz S. Impact of Training and Development on Job Satisfaction and Job Performance with Moderating Effect of Person Job Fit [Электронный ресурс] // UW Journal of Management Sciences. 2020. Vol. 4. № 1. P. 1—20. URL: <https://uwjms.org.pk/index.php/uwjms/article/view/21> (дата обращения: 12.08.2024).

20. Lee Y.S., Liu W.K. The Moderating Effects of Employee Benefits and Job Burnout among the Employee Loyalty, Corporate Culture and Employee Turnover // *Universal journal of management*. 2021. Vol. 9. № 2. P. 62—69. DOI:10.13189/UJM.2021.090205
21. Lubbadeh T. Job burnout: A general literature review // *International Review of Management and Marketing*. 2020. Vol. 10. № 3. P. 7—15. DOI:10.32479/irmm.9398
22. Maslach C., Leiter M.P. *The Burnout Challenge: Managing People's Relationships with Their Jobs*. Cambridge: Harvard University Press, 2022. 272 p.
23. Perlman B., Hartman E.A. Burnout: Summary and future research // *Human Relations*. 1982. Vol. 35. № 4. P. 283—305. DOI:10.1177/001872678203500402
24. Pines A.M., Aronson E. *Career burnout: Causes and cures*. N.Y.: The Free Press, 1988. 257 p.
25. Schaufeli W. Engaging leadership: How to promote work engagement? // *Frontiers in psychology*. 2021. Vol. 12. Article ID 754556. 10 p. DOI:10.3389/fpsyg.2021.754556
26. The effect of green organizational culture on organizational commitment: The mediating role of job satisfaction / M. Shahriari, M. Tajmir Riahi, O. Azizan, M. Rasti-Barzoki // *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. 2023. Vol. 33. № 2. P. 180—197. DOI:10.1080/10911359.2022.2029789
27. The mediation role of organizational culture between employee turnover intention and job satisfaction / D.A. Jamil, K.K. Sabah, B. Gardi, S. Adnan // *International Journal of Teaching, Learning and Education*. 2022. Vol. 1. № 4. P. 24—35. DOI:10.22161/ijtle
28. The relationship between organizational climate, job stress, workplace burnout, and retention of pharmacists / Y.L. Lan, W.-T. Huang, C.-L. Kao, H.-J. Wang // *Journal of Occupational Health*. 2020. Vol. 62. № 1. Article ID e12079. 9 p. DOI:10.1002/1348-9585.12079
29. Tsang W. The relationship between organizational culture, job burnout and job satisfaction on the Hong Kong construction professionals: A dissertation submitted to faculty of architecture in candidacy for the degree of bachelor of science in surveying [Электронный ресурс]. Hong Kong, 2010. 244 p. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=0ff6bafdf76fd5dda37c459ebfdec94b08a66d1> (дата обращения: 13.08.2024).
30. Work engagement: A meta-analysis using the job demands-resources model / G. Mazzetti, E. Robledo, M. Vignoli, G. Topa, D. Guglielmi, W.B. Schaufeli // *Psychological Reports*. 2023. Vol. 126. № 3. P. 1069—1107. DOI:10.1177/00332941211051988
31. Work Stress, Perceived Career Opportunity, and Organizational Loyalty In Organizational Change: a Moderated Mediation Model / T. Wu, Q. Shen, H. Liu, C. Zheng // *Social Behavior and Personality: an international journal*. 2019. Vol. 47. № 4. P. 1—11. DOI:10.2224/sbp.7824
32. Zamini S., Zamini S., Barzegary L. The relationship between organizational culture and job burnout among the professors and employees in the University of Tabriz // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2011. Vol. 30. P. 1964—1968. DOI:10.1016/j.sbspro.2011.10.381
33. Zhang S.B., Liu A.M. Organisational culture profiles of construction enterprises in China // *Construction Management and Economics*. 2006. Vol. 24. № 8. P. 817—828. DOI:10.1080/01446190600704604

References

1. Akhmetgalieva E.I. Emotsional'noe vygoranie sotrudnikov sovremennoi organizatsii: diagnostika i profilaktika [Emotional burnout of employees in a modern organization: diagnostics and prevention]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie = Modern science: current problems of theory and practice. Series: Cognition*, 2020, no. 7, pp. 34—37. DOI:10.37882/2500-3682.2020.07.02 (In Russ.).
2. Boiko V.V. Sindrom «emotsional'nogo vygoraniya» v professional'nom obshchenii [“Emotional burnout” syndrome in professional communication]. Saint Petersburg: Sudarynya, 1999. 229 c. (In Russ.).
3. Vodop'yanova N.V., Starchenkova E.S. Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika [Burnout syndrome: diagnosis and prevention]. Saint Petersburg: Piter, 2008. 336 c. (In Russ.).
4. Kabalina V.I., Djokic A., Cheglakova L.M. Organizatsionnyi klimat i vygoranie sotrudnikov promyshlennoi kompanii [Organizational climate and employee burnout in an industrial company]. *Rossiiskii zhurnal menedzhmenta [Russian Journal of Management]*, 2023. Vol. 21, no. 2, pp. 228—254. DOI:10.21638/spbu18.2023.2045 (In Russ.).
5. Magomedov A.A., Alieva P.R. Korporativnaya kul'tura [Corporate Culture]. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow economic journal*, 2022. Vol. 7, no. 8, pp. 427—436. DOI:10.55186/2413046X_2022_7_8_477 (In Russ.).
6. Makeev V.A. Korporativnaya kul'tura kak faktor effektivnoi deyatelnosti organizatsii [Corporate culture as a factor in the effective performance of an organization]. M.: Lenand, 2022. 248 c. (In Russ.).
7. Mikhailov A.A., Fedulov V.I. Sovershenstvovanie korporativnoi kul'tury kak sposob protivodeistviya emotsional'nomu vygoraniyu sotrudnikov [Improvement of corporate culture as a way to counteract emotional burnout of employees]. *Upravlencheskii uchët [Management accounting]*, 2022, no. 2, pp. 292—298. DOI:10.25806/uu2-22022292-298 (In Russ.).

8. Stelmashenko O.V., Bondarenko S.Yu. Organizatsionnaya kul'tura kak faktor professional'nogo vygoraniya personala [Organizational culture as a factor of professional staff burnout]. In Petrova I.V., Polutova M.A. (eds.), *Teoriya i praktika upravleniya chelovecheskimi resursami* [Theory and practice of human resource management (Chita, 27.05.2022)]: Chita, 27 maya 2022 g.: Sbornik statei konferentsii. Chita: Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet, 2022, pp. 164—169. (In Russ.).
9. Shein E. Organizatsionnaya kul'tura i liderstvo [Organizational culture and leadership]. SPb.: Piter, 2010. 330 c. (In Russ.).
10. Adiguzel Z., Kucukoglu I. Examining of the effects of employees on work stress, role conflict and job insecurity on organizational culture [Electronic resource]. *International Journal of Economics and Management*, 2019. Vol. 1, no. 4, pp. 37—48. URL: https://www.researchgate.net/profile/Zafer-Adiguzel/publication/337137196_Examining_of_The_Effects_of_Employees_on_Work_Stress_Role_Conflict_and_Job_Insecurity_on_Organizational_Culture/ (Accessed 26.07.2024).
11. Bakker A.B., de Vries J.D. Job Demands—Resources theory and self-regulation: New explanations and remedies for job burnout. *Anxiety, Stress, & Coping*, 2021. Vol. 34, no. 1, pp. 1—21. DOI:10.1080/10615806.2020.1797695
12. Bakker A.B., Demerouti E., Sanz-Vergel A. Job demands—resources theory: Ten years later. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 2023. Vol. 10, no. 1, pp. 25—53. DOI:10.1146/annurev-orgpsych-120920-053933
13. Belias D., Koustelios A. Organizational Culture and Job Satisfaction: A Review [Electronic resource]. *International Review of Management and Marketing*, 2014. Vol. 4, no. 2, pp. 132—149. URL: <https://www.econjournals.com/index.php/irmm/article/view/746> (Accessed 26.07.2024).
14. Brown A.R., Walters J.E., Jones A.E. Pathways to Retention: Job Satisfaction, Burnout, & Organizational Commitment among Social Workers. *Journal of Evidence-Based Social Work*, 2019. Vol. 16, no. 6, pp. 577—594. DOI:10.1080/26408066.2019.1658006
15. Dierendonck D., Schaufeli W.B., Sixma H.J. Burnout among general practitioners: a perspective from equity theory. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 1994. Vol. 13, no. 1, pp. 86—100. DOI:10.1521/jscp.1994.13.1.86
16. Halasah I.H., Al-Qatawneh A.S. Burnout and its relationship with organizational culture (Case study of the administrative staff in faculty of sciences-Mutah University-Jordan). *Humanities and Social Sciences Series*, 2022. Vol. 35, no. 3, pp. 13—40. DOI:10.35682/1137
17. Harris P.R., Moran R.T. Managing Cultural Differences: Instructor's Guide. Houston: Gulf Publishing Co, 1996. 255 p.
18. Remijus O.N., Chinedu O.F., Maduka O.D., Ngige C.D. Influence of organizational culture on job satisfaction and workers retention [Electronic resource]. *International Journal of Management and Entrepreneurship*, 2019. Vol. 1, no. 1, pp. 83—102. <https://www.researchgate.net/profile/Fabian-Osita/publication/342987862> (Accessed 12.08.2024).
19. Khan M.Y., Mushtaq J., Naz S. Impact of Training and Development on Job Satisfaction and Job Performance with Moderating Effect of Person Job Fit [Electronic resource]. *UW Journal of Management Sciences*, 2020. Vol. 4, no. 1, pp. 1—20. URL: <https://uwjms.org.pk/index.php/uwjms/article/view/21> (Accessed 12.08.2024).
20. Lee Y.S., Liu W.K. The Moderating Effects of Employee Benefits and Job Burnout among the Employee Loyalty, Corporate Culture and Employee Turnover. *Universal journal of management*, 2021. Vol. 9, no. 2, pp. 62—69. DOI:10.13189/UJM.2021.090205
21. Lubbadeh T. Job burnout: A general literature review. *International Review of Management and Marketing*, 2020. Vol. 10, no. 3, pp. 7—15. DOI:10.32479/irmm.9398
22. Maslach C., Leiter M.P. The Burnout Challenge: Managing People's Relationships with Their Jobs. Cambridge: Harvard University Press, 2022. 272 p.
23. Perlman B., Hartman E.A. Burnout: Summary and future research. *Human Relations*, 1982. Vol. 35, no. 4, pp. 283—305. DOI:10.1177/001872678203500402
24. Pines A.M., Aronson E. Career burnout: Causes and cures. N.Y.: The Free Press, 1988. 257 p.
25. Schaufeli W. Engaging leadership: How to promote work engagement? *Frontiers in psychology*, 2021. Vol. 12, article ID 754556. 10 p. DOI:10.3389/fpsyg.2021.754556
26. Shahriari M., Tajmir Riahi M., Azizan O., Rasti-Barzoki M. The effect of green organizational culture on organizational commitment: The mediating role of job satisfaction. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*, 2023. Vol. 33, no. 2, pp. 180—197. DOI:10.1080/10911359.2022.2029789
27. Jamil D.A., Sabah K.K., Gardi B., Adnan S. The mediation role of organizational culture between employee turnover intention and job satisfaction. *International Journal of Teaching, Learning and Education*, 2022. Vol. 1, no. 4, pp. 24—35. DOI:10.22161/ijtle
28. Lan Y.L., Huang W.-T., Kao C.-L., Wang H.-J. The relationship between organizational climate, job stress, workplace burnout, and retention of pharmacists. *Journal of Occupational Health*, 2020. Vol. 62, no. 1, article ID e12079. 9 p. DOI:10.1002/1348-9585.12079
29. Tsang W. The relationship between organizational culture, job burnout and job satisfaction on the Hong Kong construction professionals: A dissertation submitted to faculty of architecture in candidacy for the degree of bachelor of

science in surveying [Electronic resource]. Hong Kong, 2010. 244 p. URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/document?repid=rep1&type=pdf&doi=0ff6bafdf76fd5dda37c459ebfdec94b08a66d1> (Accessed 13.08.2024).

30. Mazzetti G., Robledo E., Vignoli M., Topa G., Guglielmi D., Schaufeli W.B. Work engagement: A meta-analysis using the job demands-resources model. *Psychological Reports*, 2023. Vol. 126, no. 3, pp. 1069—1107. DOI:10.1177/00332941211051988

31. Wu T., Shen Q., Liu H., Zheng C. Work Stress, Perceived Career Opportunity, and Organizational Loyalty. In Organizational Change: a Moderated Mediation Model. *Social Behavior and Personality: an international journal*, 2019. Vol. 47, no. 4, pp. 1—11. DOI:10.2224/sbp.7824

32. Zamini S., Zamini S., Barzegary L. The relationship between organizational culture and job burnout among the professors and employees in the University of Tabriz. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2011. Vol. 30, pp. 1964—1968. DOI:10.1016/j.sbspro.2011.10.381

33. Zhang S.B., Liu A.M. Organisational culture profiles of construction enterprises in China. *Construction Management and Economics*, 2006. Vol. 24, no. 8, pp. 817—828. DOI:10.1080/01446190600704604

Информация об авторах

Жданова Полина Рафаэлевна, аспирант, факультет социальных наук, Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2653-3609>, e-mail: pozmail.ru@mail.ru

Information about the authors

Polina R. Zhdanova, PhD Student, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2653-3609>, e-mail: pozmail.ru@mail.ru

Получена 21.12.2023

Принята в печать 26.07.2024

Received 21.12.2023

Accepted 26.07.2024

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ EDUCATIONAL PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

Рольевые ожидания в системе взаимодействия субъектов образовательного процесса

Орлов В.А.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4708-4312>, e-mail: vladimirorlov@bk.ru*

Крушельницкая О.Б.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>, e-mail: social2003@mail.ru*

Терехова Е.С.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0272-3386>, e-mail: esterekhova@ya.ru*

В статье представлен анализ зарубежных исследований, посвященных рольевым ожиданиям (экспектациям) участников образовательного процесса как важного условия эффективности обучения и воспитания обучающихся. Показано, что, наряду с существенными достижениями в понимании причин и механизмов рольевых ожиданий, большинство исследователей сосредоточивают внимание преимущественно на экспектациях учителей от академических достижений школьников и студентов. Изучаются такие предпосылки формирования рольевых ожиданий учителей, как социально-экономический статус, пол, национальные и расовые особенности учащихся, а также специфика культуры образовательного учреждения. Меньше изучена проблема согласованности взаимных рольевых ожиданий педагогов и обучающихся как основы для построения их межличностного взаимодействия. Не удалось выявить работы, в которых взаимные экспектации участников образовательного процесса рассматриваются как единая система педагогического взаимодействия, оказывающая влияние на эффективность обучения и воспитания школьников. На основании теоретического анализа зарубежных исследований рольевых ожиданий делается вывод о необходимости дальнейшего изучения данного феномена с учетом целей и задач профессиональной деятельности школьных учителей, а также интересов, личностных ценностей и потребностей других участников образовательного процесса, главным образом — учеников и их родителей.

Ключевые слова: рольевые ожидания, экспектации, участники образовательного процесса, педагогическое общение, взаимодействие, школа, учитель, ученик.

Для цитаты: Орлов В.А., Крушельницкая О.Б., Терехова Е.С. Рольевые ожидания в системе взаимодействия субъектов образовательного процесса [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 93—101. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130309>

The Role Expectations in the System of Interaction Between Subjects of the Educational Process

Vladimir A. Orlov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4708-4312>, e-mail: vladimirorlov@bk.ru

Olga B. Krushelnitskaya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>, e-mail: social2003@mail.ru

Elena S. Terekhova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0272-3386>, e-mail: esterekhova@ya.ru

The article presents an analysis of foreign studies devoted to the role expectations of participants in the educational process as an important condition for the effectiveness of training and education of students. It is shown that, along with significant achievements in understanding the causes and mechanisms of role expectations, most researchers focus primarily on teachers' expectations of the academic achievements of schoolchildren and students. The prerequisites for the formation of teachers' role expectations are studied, such as socio-economic status, gender, national and racial characteristics of students, as well as the specific culture of the educational institution. The problem of consistency of mutual role expectations of teachers and students as the basis for building their interpersonal interaction has been less studied. It was not possible to identify works in which mutual expectations of participants in the educational process are considered as a unified system of pedagogical interaction that influences the effectiveness of teaching and education of schoolchildren. Based on a theoretical analysis of foreign studies of role expectations, a conclusion is made about the need for further study of this phenomenon, taking into account the goals and objectives of the professional activities of school teachers, as well as the interests, personal values and needs of other participants in the educational process, mainly students and their parents.

Keywords: role expectations, expectations, participants in the educational process, pedagogical communication, interaction, school, teacher, student.

For citation: Orlov V.A., Krushelnitskaya O.B., Terekhova E.S. The Role Expectations in the System of Interaction Between Subjects of the Educational Process [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2024. Vol. 13, no. 3, pp. 93—101. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130309> (In Russ.).

Введение

В системе социального взаимодействия человеку свойственно выстраивать свои поведенческие программы, а также формировать установки и ценностные ориентации, опираясь на субъективную интерпретацию ожиданий значимых других. Поскольку каждый человек живет в двух системах отношений — социальных и межличностных, ролевые ожидания всегда имеют характер не только личностный, адресованный конкретному человеку и проявляющийся в межличностном общении, но и социальный — относительно вариативности исполнения социальной роли. В нашем теоретическом исследовании рассматриваются ожидания (экспектации) относительно ролевого поведения учителя, обучающихся, их родителей, а также других участников образовательного процесса, представленных в зарубежных публикациях.

Согласно данным исследований, в педагогическом общении большую роль играют ролевые ожидания как система установок участников образовательного процесса относительно носителей социальных или межличностных ролей [1; 2; 3; 13; 16]. Любой образовательный

процесс нацелен на обучение, воспитание и личностное развитие обучающихся [4]. От степени адекватности ролевых ожиданий участников образовательного процесса во многом зависят когнитивные, эмоциональные и поведенческие факторы их взаимодействия, которые неизбежно отражаются на развитии личности обучающихся. При непонимании и неучете экспектаций, особенно когда речь идет о взаимных экспектациях учителя и других участников образовательного процесса (учеников, их родителей и т. д.), невозможно построить продуктивные педагогические отношения. Если ролевые ожидания какого-либо участника образовательного процесса не соответствуют реальному поведению его партнеров по общению, он может сознательно или неосознанно предъявлять требования по коррекции их поведения, а затем и санкции, нацеленные на «возвращение» партнеров в русло ожиданий. Несовпадение экспектаций может вызвать противоречие и противоборство, переходящие в конфликт. В результате разрушается гармония педагогического общения, являющегося основой для решения задач обучения, воспитания и личностного развития обучающихся. Понимание и учет ролевых ожиданий способствуют высокой эффективности педагоги-

ческого взаимодействия. Учитель является наиболее значимым для обучающихся субъектом школьного образования, поэтому его способность понимать и учитывать в своей профессиональной деятельности экспектации свои и других участников образовательного процесса чрезвычайно важна. Несмотря на актуальность проблемы рольевых ожиданий участников образовательного процесса, особенно взаимных ожиданий, она остается, на наш взгляд, недостаточно изученной.

Ожидания родителей и педагогов от учебных достижений школьников

Большинство исследований рольевых ожиданий посвящено изучению экспектаций педагогов по поводу проявления способностей детей в будущих образовательных достижениях [15; 26; 30; 31].

Так, например, на выборке 1420 учеников и 66 учителей из 48 школ Испании было показано, что ожидания учителей относительно математических достижений учащихся положительно связаны с их будущей успеваемостью. При этом высказанные учителями ожидания были выше, чем достигнутые учениками результаты [24]. Аналогичные корреляции были получены и в других исследованиях. Так, например, на выборке из 860 учащихся 4—6 классов показано, что миграционное происхождение учащихся и их социально-экономический статус влияют на ожидания учителей математики и немецкого языка [18].

В других исследованиях также подтвердилось предположение о связи между родительскими и учительскими ожиданиями и когнитивными результатами детей, что подчеркивает важность гармоничного сотрудничества семьи и школы в развитии способностей детей и их успешности в учебе [5; 11; 19; 33]. Ожидания родителей и учителей положительно коррелируют с проявлением у дошкольников математических способностей и навыков чтения [19]. По-видимому, взрослые выражают свои позитивные ожидания от детей словесными комплиментами или поощряют детей невербально к выполнению более сложных заданий, что может увеличить мотивацию детей и, как следствие, повысить их достижения.

Исследователи из Германии пришли к выводу, что ожидания школьных учителей от учеников начальной школы влияют на их успеваемость, и предположили, что это влияние распространяется и на мотивацию учения, которая лежит в основе успеваемости. В лонгитюдном исследовании с участием 796 второклассников и их 50 учителей было показано, что повышение ожиданий учителей относительно математических способностей учащихся положительно связано с изменениями в представлениях учащихся об их математических компетенциях и ценности изучения математики [26].

Положительные корреляции между рольевыми ожиданиями учителей и реальными достижениями учащихся касаются не только успешности в освоении

наук. В исследовании М. Сантьяго-Розарио и коллег, с участием 33 учителей начальной школы и их 496 учеников, изучались прогнозы учителей относительно соблюдения дисциплины и следования социальным нормам поведения учащихся. Оказалось, что негативные ожидания педагогов относительно поведения детей оправдались, что было зафиксировано большим, чем у их сверстников, количеством нарушений правил, причем вне зависимости от расы. Исследователи также обнаружили, что с ростом положительных ожиданий учителей разница в количестве зафиксированных нарушений правил между чернокожими, латиноамериканскими и белыми учащимися уменьшалась [7].

На выборке 9663 воспитанников детского сада показано, что если педагог воспринимает свои взаимоотношения с дошкольником как потенциально конфликтные, имеющие высокий уровень разногласий, то он ожидает от ребенка экстернализирующего — агрессивного или разрушительного — поведения [20]. Авторы полагают, что полученные результаты следует объяснить не только с точки зрения «самосбывающегося пророчества», но и тем, что ребенок также может переносить ожидания от одного учителя на взаимодействие с другими, в том числе своими будущими учителями. Эти результаты согласуются с теорией экологических систем У. Бронфенбреннера, утверждающей, что среда развития ребенка влияет на все уровни его жизни [25].

Исследователи объясняют подобные результаты с помощью теории ожидаемой ценности (expectancy-value theory) Р. Розенталя, известной также под названиями «эффект Розенталя» и «эффект Пигмалиона» [22; 23]. Эффект был зафиксирован на основе результатов эксперимента с участием детей из 18 школьных классов и их педагогов. Предварительно учителям сообщили, что, согласно результатам тестирования уровня IQ учащихся, некоторые из них в течение предстоящего учебного года проявят высокие интеллектуальные способности. На самом деле «наиболее способные» ученики были выбраны в каждом классе произвольно, а педагогам представили фиктивные данные об уровне IQ школьников. Несмотря на это, большинство детей, в чей образовательный потенциал поверили учителя, действительно достигли большего прогресса в образовательных результатах, чем их одноклассники.

Однако не только изначально полученная учителями информация имела значение. Ожидания учителя основываются на текущей оценке возможностей ученика и выражаются в виде оценочной обратной связи (поддержки, критики, игнорирования и т. п.), которая может снижать или повышать самооценку школьников.

Наблюдение за поведением учителей в процессе эксперимента показало, что они оказывали психологическую поддержку ученикам, которые, как предполагалось, должны были вскоре проявить высокие способности. Учителя в большей мере выражали одобрение таким детям, улыбались им, вербально и невербально выражали уверенность в их возможностях. В ответ эти

ученики проявляли большую готовность трудиться, посещать уроки, прислушиваться к рекомендациям педагогов. На основе данного эксперимента Р. Розенталь сделал вывод о влиянии ожиданий учителей от учащихся на проявление их познавательных способностей и мотивацию учения. Согласно данному эффекту, даже ошибочные ожидания учителя могут повлиять на поведение ученика таким образом, что он будет стремиться оправдать ожидания учителя [22; 23].

Какие факторы влияют на формирование экспектаций?

В качестве предикторов ожиданий учителей от учебных возможностей детей исследователи чаще всего называют социально-демографические особенности учащихся и характеристики образовательной организации.

Исследования показывают, что учителя склонны выражать сниженные ожидания в отношении достижений учащихся из неблагополучных семей [12; 13]. Авторы предполагают, что это может быть связано с меритократическими представлениями учителей о том, что интеллектуальные способности и усилия школьника определяют его будущий социальный статус и успех в обществе.

Считается, что процесс формирования ожиданий педагогов включает, во-первых, категоризацию школьников с целью отнесения конкретного ученика к определенной группе, во-вторых, определение места (рейтинга) этого ученика или группы среди других подобных. Также в этот процесс может включаться возможность стигматизации и расизации учащихся [13]. Это может служить объяснением того, почему у учителей формируются более позитивные ожидания в отношении способностей хорошо успевающих и трудолюбивых учеников, а также детей из социально благополучных семей и детей, родители которых активно участвуют в школьной жизни.

Формирование ожиданий учителей от учащихся связаны и с культурными различиями. Так, в Голландии учителя придают большее значение успеваемости учащихся, чем в американских или норвежских школах. Возможно, это объясняется тем, что в Нидерландах успеваемость учеников в начальной школе является ключевым фактором для возможности их дальнейшего обучения в бакалавриате, чего нет в школах США и Норвегии. В Осло учителя чаще, чем в Нью-Йорке, строят предположения о будущей успеваемости ученика, основываясь на его социально-экономическом статусе и способностях. Американские учителя придают большее значение трудолюбию школьников, что, возможно, связано с верой в «американскую мечту» о возможности высоких достижений за счет собственных усилий детей из всех слоев общества.

А. Тиммерманс (Timmermans) и К. Руби-Дэвис (Rubie-Davies) подтвердили, что пол и принадлеж-

ность к меньшинствам учащихся среднего звена школы являются модераторами ожиданий учителя [29]. В исследовании М. Олчик (Olczyk) и соавторов выявлены основанные на гендерных стереотипах повышенные ожидания учителей от достижений девочек в освоении иностранных языков, в то время как возможности мальчиков учителя были склонны недооценивать. В математике наблюдалась обратная картина — положительная предвзятость для мальчиков и отрицательная для девочек [27]. Результаты показывают, что ученики интернализируют ожидания преподавателя в образовательном контексте, что отражается на их убеждениях в собственных способностях и компетентности. В исследовании Л. Сото-Ардила (Soto-Ardila) и коллег также было подтверждено, что на уровень ожиданий учителей оказывают влияние социально-экономический статус, национальная принадлежность и пол учащихся [24].

Обнаружено влияние на формирование ролевых ожиданий педагогов демографического несоответствия между учеником и учителем. Так, С. Гершензон (Gershenson) и ее коллеги на выборке учителей старших классов обнаружили, что нечернокожие учителя чернокожих учеников имеют значительно менее позитивные ожидания, чем чернокожие учителя [12].

Канадские исследователи, которые провели исследование с участием 2666 учителей и учеников из 71 класса, подтвердили, что неблагоприятные ролевые ожидания школьных учителей от их учеников негативно сказываются на успеваемости последних и эффективности работы школы в целом. Кроме того, на ролевые ожидания учителей в отношении успешности старшеклассников влияет внутришкольный психологический климат: в случае если школа характеризуется высоким культурным уровнем и для большинства учащихся образование является важной ценностью, включая стремление к продолжению обучения в школе или вузе, учителя выражают более позитивные ожидания от достижений своих учеников [8].

Исследователи обнаружили, что учащиеся в школах с низким социально-экономическим статусом учеников изначально имели низкий уровень притязаний в образовании и карьере, но культура высоких ожиданий учителей от их воспитанников смягчала этот негативный эффект [32]. Иными словами, учащиеся отвечали улучшением своей академической успеваемости, когда их учителя высказывались о высоких ожиданиях от них. Авторы объясняют данный эффект тем, что ожидания, передаваемые через дифференцированное отношение учителей, могут влиять на самооценку учащихся и их образовательные устремления, поскольку они принимают ожидания своих учителей как свои собственные. Особенно ярко этот эффект должен проявляться в начальной школе. Ожидания педагогов передаются в процессе взаимодействия, при этом важно, чтобы учителя выражали интерес и уважение к учащимся [16].

Взаимные ролевые ожидания в системе педагогического взаимодействия

Влияние ролевых ожиданий (экспектаций) на эффективность педагогического процесса проявляется не только в системе школьного образования. С помощью дискурс-анализа высказываний студентов из шведских педагогических вузов — будущих преподавателей и их наставников по стажировке были выявлены совпадения и различия в их взаимных ролевых ожиданиях [9]. В частности, и студенты, и наставники ожидают друг от друга стремления к созданию доверительных отношений и считают, что обе стороны несут ответственность за их создание. Однако в других аспектах взаимодействия ролевые ожидания существенно расходятся. Так, студенты ожидают, что наставники будут принимать их в качестве равноправных партнеров, в то время как наставники готовы выполнять роль распространителей знаний и не ожидают паритетности в общении со студентами. Это может создать напряженность во взаимоотношениях. Еще одно несовпадение ожиданий было связано с тем, что студенты ожидали получения от наставников значительного объема теоретических научных знаний, в то время как сами наставники преимущественно стремились передать опыт своей практической профессиональной деятельности. Авторы исследования отмечают, что такое различие в ролевых ожиданиях и в понимании сути наставничества может стать серьезной проблемой для взаимоотношений с наставниками и трудоустройства молодых педагогов [9]. Изучение экспектаций в отношениях между студентами — будущими учителями и их наставниками позволило определить, каким образом совпадающие и несовпадающие ожидания способствуют различным возможностям в обучении преподаванию [21].

Стоит отметить, что ролевые ожидания в межличностных отношениях являются универсальным регулятором отношений в различных ситуациях педагогического общения. Так, например, результаты качественного анализа высказываний более 400 медсестер-докторантов из Австралии, США, Великобритании и Новой Зеландии и их научных руководителей показали, что понимание взаимных ожиданий, их обсуждение, а также выработка правил общения докторанта с его руководителем способствуют эффективности совместной деятельности. Для достижения сбалансированности ролевых ожиданий, подчеркивают исследователи, необходима ясная и оперативная обратная связь. Докторанты и их руководители находятся в супервизионных отношениях с определенными ожиданиями каждой из сторон взаимодействия. Учет этих ожиданий и управление ими, главным образом с целью исключения нереалистичных ожиданий, имеет решающее значение для эффективности совместной работы [14].

В ходе тематического анализа содержания полуструктурированных интервью с 12 преподавателями иностранного языка из Западной Финляндии, работающими с иммигрантами, было выявлено, что финские

власти рассматривают иммигрантов только в качестве работников и не ожидают от них стремления стать студентами финских вузов, хотя многие этого хотят и полагают необходимым для учебы временем. В результате наблюдается несоответствие взаимных ожиданий представителей власти, мигрантов и педагогов [10].

Целый ряд исследований посвящен дошкольной системе обучения и воспитания. П. Купила (Kupila) с коллегами изучили взаимные ролевые ожидания руководителей дошкольных образовательных учреждений с их вышестоящими начальниками, а также с их подчиненными [17]. В данном исследовании рассматриваются экспектации от исполнения роли сразу у трех субъектов образовательных отношений. Проанализированы ожидания каждого из них от выполнения профессионально значимых задач партнера по взаимодействию. Показаны несовпадения ожиданий по отношению к существующему ролевому поведению участников взаимодействия.

Взаимные ролевые ожидания существенно влияют на качество коммуникации между педагогами и родителями, что, в свою очередь, связано с вовлеченностью дошкольников в школьный образовательный процесс [6; 11; 33]. Изучалась связь между качеством общения родителей и учителей и характеристиками ребенка и семьи на показателях вовлеченности в класс у 326 детей из малообеспеченных, этнически, расово и лингвистически разнообразных семей. Результаты показали, что когда учителя ощущали взаимопонимание с родителем ребенка, ребенок оценивался как более вовлеченный в процесс обучения, как своими учителями, так и независимыми наблюдателями [6].

Важность качественной обратной связи в процессе формирования взаимных ожиданий отмечается многими исследователями. Так, например, в работе С. Юнг (Yoong) и соавторов [28] показано, что обучение, направленное на повышение точности обратной связи от коллег, способствует формированию адекватных ролевых ожиданий.

Выводы

Анализ зарубежных исследований ролевых ожиданий в системе взаимодействия субъектов образовательного процесса показал, что проблема остается недостаточно изученной. В основном исследуются отдельные аспекты ожиданий педагогов от поведения и деятельности обучающихся, связанные с когнитивными способностями школьников. Реже рассматриваются ожидания родителей от учебных достижений детей. Для объяснения влияния ролевых ожиданий педагогов на образовательные результаты учащихся используется подвергавшаяся критике теория ожидаемой ценности Р. Розенталя, известная также как «эффект Пигмалиона». Формирование ролевых ожиданий педагогов происходит с помощью таких социально-психологических явлений, как категоризации,

стигматизация, расизация учащихся и их групп. Также на ожидания учителей влияют культурные особенности образовательной организации.

Существенно меньше внимания исследователи уделяют взаимным ожиданиям субъектов образовательного процесса в педагогическом взаимодействии. Рассматриваются различные ситуации несовпадения ожиданий с реальным поведением партнера по общению. Предпринимаются попытки формирования адекватных ролевых ожиданий с помощью обучения,

направленного на повышение точности обратной связи.

В проанализированных зарубежных исследованиях не ставится задача изучения взаимных ролевых ожиданий субъектов школьного образовательного процесса — учителя, учеников, родителей обучающихся — как динамической системы взаимодействия и основы построения эффективной и гармоничной среды развития обучающихся. Хотя в отечественных исследованиях эти вопросы получили отражение [2; 3].

Литература

1. Коттл Т.В., Крушельницкая О.Б., Орлов В.А. Взаимодействие психолога с субъектами образовательного процесса в школах США // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 2. С. 165—178. DOI:10.17759/sps.2018090211
2. Орлов В.А. Структура экспектаций в системе межличностного взаимодействия [Электронный ресурс] // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции: в 5 т : Т. 3 / Отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр, 2015. С. 302—305. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24855766> (дата обращения: 05.09.2024).
3. Орлов В.А. Экспектации субъектов образовательного процесса относительно роли школьного психолога как фактор эффективности их взаимодействия: дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 180 с.
4. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации»: С изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) [Электронный ресурс] / Государственная Дума РФ. 2012. 184 с. // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 05.09.2024).
5. Aouad J., Bento F. A Complexity Perspective on Parent-Teacher Collaboration in Special Education: Narratives from the Field in Lebanon // Journal of Open Innovation: Technology, Market and Complexity. 2020. Vol. 6. № 1. Article ID 4. 18 p. DOI:10.3390/joitmc6010004
6. Are family-teacher communication quality and child and family characteristics associated with head start children's classroom engagement? It's complicated / W. Ochoa, L.-W. Li, F. Kiyama, Ch.M. McWayne // Early Childhood Research Quarterly. 2024. Vol. 67. P. 34—43. DOI:10.1016/j.ecresq.2023.11.007
7. Associations between teacher expectations and racial disproportionality in discipline referrals / M.R. Santiago-Rosario, S.A. Whitcomb, J. Pearlman, K. McIntosh // Journal of School Psychology. 2021. Vol. 85. P. 80—93. DOI:10.1016/j.jsp.2021.02.004
8. Brault M.-Ch., Janosz M., Archambault I. Effects of school composition and school climate on teacher expectations of students: A multilevel analysis // Teaching and Teacher Education. 2014. Vol. 44. P. 148—159. DOI:10.1016/j.tate.2014.08.008
9. Consensus and discrepancies on quality: Mentor and student teacher statements on work placement mentoring / L. Manderstedt, H. Anderström, R.F. Sädbom, J. Bäcklund // Teaching and Teacher Education. 2022. Vol. 116. Article ID 103762. 11 p. DOI:10.1016/j.tate.2022.103762
10. Educators' perspectives related to preparatory education and integration training for immigrants in Finland / B.B. Taylor, M. Wingren, A. Bengs, H. Katz, E. Acquah // Teaching and Teacher Education. 2023. Vol. 128. Article ID 104129. 10 p. DOI:10.1016/j.tate.2023.104129
11. Examining the role of parents and teachers in executive function development in early and middle childhood: A systematic review / S. Kokulu-Sancar, E. van de Weijer-Bergsma, H. Mulder, E. Blom // Developmental Review. 2023. Vol. 67. Article ID 101063. 40 p. DOI:10.1016/j.cedpsych.2023.101063
12. Gershenson S., Holt S.B., Papageorgec N.W. Who believes in me? The effect of student—teacher demographic match on teacher expectations // Economics of Education Review. 2016. Vol. 52. P. 209—224. DOI:10.1016/j.econedurev.2016.03.002
13. How teachers form educational expectations for students: A comparative factorial survey experiment in three institutional contexts / S. Geven, Ø.N. Wiborg, R.E. Fish, H.G. van de Werfhorst // Social Science Research. 2021. Vol. 100. Article ID 102599. 20 p. DOI:10.1016/j.ssresearch.2021.102599
14. Jackson D., Power T., Usher K. Understanding doctoral supervision in nursing: 'It's a complex fusion of skills' // Nurse Education Today. 2021. Vol. 99. Article ID 104810. DOI:10.1016/j.nedt.2021.104810
15. Jahreie J. Early childhood education and care teachers' perceptions of school readiness: A research review // Teaching and Teacher Education. 2023. Vol. 135. Article ID 104353. 17 p. DOI:10.1016/j.tate.2023.104353
16. Johnston O., Wildy H., Shand J. 'That teacher really likes me' — Student-teacher interactions that initiate teacher expectation effects by developing caring relationships // Learning and Instruction. 2022. Vol. 80. Article ID 101580. 9 p. DOI:10.1016/j.learninstruc.2022.101580

17. Kupila P., Fonsén E., Liinamaa T. Expectations of leadership in the changing context of Finnish early childhood education // *Teaching and Teacher Education*. 2023. Vol. 133. Article ID 104277. 10 p. DOI:10.1016/j.tate.2023.104277
18. Modifying biased teacher expectations in mathematics and German: A teacher intervention study / M.P. Neuenschwander, C. Mayland, E. Niederbacher, A. Garrote // *Learning and Individual Differences*. 2021. Vol. 87. Article ID 101995. 9 p. DOI:10.1016/j.lindif.2021.101995
19. Novita S., Schönmoser C., Lipowska M. Parent and teacher judgments about children's mathematics and reading competencies in primary school: Do parent judgments associate with children's educational outcomes? // *Learning and Individual Differences*. 2023. Vol. 105. Article ID 102302. DOI:10.1016/j.lindif.2023.102302
20. Ogg J., Anthony Ch.J., Wendel M. Student-teacher conflict or student-school conflict? Exploring bidirectional relationships between externalizing behavior and teacher conflict // *Early Childhood Research Quarterly*. 2024. Vol. 67. P. 44—54. DOI:10.1016/j.ecresq.2023.11.002
21. Rajuan M., Beijaard D., Verloop N. The match and mismatch between expectations of student teachers and cooperating teachers: exploring different opportunities for learning to teach in the mentor relationship // *Research Papers in Education*. 2010. Vol. 25. № 2. P. 201—223. DOI:10.1080/02671520802578402
22. Rosenthal R. Interpersonal expectancy Effects: A 30-year perspective // *Current Directions in Psychological Science*. 1994. Vol. 3. № 6. P. 176—179. DOI:10.1111/1467-8721.ep10770698
23. Rosenthal R., Jacobson L. *Pygmalion in the classroom: teacher expectation and pupils' intellectual development*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1968. 240 p.
24. Soto-Ardila L.M., Caballero-Carrasco A., Casas-Garca L.M. Teacher expectations and students' achievement in solving elementary arithmetic problems // *Heliyon*. 2022. Vol. 8. № 5. Article ID e09447. 8 p. DOI:10.1016/j.heliyon.2022.e09447
25. Systems view of school climate: A theoretical framework for research / K.M. Rudasill, K.E. Snyder, H. Levinson, J.L. Adelson // *Educational Psychology Review*. 2018. Vol. 30. № 1. P. 35—60. DOI:10.1007/s10648-017-9401-y
26. Teacher expectation effects on the development of elementary school students' mathematics-related competence beliefs and intrinsic task values / F. Siems-Muntoni, S. Dunekacke, A. Heinze, J. Retelsdorf // *Contemporary Educational Psychology*. 2024. Vol. 76. Article ID 102255. 11 p. DOI:10.1016/j.cedpsych.2023.102255
27. Teacher judgements and gender achievement gaps in primary education in England, Germany, and the US / M. Olczyk, S. Gentrup, T. Schneider, A. Volodina, V.P. Casoni, E. Washbrook, S.J. Kwon, J. Waldfogel // *Social Science Research*. 2023. Vol. 116. Article ID 102938. 17 p. DOI:10.1016/j.ssresearch.2023.102938
28. The quality of verbal feedback given by nursing near-peer tutors: A qualitative study / S.Q. Yoong, W. Wang, A.Ch. Wei Seah, H. Zhang // *Nurse Education Today*. 2023. Vol. 130. Article ID 105944. DOI:10.1016/j.nedt.2023.105944
29. Timmermans A.C., Rubie-Davies C.M. Gender and minority background as moderators of teacher expectation effects on self-concept, subjective task values, and academic performance // *European Journal of Psychology of Education*. 2022. Vol. 38. P. 1677—1705. DOI:10.1007/s10212-022-00650-9
30. Timmermans A.C., Rubie-Davies Ch.M., Wang Sh. Adjusting expectations or maintaining first impressions? The stability of teachers' expectations of students' mathematics achievement // *Learning and Instruction*. 2021. Vol. 75. Article ID 101483. 13 p. DOI:10.1016/j.learninstruc.2021.101483
31. Timmermans A.C., van der Werf M.P.G., Rubie-Davies C.M. The interpersonal character of teacher expectations: The perceived teacher-student relationship as an antecedent of teachers' track recommendations // *Journal of School Psychology*. 2019. Vol. 73. P. 114—130. DOI:10.1016/j.jsp.2019.02.004
32. Van den Broeck L., Demanet J., Van Houtte M. The forgotten role of teachers in students' educational aspirations. School composition effects and the buffering capacity of teachers' expectations culture // *Teaching and Teacher Education*. 2020. Vol. 90. Article ID 103015. 11 p. DOI:10.1016/j.tate.2020.103015
33. Walker-Dalhouse D., Dalhouse A.D. When two elephants fight the grass suffers: Parents and teachers working together to support the literacy development of Sudanese youth // *Teaching and Teacher Education*. 2009. Vol. 25. № 2. P. 328—335. DOI:10.1016/j.tate.2008.07.014

References

1. Cottle T.V., Krushelnitskaya O.B., Orlov V.A. Vzaimodeistvie psikhologa s sub"ektami obrazovatel'nogo protsessa v shkolakh SShA [Interaction of a psychologist with subjects of the educational process in US schools]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 165—178. DOI:10.17759/sps.2018090211 (In Russ.).
2. Orlov V.A. Struktura ekspektatsii v sisteme mezhlichnostnogo vzaimodeistviya [The Structure of Expectations in the Interpersonal Interaction] [Electronic resource]. In Bogoyavlenskaya D.B. (ed.), *Ot istokov k sovremennosti: 130 let organizatsii psikhologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete* [From origins to modern times: 130 years of organizing the psychological society at Moscow University]: Sbornik materialov yubileinoi konferentsii: In 5 vols. Vol. 3. Moscow: Kogito-Tsentr, 2015, pp. 302—305. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24855766> (Accessed 05.09.2024). (In Russ.).
3. Orlov V.A. Ekspektatsii sub"ektov obrazovatel'nogo protsessa otnositel'no roli shkol'nogo psikhologa kak faktor effektivnosti ikh vzaimodeistviya [Expectations of subjects of the educational process regarding the role of the school

- psychologist as a factor in the effectiveness of their interaction]: Diss. kand. psikhol. nauk. Moscow, 2006. 180 p. (In Russ.).
4. Gosudarstvennaya Duma RF Federal'nyi zakon ot 29.12.2012 N 273-FZ (red. ot 25.12.2023) "Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii" [Federal Law of December 29, 2012 N 273-FZ (as amended on December 25, 2023) "On Education in the Russian Federation" [Electronic resource]: S izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2024) . 2012. 184 p. *ConsultantPlus*. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Accessed 05.09.2024). (In Russ.).
 5. Aouad J., Bento F. A Complexity Perspective on Parent-Teacher Collaboration in Special Education: Narratives from the Field in Lebanon. *Journal of Open Innovation: Technology, Market and Complexity*, 2020. Vol. 6, no. 1, article ID 4. 18 p. DOI:10.3390/joitmc6010004
 6. Ochoa W., Li L.-W., Kiyama F., McWayne Ch.M. Are family-teacher communication quality and child and family characteristics associated with head start children's classroom engagement? It's complicated. *Early Childhood Research Quarterly*, 2024. Vol. 67, pp. 34—43. DOI:10.1016/j.ecresq.2023.11.007
 7. Santiago-Rosario M.R., Whitcomb S.A., Pearlman J., McIntosh K. Associations between teacher expectations and racial disproportionality in discipline referrals. *Journal of School Psychology*, 2021. Vol. 85, pp. 80—93. DOI:10.1016/j.jsp.2021.02.004
 8. Brault M.-Ch., Janosz M., Archambault I. Effects of school composition and school climate on teacher expectations of students: A multilevel analysis. *Teaching and Teacher Education*, 2014. Vol. 44, pp. 148—159. DOI:10.1016/j.tate.2014.08.008
 9. Manderstedt L., Anderström H., Sädbom R.F., Bäcklund J. Consensus and discrepancies on quality: Mentor and student teacher statements on work placement mentoring. *Teaching and Teacher Education*, 2022. Vol. 116, article ID 103762. 11 p. DOI:10.1016/j.tate.2022.103762
 10. Taylor B.B., Wingren M., Bengs A., Katz H., Acquah E. Educators' perspectives related to preparatory education and integration training for immigrants in Finland. *Teaching and Teacher Education*, 2023. Vol. 128, article ID 104129. 10 p. DOI:10.1016/j.tate.2023.104129
 11. Kokulu-Sancar S., van de Weijer-Bergsma E., Mulder H., Blom E. Examining the role of parents and teachers in executive function development in early and middle childhood: A systematic review. *Developmental Review*, 2023. Vol. 67, article ID 101063. 40 p. DOI:10.1016/j.cedpsych.2023.101063
 12. Gershenson S., Holt S.B., Papageorgec N.W. Who believes in me? The effect of student—teacher demographic match on teacher expectations. *Economics of Education Review*, 2016. Vol. 52, pp. 209—224. DOI:10.1016/j.econedurev.2016.03.002
 13. Geven S., Wiborg Ø.N., Fish R.E., van de Werfhorst H.G. How teachers form educational expectations for students: A comparative factorial survey experiment in three institutional contexts. *Social Science Research*, 2021. Vol. 100, article ID 102599. 20 p. DOI:10.1016/j.ssresearch.2021.102599
 14. Jackson D., Power T., Usher K. Understanding doctoral supervision in nursing: 'It's a complex fusion of skills'. *Nurse Education Today*, 2021. Vol. 99, article ID 104810. DOI:10.1016/j.nedt.2021.104810
 15. Jahreie J. Early childhood education and care teachers' perceptions of school readiness: A research review. *Teaching and Teacher Education*, 2023. Vol. 135, article ID 104353. 17 p. DOI:10.1016/j.tate.2023.104353
 16. Johnston O., Wildy H., Shand J. 'That teacher really likes me' — Student-teacher interactions that initiate teacher expectation effects by developing caring relationships. *Learning and Instruction*, 2022. Vol. 80, article ID 101580. 9 p. DOI:10.1016/j.learninstruc.2022.101580
 17. Kupila P., Fonsén E., Liinamaa T. Expectations of leadership in the changing context of Finnish early childhood education. *Teaching and Teacher Education*, 2023. Vol. 133, article ID 104277. 10 p. DOI:10.1016/j.tate.2023.104277
 18. Neuenschwander M.P., Mayland C., Niederbacher E., Garrote A. Modifying biased teacher expectations in mathematics and German: A teacher intervention study. *Learning and Individual Differences*, 2021. Vol. 87, article ID 101995. 9 p. DOI:10.1016/j.lindif.2021.101995
 19. Novita S., Schönmoser C., Lipowska M. Parent and teacher judgments about children's mathematics and reading competencies in primary school: Do parent judgments associate with children's educational outcomes? *Learning and Individual Differences*, 2023. Vol. 105, article ID 102302. DOI:10.1016/j.lindif.2023.102302
 20. Ogg J., Anthony Ch.J., Wendel M. Student-teacher conflict or student-school conflict? Exploring bidirectional relationships between externalizing behavior and teacher conflict. *Early Childhood Research Quarterly*, 2024. Vol. 67, pp. 44—54. DOI:10.1016/j.ecresq.2023.11.002
 21. Rajuan M., Beijaard D., Verloop N. The match and mismatch between expectations of student teachers and cooperating teachers: exploring different opportunities for learning to teach in the mentor relationship. *Research Papers in Education*, 2010. Vol. 25, no. 2. pp. 201—223. DOI:10.1080/02671520802578402
 22. Rosenthal R. Interpersonal expectancy Effects: A 30-year perspective. *Current Directions in Psychological Science*, 1994. Vol. 3, no. 6, pp. 176—179. DOI:10.1111/1467-8721.ep10770698
 23. Rosenthal R., Jacobson L. Pygmalion in the classroom: teacher expectation and pupils' intellectual development. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1968. 240 p.

24. Soto-Ardila L.M., Caballero-Carrasco A., Casas-Garca L.M. Teacher expectations and students' achievement in solving elementary arithmetic problems. *Heliyon*, 2022. Vol. 8, no. 5, article ID e09447. 8 p. DOI:10.1016/j.heliyon.2022.e09447
25. Rudasill K.M., Snyder K.E., Levinson H., Adelson J.L. Systems view of school climate: A theoretical framework for research. *Educational Psychology Review*, 2018. Vol. 30, no. 1, pp. 35—60. DOI:10.1007/s10648-017-9401-y
26. Siems-Muntoni F., Dunekacke S., Heinze A., Retelsdorf J. Teacher expectation effects on the development of elementary school students' mathematics-related competence beliefs and intrinsic task values. *Contemporary Educational Psychology*, 2024. Vol. 76, article ID 102255. 11 p. DOI:10.1016/j.cedpsych.2023.102255
27. Olczyk M., Gentrup S., Schneider T., Volodina A., Casoni V.P., Washbrook E., Kwon S.J., Waldfogel J. Teacher judgements and gender achievement gaps in primary education in England, Germany, and the US. *Social Science Research*, 2023. Vol. 116, article ID 102938. 17 p. DOI:10.1016/j.ssresearch.2023.102938
28. Yoong S.Q., Wang W., Wei Seah A.Ch., Zhang H. The quality of verbal feedback given by nursing near-peer tutors: A qualitative study. *Nurse Education Today*, 2023. Vol. 130, article ID 105944. DOI:10.1016/j.nedt.2023.105944
29. Timmermans A.C., Rubie-Davies C.M. Gender and minority background as moderators of teacher expectation effects on self-concept, subjective task values, and academic performance. *European Journal of Psychology of Education*, 2022. Vol. 38, pp. 1677—1705. DOI:10.1007/s10212-022-00650-9
30. Timmermans A.C., Rubie-Davies Ch.M., Wang Sh. Adjusting expectations or maintaining first impressions? The stability of teachers' expectations of students' mathematics achievement. *Learning and Instruction*, 2021. Vol. 75, article ID 101483. 13 p. DOI:10.1016/j.learninstruc.2021.101483
31. Timmermans A.C., van der Werf M.P.G., Rubie-Davies C.M. The interpersonal character of teacher expectations: The perceived teacher-student relationship as an antecedent of teachers' track recommendations. *Journal of School Psychology*, 2019. Vol. 73, pp. 114—130. DOI:10.1016/j.jsp.2019.02.004
32. Van den Broeck L., Demanet J., Van Houtte M. The forgotten role of teachers in students' educational aspirations. School composition effects and the buffering capacity of teachers' expectations culture. *Teaching and Teacher Education*, 2020. Vol. 90, article ID 103015. 11 p. DOI:10.1016/j.tate.2020.103015
33. Walker-Dalhouse D., Dalhouse A.D. When two elephants fight the grass suffers: Parents and teachers working together to support the literacy development of Sudanese youth. *Teaching and Teacher Education*, 2009. Vol. 25, no. 2, pp. 328—335. DOI:10.1016/j.tate.2008.07.014

Информация об авторах

Орлов Владимир Алексеевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4708-4312>, e-mail: vladimirorlov@bk.ru

Крушельницкая Ольга Борисовна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>, e-mail: social2003@mail.ru

Терехова Елена Сергеевна, аспирант кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0272-3386>, e-mail: esterekhova@ya.ru

Information about the authors

Vladimir A. Orlov, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4708-4312>, e-mail: vladimirorlov@bk.ru

Olga B. Krushelnitskaya, PhD in Psychology, Head of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>, e-mail: social2003@mail.ru

Elena S. Terekhova, PhD Student of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0272-3386>, e-mail: esterekhova@ya.ru

Получена 04.07.2024

Received 04.07.2024

Принята в печать 28.08.2024

Accepted 28.08.2024

МЕДИЦИНСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ MEDICAL PSYCHOLOGY

Методы психологической помощи пациентам с повреждением лицевого нерва

Рахманина А.А.

*Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского Департамента здравоохранения города Москвы (ГБУЗ «НИИ СП им. Н.В. Склифосовского ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7870-402X>, e-mail: rakhmanina.a@mail.ru*

В статье представлен анализ современных исследований оценки эффективности различных методов, направленных на психологическую помощь пациентам с поражением лицевого нерва. Несмотря на то, что нарушение подвижности лица является серьезным испытанием для человека, доступность психологической помощи пациентам весьма ограничена. Около 70% пациентов имеют симптомы эмоциональной дезадаптации, которые чаще встречаются у женщин и в большей степени зависят от субъективной оценки своего состояния. Анализ исследований показал важную роль психологического просвещения населения о проблемах данной клинической группы в снижении стигматизации и социальных страхов у пациентов. Помимо этого, были обнаружены результаты, свидетельствующие об эффективности методов самопомощи, способных заменить разовую консультацию специалиста и обеспечить доступность психологической помощи. Исследования психотерапевтического вмешательства в основном базируются на методах когнитивно-поведенческого подхода, однако проведены на небольших выборках, которые включают и другие нозологии, связанные с поражением лица. Единичные работы, посвященные групповой терапии, дали противоречивые результаты. С одной стороны, разработанные тренинги не дали улучшений в отдаленной перспективе, с другой стороны, групповая организация лечебных мероприятия может положительно сказываться на эмоциональном состоянии пациентов. Полученные результаты свидетельствуют о важности разработки протоколов и рекомендаций по оказанию психологической помощи пациентам с поражением лицевого нерва, а также указывают на необходимость развития доказательного подхода к предоставляемой помощи.

Ключевые слова: повреждение лицевого нерва, паралич Белла, видимые повреждения лица, тревога по поводу внешности, доказательный подход, распознавание эмоций.

Для цитаты: Рахманина А.А. Методы психологической помощи пациентам с повреждением лицевого нерва [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 102—112. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130310>

Methods of Psychological Assistance in Patients with Facial Nerve Damage

Anastasiya A. Rakhmanina

*N.V. Sklifosovsky Research Institute for Emergency Medicine, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7870-402X>, e-mail: rakhmanina.a@mail.ru*

The article presents an analysis of modern studies assessing the effectiveness of various methods aimed at psychological assistance to patients with facial nerve damage. Despite the fact that impaired facial mobility is a serious challenge for a person, the availability of psychological help for patients is very limited. About 70% of patients have symptoms of emotional maladaptation, which are more common in women and are more dependent on the subjective assessment of their condition. Analysis of studies has shown the important role of psychological education of the population about the problems of this clinical group in reducing stigmatization and social fears of patients. In addition, results were found indicating the effectiveness of self-help methods that can replace a one-time consultation with a specialist and ensure the availability of psychological help. Studies of psychotherapeutic intervention are mainly based on methods of the cognitive-behavioral approach, however, they were conducted on small samples that include other nosologies associated with facial lesions. A few studies on group therapy have yielded conflicting results. On the one hand, the developed trainings did not provide improvements in the long term; on the other hand,

the group organization of therapeutic activities can have a positive effect on the emotional state of patients. The results obtained indicate the importance of developing protocols and recommendations for providing psychological assistance to patients with damage to the facial nerve, and also indicate the need to develop an evidence-based approach to the care provided.

Keywords: facial nerve disorders, Bell's palsy, facial disfigurement, appearance anxiety, evidence-based approach, emotional recognition.

For citation: Rakhmanina A.A. Methods of Psychological Assistance in Patients with Facial Nerve Damage [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2024. Vol. 13, no. 3, pp. 102—112. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130310> (In Russ.).

Введение

Повреждение лицевого нерва может стать для человека настоящим испытанием из-за возникающего физического и психологического дискомфорта. Согласно статистике, поражения лицевого нерва встречаются примерно в 20—30 случаях на 100 тысяч [1; 6]. При этом паралич Белла занимает второе место среди всех заболеваний периферической нервной системы [1]. Имеются многочисленные данные о том, что пациенты с заболеваниями лица неврологической природы испытывают различные эмоциональные проблемы, такие как беспокойство, социальная тревога, депрессия [16; 19; 39]. По разным оценкам, около 30—40% пациентов имеют клинически значимые показатели тревоги, до 70% отмечают выраженные показатели по шкалам депрессии. Наиболее значимыми факторами выраженности симптомов эмоциональной дезадаптации являются женский пол и субъективное отношение к болезни как к длительной и не имеющей успешного исхода, а также ведущей к неблагоприятным социальным последствиям [25; 32].

Повреждение лицевого нерва является комплексной проблемой, требующей участия многопрофильной команды. Одним из членов такой команды является специалист в области ментального здоровья (медицинский психолог/психотерапевт/психиатр), который помогает пациенту пережить случившееся и адаптироваться к изменениям, возникшим не только во внешности, но и в жизни в целом. Многочисленные данные указывают на то, что пациенты с повреждением лицевого нерва имеют эмоциональные проблемы, связанные с переживанием самого заболевания, изменением качества жизни, а также изменением во внешности [12; 17; 24; 38; 39]. Помимо этого, имеются данные о том, что у пациентов с двигательными нарушениями в области лица могут возникать трудности в распознавании и выражении эмоций [26; 33]. Интервьюирование пациентов с нейропатией лицевого нерва позволило выделить следующие важные для них темы: неприятие новой идентичности, психосоциальные последствия заболевания, социальная изоляция, жизнь в ожидании выздоровления и недостаток стратегий совладания со случившимся [42].

Не было получено доказательств в пользу влияния объективной тяжести поражения по клиническим шкалам на степень эмоционального неблагополучия, что может свидетельствовать о важности работы с установками пациента относительно его заболевания и формирования адекватной картины болезни и здоровья. При этом обращение за медицинской помощью может быть продолжительным, не иметь ожидаемого эффекта и вызывать фрустрацию, так как процесс лечения и реабилитации требует участия разных специалистов [32]. До 80% пациентов отмечают, что они не могут получить централизованную помощь, тратят много времени на поиск врача, в некоторых случаях самостоятельно экспериментируют с лечением и активно нуждаются в психологической поддержке [23; 42].

В российской практике пациентов с данной категорией заболеваний редко направляют на консультацию к психологу, что отчасти обусловлено отсутствием данного пункта в стандартах оказания медицинской помощи [2; 3; 4; 5]. За рубежом ситуация обстоит несколько иначе. С одной стороны, имеются данные о том, что пациенты не получают достаточной психологической помощи [20]. С другой стороны, в зарубежной литературе встречаются полноценные руководства по психологической реабилитации пациентов с повреждением лицевого нерва и связанными с ним заболеваниями [18]. Однако эти рекомендации строятся по принципу поиска методов психокоррекции с доказанной эффективностью, направленных на конкретные мишени работы, такие как тревога, депрессия, неудовлетворенность внешностью, и не учитывают специфики конкретной клинической группы. Анализ имеющейся литературы указывает на то, что пациенты с поражением лицевого нерва имеют повышенные показатели эмоциональной дезадаптации, остро нуждаются в психологической помощи, но из-за отсутствия официальных протоколов и клинических рекомендаций редко ее получают. Целью данного обзора является анализ и отбор наиболее эффективных методов психологической помощи, направленных на повышение эмоционального благополучия пациентов с повреждением лицевого нерва, которые могут способствовать росту доступности и качества психологической помощи для данной клинической группы.

Психологическое просвещение населения как способ снижения стигматизации пациентов с повреждением лицевого нерва

По мнению К. Богарт, пациенты с поражением лица являются одной из самых дискриминируемых и игнорируемых групп. Автор считает, что ухудшение качества жизни людей с лицевым повреждением во многом связано с общественными установками, которые требуют изменений в социуме посредством повышения осведомленности о заболеваниях и причинах травматических изменений во внешности, а также повышения представленности данной группы пациентов в реальной жизни и социальных сетях [36]. Исследования показали, что некоторые люди с поражением лицевого нерва могут быть не уверены в том, следует ли им раскрывать информацию о своем заболевании и когда это необходимо делать [42].

Ввиду того, что общество мало осведомлено об особенностях неврологических заболеваний лица, пациенты с поражением лицевого нерва могут сталкиваться со стигматизацией со стороны других людей, в том числе и медицинского персонала, а также стигматизировать себя самостоятельно [36; 40]. В связи с тем, что за рубежом ранние психологические вмешательства могут выполнять медицинские сестры, предполагается, что именно они должны его обеспечить и способствовать повышению самоэффективности пациентов на первых этапах лечения [19]. Основной функцией психообразования в данном случае может являться нормализация изменений, появившихся в лице, объяснение роли мимики в выражении эмоций и обучение альтернативным навыкам самовыражения [14; 30]. Также важно объяснять реакции других людей на изменения и предлагать стратегии преодоления трудностей, такие как объяснение, успокоение или отвлечение с помощью позитивного внутреннего разговора.

Из-за ограничений в подвижности лица окружающие могут плохо понимать эмоции пациентов, считать их неэмоциональными и отстраненными. Полезно обучать альтернативным способам выражения эмоций самих пациентов, а также повышать компетенции по распознаванию эмоций у их окружения [30]. Проведение тренинга, целью которого было обучение близких пациента распознаванию эмоций, выражаемых альтернативными способами, дало следующие результаты. В первом эксперименте одну группу здоровых респондентов просвещали на тему симптомов и проявлений заболевания, а также предлагали оценить эмоции пациентов на видео, не обращая внимания на лицо. Вторая группа делала то же самое, но получала обратную связь о своих успехах от специально обученного тренера. По результатам, обе группы не отличались от контрольной, которая оценивала видео без каких-либо образовательных интервенций, по точности распознавания эмоций, однако были менее предвзяты к пациентам [15]. Во втором эксперименте с обеими группами провели образовательную беседу о параличе лицевого нерва и, в частности, син-

дроме Мебиуса — врожденном заболевании, при котором мимика лица остается неподвижной. Экспериментальную группу научили распознавать эмоции пациентов с помощью жестов, позы и интонации. Результаты показали, что не было значимых различий точности распознавания эмоций по сравнению с контрольной группой, однако были различия в определении интенсивности эмоций. Также авторы отметили, что обученные респонденты реже оценивали пациентов с двигательным нарушением в области лица как неэмоциональных и отстраненных [41]. Эти данные указывают на то, что осведомленность общества о трудностях людей с поражением лицевого нерва является важным фактором в повышении качества их жизни и снижении психосоциальных проблем, с которыми они сталкиваются. Помимо этого, образование родственников и друзей пациентов на тему взаимодействия с пациентом, испытывающим стресс из-за своего лица, может быть полезным для обоих участников коммуникации, так как здоровые респонденты могут испытывать неловкость ввиду своей некомпетентности [15].

Одной из стратегий, направленных на снижение предубеждений относительно пациентов с видимыми повреждениями внешности, может быть кратковременная интервенция, состоящая из рассказа человека с данной проблемой о себе. В исследовании А. Стоун и В. Фишер [35] одна группа респондентов получала фотографии людей с видимыми повреждениями лица, а вторая группа получала фото, сопровождаемое аудио или видео, в котором человек, изображенный на фото, рассказывал о своей жизни и трудностях, связанных с заболеванием. Результаты показали, что респонденты, получившие фото пациентов с рассказом о себе, оценивали их как более коммуникабельных, эмоционально стабильных и успешных в установлении контакта, а также имели более благоприятные ожидания от их потенциального взаимодействия. В связи с этим использование аудио и видео материалов перед знакомством с потенциальными партнерами или работодателями может быть использовано в качестве тренировки по преодолению тревоги и избегания реальных контактов. Авторы также делают вывод о том, что повышение представленности людей с повреждением лица в медийном пространстве может способствовать снижению стигматизации данной группы.

Немаловажную роль в повышении интеграции пациентов с поражением лица в общество играет и формирование соответствующих ассоциаций, школ и сообществ пациентов. Участие в конференции, посвященной проблемам пациентов с синдромом Мебиуса, и возможность пообщаться с участниками, имеющими сходные проблемы, позволяет повысить самоэффективность у пациентов и родителей пациентов, а также снизить воспринимаемую стигматизацию (субъективное чувство осуждения и дискриминации от других людей). Однако значимых различий в уровне тревоги, депрессии и качества жизни обнаружено не было [13].

По данным опроса «Facial Palsy UK», проведенного в 2019 г. среди 421 взрослого человека с параличом лицевого нерва в Великобритании, только 162 человека посещали группу поддержки лицевого паралича в Великобритании. По сравнению с рядом психотерапевтических методов и вариантов поддержки со стороны коллег, группы поддержки лицевого паралича в Великобритании получили наиболее положительные отзывы (в целом 91%). При последующем опросе 117 взрослых с параличом лицевого нерва, проведенном в июне 2020 г., было изучено мнение о дополнительных вариантах поддержки со стороны сверстников и показано, что очная поддержка (62,4%) и группы в социальных сетях (59%) являются наиболее популярными. Онлайн-поддержка может стать затруднительной для пациентов, которые не демонстрируют себя по видео, но 42,7% заявили, что они хотели бы получить доступ к онлайн-группам поддержки с помощью видеоконференций. Опрос 72 пациентов, посещавших группы поддержки лицевого паралича в Великобритании через Zoom в ноябре и декабре 2020 года, показал, что 98,6% порекомендовали эту поддержку другим. Пациенты отметили уменьшение чувства изоляции, большее принятие своей ситуации, повышенную мотивацию продолжать упражнения по терапии лица, преимущества обмена информацией и увеличение ощущения контроля над процессом своего выздоровления.

Исходя из результатов анализа вышеописанных исследований, можно сделать вывод о том, что психологическое просвещение населения является значимой стратегией в улучшении качества жизни, снижения социальной изоляции и тревоги у этой клинической группы.

Эффективность психологической самопомощи для пациентов с повреждением лицевого нерва

В связи с тем, что получение психологической помощи может быть затруднено по ряду причин, использование инструкций по самопомощи для пациентов с поражением лицевого нерва, основанных на техниках когнитивно-поведенческой терапии (КПТ), может быть полезно. По данным исследований, использование инструкций для самопомощи является эффективным и значительно улучшает эмоциональное состояние, взаимодействие с другими и снижает уровень тревоги, связанной с самооценкой внешности [20]. Имеются противоречивые данные относительно пациентов, имеющих онкологические заболевания лица и использующих психообразовательную литературу. В одном из исследований не было получено статистически значимых различий в эмоциональном состоянии пациентов, посетивших 4 консультации психолога по сравнению с группой пациентов, изучавших психообразовательные материалы [8]. В другом исследовании были получены данные, свидетельствующие о статистически значимом

снижении тревоги по поводу внешности у пациентов с онкологическим заболеванием лица и шеи, посетивших 5 КПТ-сессий онлайн, по сравнению с пациентами, получившими просветительские материалы о заболевании [29]. Возможно, такое различие обусловлено тем, что в первом исследовании пациенты получали психообразовательные материалы, а во втором исследовании материалы были посвящены не ментальному здоровью, а только медицинским особенностям заболевания.

Действующая в Великобритании программа «Face IT», в рамках которой предлагается психологическая помощь людям с видимыми повреждениями лица, показала эффективность 8-недельного тренинга, основанного на модели КПТ и тренинге социальных навыков (SIST), такая помощь не отличалась по эффективности от стандартизированной психологической помощи [22]. Авторы отмечают, что фокус внимания на преодолении стресса, связанного с внешностью, для пациентов важнее, чем работа с общим эмоциональным состоянием, и позволяет им дольше и продуктивнее находиться в процессе терапии. На основе данного тренинга была создана программа самопомощи пациентам, не желающим обращаться к специалисту, но испытывающими дистресс из-за внешности, под названием «Face IT @home», пользу которой оценили респонденты с видимыми повреждениями лица [22].

Психотерапевтические интервенции в сопровождении пациентов, испытывающих дистресс из-за повреждения лица

В зарубежной литературе большое внимание уделено КПТ при изменении установок и поведения людей с повреждением лица, так как данный метод имеет наибольшую доказательную базу. Исследования показывают, что негативные убеждения о своем состоянии и отношении других людей в большей степени связаны не с тяжестью поражения, а являются личностным реагированием на заболевание и изначальными установками о значимой роли внешности [12]. С другой стороны, пациенты с видимыми повреждениями лица чаще сталкиваются с объективными проблемами, обусловленными стигматизацией со стороны общества, такими как потеря или поиск новой работы, поиск партнера, в связи с чем требуются специфические методы работы с данной группой пациентов [21; 36].

КПТ широко используется с людьми, испытывающими стресс из-за видимых поражений внешности [18]. При эмоциональной дезадаптации, обусловленной изменением внешнего вида вследствие заболевания, основной мишенью терапевтической работы обычно является преодоление поведенческого избегания, например избегания социальных ситуаций, а также обучение методам управления тревогой. Помимо этого, КПТ фокусируется на убеждениях по поводу своего заболевания, важности внешности и других мыслях, связанных с имеющимися поражениями [18].

Одним из методов повышения низкой самооценки, который связан с поведением, является тренинг по формированию антагонистических реакций на стимулы, вызывающие негативные мысли и образы о себе (СОМЕТ — competitive memory training). Несмотря на то, что на данный момент не проводилось исследований применения этого метода на пациентах с поражениями лица, он показал положительные результаты в исследованиях пациентов с депрессивным расстройством [28] и был рекомендован для использования в группах пациентов с видимыми изменениями во внешности [9]. Проведенные исследования выявили, что пациенты, прошедшие данный тренинг в дополнение к стандартному протоколу оказания помощи пациентам с депрессией (включающему КПТ, интерперсональную терапию и психофармакотерапию), показали статистически значимое повышение самооценки по сравнению с контрольной группой.

Особенность данного метода заключается в выявлении негативных убеждений о себе и стимулах, их вызывающих. После этого участникам предлагается выстроить и визуализировать образ позитивной самооценки, основанной на реальных качествах и достижениях. В процессе тренинга визуализация данного образа подкрепляется позитивной вербальной самостимуляцией, расслабленной позой и приятной музыкой. Задачей тренинга является обучение участников использованию данных стимулов в ответ на появляющиеся негативные стимулы [28].

Нельзя не отметить и использование методов КПТ «третьей волны». Терапия принятия и ответственности (АСТ — Acceptance and Commitment Therapy) — это терапевтический подход, который включает в себя принципы осознанности и все чаще описывается в источниках, посвященных коррекции дистресса, социальной тревоги и неудовлетворенности образом тела, связанной с изменением во внешности [11]. Кроме того, АСТ имеет доказательную базу в лечении боли [18], и вполне возможно, что этот подход также может быть полезен при управлении физическими ощущениями, связанными с заболеванием периферической нервной системы лица, такими как боль, онемение и покалывание. Описание отдельных случаев пациентов с поражением лица демонстрирует позитивные результаты использования АСТ в отдельных случаях. В отличие от стандартной КПТ, данный подход основывается на том, что важным фактором лечения является принятие своего заболевания и реально существующих трудностей у пациентов с видимыми изменениями лица, что помогает им повысить качество жизни [10].

При этом тренировка осознанности, которая заключается в отслеживании своих эмоциональных и физических реакций на стресс, имеет противоречивые показания. С одной стороны, она успешно применяется для улучшения эмоционального состояния при некоторых ментальных и физических нарушениях [34; 37]. С другой стороны, повышенное внимание к сигналам своего тела, особенно к своему лицу может вызвать

повышенную фиксацию на зоне, вызывающей дискомфорт, что может только навредить пациенту [18].

Аналогичная ситуация наблюдается при использовании техник диалектико-поведенческой терапии (ДПТ). Хотя данных использования методов ДПТ у пациентов с повреждением лицевого нерва не обнаружено, рекомендации по использованию данного подхода у пациентов с нарушением эмоциональной регуляции и трудностями принятия диагноза имеются в руководстве по поддержке эмоционального благополучия пациентов с параличом лицевого нерва, разработанном международной группой исследователей и практиков [18].

Существуют данные о том, что кратковременные упражнения на самосострадание могут привести к улучшению эмоциональной регуляции и активации парасимпатической реакции [18], что может оказать важное положительное влияние на снижение базального тонуса мышц лица и шеи. Такое влияние может быть полезно для подготовки к ежедневному массажу и упражнениям на растяжку, чтобы они были более эффективными. Действительно, Робинсон и Баунго в исследовании 2018 года рекомендовали использовать осознанность для снятия напряжения на лице в рамках программы нервно-мышечной переподготовки [31].

Системные семейные подходы описывают влияние заболевания на самого пациента и его близких. Изменение семейных ролей, в том числе повышение уровня заботы и контроля по отношению к пациенту, может оказывать влияние на всех членов семьи. Отсутствие семейной поддержки является одним из важных факторов развития дистресса у пациентов с повреждением лица различного происхождения [18]. Поэтому работа со всей семьей также необходима для формирования адаптивного взгляда на ситуацию и использования поддержки близких в качестве важного ресурса для преодоления возникающих трудностей.

Особенно это важно для родителей детей, имеющих повреждения лица. Наряду с тревогой по поводу лечения и финансовых вопросов, родители переживают из-за возникающей стигматизации в адрес их ребенка, что может приводить к таким дезадаптивным стратегиям, как ограничение в контактах с другими детьми, повышенное внимание к нему по сравнению с другими и гиперопека [27]. Не менее важна и работа с романтическими партнерами пациентов ввиду физического дискомфорта, возникающего при поцелуях, улыбке, а также из-за тревоги по поводу собственной непривлекательности.

Групповая реабилитация как метод снижения социальной тревоги у пациентов с повреждением лицевого нерва

Исследование группового тренинга, включающего в себя стандартные техники КПТ, протокола СОМЕТ и АСТ, не продемонстрировало улучшения эмоцио-

нального состояния пациенток с видимыми повреждениями лица, 75% из них имели поражение лицевого нерва. Несмотря на то, что уровень самооценки и удовлетворенности жизнью вырос в течение тренинга, катамнестические данные (через 3 месяца после окончания тренинга) свидетельствовали о возвращении к показателям, полученным до тренинга. Важно отметить, что данное исследование включало в себя небольшое количество респондентов и было направлено на описание случаев групповой терапии, а также процесса проводившихся занятий [9].

При этом отечественное исследование групповых занятий лечебной гимнастикой показало, что такой подход имеет большие преимущества перед индивидуальными встречами [7]. Несмотря на то, что динамика физического восстановления была положительной в обеих группах и закономерно не различалась, показатели качества жизни в социальной сфере значимо выросли в группе, посещавшей занятия, совместные с другими людьми. Важно отметить, что изначально в обеих группах пациенты чаще высказывали жалобы именно на социальные трудности, что делает данный формат работы более эффективным в реабилитации пациентов с повреждением лицевого нерва.

Заключение

Повреждение лицевого нерва является не только медицинской, но и психосоциальной проблемой. До 70% пациентов отмечают различные симптомы социальной дезадаптации, высказывают жалобы на неприятие собственной внешности и испытывают тревогу в социальных взаимодействиях. Помимо этого, большой процент пациентов сталкивается со стигматизацией, ухудшением качества жизни ввиду заболевания и нуждается в психологическом сопровождении. 80% пациентов отметили, что имеют трудности с доступом к качественной медицинской и психологической помощи, могут самостоятельно экспериментировать с лечением и испытывают фрустрацию по поводу исхода своего заболевания. При том что важность психологической поддержки является очевидной, в стандартах оказания помощи пациентам с повреждением лицевого нерва она отсутствует. Результаты данного обзора, целью которого было исследование методов психологической помощи пациентам с повреждением лицевого нерва с доказанной эффективностью, можно заключить в следующие тезисы.

Поиск психологических исследований, направленных на специфические проблемы описанной клинической группы, указал на острый дефицит отечественных

работ, посвященных данной тематике. Зарубежные исследования, в свою очередь, носят однообразный характер, в основном затрагивают уровень выраженности симптомов тревоги, депрессии и качества жизни у пациентов с параличом лица, при этом не касаясь личностных особенностей пациентов, используемых ими копинг-стратегий и особенностей реакции на болезнь (кроме социального избегания, которое включается в исследования качества жизни).

Исследованные методы психологической помощи в зарубежной литературе в большинстве своем ориентированы на конкретные мишени, такие как улучшение эмоционального состояния, качества жизни, социального функционирования, однако не всегда адаптированы для конкретной группы пациентов.

Психологическое просвещение населения о проблемах пациентов с двигательными нарушениями в области лица способствует снижению их стигматизации и оказывает позитивный эффект на всех участников взаимодействия. Создание школ и сообществ пациентов также играет немаловажную роль в укреплении их самооценки и снижении социальной изоляции.

Разработка методов самопомощи является не менее эффективным методом психологического вмешательства, чем индивидуальная консультация со специалистом, при том, что данный способ требует меньших финансовых и человеческих ресурсов и повышает доступность качественной помощи.

Методы КПТ и ее направлений также показали свою эффективность в работе социальными страхами пациентов и негативными установками о себе, в принятии ими своего диагноза, изменений во внешнем виде. Нельзя утверждать, что этот метод является более эффективным, чем другие направления психотерапии, но он имеет наибольшую доказательную базу.

Работа с семейной системой и партнерами может способствовать адаптации пациента и его близких к изменениям. При этом групповой формат работы может улучшать социальное функционирование пациента и использоваться при их медицинской реабилитации.

Таким образом, мониторинг последних исследований состояния пациентов с повреждением лицевого нерва может способствовать разработке наиболее эффективного протокола оказания психологической помощи и повышению ее доступности. Наряду с расширением арсенала терапевтических вмешательств, необходимо также изучение трудностей, специфичных для конкретной клинической группы, так как результаты внедрения некоторых описанных методов носят противоречивый характер.

Литература

1. Алексеевич Г.В., Алексеевич Г.Ю., Исаева Н.В. Особенности терапии нейропатии лицевого нерва (паралич Белла) при коморбидных состояниях [Электронный ресурс] // Российский медицинский журнал. Неврология. 2022. № 4. С. 38—43. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49347350> (дата обращения: 04.09.2024).

2. Диагностика невропатии лицевого нерва в клинической практике: результаты опроса российских неврологов / Л.Б. Завалий, Г.Р. Рамазанов, М.В. Калантарова, А.А. Рахманина, М.В. Синкин, Н.А. Шамалов, С.С. Петриков // Российский неврологический журнал. 2023. Том 28. № 2. С. 15—24. DOI:10.30629/2658-7947-2023-28-2-15-24
3. Клинический протокол медицинской помощи пациентам с нейропатией лицевого нерва [Электронный ресурс] / Ассоциация челюстно-лицевых хирургов и хирургов-стоматологов. Москва, 2014. 39 с. URL: https://chlgvv.ru/media/media/documents/2018/10/12/kl_prot_neir_lic_nerva.pdf (дата обращения: 05.09.2024).
4. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 07.11.2012 N 616н «Об утверждении стандарта специализированной медицинской помощи при поражениях отдельных нервов, нервных корешков и сплетений» [Электронный ресурс] / Министерство здравоохранения Российской Федерации. 2012. 14 с. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/8840-prikaz-ministerstva-zdravoohraneniya-rossiyskoy-federatsii-ot-7-noyabrya-2012-g-616n-ob-utverzhenii-standarta-spetsializirovannoy-meditsinskoj-pomoschi-pri-porazheniyah-otdelnyh-nervov-nervnyh-koreshkov-i-spleteniy> (дата обращения: 05.09.2024).
5. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 1497н «Об утверждении стандарта специализированной медицинской помощи при поражениях лицевого нерва» [Электронный ресурс] / Министерство здравоохранения Российской Федерации. 2012. 10 с. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/8936-prikaz-ministerstva-zdravoohraneniya-rossiyskoy-federatsii-ot-24-dekabrya-2012-g-1497n-ob-utverzhenii-standarta-spetsializirovannoy-meditsinskoj-pomoschi-pri-porazheniyah-litsevogo-nerva> (дата обращения: 05.09.2024).
6. Свистушкин В.М., Славский А.Н. Невропатия лицевого нерва: современные подходы к диагностике и лечению [Электронный ресурс] // Российский медицинский журнал. Оториноларингология. 2016. Том 24. № 4. С. 280—285. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26153590> (дата обращения: 04.09.2024).
7. Ступницкая М.А., Алексеева С.И. Улучшение качества жизни пациентов с невритом лицевого нерва: групповые занятия vs индивидуальные занятия лечебной гимнастикой [Электронный ресурс] // Вестник МГПУ. Серия: Естественные науки. 2022. № 4(48). С. 88—99. URL: <https://iest-vestnik.mgpu.ru/2023/02/02/uluchshenie-kachestva-zhizni-pacientov-s-nevritom-liczevogo-nerva-grupповые-zanyatiya-vs-individualnye-zanyatiya-lechebnoj-gimnastikoj/> (дата обращения: 05.09.2024).
8. A cognitive behavioral therapy—based intervention to address body image in patients with facial cancers: Results from a randomized controlled trial / D. Chopra, E. Shinn, I. Teo, M.C. Bordes, G.P. Reece, J. Liu, M.K. Markey, R. Weber, M.C. Fingeret // Palliative and Supportive Care. 2023. Vol. 30. P. 1—8. DOI:10.1017/S1478951523000305
9. A Novel Psychological Group Intervention Targeting Appearance-Related Distress Among People With a Visible Disfigurement (Inside Out): A Case Study / I. Siemann, J. Custers, S. Heuvel-Djulic, S. Pouwels, L. Kwakkenbos, S. Koullil // Cognitive and Behavioral Practice. 2022. Vol. 30. № 4. P. 657—668. DOI:10.1016/j.cbpra.2022.03.005
10. Acceptance and commitment therapy for appearance anxiety: three case studies / L. Shepherd, A. Turner, D.P. Reynolds, A.R. Thompson // Scars, Burns & Healing. 2020. Vol. 6. Preprint. DOI:10.1177/2059513120967584
11. Acceptance and Commitment Therapy for People Experiencing Appearance-Related Distress Associated With a Visible Difference: A Rationale and Review of Relevant Research / F. Zucchelli, O. Donnelly, H. Williamson, N. Hooper // Journal of Cognitive Psychotherapy. 2018. Vol. 32. № 3. P. 171—183. DOI:10.1891/0889-8391.32.3.171
12. Association between duration of peripheral facial palsy, severity, and age of the patient, and psychological distress / S. Powels, E.E. Sanches, S.R. Chaiet [et al.] // Journal of Plastic, Reconstructive & Aesthetic Surgery. 2021. Vol. 74. № 11. P. 3048—3054. DOI:10.1016/j.bjps.2021.03.092
13. Bogart K.R., Hemmesch A. Benefits of Support Conferences for Parents of and People With Moebius Syndrome // Stigma and Health. 2016. Vol. 1. № 2. P. 109—121. DOI:10.1037/sah0000018
14. Bogart K.R., Tickle-Degnen L., Ambady N. Compensatory expressive behavior for facial paralysis: adaptation to congenital or acquired disability // Rehabilitation Psychology. 2012. Vol. 57. № 1. P. 43—51. DOI:10.1037/a0026904
15. Bogart K.R., Tickle-Degnen L. Looking beyond the face: A training to improve perceivers' impressions of people with facial paralysis // Patient Education and Counseling. 2015. Vol. 98. № 2. P. 251—256. DOI:10.1016/j.pec.2014.09.010
16. Bradbury E. Meeting the psychological needs of patients with facial disfigurement // British Journal of Oral Maxillofacial Surgery. 2012. Vol. 50. № 3. P. 193—196. DOI:10.1016/j.bjoms.2010.11.022
17. Bradbury E.T., Simons W., Sanders R. Psychological and social factors in reconstructive surgery for hemifacial palsy // Journal of Plastic, Reconstructive & Aesthetic Surgery. 2006. Vol. 59. № 3. P. 272—278. DOI:10.1016/j.bjps.2005.09.003
18. Consensus Document Recommendations for Supporting the Psychological Well-being of Children and Adults with Facial Palsy Background to Consensus Document [Электронный ресурс] / M. Hotton, K. Bogart, W. Briegel [et al.]. Wales: Facial Palsy UK, 2021. 39 p. URL: https://www.facialpalsy.org.uk/wp-content/uploads/2021/02/recommendations_for_supporting_the_psychological_wellbeing_of_children_and_adults_with_facial_palsy.pdf (дата обращения: 20.03.2024).
19. Das S., Panda S., Swain S. Facial Nerve Paralysis and its Social and Psychological Impact — A Review // International Journal of Current Research and Review. 2021. Vol. 13. № 10. P. 36—41. DOI:10.31782/IJCRR.2021.SP238

20. Evaluating the effectiveness and acceptability of information and therapy guides for improving the psychosocial wellbeing of people with facial palsy / M. Hotton, D. Johnson, S. Kilcoyne, L. Dalton // *Journal of Plastic, Reconstructive & Aesthetic Surgery*. 2022. Vol. 75. № 9. P. 3356—3364. DOI:10.1016/j.bjps.2022.04.022
21. Evaluation of stigmatization in hemifacial spasm and quality of life before and after botulinum toxin treatment / B. Yuksel, F. Genc, A. Yaman, E.O. Goksu, P.D. Ak, Y.B. Gomceli // *Acta Neurologica Belgica*. 2019. Vol. 119. P. 55—60. DOI:10.1007/s13760-018-1018-5
22. Evaluation of the effectiveness of Face IT, a computer-based psychosocial intervention for disfigurement-related distress / A. Bessell, V. Brough, A. Clarke, D. Harcourt, T. Moss, N. Rumsey // *Psychology, health & medicine*. 2012. Vol. 17. № 5. P. 565—577. DOI:10.1080/13548506.2011.647701
23. Exploring patient values and perceptions with facial nerve palsy to help guide management: An Australian perspective / S. Hasmat, T.H. Low (Hubert), J.R. Dusseldorp, P. Mukherjee, J.R. Clark // *Australasian Journal of Plastic Surgery*. 2023. Vol. 6. № 2. P. 1—8. DOI:10.34239/ajops.74141
24. Expression of Emotion and Quality of Life After Facial Nerve Paralysis / S. Coulson, N. O'Dwyer, R. Adams, G. Croxson // *Otolaryngology & Neurotology*. 2004. Vol. 25. № 6. P. 1014—1019. DOI:10.1097/00129492-200411000-00026
25. Fu L., Bundy C., Sadiq S. Psychological distress in people with disfigurement from facial palsy // *Eye (London, England)*. 2011. Vol. 25. P. 1322—1326. DOI:10.1038/eye.2011.158
26. Inability to move one's face dampens facial expression perception / S. Japee, J. Jordan, J. Licht [et al.] // *Cortex*. 2023. Vol. 169. P. 35—49. DOI:10.1016/j.cortex.2023.08.014
27. Issues and challenges faced by parents having children with facial disfigurement: a qualitative study from Peshawar / S. Arshad, N. Naz, S. Ali [et al.] // *Journal of Population Therapeutics and Clinical Pharmacology*. 2024. Vol. 31. № 2. P. 62—75. DOI:10.53555/jptcp.v31i2.4228
28. Korrelboom K., Maarsingh M., Huijbrechts I. Competitive memory training (COMET) for treating low self-esteem in patients with depressive disorders: A randomized clinical trial // *Depression and anxiety*. 2012. Vol. 29. № 2. P. 102—110. DOI:10.1002/da.20921
29. Mechanism Underlying a Brief Cognitive Behavioral Treatment for Head and Neck Cancer Survivors with Body Image Distress / E. Graboyes, E. Kistner-Griffin, E. Hill [et al.] // *Research square*. 2023. Preprint. DOI:10.21203/rs.3.rs-3303379/v1
30. Psychosocial functioning in patients with altered facial expression: A scoping review in five neurological diseases / N.B. Rasing, W. van de Geest-Buit, O.Y.A. Chan [et al.] // *Disability and Rehabilitation*. 2024. Vol. 46. № 17. P. 3772—3791. DOI:10.1080/09638288.2023.2259310
31. Robinson M.W., Baiungo J. Facial rehabilitation: evaluation and treatment strategies for the patient with facial palsy // *Otolaryngologic Clinics of North America*. 2018. Vol. 51. № 6. P. 1151—1167. DOI:10.1016/j.otc.2018.07.011
32. Sahni V. Psychological Impact of Facial Trauma // *Craniofacial Trauma Reconstruction*. 2018. Vol. 11. № 1. P. 15—20. DOI:10.1055/s-0037-1603464
33. Sensitivity to basic emotional expressions and the emotion perception space in the absence of facial mimicry: The case of individuals with congenital facial palsy / A. Schiano Lomoriello, G. Caperna, A. Carta, E. De Stefani, P.F. Ferrari, P. Sessa // *Emotion*. 2024. Vol. 24. № 3. P. 602—616. DOI:10.1037/emo0001275
34. Soothing your heart and feeling connected: a new experimental paradigm to study the benefits of self-compassion / H. Kirschner, W. Kuyken, K. Wright, H. Roberts, C. Brejcha, A. Karl // *Clinical Psychological Science*. 2019. Vol. 7. № 3. P. 545—565. DOI:10.1177/2167702618812438
35. Stone A., Fisher V. Changing Negative Perceptions of Individuals With Facial Disfigurement: The Effectiveness of a Brief Intervention // *Basic and Applied Social Psychology*. 2020. Vol. 42. № 5. P. 341—353. DOI:10.1080/01973533.2020.1768394
36. Swift P., Bogart K. A hidden community: Facial disfigurement as a globally neglected human rights issue // *Journal of Oral Biology and Craniofacial Research*. 2021. Vol. 11. № 4. P. 652—657. DOI:10.1016/j.jobcr.2021.09.011
37. The effect of mindfulness-based therapy on anxiety and depression: A meta-analytic review / S.G. Hofmann, A.T. Sawyer, A.A. Witt, D. Oh // *Journal of consulting and clinical psychology*. 2010. Vol. 78. № 2. P. 169—183. DOI:10.1037/a0018555
38. The psychological and psychosocial effects of facial paralysis: A review / M. Vargo, P. Ding, M. Sacco, R. Duggal, D.J. Genter, P.J. Ciolek, P.J. Byrne // *Journal of Plastic Reconstructive Aesthetic Surgery*. 2023. Vol. 83. P. 423—430. DOI:10.1016/j.bjps.2023.05.027
39. The psychosocial impact of facial palsy: A systematic review / M. Hotton, E. Huggons, C. Hamlet, D. Shore, D. Johnson, J.H. Norris, S. Kilcoyne, L. Dalton // *British Journal of Health Psychology*. 2020. Vol. 25. № 3. P. 695—727. DOI:10.1111/bjhp.12440
40. Therapists' perceptions and attitudes in facial palsy rehabilitation therapy: A mixed methods study / M.M. van Veen, B.W.T. Ten Hoope, T.E. Bruins, R.E. Stewart, P.M.N. Werker, P.U. Dijkstra // *Physiotherapy Theory and Practice*. 2022. Vol. 38. № 12. P. 2062—2072. DOI:10.1080/09593985.2021.1920074

41. Web-based sensitivity training for interacting with facial paralysis / N. Zhang, K. Bogart, J. Michael, L. McEllin // *PLoS One*. 2022. Vol. 17. № 1. Article ID. e0261157. 14 p. DOI:10.1371/journal.pone.0261157
42. ‘Your face freezes and so does your life’: A qualitative exploration of adults’ psychosocial experiences of living with acquired facial palsy / C. Hamlet, H. Williamson, M. Hotton, N. Rumsey // *British Journal of Health Psychology*. 2021. Vol. 26. № 3. P. 977—994. DOI:10.1111/bjhp.12515

References

1. Alekseyevich G.V., Alekseyevich G.Yu., Isaeva N.V. Osobennosti terapii neiropatii litseвого нерва (paralich Bella) pri komorbidnykh sostoyaniyakh [Characteristics of Facial Neuropathy (Bell’s Palsy) Therapy in Comorbid Conditions] [Electronic resource]. *Rossiiskii meditsinskii zhurnal. Nevrologiya* [Russian medical journal. Neurology], 2022, no. 4, pp. 38—43. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49347350> (Assesed 04.09.2024). (In Russ.).
2. Zavaliy L.B., Ramazanov G.R., Kalantarova M.V., Rakhmanina A.A., Sinkin M.V., Shamalov N.A., Petrikov S.S. Diagnostika nevropatii litseвого нерва v klinicheskoi praktike: rezul’taty oprosa rossiiskikh nevrologov [Diagnosis of patients with facial neuropathy by practicing neurologists: online survey]. *Rossiiskii nevrologicheskii zhurnal = Russian neurological journal*, 2023. Vol. 28, no. 2, pp. 15—24. DOI:10.30629/2658-7947-2023-28-2-15-24 (In Russ.).
3. Assotsiatsiya chelyustno-litsevykh khirurgov i khirurgov-stomatologov. Klinicheskii protokol meditsinskoi pomoshchi patsientam s neiropatiei litseвого нерва [Clinical protocol for medical care for patients with facial nerve neuropathy] [Electronic resource]. Moscow, 2014. 39 p. URL: https://chlgvv.ru/media/media/documents/2018/10/12/kl_prot_neir_lic_nerva.pdf (Assesed 05.09.2024). (In Russ.).
4. Ministerstvo zdravookhraneniya Rossiiskoi Federatsii. Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya Rossiiskoi Federatsii ot 07.11.2012 № 616n «Ob utverzhdenii standarta spetsializirovannoi meditsinskoi pomoshchi pri porazheniyakh ot del’nykh nervov, nervnykh koreshkov i spletenii» [Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated November 7, 2012 no. 616n “On approval of the standard of specialized medical care for lesions of individual nerves, nerve roots and plexuses”] [Electronic resource]. 2012. 14 p. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/8840-prikaz-ministerstva-zdravookhraneniya-rossiyskoy-federatsii-ot-7-noyabrya-2012-g-616n-ob-utverzhdenii-standarta-spetsializirovannoy-meditsinskoy-pomoschi-pri-porazheniyakh-otdelnykh-nervov-nervnykh-koreshkov-i-spleteniy> (Assesed 05.09.2024). (In Russ.). Женя, проверь
5. Ministerstvo zdravookhraneniya Rossiiskoi Federatsii. Prikaz Ministerstva zdravookhraneniya Rossiiskoi Federatsii ot 24 dekabrya 2012 g. № 1497n «Ob utverzhdenii standarta spetsializirovannoi meditsinskoi pomoshchi pri porazheniyakh litseвого нерва» [Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of December 24, 2012 no. 1497n “On approval of the standard of specialized medical care for lesions of the facial nerve”] [Electronic resource]. 2012. 10 p. URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/8936-prikaz-ministerstva-zdravookhraneniya-rossiyskoy-federatsii-ot-24-dekabrya-2012-g-1497n-ob-utverzhdenii-standarta-spetsializirovannoy-meditsinskoy-pomoschi-pri-porazheniyakh-litseвого-nerva> (Assesed 05.09.2024). (In Russ.) Женя, проверь
6. Svistushkin V.M., Slavskiy A.N. Nevropatiya litseвого нерва: sovremennye podkhody k diagnostike i lecheniyu [Facial nerve neuropathy: modern approaches to diagnosis and individual] [Electronic resource]. *Rossiiskii meditsinskii zhurnal. Otorinolaringologiya*. [Russian medical journal. Otorhinolaryngology], 2016. Vol. 24, no. 4, pp. 280—285. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26153590> (Assesed 04.09.2024). (In Russ.).
7. Stupnitskaya M.A., Alekseeva S.I. Uluchshenie kachestva zhizni patsientov s nevitom litseвого нерва: gruppovye zanyatiya vs individual’nye zanyatiya lechebnoi gimnastikoi [Improving the Quality of Life of Patients with Facial Neuritis: Group vs Individual Classes in Therapeutic Gymnastics] [Electronic resource]. *Vestnik MGPU. Seriya: Estestvennyye nauki = Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series: Natural Sciences*, 2022, no. 4(48), pp. 88—99. URL: <https://iestvestnik.mgpu.ru/2023/02/02/uluchshenie-kachestva-zhizni-pacientov-s-nevitom-liczeвого-nerva-gruppovye-zanyatiya-vs-individualnye-zanyatiya-lechebnoj-gimnastikoj/> (Assesed 05.09.2024). (In Russ.).
8. Chopra D., Shinn E., Teo I., Bordes M.C., Reece G.P., Liu J., Markey M.K., Weber R., Fingeret M.C. A cognitive behavioral therapy—based intervention to address body image in patients with facial cancers: Results from a randomized controlled trial. *Palliative and Supportive Care*, 2023. Vol. 30, pp. 1—8. DOI:10.1017/S1478951523000305
9. Siemann I., Custers J., Heuvel-Djelic S., Pouwels S., Kwakkenbos L., Koulil S. A Novel Psychological Group Intervention Targeting Appearance-Related Distress Among People With a Visible Disfigurement (Inside Out): A Case Study. *Cognitive and Behavioral Practice*, 2022. Vol. 30, no. 4, pp. 657—668. DOI:10.1016/j.cbpra.2022.03.005
10. Shepherd L., Turner A., Reynolds D.P., Thompson A.R. Acceptance and commitment therapy for appearance anxiety: three case studies. *Scars, Burns & Healing*, 2020. Vol. 6. Preprint. DOI:10.1177/2059513120967584
11. Zucchelli F., Donnelly O., Williamson H., Hooper N. Acceptance and Commitment Therapy for People Experiencing Appearance-Related Distress Associated With a Visible Difference: A Rationale and Review of Relevant Research. *Journal of Cognitive Psychotherapy*, 2018. Vol. 32, no. 3, pp. 171—183. DOI:10.1891/0889-8391.32.3.171
12. Powels S., Sanches E.E., Chalet S.R. et al. Association between duration of peripheral facial palsy, severity, and age of the patient, and psychological distress. *Journal of Plastic, Reconstructive & Aesthetic Surgery*, 2021. Vol. 74, no. 11, pp. 3048—3054. DOI:10.1016/j.bjps.2021.03.092

13. Bogart K.R., Hemmesch A. Benefits of Support Conferences for Parents of and People With Moebius Syndrome. *Stigma and Health*, 2016. Vol. 1, no. 2, pp. 109—121. DOI:10.1037/sah0000018
14. Bogart K.R., Tickle-Degnen L, Ambady N. Compensatory expressive behavior for facial paralysis: adaptation to congenital or acquired disability. *Rehabilitation Psychology*, 2012. Vol. 57, no. 1, pp. 43—51. DOI:10.1037/a0026904
15. Bogart K.R., Tickle-Degnen L. Looking beyond the face: A training to improve perceivers' impressions of people with facial paralysis. *Patient Education and Counseling*, 2015. Vol. 98, no. 2, pp. 251—256. DOI:10.1016/j.pec.2014.09.010
16. Bradbury E. Meeting the psychological needs of patients with facial disfigurement. *British Journal of Oral Maxillofacial Surgery*, 2012. Vol. 50, no. 3, pp. 193—196. DOI:10.1016/j.bjoms.2010.11.022
17. Bradbury E.T., Simons W., Sanders R. Psychological and social factors in reconstructive surgery for hemifacial palsy. *Journal of Plastic, Reconstructive & Aesthetic Surgery*, 2006. Vol. 59, no. 3, pp. 272—278. DOI:10.1016/j.bjps.2005.09.003
18. Hotton M., Bogart K., Briegel W. et al. Consensus Document Recommendations for Supporting the Psychological Well-being of Children and Adults with Facial Palsy Background to Consensus Document [Electronic resource]. Wales: Facial Palsy UK, 2021. 39 p. URL: https://www.facialpalsy.org.uk/wp-content/uploads/2021/02/recommendations_for_supporting_the_psychological_wellbeing_of_children_and_adults_with_facial_palsy.pdf (Assesed 20.03.2024).
19. Das S., Panda S., Swain S. Facial Nerve Paralysis and its Social and Psychological Impact — A Review. *International Journal of Current Research and Review*, 2021. Vol. 13, no. 10, pp. 36—41. DOI:10.31782/IJCRR.2021.SP238
20. Hotton M., Johnson D., Kilcoyne S., Dalton L. Evaluating the effectiveness and acceptability of information and therapy guides for improving the psychosocial wellbeing of people with facial palsy. *Journal of Plastic, Reconstructive & Aesthetic Surgery*, 2022. Vol. 75, no. 9, pp. 3356—3364. DOI:10.1016/j.bjps.2022.04.022
21. Yuksel B., Genc F., Yaman A., Goksu E.O., Ak P.D., Gomceli Y.B. Evaluation of stigmatization in hemifacial spasm and quality of life before and after botulinum toxin treatment. *Acta Neurologica Belgica*, 2019. Vol. 119, pp. 55—60. DOI:10.1007/s13760-018-1018-5
22. Bessell A., Brough V., Clarke A., Harcourt D., Moss T., Rumsey N. Evaluation of the effectiveness of Face IT, a computer-based psychosocial intervention for disfigurement-related distress. *Psychology, health & medicine*, 2012. Vol. 17, no. 5, pp. 565—577. DOI:10.1080/13548506.2011.647701
23. Hasmat S., Low (Hubert) T.H., Dusseldorp J.R., Mukherjee P., Clark J.R. Exploring patient values and perceptions with facial nerve palsy to help guide management: An Australian perspective. *Australasian Journal of Plastic Surgery*, 2023. Vol. 6, no. 2, pp. 1—8. DOI:10.34239/ajops.74141
24. Coulson S., O'Dwyer N., Adams R., Croxson G. Expression of Emotion and Quality of Life After Facial Nerve Paralysis. *Otolaryngology & Neurootology*, 2004. Vol. 25, no. 6, pp. 1014—1019. DOI:10.1097/00129492-200411000-00026
25. Fu L., Bundy C., Sadiq S. Psychological distress in people with disfigurement from facial palsy. *Eye (London, England)*, 2011. Vol. 25, pp. 1322—1326. DOI:10.1038/eye.2011.158
26. Japee S., Jordan J., Licht J. et al. Inability to move one's face dampens facial expression perception. *Cortex*, 2023. Vol. 169, pp. 35—49. DOI:10.1016/j.cortex.2023.08.014
27. Arshad S., Naz N., Ali S. et al. Issues and challenges faced by parents having children with facial disfigurement: a qualitative study from Peshawar. *Journal of Population Therapeutics and Clinical Pharmacology*, 2024. Vol. 31, no. 2, pp. 62—75. DOI:10.53555/jptcp.v31i2.4228
28. Korrelboom K., Maarsingh M., Huijbrechts I. Competitive memory training (COMET) for treating low self-esteem in patients with depressive disorders: A randomized clinical trial. *Depression and anxiety*, 2012. Vol. 29, no. 2, pp. 102—110. DOI:10.1002/da.20921
29. Graboyes E., Kistner-Griffin E., Hill E. et al. Mechanism Underlying a Brief Cognitive Behavioral Treatment for Head and Neck Cancer Survivors with Body Image Distress. *Research square*, 2023. Preprint. DOI:10.21203/rs.3.rs-3303379/v1
30. Rasing N.B., van de Geest-Buit W., Chan O.Y.A. et al. Psychosocial functioning in patients with altered facial expression: A scoping review in five neurological diseases. *Disability and Rehabilitation*, 2024. Vol. 46, no. 17, pp. 3772—3791. DOI:10.1080/09638288.2023.2259310
31. Robinson M.W., Baiungo J. Facial rehabilitation: evaluation and treatment strategies for the patient with facial palsy. *Otolaryngologic Clinics of North America*, 2018. Vol. 51, no. 6, pp. 1151—1167. DOI:10.1016/j.otc.2018.07.011
32. Sahni V. Psychological Impact of Facial Trauma. *Craniomaxillofacial Trauma Reconstruction*, 2018. Vol. 11, no. 1, pp. 15—20. DOI:10.1055/s-0037-1603464
33. Schiano Lomoriello A., Caperna G., Carta A., De Stefani E., Ferrari P.F., Sessa P. Sensitivity to basic emotional expressions and the emotion perception space in the absence of facial mimicry: The case of individuals with congenital facial palsy. *Emotion*, 2024. Vol. 24, no. 3, pp. 602—616. DOI:10.1037/emo0001275
34. Kirschner H., Kuyken W., Wright K., Roberts H., Brejcha C., Karl A. Soothing your heart and feeling connected: a new experimental paradigm to study the benefits of self-compassion. *Clinical Psychological Science*, 2019. Vol. 7, no. 3, pp. 545—565. DOI:10.1177/2167702618812438

35. Stone A., Fisher V. Changing Negative Perceptions of Individuals With Facial Disfigurement: The Effectiveness of a Brief Intervention. *Basic and Applied Social Psychology*, 2020. Vol. 42, no. 5, pp. 341—353. DOI:10.1080/01973533.2020.1768394
36. Swift P., Bogart K. A hidden community: Facial disfigurement as a globally neglected human rights issue. *Journal of Oral Biology and Craniofacial Research*, 2021. Vol. 11, no. 4, pp. 652—657. DOI:10.1016/j.jobcr.2021.09.011
37. Hofmann S.G., Sawyer A.T., Witt A.A., Oh D. The effect of mindfulness-based therapy on anxiety and depression: A meta-analytic review. *Journal of consulting and clinical psychology*, 2010. Vol. 78, no. 2, pp. 169—183. DOI:10.1037/a0018555
38. Vargo M., Ding P., Sacco M., Duggal R., Genther D.J., Ciolek P.J., Byrne P.J. The psychological and psychosocial effects of facial paralysis: A review. *Journal of Plastic Reconstructive Aesthetic Surgery*, 2023. Vol. 83, pp. 423—430. DOI:10.1016/j.bjps.2023.05.027
39. Hotton M., Huggons E., Hamlet C., Shore D., Johnson D., Norris J.H., Kilcoyne S., Dalton L. The psychosocial impact of facial palsy: A systematic review. *British Journal of Health Psychology*, 2020. Vol. 25, no. 3, pp. 695—727. DOI:10.1111/bjhp.12440
40. Van Veen M.M., Ten Hoope B.W.T., Bruins T.E., Stewart R.E., Werker P.M.N., Dijkstra P.U. Therapists' perceptions and attitudes in facial palsy rehabilitation therapy: A mixed methods study. *Physiotherapy Theory and Practice*, 2022. Vol. 38, no. 12, pp. 2062—2072. DOI:10.1080/09593985.2021.1920074
41. Zhang N., Bogart K., Michael J., McEllin L. Web-based sensitivity training for interacting with facial paralysis. *PLoS One*, 2022. Vol. 17, no. 1, article ID. e0261157. 14 p. DOI:10.1371/journal.pone.0261157
42. Hamlet C., Williamson H., Hotton M., Rumsey N. 'Your face freezes and so does your life': A qualitative exploration of adults' psychosocial experiences of living with acquired facial palsy. *British Journal of Health Psychology*, 2021. Vol. 26, no. 3, pp. 977—994. DOI:10.1111/bjhp.12515

Информация об авторах

Рахманина Анастасия Алексеевна, старший медицинский психолог, младший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского Департамента здравоохранения города Москвы (ГБУЗ «НИИ СП им. Н.В. Склифосовского ДЗМ»), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7870-402X>, e-mail: rakhmanina.a@mail.ru

Information about the authors

Anastasiya A.Rakhmanina, senior medical psychologist, junior researcher, N.V. Sklifosovsky Research Institute for Emergency Medicine, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-7870-402X>, e-mail: rakhmanina.a@mail.ru

Получена 31.03.2024
Принята в печать 02.09.2024

Received 31.03.2024
Accepted 02.09.2024

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY AND AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Детское чтение в цифровую эпоху

Клопотова Е.Е.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1975-318X>, e-mail: klopotovae@mgppu.ru*

Смирнова С.Ю.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8579-4908>, e-mail: smirnovasy@mgppu.ru*

В статье представлен обзор современных исследований, посвященных проблеме детского чтения в цифровом обществе. Рассматривается трансформация практик детского чтения в связи с переходом от печатного формата книг к цифровому. Проанализированы результаты исследований, показывающих влияние разных форматов книг (печатных, цифровых, аудиокниг) и различных интерактивных функций, как в печатных, так и в цифровых книгах, на понимание детьми содержания прочитанного, обучение, общение, способность концентрировать и удерживать внимание, процесс взаимодействия взрослого и ребенка во время совместного чтения. Как показывает большинство проведенных исследований, в качестве первых книг для ребенка родители выбирают традиционные печатные книги с иллюстрациями. Цифровые книги вызывают у них неоднозначное отношение. В книгах с интерактивными функциями родители видят, в первую очередь, обучающий потенциал для ребенка, хотя они могут оказывать как положительное влияние, так и отрицательное. Опасения родителей относительно новых форматов книг связаны, в первую очередь, с возможным вредом для здоровья ребенка из-за времени, проведенного у экрана цифрового устройства. В процессе чтения цифровых книг родители уделяют ребенку существенно меньше времени, чем при чтении печатных. Дальнейшие перспективы развития цифрового формата детских книг делают очень важными исследования их влияния на развитие ребенка и формирование у него навыков чтения.

Ключевые слова: детское чтение, совместное чтение, печатные книги, цифровые книги, книги с дополненной реальностью, интерактивные функции.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-28-00432.

Для цитаты: Клопотова Е.Е., Смирнова С.Ю. Детское чтение в цифровую эпоху [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 113—122. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130311>

Reading in the Digital Age

Ekaterina E. Klopotova

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1975-318X>, e-mail: klopotovae@mgppu.ru*

Svetlana Yu. Smirnova

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8579-4908>, e-mail: smirnovasy@mgppu.ru*

The article provides an overview of current research on the problem of children's reading in a digital society. The transformation of children's reading practices in connection with the transition from the printed format of books to

the digital one is considered. The article analyzes the results of studies showing the influence of different book formats (printed, digital, audiobooks) and various interactive functions, both in printed and digital books, on children's understanding of the content of what they read, learning, communication, the ability to concentrate and hold attention, the process of interaction between an adult and a child during joint reading. The majority of the researches show that parents choose traditional printed books with illustrations as the first books for a child. Digital books arouse an ambiguous attitude among them. In books with interactive features, parents see, first of all, the learning potential for the child, although they can have both a positive and a negative impact. Parents' concerns about new book formats are primarily related to possible harm to the child's health due to time spent at the screen of a digital device. In the process of reading digital books, parents devote significantly less time to their children than when reading printed books. Further prospects for the development of the digital format of children's books make it very important to study their impact on the development of a child and the formation of his/her reading skills.

Keywords: children's reading, collaborative reading, printed books, digital books, augmented reality books, interactive features.

Funding. The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 24-28-00432.

For citation: Klopotova E.E., Smirnova S.Yu. Reading in the Digital Age [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2024. Vol. 13, no. 3, pp. 113—122. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130311> (In Russ.).

Введение

Детскому чтению, начиная с самых ранних возрастов, сегодня уделяется большое внимание — как на уровне научных исследований, так и на уровне поиска наиболее эффективных практик приобщения к нему детей. Обусловлено это, с одной стороны, ролью чтения в развитии ребенка. Формирование навыков чтения тесно связано с когнитивным развитием (познавательные и регуляторные процессы), а практика чтения является одним из механизмов социализации человека, его приобщения к материальной и духовной культуре. С другой стороны, развитие современных технологий и цифровизация различных сфер деятельности, начиная с самых ранних возрастов, закономерно приводят к трансформации и читательских практик, которая выражается в появлении различных форматов книг (печатные, цифровые, с интерактивными функциями) и способов получения ребенком информации (печатные издания, аудиокниги, медиаконтент и др.).

Многочисленные исследования, проводимые с 90-х годов прошлого века, говорят о снижении читательской активности, причем данная тенденция фиксируется в разных странах. Это привело к тому, что на сегодняшний день поддержка и продвижение детского чтения является приоритетом в культурной и образовательной политике разных стран. В России для решения этой проблемы была создана «Национальная программа поддержки и развития чтения». Одной из главных целей этой программы является продвижение лучших образцов литературы среди широкой аудитории и создание позитивного и привлекательного образа книг [3]. Особый акцент делается на дошкольном и младшем школьном возрасте, так как именно в этот период начинает формироваться читательская компетентность, которая предполагает формирование мотивации к чтению, избирательное отношение к книгам и понимание содержания прочитанного. На сегодняш-

ний день разработаны методические рекомендации, как для педагогов, так и для родителей, направленные на развитие читательских навыков у детей; но подавляющее большинство из них ориентировано на работу с печатной книгой, а реальность такова, что наравне с печатной книгой с традиционными иллюстрациями, широкое распространение получили ее различные варианты — книжки-игрушки, цифровые книги, книги с дополненной реальностью и пр. Широкая доступность цифровых устройств для чтения и богатая традиция детских бумажных книг ставят вопрос о том, какие возможности для развития ребенка дают разные форматы чтения? Что мы теряем, а что приобретаем, выбирая тот или иной формат книги?

В последние годы активно изучается влияние разных форматов книг на формирование навыков чтения у детей.

Традиционные печатные книги

Проводимые исследования в этом сегменте связаны преимущественно с жанровыми предпочтениями современных детей, выявлением условий формирования у них интереса к чтению [4; 5].

Происходящая под влиянием цифровых технологий трансформация способов восприятия и переработки информации приводит к изменениям в детских предпочтениях. Наравне с прошедшими проверку временем сказками и произведениями таких писателей, как В. Сутеев, А. Барто, Н. Носов и др., у современных детей дошкольного возраста не менее, а иногда и более популярными становятся книжки, выпущенные на основе современного медиа-контента. Как правило, это книжки в формате комиксов или просто с существенным преобладанием иллюстраций над текстом.

В исследовании Е.А. Кожевниковой было показано, что в эпоху визуальной культуры дизайн печатных

книг играет значительную роль, поскольку его влияние на читателей возрастает. Дизайн книги обеспечивает качественную и эффективную коммуникацию с читателем, что делает ее важным аспектом чтения [1].

Как показывают исследования, у подавляющего большинства родителей чтение занимает ведущее место в структуре совместного досуга с детьми раннего и дошкольного возраста. Для этого они предпочитают именно печатные издания с традиционными картинками, которые, по их мнению, способствуют большей совместности и близости в процессе общения [12; 29]; особенно это касается чтения перед сном [24]. В исследованиях Пандит и др. (Pandith et al.) было показано, что родители из различных культурных групп ценят возможность и близость совместного чтения со своими детьми [25]. Данные, полученные Даудалл и др. (Dowdall et al.), Нобле и др. (Noble et al.), говорят о значимой связи между совместным чтением родителей с детьми в раннем возрасте и уровнем грамотности и развитием навыков чтения в дальнейшем [29; 34].

Однако результаты некоторых исследований говорят о том, что современным детям, привыкшим к интерактивности, бывает сложно сконцентрироваться на печатных изданиях [15]. Поэтому, несмотря на то, что главным достоинством книги является содержание, сегодня встает вопрос о формате детских книг.

Цифровые книги

Проводимые за рубежом исследования показывают, что в последние годы произошел сдвиг в практике детского чтения от бумажных книг к текстам на цифровых носителях (электронная книга, планшет, смартфон) [7].

Цифровые книги представляют собой очень большой сегмент. В первую очередь это книги, функционирующие на цифровых носителях как статичные печатные тексты со страницами, которые можно переворачивать с помощью компьютерной мыши, клавиатуры или сенсорного экрана. Так называемые «читалки», имеющие только одну функцию — чтение текста. Но сегодня этот сегмент сильно расширился добавлением различных интерактивных функций в книги, что приводит к появлению новых возможностей.

Если говорить о цифровых книгах, то основные преимущества, которые видят в них родители, заключаются в их невысокой стоимости, удобстве хранения и дополнительных возможностях получения информации, связанной с расширением контента. Если чтение печатных книг родители детей младшего возраста в основном рассматривают как форму совместного времяпрепровождения, то цифровые «читалки», в подавляющем большинстве случаев, рассматриваются как обучающий материал. В целом, чтение цифровых книг одобряется родителями, и, видя возможности обучения, с возрастом они дают детям больше самостоятельности в этом процессе, но тем не менее взаимодей-

ствие детей 3—5 лет с цифровыми устройствами стараются держать под контролем [14; 35].

Стремление родителей контролировать и ограничивать взаимодействие ребенка с цифровой книгой во многом связано с вопросом экранного времени. В жизни современного человека стихийно присутствует большое количество экранов — телевизор, монитор компьютера, ноутбук, экран смартфона, информационные и рекламные экраны на улице и в транспорте и пр. Все они могут оказывать негативное влияние на ребенка [31]. Целесообразность настороженного отношения родителей в этом вопросе подтверждают и рекомендации педиатров.

В ряде исследований было показано, что для детей 3—5 лет цифровой формат книг является более привлекательным, чем печатный, в первую очередь из-за легкости управления. Им проще взаимодействовать с цифровой книгой, так как она требует более простых действий — постукивать по экрану для перелистывания проще, чем переворачивать страницу [21; 27]. Изучалось влияние цифрового формата на поведение взрослых и дошкольников во время чтения. Мууди и др. (Moody et al.) обнаружили, что дети в возрасте от 3 до 6 лет были более внимательны, когда им читали печатную книгу, чем когда читали ту же книгу в цифровом виде [23]. Однозначно можно говорить о том, что перевод учебных материалов в цифровой формат делает их более доступными.

Интерактивные функции в книгах

Интерактивные функции в детских книгах появились давно и стали очень популярны среди детей дошкольного возраста. Они позволяют использовать другие формы взаимодействия с книгой, помимо чтения, такие как рисование, игры или просмотр анимационных видеороликов. Это могут быть печатные книги с подвижными частями (например, окошками и карманами), книги-игрушки, цифровые книги с расширенными функциями и дополнительным содержанием. При чтении этих цифровых книг читатель может управлять иллюстрациями и текстом, щелкая по экрану.

Печатные книги с дополнительными интерактивными функциями, так называемые книги-игрушки, очень популярны у самых маленьких детей. В исследованиях было показано, что в процессе чтения таких книг дети 3—4 лет больше проявляют физической активности и взаимодействуют с ними на уровне действий. Спектр действий может быть очень широк: начиная от указательного жеста и заканчивая сложными действиями, связанными с открыванием «секретиков», выполнением различных заданий и др. При этом содержание прочитанного отходит на второй план [31]. Появились печатные книги, в которых иллюстрации ароматизированы в соответствии с содержанием изображения (запахи растений, овощей и др.), что позволяет читателям воспринимать информацию не только

визуально, но и с помощью обоняния, вызывая эмоциональный отклик [2].

Сегодня цифровые интерактивные книги очень широко представлены и популярны как у детей, так и у родителей. Интерактивность в них все чаще внедряется с помощью так называемых «горячих точек» — это области на страницах книги, которые можно активировать прикосновением. Например, когда ребенок касается точки доступа на персонаже истории, он может перемещаться по странице, менять цвет, издавать звук. Это существенно расширяет объем получаемой ребенком информации.

Исследования цифровых интерактивных книг в первую очередь связаны с их функциональной спецификой и в основном затрагивают вопросы понимания ребенком содержания, способности удерживать внимание и особенности взаимодействия взрослого с ребенком в процессе чтения [36].

Данные о влиянии интерактивных функций в книгах на способность детей удерживать внимание и понимать содержание прочитанного, полученные в разных исследованиях, достаточно противоречивы. В одних говорится о снижении внимания в процессе чтения и отмечается более низкий уровень понимания прочитанного, в других, напротив, отмечается повышение как уровня внимания, так и понимания прочитанного по сравнению с печатными изданиями [30]. Некоторые исследования показали, что комбинации визуальных и аудиокomпонентов в книгах повышают уровень концентрации внимания и улучшают пересказ у детей дошкольного возраста [28], но проведенный Сан и др. (Sun, Roberts, Bus) метаанализ говорит о том, что анимация и горячие точки в цифровых книгах оказывают незначительное влияние на понимание текста [32].

Считается, что интерактивные книги, если и создают впечатление большей включенности ребенка в процесс чтения, то это связано, прежде всего, с его вниманием к дополнительным функциям. Было показано, что при чтении такого рода книг повышение вовлеченности ребенка не всегда приводит к повышению понимания содержания. Лаббо и Кун (Labbo and Kuhn) выделили две группы горячих точек: «внимательные» и «непродуманные». «Внимательные» связаны с содержанием текста и дают детям больше деталей или информации, позволяющих лучше понять содержание. «Непродуманные» горячие точки содержат дополнительные звуки, анимацию или другие функции, не влияющие на понимание текста или даже мешающие ему. Утверждается, что продуманные «улучшения» в интерактивных книгах способствуют и удержанию внимания, и пониманию, и обсуждению прочитанного [20]. Именно этими качественными различиями в функционировании горячих точек в интерактивных книгах объясняют, почему некоторые исследования цифровых книг показывают большую пользу, чем другие.

По всей видимости, производители ориентируются на результаты проводимых исследований, так как про-

веденный Крист и др. (Christ et. al.) контент-анализ показывает, что цифровые книги второго поколения включают интерактивные функции в виде «горячих точек», которые усиливают или расширяют сюжетные линии, представленные в тексте [16].

Во многих исследованиях интерактивных книг подчеркивается тот факт, что взаимодействие ребенка с книгой и содержание общения со взрослым связаны, в первую очередь, с их функциональными особенностями и дополнительными возможностями, а не с содержанием текста. Исследования показывают, что родители меньше включаются в общение с ребенком в процессе чтения интерактивной книги, чем печатной [18]. А если это общение происходит, то в основном оно связано с изучением возможностей книги и различных дополнительных эффектов [27]. Отвлекающие ребенка функции, как правило, нарушают взаимодействие родителей и детей и мешают пониманию прочитанного [17].

Занимавшиеся этим вопросом исследователи подчеркивают роль взрослого в процессе выстраивания взаимодействия ребенка с интерактивной книгой и отмечают в качестве негативного фактора снижение их общения в процессе чтения. Определенная форма поддержки во время чтения необходима детям не только для приобретения навыков чтения, но и для осмысления содержания, осознания переживаний и пр. Интерактивные книги часто предполагают форму обратной связи для ребенка о выполненном задании (как правило, аудио- или визуальный эффект), но, безусловно, качество этой обратной связи существенно ниже, чем если бы его оказывал взрослый [19]. Исследования Даудалл и др. (Dowdall et al.) показали, что совместное со взрослыми чтение, вне зависимости от типа книги, положительно влияет на развитие речи и понимание прочитанного и тесно связано с уровнем компетентности взрослого и его способностью реагировать на запросы детей в процессе чтения — давать необходимые пояснения в ситуации непонимания, выраженной ребенком как вербально, так и невербально, откликаться на его переживания, делать паузы там, где это необходимо для ребенка, чтобы рассмотреть картинку или обдумать услышанное [29]. Также важным является выбор книги, соответствующей речевому и умственному развитию ребенка, учитывающий его интересы и желания.

Среди родителей наблюдается неоднозначное отношение к интерактивным функциям в книгах. Одно небольшое исследование показало, что некоторые родители активно отвлекали своих детей 6—7 лет от внимания к каким-либо дополнительным возможностям книги (аудиоэффекты, интерактивные задания и пр.) кроме чтения, в то время как дети проявляли большой к ним интерес. Это приводило к негативным реакциям со стороны детей [22]. Другое исследование показало, что интерактивные функции способствуют позитивному взаимодействию между родителями и их 4-летними детьми во время чтения рассказов [21].

Новое поколение интерактивности в детских книгах

Большую популярность приобретают книги с дополненной реальностью, где в процессе чтения используется два предмета — печатная книга и цифровое устройство. Технология дополненной реальности — результат введения в зрительное поле любых сенсорных данных с целью дополнения сведений к содержанию книги и изменения восприятия окружающей среды. В книгах, где используется эта технология, она позволяет объединить физический мир (иллюстрацию) с виртуальным с помощью цифрового устройства (чаще всего смартфона). Например, когда ребенок наводит камеру своего смартфона на страницу традиционной книги, для которой создан дополнительный контент, установленное приложение отображает этот дополнительный контент на экране устройства. По сути, это следующее поколение интерактивности в книгах. По сравнению с традиционными печатными книгами, читатели взаимодействуют с книгами с дополненной реальностью по-другому — держа цифровое устройство над печатной книгой и наблюдая, как из книги появляются динамические изображения, а звуки оживляют текст.

Производителями эти книги позиционируются как представляющие дополнительные возможности для обучения и развития ребенка. Однако в настоящее время очень мало исследований, которые позволили бы однозначно говорить о влиянии книг с дополненной реальностью на развитие ребенка и интерес к чтению.

Имеющиеся на сегодняшний день данные говорят о том, что дополненная реальность может повысить мотивацию и интерес детей, как к процессу чтения, так и к содержанию прочитанного, что, безусловно, должно оказывать положительное влияние на процесс обучения. При этом зафиксировано, что при чтении книг с дополненной реальностью снижается уровень концентрации внимания [8].

Чан и др. (Chang et al.) провели сравнительное исследование эффективности обучения детей родителями с помощью традиционных книг и самостоятельного обучения детей с помощью книг с дополненной реальностью. В эксперименте приняли участие 56 детей дошкольного возраста. Дети экспериментальной группы самостоятельно занимались чтением с помощью функции дополненной реальности. Результаты показали, что эффективность обучения в экспериментальной группе была значительно выше, чем в контрольной [11].

В ряде исследований показано, что дополненная реальность в книге позволяет лучше удерживать логику повествования, помогает преодолеть трудности в понимании текста из-за сложных слов и сложной грамматики, редко встречающихся в ежедневных жизненных разговорах. Но это только в том случае, если эффект дополненной реальности синхронизирован с логикой изложения [13; 33].

Отдельно среди интерактивных функций можно выделить функцию «Читай мне» (аудиосопровождение), которая становится все более популярной. По сути, это вариант аудиокниги. Но, если традиционная аудиокнига предполагает прослушивание ребенком озвученного профессиональными артистами произведения в отсутствии текста, то книга с функцией «Читай мне» дает возможность ребенку иметь перед глазами озвучиваемый текст или иллюстративный ряд к этому тексту и, по желанию, останавливать и возобновлять прослушивание текста, обходить части истории, переходя вперед или назад, повторно прослушивать какие-то части текста, использовать горячие точки для получения дополнительной информации, которая может иметь, а может и не иметь отношение к содержанию [26].

Книги с такой функцией дают детям возможность читать без присутствия взрослого, и родители часто этим пользуются. Это вызывает беспокойство, поскольку в ряде исследований были убедительно показаны образовательные преимущества совместного чтения взрослого с детьми, во время которого развивается диалог по поводу прочитанного и взрослый может гибко реагировать на непонимание ребенком текста, эмоционально поддерживать и отзываться на его потребности во время чтения [31]. Исследователи говорят о том, что книги с функцией «Читай мне» лишают взрослых и детей совместной близости в процессе чтения [9].

Отношение родителей к новым форматам детских книг

Навык чтения является одним из механизмов социализации человека, так как позволяет овладеть накопленным в культуре опытом. Поэтому все родители стараются как можно раньше начать приобщать ребенка к культуре чтения. В младших возрастах это преимущественно совместное чтение взрослого с ребенком. В современной ситуации, когда цифровые технологии проникли и в эту сферу жизни, родители оказываются в неоднозначной ситуации. С одной стороны, приобщать детей к чтению важно, современные технологии дают много новых возможностей, но с другой стороны, всегда возникают опасения, не навредят ли эти нововведения ребенку.

В ряде исследований показано, что у родителей отношение к цифровым книгам менее позитивное, чем к печатным [31]. Наблюдения за детьми, читающими цифровые книги вместе со своими матерями, выявили различия в поддержке детей при чтении книг разных форматов. Матери более активно поощряли детей к чтению печатных книг, но они также оценили высокий уровень интереса и вовлеченности, которые дети проявляли при чтении цифровых книг [10].

В последние годы возможности использования цифровых технологий в раннем детстве резко возросли — дети дошкольного возраста регулярно использу-

ют цифровые устройства. Изменения в обучении, связанные с пандемией, усугубили эту тенденцию, что привело к значительному увеличению времени, проводимого перед экраном самыми маленькими детьми. Результаты исследования Куциркова и Флеуитт (Kucirkova and Flewitt) показывают, что, несмотря на то, что книги с использованием цифровых технологий повышают мотивацию и удовольствие детей в процессе чтения, родители относятся к ним с опасением [18].

Исследования родительского отношения к книгам с дополненной реальностью показали, что среди родителей также нет однозначного мнения. Часть из них считают дополненную реальность препятствием для формирования навыков чтения у своих детей и стремятся ограничить использование ребенком виртуального контента. Другие рассматривают обучение с использованием дополненной реальности как средство повышения мотивации и достижения более глубокого понимания прочитанного и демонстрируют положительное отношение к такого рода книгам. Третья группа родителей вообще не видит разницы между чтением таких книг [6].

Выводы

Понимая роль чтения в развитии ребенка, родители уже с самого раннего его возраста уделяют формированию этого навыка большое внимание. Разнообразие форм детских книг, с одной стороны, создает все условия для привлечения детей к чтению, с другой стороны, ставит родителей перед выбором того, что будет полезно для их ребенка.

Несмотря на разнообразие форматов, в качестве первых книг для ребенка родители выбирают традиционные печатные книги с иллюстрациями. Этим же книгам отдается предпочтение при совместном чте-

нии. Именно они, по мнению родителей, позволяют создать ситуацию близости с ребенком.

Как показывает большинство проведенных исследований, цифровые книги, за счет использования дополнительных функций и возможности расширения контента, могут быть полезны в процессе обучения. Но если интерактивные функции не связаны с содержанием, они только отвлекают внимание ребенка. Считая, что цифровая книга может, в какой-то степени, заменить взрослого в процессе чтения, родители уделяют ребенку меньше внимания. Это является тревожным фактором, так как исследования показывают, что, дополнительные к чтению интерактивные функции в детских книгах, существующие на сегодняшний день, не могут заменить роль взрослого в процессе чтения.

Цифровые книги вызывают неоднозначное отношение родителей. В книгах с интерактивными функциями родители видят, в первую очередь, обучающий потенциал для ребенка и хотели бы узнать больше о том, как эти новые ресурсы могут помочь их детям. Опасения родителей по поводу новых форматов книги аналогичны опасениям, связанным с использованием других цифровых устройств. В первую очередь их беспокоит возможный вред здоровью ребенка, который связан со временем, проведенным у экрана цифрового устройства.

Совершенно очевидно, что формат цифровых книг для детей будет развиваться, предоставляя все новые и новые возможности, а такие книги станут все более популярными. В связи с этим исследования их влияния на развитие ребенка и формирование у него навыков чтения становятся очень важными. С одной стороны, они помогут производителям создавать качественный и полезный продукт. С другой стороны, их результаты могут стать основанием для рекомендаций родителям, которые помогут сориентироваться в выборе книг для своих детей и наиболее эффективно формировать у них навыки чтения, начиная уже с самого раннего возраста.

Литература

1. Кожевникова Е.А. Книжный формат «графический роман» как инструмент управления чтением [Электронный ресурс] // Культура: теория и практика. 2022. Том 47. № 2. С. 7—8. URL: <https://sciup.org/144162278> (дата обращения: 20.08.2024).
2. Кожевникова Е.А., Динер Е.В. Современные тенденции представления иллюстративного материала в детской книге [Электронный ресурс] // Общество. Наука. Инновации (НПК—2021): Сборник статей XXI всероссийской научно-практической конференции: 12 апреля—30 апреля 2021 г. Киров: Вятский государственный университет, 2021. Том 1. С. 248—253. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46138427> (дата обращения: 21.08.2024).
3. Концепции программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 июня 2017 года № 1155-р [Электронный ресурс] / Правительство Российской Федерации // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/436739637?ysclid=ly4xobusue175728353> (дата обращения: 20.06.2024).
4. Собкин В.С., Скобельцина К.Н., Иванова А.И. Любимые книги современных дошкольников [Электронный ресурс] // Современное дошкольное образование: Теория и практика. 2013. Том 41. № 9. С. 30—38. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21582918> (дата обращения: 21.08.2024).
5. Солнцева О.В., Езопова С.А., Каганец С.В. Феноменология читательской компетентности детей старшего дошкольного возраста // Современное дошкольное образование. 2023. Том 119. № 5. С. 4—17. DOI:10.24412/2782-4519-2023-5119-4-17

6. Cheng K., Tsai C. The interaction of child-parent shared reading with an augmented reality (AR) picture book and parents' conceptions of AR learning // *British Journal of Educational Technology*. 2016. Vol. 47. № 1. P. 203—222. DOI:10.1111/bjet.12228
7. Children and young people's reading in 2024 [Электронный ресурс] / С. Clark, I. Picton, A. Cole, F. Bonafede. London: National Literacy Trust, 2024. 33 p. URL: https://nlt.cdn.ngo/media/documents/Children_and_young_peoples_writing_in_2024.pdf (дата обращения: 23.08.2024).
8. Current status opportunities and challenges of augmented reality in education / H.K. Wu, S.W.Y. Lee, H.Y. Chang, J.C. Liang // *Computers & Education*. 2013. Vol. 62. P. 41—49. DOI:10.1016/j.compedu.2012.10.024
9. Digital or Print? A Comparison of Preschoolers' Comprehension, Vocabulary, and Engagement From a Print Book and an e-Book / S.M. Reich, J.C. Yau, Y. Xu, T. Muskat, J. Uvalle, D. Cannata // *AERA Open*. 2019. Vol. 5. № 3. 16 p. DOI:10.1177/2332858419878389
10. Eggleston C., Wang X.C., Choi Y. Mother-toddler shared reading with electronic versus print books: Mothers' language use and perspectives // *Early Education and Development*. 2021. Vol. 33. № 5. P. 1152—1174. DOI:10.1080/10409289.2021.1943638
11. Embedding dialog reading into AR picture books / K.E. Chang, Y.W. Tai, T.C. Liu, Y.T. Sung // *Interactive Learning Environments*. 2023. 17 p. Preprint. DOI:10.1080/10494820.2023.2192758
12. Etta R.A. Parent preferences: E-books versus print books // *Reading in the digital age: Young children's experiences with e-books* / Eds. J.E. Kim, B. Hassinger-Das. Cham: Springer, 2019. P. 89—101. DOI:10.1007/978-3-030-20077-0_6
13. Exploring factors influencing young children's learning from storybooks: Interactive and multimedia features / L. Hui, T. Zhang, J. Woolley, J. An, F. Wang // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2023. Vol. 233. Article ID 105680. 5 p. DOI:10.1016/j.jecp.2023.105680
14. Frederico A. Embodiment and agency in digital reading: Preschoolers making meaning with literary apps: doctor of philosophy dissertation. Cambridge, 2018. 332 p. DOI:10.17863/CAM.31007
15. Higher theta-beta ratio during screen-based vs. printed paper is related to lower attention in children: An EEG study / M. Zivan, S. Vaknin, N. Peleg, R. Ackerman, T. Horowitz-Kraus // *Plos one*. 2023. Vol. 18. № 5. Article ID e0283863. 16 p. DOI:10.1371/journal.pone.0283863
16. Kindergartener's meaning making with multimodal app books: The relations amongst reader characteristics, app book characteristics, and comprehension outcomes / T. Christ, C. Wang, M.M. Chiu, H. Cho // *Early Childhood Research Quarterly*. 2019. Vol. 47. № 6. P. 357—372. DOI:10.1016/j.ecresq.2019.01.003
17. Korat O., Or T. How new technology influences parent — child interaction: The case of e-Book reading // *First Lang*. 2010. Vol. 30. № 2. P. 139—154. DOI:10.1177/0142723709359242
18. Kucirkova N., Flewitt R. Understanding parents' conflicting beliefs about children's digital book reading // *Journal of Early Childhood Literacy*. 2022. Vol. 22. № 2. P. 157—181. DOI:10.1177/1468798420930361
19. Kucirkova N., Grøver V. The Importance of Embodiment and Agency in Parents' Positive Attitudes Towards Shared Reading with Their Children // *Early Childhood Education Journal*. 2024. Vol. 52. P. 221—230. DOI:10.1007/s10643-022-01415-1
20. Labbo L.D., Kuhn M.R. Weaving chains of affect and cognition: a young child's understanding of CD-ROM talking books // *Journal of Literacy Research*. 2000. Vol. 32. № 2. P. 187—210. DOI:10.1080/10862960009548073
21. Lauricella A.R., Barr R., Calvert S.L. Parent—child interactions during traditional and computer storybook reading for children's comprehension: Implications for electronic storybook design // *International Journal of Child-Computer Interaction*. 2014. Vol. 2. № 1. P. 17—25. DOI:10.1016/j.ijcci.2014.07.001
22. McNab K., Fielding-Barnsley R. Digital texts, iPads, and families: An examination of families', Shared Reading Behaviours [Электронный ресурс] // *The international journal of learning*. 2014. Vol. 20. P. 53—62. URL: https://figshare.utas.edu.au/articles/journal_contribution/Digital_Texts_iPads_and_Families_An_Examination_of_Families_Shared_Reading_Behaviours/22921388/1 (дата обращения: 26.08.2024).
23. Moody A.K., Justice L.M., Cabell S.Q. Electronic versus traditional storybooks: relative influence on preschool children's engagement and communication // *Journal of Early Childhood Literacy*. 2010. Vol. 10. № 3. P. 294—313. DOI:10.1177/1468798410372162
24. Nicholas M., Paatsch L. Mothers' views on shared reading with their two-year olds using printed and electronic texts: Purpose, confidence and practice // *Journal of Early Childhood Literacy*. 2021. Vol. 21. № 1. P. 3—26. DOI:10.1177/146879841879261
25. Parental perspectives on storybook reading in Indian home contexts / P. Pandith, S. John, M.L. Bellon-Harn, V. Manchaiah // *Early Childhood Education Journal*. 2022. Vol. 50. P. 315—325. DOI:10.1007/s10643-020-01147-0
26. Piotrowski J.T., Krctar M. Reading with hotspots: Young children's responses to touchscreen stories // *Computers in Human Behavior*. 2017. Vol. 70. P. 328—335. DOI:10.1016/j.chb.2017.01.010
27. Richter A., Courage M.L. Comparing electronic and paper storybooks for preschoolers: Attention, engagement, and recall // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2017. Vol. 48. P. 92—102. DOI:10.1016/j.appdev.2017.01.002

28. Savva M., Higgins S., Beckmann N. Meta-analysis examining the effects of electronic storybooks on language and literacy outcomes for children in grades Pre-K to grade 2 // *Journal of Computer Assisted Learning*. 2022. Vol. 38. № 2. P. 526—564. DOI:10.1111/jcal.12623
29. Shared picture book reading interventions for child language development: A systematic review and meta-analysis / N. Dowdall, G.J. Melendez-Torres, L. Murray, F. Gardner, L. Hartford, P.J. Cooper // *Child Development*. 2020. Vol. 91. № 2. P. e383—e399. DOI:10.1111/cdev.13225
30. Son S.-H.C., Butcher K.R. Effects of varied multimedia animations in digital storybooks: A randomized controlled trial with preschoolers // *Journal of Research in Reading*. 2024. 20 p. Preprint. DOI:10.1111/1467-9817.12452
31. Strouse G.A., Ganea P.A. A print book preference: Caregivers report higher child enjoyment and more high-quality adult-child interactions when reading print than electronic books // *International Journal of Child-Computer Interaction*. 2017. Vol. 12. P. 8—15. DOI:10.1016/j.ijcci.2017.02.001
32. Sun H., Roberts A.C., Bus A. Bilingual children’s visual attention while reading digital picture books and story retelling // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2022. Vol. 215. Article ID 105327. 33 p. DOI:10.1016/j.jecp.2021.105327
33. Takaacs Z.K., Bus A.G. How pictures in picture storybooks support young children’s story comprehension: An eye-tracking experiment // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2018. Vol. 174. P. 1—12. DOI:10.1016/j.jecp.2018.04.013
34. The impact of shared book reading on children’s language skills: A meta-analysis / C. Noble, G. Sala, M. Peter, J. Lingwood, C. Rowland, F. Gobet, J. Pine // *Educational Research Review*. 2019. Vol. 28. Article ID 100290. 10 p. DOI:10.1016/j.edurev.2019.100290
35. Undheim M., Vangsnes V. Digitale fortellinger i barnehagen // *Nordisk Barnehageforskning*. 2017. Vol. 15. № 3. P. 1—15. DOI:10.7577/nbf.1761
36. Wang L., Lee H., Ju D.Y. Impact of digital content on young children’s reading interest and concentration for books // *Behaviour & Information Technology*. 2019. Vol. 38. № 1. P. 1—8. DOI:10.1080/0144929X.2018.1502807

References

1. Kozhevnikova E.A. Knizhnyi format “graficheskii roman” kak sredstvo upravleniya chteniem [Graphic Novel Book Format as a Reading Management Tool] [Electronic resource]. *Kul’tura: teoriya i praktika [Culture: theory and practice]*, 2022. Vol. 47, no. 2, pp. 7—8. URL: <https://sciup.org/144162278> (Accessed 20.08.2024). (In Russ.).
2. Kozhevnikova E.A., Diner E.V. Sovremennye tendentsii predstavleniya illyustrativnogo materiala v detskoj knige [Modern trends in the presentation of illustrative material in children’s books] [Electronic resource]. *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii (NPK—2021) [Society. Science. Innovations (NPK — 2021)]*: Sbornik statei XXI vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: 12 aprelya—30 aprelya 2021 g.). Kirov: Vyatskii gosudarstvennyi universitet, 2021. Vol. 1, pp. 248—253. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46138427> (Accessed 21.08.2024). (In Russ.).
3. Pravitel’stvo Rossiiskoi Federatsii. Kontseptsii programmy podderzhki detskogo i yunosheskogo chteniya v Rossiiskoi Federatsii. Rasporyazhenie Pravitel’stva Rossiiskoi Federatsii ot 3 iyunya 2017 goda № 1155-r [Concepts of a program to support children and youth reading in the Russian Federation. Order of the Government of the Russian Federation of June 3, 2017 No. 1155-r] [Electronic resource]. *Elektronnyi fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov [Electronic fund of legal and normative-technical documents]*. URL: <https://docs.cntd.ru/document/436739637?ysclid=ly4xobusue175728353> (Accessed 20.06.2024). (In Russ.).
4. Sobkin V.S., Skobelcina K.N., Ivanova A.I. Lyubimye knigi sovremennykh doshkol’nikov [Favorite Books of Modern Preschoolers] [Electronic resource]. *Sovremennoe doshkol’noe obrazovanie: Teoriya i praktika [Modern Preschool Education: Theory and Practice]*, 2013. Vol. 41, no. 9, pp. 30—38. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21582918> (Accessed 21.08.2024). (In Russ.).
5. Solntseva O.V., Ezopova S.A., Kaganets S.V. Fenomenologiya chitatel’skoi kompetentnosti detei starshego doshkol’nogo vozrasta [Phenomenology of Reading Competence of Older Preschool Children]. *Sovremennoe doshkol’noe obrazovanie [Modern preschool education]*, 2023. Vol. 119, no. 5, pp. 4—17. DOI:10.24412/2782-4519-2023-5119-4-17 (In Russ.).
6. Cheng K., Tsai C. The interaction of child-parent shared reading with an augmented reality (AR) picture book and parents’ conceptions of AR learning. *British Journal of Educational Technology*, 2016. Vol. 47, no. 1, pp. 203—222. DOI:10.1111/bjet.12228
7. Clark C., Picton I., Cole A., Bonafede F. Children and young people’s reading in 2024 [Electronic resource]. London: National Literacy Trust, 2024. 33 p. URL: https://nlt.cdn.ngo/media/documents/Children_and_young_peoples_writing_in_2024.pdf (Accessed 23.08.2024).
8. Wu H.K., Lee S.W.Y., Chang H.Y., Liang J.C. Current status opportunities and challenges of augmented reality in education. *Computers & Education*, 2013. Vol. 62, pp. 41—49. DOI:10.1016/j.compedu.2012.10.024
9. Reich S.M., Yau J.C., Xu Y., Muskat T., Uvalle J., Cannata D. Digital or Print? A Comparison of Preschoolers’ Comprehension, Vocabulary, and Engagement From a Print Book and an e-Book. *AERA Open*, 2019. Vol. 5, no. 3. 16 p. DOI:10.1177/2332858419878389
10. Eggleston C., Wang X.C., Choi Y. Mother-toddler shared reading with electronic versus print books: Mothers’ language use and perspectives. *Early Education and Development*, 2021. Vol. 33, no. 5, pp. 1152—1174. DOI:10.1080/10409289.2021.1943638

11. Chang K.E., Tai Y.W., Liu T.C., Sung Y.T. Embedding dialog reading into AR picture books. *Interactive Learning Environments*, 2023. 17 p. Preprint. DOI:10.1080/10494820.2023.2192758
12. Etta R.A. Parent preferences: E-books versus print books. In Kim J.E., Hassinger-Das B. (eds.), *Reading in the digital age: Young children's experiences with e-books*. Cham: Springer, 2019, pp. 89—101. DOI:10.1007/978-3-030-20077-0_6
13. Hui L., Zhang T., Woolley J., An J., Wang F. Exploring factors influencing young children's learning from storybooks: Interactive and multimedia features. *Journal of Experimental Child Psychology*, 2023. Vol. 233, article ID 105680. 5 p. DOI:10.1016/j.jecp.2023.105680
14. Frederico A. Embodiment and agency in digital reading: Preschoolers making meaning with literary apps. Doctor of philosophy dissertation. Cambridge, 2018. 332 p. DOI:10.17863/CAM.31007
15. Zivan M., Vaknin S., Peleg N., Ackerman R., Horowitz-Kraus T. Higher theta-beta ratio during screen-based vs. printed paper is related to lower attention in children: An EEG study. *Plos one*, 2023. Vol. 18, no. 5, article ID e0283863. 16 p. DOI:10.1371/journal.pone.0283863
16. Christ T., Wang C., Chiu M.M., Cho H. Kindergartener's meaning making with multimodal app books: The relations amongst reader characteristics, app book characteristics, and comprehension outcomes. *Early Childhood Research Quarterly*, 2019. Vol. 47, no. 6, pp. 357—372. DOI:10.1016/j.ecresq.2019.01.003
17. Korat O., Or T. How new technology influences parent — child interaction: The case of e-Book reading. *First Lang*, 2010. Vol. 30, no. 2, pp. 139—154. DOI:10.1177/0142723709359242
18. Kucirkova N., Flewitt R. Understanding parents' conflicting beliefs about children's digital book reading. *Journal of Early Childhood Literacy*, 2022. Vol. 22, no. 2, pp. 157—181. DOI:10.1177/1468798420930361
19. Kucirkova N., Grøver V. The Importance of Embodiment and Agency in Parents' Positive Attitudes Towards Shared Reading with Their Children. *Early Childhood Education Journal*, 2024. Vol. 52, pp. 221—230. DOI:10.1007/s10643-022-01415-1
20. Labbo L.D., Kuhn M.R. Weaving chains of affect and cognition: a young child's understanding of CD-ROM talking books. *Journal of Literacy Research*, 2000. Vol. 32, no. 2, pp. 187—210. DOI:10.1080/10862960009548073
21. Lauricella A.R., Barr R., Calvert S.L. Parent—child interactions during traditional and computer storybook reading for children's comprehension: Implications for electronic storybook design. *International Journal of Child-Computer Interaction*, 2014. Vol. 2, no. 1, pp. 17—25. DOI:10.1016/j.ijcci.2014.07.001
22. McNab K., Fielding-Barnsley R. Digital texts, iPads, and families: An examination of families', Shared Reading Behaviours [Electronic resource]. *The International Journal of Learning*, 2014. Vol. 20, pp. 53—62. URL: https://figshare.utas.edu.au/articles/journal_contribution/Digital_Texts_iPads_and_Families_An_Examination_of_Families_Shared_Reading_Behaviours/22921388/1 (Accessed 26.08.2024).
23. Moody A.K., Justice L.M., Cabell S.Q. Electronic versus traditional storybooks: relative influence on preschool children's engagement and communication. *Journal of Early Childhood Literacy*, 2010. Vol. 10, no. 3, pp. 294—313. DOI:10.1177/1468798410372162
24. Nicholas M., Paatsch L. Mothers' views on shared reading with their two-year olds using printed and electronic texts: Purpose, confidence and practice. *Journal of Early Childhood Literacy*, 2021. Vol. 21, no. 1, pp. 3—26. DOI:10.1177/146879841879261
25. Pandith P., John S., Bellon-Harn M.L., Manchaiah V. Parental perspectives on storybook reading in Indian home contexts. *Early Childhood Education Journal*, 2022. Vol. 50, pp. 315—325. DOI:10.1007/s10643-020-01147-0
26. Piotrowski J.T., Kremer M. Reading with hotspots: Young children's responses to touchscreen stories. *Computers in Human Behavior*. 2017. Vol. 70, pp. 328—335. DOI:10.1016/j.chb.2017.01.010
27. Richter A., Courage M.L. Comparing electronic and paper storybooks for preschoolers: Attention, engagement, and recall. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2017. Vol. 48, pp. 92—102. DOI:10.1016/j.appdev.2017.01.002
28. Savva M., Higgins S., Beckmann N. Meta-analysis examining the effects of electronic storybooks on language and literacy outcomes for children in grades Pre-K to grade 2. *Journal of Computer Assisted Learning*, 2022. Vol. 38, no. 2, pp. 526—564. DOI:10.1111/jcal.12623
29. Dowdall N., Melendez-Torres G.J., Murray L., Gardner F., Hartford L., Cooper P.J. Shared picture book reading interventions for child language development: A systematic review and meta-analysis. *Child Development*, 2020. Vol. 91, no. 2, pp. e383—e399. DOI:10.1111/cdev.13225
30. Son S.-H.C., Butcher K.R. Effects of varied multimedia animations in digital storybooks: A randomized controlled trial with preschoolers. *Journal of Research in Reading*, 2024. 20 p. Preprint. DOI:10.1111/1467-9817.12452
31. Strouse G.A., Ganea P.A. A print book preference: Caregivers report higher child enjoyment and more high-quality adult-child interactions when reading print than electronic books. *International Journal of Child-Computer Interaction*, 2017. Vol. 12, pp. 8—15. DOI:10.1016/j.ijcci.2017.02.001
32. Sun H., Roberts A.C., Bus A. Bilingual children's visual attention while reading digital picture books and story retelling. *Journal of Experimental Child Psychology*, 2022. Vol. 215, no. 2, article ID 105327. 33 p. DOI:10.1016/j.jecp.2021.105327
33. Takacs Z.K., Bus A.G. How pictures in picture storybooks support young children's story comprehension: An eye-tracking experiment. *Journal of Experimental Child Psychology*, 2018. Vol. 174, pp. 1—12. DOI:10.1016/j.jecp.2018.04.013

34. Noble C., Sala G., Peter M., Lingwood J., Rowland C., Gobet F., Pine J. The impact of shared book reading on children's language skills: A meta-analysis. *Educational Research Review*, 2019. Vol. 28, article ID 100290. 10 p. DOI:10.1016/j.edurev.2019.100290
35. Undheim M., Vangsnes V. Digitale fortellinger i barnehagen. *Nordisk Barnehageforskning*, 2017. Vol. 15, no. 3, pp. 1—15. DOI:10.7577/nbf.1761
36. Wang L., Lee H., Ju D.Y. Impact of digital content on young children's reading interest and concentration for books. *Behaviour & Information Technology*, 2019. Vol. 38, no. 1, pp. 1—8. DOI:10.1080/0144929X.2018.1502807

Информация об авторах

Клопотова Екатерина Евгеньевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры дошкольной педагогики и психологии факультета психологии образования; старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований современного детства, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1975-318X>, e-mail: klopotovae@mgppu.ru

Смирнова Светлана Юрьевна, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований современного детства, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8579-4908>, e-mail: smirnovasy@mgppu.ru

Information about the authors

Ekaterina E. Klopotova, PhD in Psychology, Assistant professor of the Preschool Pedagogy and Psychology Chair, Faculty of Educational Psychology, Senior Researcher of Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1975-318X>, e-mail: klopotovae@mgppu.ru

Svetlana Yu. Smirnova, Researcher of Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8579-4908>, e-mail: smirnovasy@mgppu.ru

Получена 14.07.2024
Принята в печать 20.08.2024

Received 14.07.2024
Accepted 20.08.2024

Развитие просоциального поведения у детей и подростков в контексте детско-родительских и сиблинговых отношений (обзор современных зарубежных исследований)

Булыгина М.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4459-0914>, e-mail: buluginamv@mgppu.ru*

Изучение просоциального поведения достаточно популярная тема современной зарубежной психологии. В отечественной психологии понятие «просоциальное поведение» стало использоваться относительно недавно, хотя есть множество работ, посвященных изучению близких по содержанию феноменов: помогающего поведения, эмпатии, альтруизма. В настоящем обзоре рассматриваются зарубежные исследования, опубликованные за последние десять лет, посвященные формированию и развитию просоциального поведения в детском и подростковом возрастах, а также работы, в которых изучается роль детско-родительских и сиблинговых отношений в развитии просоциального поведения. Отмечена сложность и многогранность феномена просоциального поведения. Проанализированы различные факторы семейных взаимоотношений, способствующие формированию и развитию просоциального поведения у детей и подростков. Показано, что просоциальное поведение развивается постепенно, через интериоризацию норм, ценностей, представлений об ответственности. Необходимым условием развития просоциального поведения у детей являются теплые принимающие отношения в семье. Анализ исследований позволяет подчеркнуть, что сиблинги наряду с родителями создают уникальный семейный контекст для развития просоциальных способностей у детей.

Ключевые слова: просоциальное поведение, братья, сестры, детско-родительские отношения, сиблинговые отношения.

Для цитаты: Булыгина М.В. Развитие просоциального поведения у детей и подростков в контексте детско-родительских и сиблинговых отношений (обзор современных зарубежных исследований) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 123—132. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130312>

The Development of Prosocial Behavior in Children and Adolescents in the Context of Child-Parent and Sibling Relationships (Review of Modern Foreign Studies)

Maria V. Bulygina

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4459-0914>, e-mail: buluginamv@mgppu.ru*

The study of prosocial behavior is a fairly popular topic of modern foreign psychology. In Russian psychology, the concept of “prosocial behavior” has been used relatively recently, although there are many works devoted to the study of phenomena similar in content: helping behavior, empathy, altruism. This review examines foreign studies published over the past ten years on the formation and development of prosocial behavior in childhood and adolescence, as well as works on the role of child-parent and sibling relationships in the development of prosocial behavior. The complexity and versatility of the phenomenon of prosocial behavior is noted. Various factors of family relationships contributing to the formation and development of prosocial behavior in children and adolescents are analyzed. It is shown that prosocial behavior develops gradually, through the internalization of norms, values, and ideas about responsibility. A necessary condition for the development of prosocial behavior in children is a warm, accepting relationship in the family. The analysis of the research allows us to emphasize that siblings, along with parents, create a unique family context for the development of prosocial abilities in children.

Keywords: prosocial behavior, sibling, child-parent relationships, sibling relationships.

For citation: Bulygina M.V. The Development of Prosocial Behavior in Children and Adolescents in the Context of Child-Parent and Sibling Relationships (Review of Modern Foreign Studies) [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2024. Vol. 13, no. 3, pp. 123—132. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130312> (In Russ.).

Введение

Начиная с 80-х годов XX века в зарубежной психологии активно проводятся исследования, посвященные изучению развития просоциального поведения [17; 28; 32; 48]. Просоциальность рассматривается как необходимое качество развития личности, поскольку предполагает различные намеренные добровольные поступки, направленные на благо других людей без извлечения материальной выгоды (помощь, сотрудничество, взаимопомощь, утешение и т. д.). Просоциальное поведение играет решающую роль в повышении уровня счастья, улучшении межличностного общения и содействует развитию гармоничного общества [19]. Просоциальность включает в себя множество способов, которыми люди проявляют заботу и действуют на благо других. Забота, по сути, означает помощь другому человеку в росте и реализации [28; 46].

В отечественной психологии понятие «просоциальное поведение» до недавнего времени практически не использовалось, хотя так или иначе к данной теме исследователи (Божович Л.И., Гаврилова Т.П., Петровский А.В., Субботский Е.В., Додонов Б.И., Братусь Б.С. и многие другие) обращались неоднократно, изучались альтруизм, эмпатия, нравственность. В качестве аналога рассматривались помогающее поведение, альтруистическое поведение, гуманные отношения [1; 2; 3; 4].

Несмотря на огромный объем зарубежных работ в области просоциальности, исследователи отмечают, что в научной среде до сих пор нет единства относительно термина «просоциальное поведение». Например, часто просоциальное поведение и альтруизм воспринимаются как синонимы. [36]. Проанализировав существующие концепции просоциального поведения и альтруизма С. Пфатайхер, Ю. Нильсен, И. Тильман (S. Pfattheicher, Y.A. Nielsen, I. Thielmann) уточнили, что в аспектах бескорыстности действий, направленных на благо другого, эти термины совпадают, однако с точки зрения мотивов, которые побуждают то или иное поведение, они различны. Мотивом просоциального поведения является одобрение со стороны общества, а мотивом альтруистического поведения — благосостояние общества или другого индивида. Кроме того, между помогающим и альтруистическим поведением существует разница с точки зрения издержек: помогающее поведение предполагает оказание помощи без потерь и рисков для себя, а альтруистическое поведение основано на ущемлении своих потребностей ради блага другого. Альтруизм не тождественен просоциальному поведению и выступает лишь одной из его форм. Помимо альтруистической (бескорыстной) формы Г. Карло (G. Carlo) выделяет еще пять форм просоциального поведения: эмоциональное (эмпатическое, ориентированное на сопереживание и эмоциональную поддержку), уступчивое (угодливое, в ответ на просьбу о помощи), анонимное (оказание помощи без огласки), публичное (мотивированное необходимостью публич-

ного признания), экстренное (помощь в чрезвычайных и трудных ситуациях).

Феномен просоциального поведения очень емкий. Большинство исследователей считают, что просоциальное поведение охватывает широкий диапазон актов — от небольшой любезности до систематической помощи человеку в тяжелой жизненной ситуации. И в этом оно гораздо шире просто помогающего поведения. Кроме того, понятие просоциального поведения включает в себя не только действия, но и просоциальные эмоции, знания и намерения, приводящие к оказанию помощи; эти интенции основаны как на личностных особенностях, так и на мотивации [28].

Формирование просоциального поведения обусловлено как средовыми факторами, которые предписывают определенные правила поведения и взаимоотношений в обществе, так и личностными, в которые входят эмпатия, уровень эмоционального интеллекта, ориентация на решение проблем и т. д. Так, например, в ряде работ выявлено, что эмпатия и сочувствие мотивируют просоциальное поведение [5; 18; 26; 45]. В исследовании Л. Камас и А. Престон (L. Kamas, A. Preston) показана связь между выраженностью эмпатии по шкале Дэвиса и выраженностью просоциальности. При этом было показано, что, несмотря на то, что у женщин уровень эмпатии выше, нельзя утверждать, что они в большей мере склонны к просоциальному поведению. Мужчины и женщины со схожим уровнем эмпатии демонстрируют схожие уровни просоциальности [24]. По данным Панг И., Сон Си и Ма Си (Y. Pang, C. Song, C. Ma), различные компоненты эмпатии (восприятие перспективы, фантазия, сопереживающее беспокойство и личный дистресс) связаны с просоциальным поведением через благодарность. Чувство благодарности стимулирует людей к помогающему и альтруистическому поведению [31].

Просоциальное поведение формируется в детском возрасте и, как и другие формы поведения, зависит от близких межличностных отношений. Целью настоящей статьи является анализ современных зарубежных исследований, посвященных развитию просоциальных способностей у детей и подростков в контексте семейных (детско-родительских и сиблинговых) отношений.

Развитие просоциального поведения

В исследованиях убедительно показано, что просоциальное поведение формируется достаточно рано. Маленькие дети уже в возрасте 14—18 месяцев надежно демонстрируют просоциальное поведение, основанное на сочувствии. Оно состоит в том, что дети помогают другим, принося что-либо или устраняя препятствия [39]. Причем, помогая, малыши действуют бескорыстно, не ожидают какой-либо благодарности [43]. Около двух лет появляется утешение другого, кроме того, в этом возрасте дети начинают делиться игрушками и едой с другими [50]. К трем годам форми-

руются сложные просоциальные эмоции, такие как благодарность и вина. Благодаря им дети становятся не только способными вступать в просоциальные отношения, но и поддерживать их как с членами семьи, так и с другими людьми [46]. К 2—3 годам дети осознают, когда приносят кому-то вред, испытывают чувство вины за содеянное (что проявляется в вербальных и невербальных признаках) и стремятся исправить нанесенный ущерб. К 4—5 годам дети объективнее оценивают ситуацию в целом и более сочувственно относятся к раскаянию того, кто совершил проступок, готовы поддержать его и утешить [46; 47].

Недавние исследования также показывают роль более сложных эмоций в мотивации просоциального поведения. В частности, получение помощи вызывает у детей чувство благодарности, которое мотивирует их действовать просоциально, проявляя взаимность не только по отношению к человеку, оказавшему помощь, но и, что поразительно, авансом по отношению к другим людям [6; 21; 44; 45].

Межкультурные исследования свидетельствуют о том, что просоциальные действия доставляют маленьким детям эмоциональное удовольствие. Например, раздача угощений делает их счастливыми даже в большей степени, чем само получение угощений [5].

В статье С. Грюнайзена и Ф. Варнекена (S. Grueneisen, F. Warneken) показано, что по мере взросления детская просоциальность развивается от формы, основанной на симпатии, к более сложным формам, разнообразным поведенчески и более мотивационно избирательным. В частности утверждается, что примерно с пяти лет дети постепенно становятся способными к участию в просоциальном поведении по стратегическим причинам (например могут поделиться сегодня чем-то, чтобы завтра получить какую-то выгоду для себя не обязательно материальную; это может быть улучшение репутации, участие в совместной игре и т. п.) [20].

Наблюдения просоциальности в раннем возрасте привело некоторых исследователей к идее о врожденности данного феномена. В последнее время, как замечает С. Браунелл (C.A. Brownell) [7], все более распространенным становится утверждение, что просоциальное поведение в первые три года жизни не подвержено влиянию социализации. Полемизируя с П. Блумом (P. Bloom, 2014), Дж. К. Хемлином (J. K. Hamlin, 2013), Ф. Варнекеном и М. Томассело (F. Warneken, M. Tomasello, 2014), которые полагают, что альтруистическое поведение является врожденным, частью человеческой природы, проявляется независимо от родительского вмешательства или любой другой формы социализации, С. Браунелл обосновывает альтернативную точку зрения (близкую к пониманию развития в культурно-исторической концепции) о том, что просоциальное поведение возникает из человеческого участие младенцев в уникальной социально-эмоциональной среде. Эффекты социализации не ограничиваются поздним детством, а действуют с рож-

дения, формируя просоциальное поведение. Социальное окружение младенца, в первую очередь родители (ухаживающие взрослые), активно поощряет детей к просоциальным действиям, проявляя участие, транслируя ожидания от межличностной заботы и по мере возможности вовлекая их в домашние дела [8; 14; 25; 39]. В исследовании А. Даля (A. Dahl) показано, что практически все матери регулярно поощряют своих 13—24-месячных малышей помогать в повседневных домашних делах [13].

В целом подтверждается связь между родительским воспитанием и просоциальным поведением детей. Родители могут регулировать просоциальные действия детей с помощью дисциплинарных воздействий [49]. Дети, как правило, более просоциальны, когда родители проявляют большую теплоту, поддерживают их автономию [19; 27; 30; 36] и обосновывают свои требования и правила [48]. Дети также становятся более просоциально ориентированными, когда родители поощряют их к участию в просоциальных мероприятиях (например в благотворительной деятельности) или когда родители инициируют беседы, в которых подчеркивается важность проявления сострадания и помощи [48]. Дети, менее ориентированы на помощь другим, если родители проявляют вербальную враждебность (например кричат) [30]. Родительское разочарование, как ни странно это может показаться на первый взгляд, также является эффективной стратегией формирования просоциального поведения детей младшего школьного и подросткового возраста, поскольку возникновение в такой ситуации чувства вины стимулирует у ребенка желание исправиться, показать себя с лучшей стороны [49].

Согласно данным метаанализа, проведенного Т. Вонгом, Ч. Кониши, С. Конгом, (Т.К.У. Wong, С. Konishi, X. Kong) исследователи сходятся во мнении, что авторитетное воспитание положительно связано с общим, публичным, эмоциональным, анонимным, уступчивым и другими специфическими типами просоциального поведения (например желанием делиться), но отрицательно — с альтруистическим просоциальным поведением. Эти результаты могут быть объяснены тем, что, поскольку альтруистическое просоциальное поведение влечет за собой неизбежные издержки для личности, дети и подростки могут быть менее мотивированы к его демонстрации. Авторитарное воспитание детей негативно связано с просоциальным поведением, т. е. дети с меньшей вероятностью будут просоциальными, если родители настроены враждебно или отвергают их. Современные данные свидетельствуют о том, что авторитетное воспитание продолжает играть важную роль в развитии просоциального поведения в детском возрасте независимо от пола ребенка, кроме того, это верно как для индивидуалистических, так и для коллективистских культур [48].

Просоциальное поведение меняется с возрастом и значительно различается в зависимости от семейных отношений. Выявлено, что материнская теплота поло-

жительно связана с просоциальным поведением по отношению к членам семьи и матерям, в то время как отцовская теплота положительно связана с просоциальным поведением по отношению к отцам и друзьям [8; 30]. По мере взросления у детей появляются новые агенты просоциального поведения, например друзья. Подростки могут быть более склонны демонстрировать публичное просоциальное поведение по отношению к сверстникам, если они приобретают более популярный статус в своей группе сверстников [8]. В условиях, когда подростки чувствуют поддержку и уважение, это может способствовать позитивному психологическому функционированию, в том числе и просоциальному поведению [8; 19; 27]. Привязанность со стороны братьев и сестер также положительно связана с просоциальным поведением подростков и предсказывает просоциальное поведение подростков в будущем [23; 33; 38].

Лонгитюдное исследование ван М. Миген (M. van Meegen) и др. выявило, что подростки с более высоким уровнем просоциального поведения ощущают большую поддержку со стороны родителей, сиблингов и друзей, которые, в свою очередь, также отличаются более высоким уровнем просоциального поведения. Поддержка автономии и эмоциональная поддержка со стороны членов семьи и друзей были последовательно связаны с просоциальным поведением подростков. Тем не менее, результаты не выявили постоянно действующей линейной связи между изменениями просоциального поведения у членов ближайшего окружения и изменениями просоциального поведения у подростка [27]. Это указывает на то, что просоциальное поведение, изначально формируясь в условиях совместно-разделенных действий и переживаний с членами семьи и друзьями, которые подают примеры просоциальности, постепенно становится внутренним интериоризованным качеством, менее зависимым от других, в том числе и близких людей.

Отмечено, что просоциальное поведение стабилизируется и даже становится менее выраженным при переходе к подростковому возрасту, однако именно в этот период просоциальные мотивы и эмоции становятся более сложными, начинают включать абстрактные понятия (уважение, сострадание и др.), что позднее приводит к таким просоциальным явлениям, как волонтерство, пожертвования, гражданская активность [28].

Сиблинговые отношения и просоциальное поведение

Помимо родителей важную роль в развитии просоциального поведения играют и другие члены семьи, в частности братья и сестры. Родители, братья, сестры, а затем и друзья могут способствовать просоциальному поведению двумя способами: моделируя просоциальное поведение и обеспечивая теплый и поддерживающий контекст отношений [22; 27; 37; 41].

Отношения с братьями, сестрами произвольны, в них есть и поддержка, и конфликты, тем не менее они делятся в детском возрасте несмотря на все сложности. Сиблинговые отношения отличаются от отношений с родителями. Они в гораздо большей степени основаны на паритетности, что способствует возникновению особой межличностной ситуации, удобной для наблюдения за просоциальными действиями друг друга и моделирования их. Учитывая, что дети, как правило, проводят время, взаимодействуют со своими братьями, сестрами больше, чем с родителями, исследователи отмечают значимый эффект сиблинговых взаимоотношений для развития просоциального поведения каждого ребенка в семье. Таким образом, взаимодействие как с братьями, сестрами, так и потом с друзьями считается важной тренировочной площадкой для просоциального поведения [9; 11; 42; 22].

Выделяется ряд факторов, которые определяют значимую роль сиблинговых отношений в формировании и развитии просоциального поведения.

Первый фактор связан с проживанием в одной семье, произвольностью и продолжительностью сиблинговых отношений. Детство является самым продолжительным периодом времени, который большинство людей проводят, общаясь со своими братьями и сестрами, поскольку они обычно живут в одном доме и даже в одной комнате. Лонгитюдные исследования детей дошкольного возраста (от 3 до 7 лет) показывают, что при большом количестве времени, проведенном вместе, отмечается взаимное влияние сиблингов на просоциальные тенденции друг друга [16; 23; 33; 41]. Братья и сестры, родившиеся с разницей в пять лет и игравшие вместе позитивно и дружелюбно, демонстрируют более просоциальное поведение (например умение делиться и сопереживать) независимо от порядка рождения. Это снова указывает на то, что братья и сестры моделируют просоциальное поведение друг для друга и, в свою очередь, поощряют друг друга применять это поведение за пределами своих родственных отношений [23; 33; 41]. В масштабном лонгитюдном исследовании (3436 двухдетных британских семей и 1188 трехдетных семей) З. Чи З., Л. Малмберг, Е. Флури (Z Chi Z., L.-E. Malmberg, E. Flouri) изучалась связь между разными формами поведения (как просоциального, так и проблемного) и порядком рождения ребенка. Среди контролируемых исследователями переменных также были количество детей в семье, возраст детей и разница в возрасте между ними. Замеры проводились, когда самому младшему из детей в семье было три и пять лет. Данное исследование интересно тем, что в нем отмечается неочевидная роль младших сиблингов в развитии просоциальности старших. Авторы установили, что в двухдетных семьях младший ребенок не оказывал влияния на просоциальное поведение старшего, в то время как в семьях с тремя детьми такое воздействие было выявлено. Объяснялось это тем, что в семьях с меньшим количеством детей старший сиблинг проводит больше времени со сверстниками, друзьями, поэто-

му младший брат или сестра не имеют такого влияния на просоциальное поведение старшего. В семьях с большим количеством детей старший ребенок более включен в общение с братьями/сестрами, поскольку они могут быть ближе к нему по возрасту, что увеличивает возможность проявления просоциальных действий младших детей в отношении старших [9].

Второй фактор определяется эмоциональной заряженностью отношений. Соперничество и ревность сочетаются с эмоциональной близостью, привязанностью, дружбой. Установлено, что роль братьев и сестер в развитии просоциальности зависит от качества их отношений [11; 33; 41]. Лонгитюдные исследования с участием детей дошкольного возраста показали, что более высокий уровень негативности братьев и сестер, с точки зрения конфликта между братьями и сестрами, коррелирует со значительно большим риском возникновения проблем с поведением в будущем. При частых конфликтах как старшие, так и младшие братья и сестры учатся антиобщественному поведению друг от друга, привнося приобретенные негативные качества во внешние отношения. Также было обнаружено, что независимо от порядка рождения или возраста сиблинга, соперничающие друг с другом братья и сестры чаще направляют друг другу просоциальные отказы (т. е. отказывают в помощи) [40]. Как полагают авторы, сиблинговые отношения — более стабильные и не являются добровольными, поэтому дети, не видя долгосрочных последствий просоциальных отказов братьям/сестрам, могут не так сильно бояться их потерять, в отличие от отношений с друзьями, которые являются добровольными и потенциально могут закончиться [33; 40].

Третий фактор связан с разницей в возрасте между сиблингами, из-за которой они различаются по социально-когнитивным навыкам. В результате подражания младших детей старшим активизируется механизм «согласования и заражения». Исследования братьев и сестер, возраст которых был от 18 месяцев до 14 лет, обнаружили, что старшие сиблинги оказывают наибольшее влияние на социальное развитие младших братьев/сестер, выступая в качестве лидеров, инициируя просоциальное поведение у своих младших братьев/сестер [15; 37; 42]. Это связано с возрастом и более высоким уровнем зрелости, благодаря которым старшие дети способны показать пример социально одобряемого поведения младшим братьям и сестрам [15; 37]. Также было установлено, что просоциальные действия в игре старших детей коррелируют с большей вовлеченностью младших сиблингов в просоциальное поведение [23; 33]. Подобно данным об эффектах сиблингового взаимодействия, полученным в других областях развития, это объясняется подражанием младших детей в семье ролевой модели поведения старших [23].

Четвертый фактор основан на заботе старших детей о младших. Во многих культурах старшие братья и сестры нередко выполняют функции опекунов для своих младших сиблингов [42]. Вставая в родитель-

скую позицию, старшие дети напрямую объясняют младшим правила поведения, одобряют или порицают их поступки. Известно, что при большей разнице в возрасте увеличивается вероятность того, что старшие братья и сестры принимают на себя лидерские роли во время взаимодействия с братьями и сестрами, а младшие братья и сестры воспринимают их как образцы для подражания [34].

В работе К. Хьюз, Г. Макхарг, Н. Уайт (С. Hughes, G. McHarg, N. White) также подчеркивается, что сиблинговые отношения важны для просоциального поведения тем, что создают благодатную почву для утешения, обмена и помощи. Также отмечается, что влияние сиблингов на просоциальное поведение друг друга изменяется по мере их взросления [22]. В раннем и дошкольном возрасте младшие дети в силу своей меньшей компетентности чаще побуждают старших братьев, сестер оказывать им помощь в затруднительных ситуациях; в подростковом возрасте просоциальное поведение старших по отношению к младшим может сдвигаться с инструментальной помощи к большей выраженности эмоциональной поддержки или советов [35].

Пятый фактор указывает на системность семейных отношений, подчеркивая, что сиблинговые отношения не изолированы, поэтому в контексте развития просоциальности отношения с братьями/сестрами могут играть компенсаторную роль. В исследованиях [22; 34; 48] показано, что братья и сестры с более теплыми отношениями демонстрировали более просоциальное поведение, когда качество отношений «мать—ребенок» было менее благоприятным. Эти результаты указывают на восполняющую роль сиблинговых отношений и подчеркивают важность системного подхода к семье, который учитывает взаимодействие между отношениями при изучении просоциальности в семье [10]. Исследования А. Даля уточняют, что о компенсаторной роли сиблинговых отношений в формировании просоциального поведения можно с большей уверенностью говорить при вертикальных отношениях между ними (т. е. если разница в возрасте между старшим и младшим сиблингом значительна). Просоциальное поведение между братьями и сестрами, близкими по возрасту, связано с горизонтальными аспектами отношений и включает взаимное удовлетворение потребностей друг друга [12], что может способствовать развитию последующего социального и эмоционального понимания [22]. Исследования также показали, что различное отношение родителей к детям в семье может играть негативную роль в развитии их просоциального поведения [29]. Выделение кого-то из детей в качестве любимчика, может вызывать у другого чувство ревности и способствовать отказу сиблингу в сочувствии и помощи. По мнению С. Пиотровски (С.С. Piotrowski), в будущих исследованиях необходимо изучить, как различная родительская позитивность и негативность по отношению к братьям и сестрам может влиять на их просоциальное взаимодействие [34].

Заключение

Обзор зарубежных исследований за последние 10 лет (2015—2024 гг.) позволяет говорить о том, что тема формирования просоциального поведения в детском возрасте остается актуальной. Открываются и уточняются новые аспекты, связанные с развитием помогающего поведения, сотрудничества, сочувствия и соперничества у детей и подростков.

Установлено, что просоциальность является интегральным образованием, формирующимся в процессе непрерывного взаимодействия с социальным окружением. Просоциальное поведение развивается постепенно, через интериоризацию норм, ценностей, представлений об ответственности [17]. В процессе регуляции эмоций эмпатия и просоциальное поведение изменяются как качественно (от простых форм к более сложным и зрелым), так и количественно (от одной способности к множеству в каждой области) [28].

В исследованиях показано, что нет единого типа мотивов, побуждающих людей к совершению просоциальных действий. По мере взросления просоциальное поведение становится полимотивированным и может сочетать в себе эгоцентрические и социоцентрические мотивы. Оказывая помощь или поддержку другому, человек может испытывать сострадание, сочувствие, руководствоваться нравственными принципами, но это не исключает наличия у него эгоцентрических мотивов, таких как потребность в признании или стремление избежать чувства вины.

В данном обзоре основной фокус был сосредоточен на роли семьи в формировании просоциального

поведения у детей и подростков. Эмоциональный климат в семье, стили родительского воспитания, характер привязанности, отношения между сиблингами связаны с просоциальным развитием в детском возрасте. Необходимым условием развития просоциального поведения, сочувствия другим является эмоциональная включенность в теплые принимающие отношения, в первую очередь с членами семьи, родителями и сиблингами, которые задают уникальный контекст для обучения и практик просоциальных способностей.

Необходимо отметить, что если детско-родительским отношениям в этом контексте всегда уделялось много внимания, то о роли братьев/сестер говорили значительно меньше, в основном как о модели поведения, когда младший ребенок воспроизводит поведение старшего. В последние годы увеличилось количество зарубежных публикаций, в которых уделяется внимание характеру сиблинговых отношений, показаны более сложные связи между отношениями детей в семье и формированием просоциального поведения. Причем отмечается влияние не только старшего ребенка на младшего, но и младшего на старшего. Особенно интересным является направление исследований, изучающих, как теплота и привязанность между братьями и сестрами могут компенсировать отчужденность в детско-родительских отношениях и способствовать формированию чуткого отношения к людям. Подобные исследования важны с точки зрения понимания системных процессов, участвующих в формировании и развитии просоциального поведения в детском возрасте.

Литература

1. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3—19.
2. Ильин Е.П. Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия. СПб: Питер, 2021. 304 с.
3. Кисляков П.А., Шмелева Е.А., Ланцова С.В. Психология просоциального и помогающего поведения: учеб. пособие [Электронный ресурс]. Шуя: Изд-во Шуйского филиала Ивановского государственного университета, 2024. 218 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=60873046> (дата обращения: 17.09.2024).
4. Профессионализация эмпатии и предикторы выгорания помогающих специалистов / Т.Д. Карягина, Н.В. Кухтова, Н.И. Олифинович, Л.Г. Шермазаня // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Том 25. № 2. С. 39—58. DOI:10.17759/cpp.2017250203
5. Aknin L.B., Van de Vondervoort J.W., Hamlin J.K. Positive feelings reward and promote prosocial behavior // Current Opinion in Psychology. 2018. Vol. 20. P. 55—59. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.08.017
6. Beeler-Duden S., Vaish A. Paying it forward: The development and underlying mechanisms of upstream reciprocity // Journal of Experimental Child Psychology. 2020. Vol. 192. Article ID 104785. 18 p. DOI:10.1016/j.jecp.2019.104785
7. Brownell C.A. Prosocial Behavior in Infancy: The Role of Socialization // Child Development Perspectives. 2016. Vol. 10. № 4. P. 222—227. DOI:10.1111/cdep.12189
8. Carlo G., Padilla-Walker L. Adolescents' Prosocial Behaviors Through a Multidimensional and Multicultural Lens // Child Development Perspectives. 2020. Vol. 14. № 4. P. 265—272. DOI:10.1111/cdep.12391
9. Chi Z., Malmberg L.-E., Flouri E. Sibling effects on problem and prosocial behavior in childhood: Patterns of intra-familial "contagion" by birth order // Child Development. 2024. Vol. 95. № 3. P. 766—779. DOI:10.1111/cdev.14030
10. Children's Vulnerability to Interparental Conflict: The Protective Role of Sibling Relationship Quality / P.T. Davies, L.Q. Parry, S.M. Bascoe, M.J. Martin, E.M. Cummings // Child Development. 2019. Vol. 90. № 6. P. 2118—2134. DOI:10.1111/cdev.13078
11. Cox J.K. The Impacts of Siblings on Development Across the Lifespan [Электронный ресурс] // Modern Psychological Studies. 2023. Vol. 29. № 1. Article ID 11. 23 p. URL: <https://scholar.utc.edu/mps/vol29/iss1/11/> (дата обращения: 17.09.2024).

12. Dahl A. New Beginnings: An Interactionist and Constructivist Approach to Early Moral Development // *Human Development*. 2018. Vol. 61. № 4—5. P. 232—247. DOI:10.1159/000492801
13. Dahl A. The Developing Social Context of Infant Helping in Two U.S. Samples // *Child Development*. 2015. Vol. 86. № 4. P. 1080—1093. DOI:10.1111/cdev.12361
14. Dahl A., Brownell C.A. The Social Origins of Human Prosociality // *Current Directions in Psychological Science*. 2019. Vol. 28. № 3. P. 274—279. DOI:10.1177/0963721419830386
15. Development of externalizing symptoms across the toddler period: The critical role of older siblings / S.L. Olson, K.I. Ip, R. Gonzalez, E.E.A. Beyers-Carlson, B.L. Volling // *Journal of Family Psychology*. 2020. Vol. 34. № 2. P.165—174. DOI:10.1037/fam0000581
16. Devine R.T., Hughes C. Family Correlates of False Belief Understanding in Early Childhood: A Meta-Analysis // *Child Development*. 2018. Vol. 89. № 3. P. 971—987. DOI:10.1111/cdev.12682
17. Eisenberg N., Spinrad T.L., Knafo-Noam A. Prosocial Development // *Handbook of Child Psychology and Developmental Science*. Vol. 3. Socioemotional Processes / Ed. M.E. Lamb. 7th ed. Hoboken: John Wiley & Sons, 2015. P. 610—656. DOI:10.1002/9781118963418.childpsy315
18. Empathy as a predictor of prosocial behavior and the perceived seriousness of delinquent acts: a cross-cultural comparison of Argentina and Spain / L.M. Rodriguez, M. Mart-Vilar, J. Esparza Reig, B. Mesurado // *Ethics and Behavior*. 2021. Vol. 31. № 2. P. 91—101. DOI:10.1080/10508422.2019.1705159
19. Family cohesion on prosocial behavior in college students: moderated mediating effect / L. Li, B.J. Ye, L.Y. Ni, Q. Yang // *Chinese Journal of Clinical Psychology*. 2020. Vol. 28. № 1. P. 178—180. DOI:10.16128/j.cnki.1005-3611.2020.01.037
20. Grueneisen S., Warneken F. The development of prosocial behavior — from sympathy to strategy // *Current Opinion in Psychology*. 2022. Vol. 43. P. 323—328 DOI:10.1016/j.copsyc.2021.08.005
21. Hepach R., Vaish A. The Study of Prosocial Emotions in Early Childhood: Unique Opportunities and Insights // *Emotion Review*. 2020. Vol. 12. № 4. P. 278—279. DOI:10.1177/1754073920939630
22. Hughes C., McHarg G., White N. Sibling influences on prosocial behavior // *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 20. P. 96—101. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.08.015
23. It takes two to tango: Preschool siblings' musical play and prosociality in the home / L.K. Cirelli, R. Peiris, N. Tavassoli, H. Recchia, H. Ross // *Social Development*. 2020. Vol. 29. № 4. P. 964—975. DOI:10.1111/sode/12439
24. Kamas L., Preston A. Empathy, gender, and prosocial behavior // *Journal of Behavioral and Experimental Economics*. 2021. Vol. 92. Article ID 101654. 40 p. DOI:10.1016/j.socec.2020.101654
25. Kartner J., Torrens M.G., Schuhmacher N. Parental structuring during shared chores and the development of helping across the second year // *Social Development*. 2021. Vol. 30. № 2. P. 374—395. DOI:10.1111/sode.12490
26. Lee L., Madera J.M. A within-level analysis of the effect of customer-focused perspective-taking on deep acting and customer helping behaviors: The mediating roles of negative affect and empathy // *International Journal of Hospitality Management*. 2021. Vol. 95. Article ID 102907. 10 p. DOI:10.1016/J.IJHM.2021.102907
27. Longitudinal Associations Between Support and Prosocial Behavior Across Adolescence: The Roles of Fathers, Mothers, Siblings, and Friends / M. van Meegen, J. Van der Graaf, G. Carlo, W. Meeus, S. Branje // *Journal of Youth and Adolescence*. 2024. Vol. 53. P. 1134—1154. DOI:10.1007/s10964-023-01885-5
28. Malti T., Speidel R. Development of prosociality and the effects of adversity // *Nature Reviews Psychology*. 2024. Vol. 3. P. 524—535. DOI:10.1038/s44159-024-00328-7
29. Oliver B.R., Pike A. Mother-child positivity and negativity: Family-wide and child-specific main effects and interactions predict child adjustment // *Developmental Psychology*. 2018. Vol. 54. № 4. P. 744—756. DOI:10.1037/dev0000467
30. Padilla-Walker L.M., Carlo G., Nielson M.G. Does Helping Keep Teens Protected? Longitudinal Bidirectional Relations Between Prosocial Behavior and Problem Behavior // *Child Development*. 2015. Vol. 86. № 6. P. 1759—1772. DOI:10.1111/cdev.12411
31. Pang Y., Song C., Ma C. Effect of Different Types of Empathy on Prosocial Behavior: Gratitude as Mediator // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. Article ID 768827. 7 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.768827
32. Pfattheicher S., Nielsen Y.A., Thielmann I. Prosocial behavior and altruism: A review of concepts and definitions // *Current Opinion in Psychology*. 2022. Vol. 44. P. 124—129. DOI:10.1016/j.copsyc.2021.08.021
33. Pike A., Oliver B.R. Child behavior and sibling relationship quality: A cross-lagged analysis // *Journal of Family Psychology*. 2017. Vol. 31. № 2. P. 250—255. DOI:10.1037/fam0000248
34. Piotrowski C.C. Exploring Linkages Between Mother—Child and Sibling Relationship Quality and Prosocial Behavior Between School-Aged and Adolescent Siblings // *Journal of Family Issues*. 2024. Vol. 45. № 4. P. 833—851. DOI:10.1177/0192513X231162965
35. Predicting differentiated developmental trajectories of prosocial behavior: A 12-year longitudinal study of children facing early risks and vulnerabilities / Q. Shi, I. Ettekal, J. Liew, S. Woltering // *International Journal of Behavioral Development*. 2021. Vol. 45. № 4. P. 327—336. DOI:10.1177/0165025420935630

36. Prosocial behavior in toddlerhood and early childhood: Consistency across subtypes and over time / Y. Paz, M. Davidov, T. Orlitsky, M. Hayut, R. Roth-Hanania, C. Zahn-Waxler // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. Article ID 950160. 14 p. DOI:10.3389/fpsyg.2023.950160
37. Sang S.A., Nelson J.A. The effect of siblings on children's social skills and perspective taking // *Infant and Child Development*. 2017. Vol. 26. № 6. Article ID e2023. 10 p. DOI:10.1002/icd.2023
38. Self and sibling care attitudes, personal loss, and stress-related growth among siblings of adults with mental illness / C.H. Stein, S.M. Gonzales, K. Walker, M.F. Benoit, S.E. Russin // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2020. Vol. 90. № 6. P. 799—809. DOI:10.1037/ort0000511
39. Spinrad T.L., Gal D.E. Fostering prosocial behavior and empathy in young children // *Current Opinion in Psychology*. 2018. Vol. 20. P. 40—44. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.08.004
40. Tavassoli N., Howe N., DeHart G. Investigating the Development of Prosociality Through the Lens of Refusals: Children's Prosocial Refusals With Siblings And Friends // *Merrill-Palmer Quarterly*. 2020. Vol. 66. № 4. P. 421—446. DOI:10.13110/merrpalmquar1982.66.4.0421
41. Tavassoli N., Recchia H., Ross H. Preschool Children's Prosocial Responsiveness to Their Siblings' Needs in Naturalistic Interactions: A Longitudinal Study // *Early Education and Development*. 2019. Vol. 30. № 6. P. 724—742. DOI:10.1080/10409289.2019.1599095
42. The development of empathic concern in siblings: A reciprocal influence model / M. Jambon, S. Madigan, A. Plamondon, E. Daniel, J.M. Jenkins // *Child Development*. 2019. Vol. 90. № 5. P. 1598—1613. DOI:10.1111/cdev.13015
43. Toddlers Help Anonymously / R. Hepach, K. Haberl, S. Lambert, M. Tomasello // *Infancy*. 2017. Vol. 22. № 1. P. 130—145. DOI:10.1111/infa.12143
44. Toddlers' intrinsic motivation to return help to their benefactor / R. Hepach, A. Vaish, K. Miller, M. Tomasello // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2019. Vol. 188. Article ID 104658. 17 p. DOI:10.1016/j.jecp.2019.06.011
45. Vaish A. The prosocial functions of early social emotions: The case of guilt // *Current Directions in Psychology*. 2018. Vol. 20. P. 25—29. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.08.008
46. Vaish A., Grossmann T. Caring for Others: The Early Emergence of Sympathy and Guilt // *Evolutionary Perspectives on Infancy* / Eds. S.L. Hart, D.F. Bjorklund. Cham: Springer, 2022. P. 349—369. DOI:10.1007/978-3-030-76000-7_16
47. Vaish A., Hepach R. The Development of Prosocial Emotions View all authors and affiliations // *Emotion Review*. 2019. Vol. 12. № 4. P. 259—273. DOI:10.1177/1754073919885014
48. Wong T.K.Y., Konishi C., Kong X. Parenting and prosocial behaviors: A meta-analysis // *Social Development*. 2021. Vol. 30. № 2. P. 343—373. DOI:10.1111/sode.12481
49. Yavuz H.M., Dys S., Malti T. Parental Discipline, Child Inhibitory Control and Prosocial Behaviors: The Indirect Relations via Child Sympathy // *Journal of Child and Family Studies*. 2022. Vol. 31. P. 1276—1289. DOI:10.1007/s10826-021-02224-7
50. Yazdi H., Heyman G.D., Banner D. Children are sensitive to reputation when giving to both ingroup and outgroup members // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2020. Vol. 194. Article ID 104814. 20 p. DOI:10.31234/osf.io/q84wg

References

1. Bratus' B.S. K probleme cheloveka v psikhologii [On a problem of human being in psychology]. *Voprosy psikhologii [Psychology issues]*, 1997, no. 5, pp. 3—19. (In Russ.).
2. Il'in E.P. Psikhologiya pomoshchi. Al'truizm, egoizm, empatiya [Psychology of help. Altruism, selfishness, empathy]. S.-Petersburg: Piter, 2021. 304 p. (In Russ.).
3. Kislyakov P.A., Shmeleva E.A., Lantsova S.V. Psikhologiya prosotsial'nogo i pomogayushchego povedeniya: uchebnoe posobie [Psychology of prosocial and helpful behavior] [Electronic resource]. Shuya: Publishing house of the Shuya branch of Ivanovo State University, 2024. 218 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=60873046> (Accessed 17.09.2024). (In Russ.).
4. Karyagina T.D., Kukhtova N.V., Olifirovich N.I., Shermazanyan L.G. Professionalizatsiya empatii i prediktory vygoraniya pomogayushchikh spetsialistov [Professionalization of Empathy and Predictors of Helping Professionals' Burnout]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2017. Vol. 25, no. 2, pp. 39—58. DOI:10.17759/cpp.2017250203 (In Russ.).
5. Aknin L.B., Van de Vondervoort J.W., Hamlin J.K. Positive feelings reward and promote prosocial behavior. *Current Opinion in Psychology*, 2018. Vol. 20, pp. 55—59. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.08.017
6. Beeler-Duden S., Vaish A. Paying it forward: The development and underlying mechanisms of upstream reciprocity. *Journal of Experimental Child Psychology*, 2020. Vol. 192, article ID 104785. 18 p. DOI:10.1016/j.jecp.2019.104785
7. Brownell C.A. Prosocial Behavior in Infancy: The Role of Socialization. *Child Development Perspectives*, 2016. Vol. 10, no. 4, pp. 222—227. DOI:10.1111/cdep.12189
8. Carlo G., Padilla-Walker L. Adolescents' Prosocial Behaviors Through a Multidimensional and Multicultural Lens. *Child Development Perspectives*, 2020. Vol. 14, no. 4, pp. 265—272. DOI:10.1111/cdep.12391

9. Chi Z., Malmberg L.-E., Flouri E. Sibling effects on problem and prosocial behavior in childhood: Patterns of intra familial “contagion” by birth order. *Child Development*, 2024. Vol. 95, no. 3, pp. 766—779. DOI:10.1111/cdev.14030
10. Davies P.T., Parry L.Q., Bascoe S.M., Martin M.J., Cummings E.M. Children’s Vulnerability to Interparental Conflict: The Protective Role of Sibling Relationship Quality. *Child Development*, 2019. Vol. 90, no. 6, pp. 2118—2134. DOI:10.1111/cdev.13078
11. Cox J.K. The Impacts of Siblings on Development Across the Lifespan [Electronic resource]. *Modern Psychological Studies*, 2023. Vol. 29, no. 1, article ID 11. 23 p. URL: <https://scholar.utc.edu/mps/vol29/iss1/11/> (Accessed 17.09.2024).
12. Dahl A. New Beginnings: An Interactionist and Constructivist Approach to Early Moral Development. *Human Development*, 2018. Vol. 61, no. 4-5, pp. 232—247. DOI:10.1159/000492801
13. Dahl A. The Developing Social Context of Infant Helping in Two U.S. Samples. *Child Development*, 2015. Vol. 86, no. 4, pp. 1080—1093. DOI:10.1111/cdev.12361
14. Dahl A., Brownell C.A. The Social Origins of Human Prosociality. *Current Directions in Psychological Science*, 2019. Vol. 28, no. 3, pp. 274—279. DOI:10.1177/0963721419830386
15. Olson S.L., Ip K.I., Gonzalez R., Beyers-Carlson E.E.A., Volling B.L. Development of externalizing symptoms across the toddler period: The critical role of older siblings. *Journal of Family Psychology*, 2020. Vol. 34, no. 2, pp.165—174. DOI:10.1037/fam0000581
16. Devine R.T., Hughes C. Family Correlates of False Belief Understanding in Early Childhood: A Meta-Analysis. *Child Development*, 2018. Vol. 89, no. 3, pp. 971—987. DOI:10.1111/cdev.12682
17. Eisenberg N., Spinrad T.L., Knafo-Noam A. Prosocial Development. In Lamb M.E. (ed.), *Handbook of Child Psychology and Developmental Science. Vol. 3. Socioemotional Processes*. 7th ed. Hoboken: John Wiley & Sons, 2015, pp. 610—656. DOI:10.1002/9781118963418.childpsy315
18. Rodriguez L.M., Mart-Vilar M., Esparza Reig J., Mesurado B. Empathy as a predictor of prosocial behavior and the perceived seriousness of delinquent acts: a cross-cultural comparison of Argentina and Spain. *Ethics and Behavior*, 2021. Vol. 31, no. 2, pp. 91—101. DOI:10.1080/10508422.2019.1705159
19. Li L., Ye B.J., Ni L.Y., Yang Q. Family cohesion on prosocial behavior in college students: moderated mediating effect. *Chinese Journal of Clinical Psychology*, 2020. Vol. 28, no. 1, pp. 178—180. DOI:10.16128/j.cnki.1005-3611.2020.01.037
20. Grueneisen S., Warneken F. The development of prosocial behavior — from sympathy to strategy. *Current Opinion in Psychology*, 2022. Vol. 43, pp. 323—328 DOI:10.1016/j.copsyc.2021.08.005
21. Hepach R., Vaish A. The Study of Prosocial Emotions in Early Childhood: Unique Opportunities and Insights. *Emotion Review*, 2020. Vol. 12, no. 4, pp. 278—279. DOI:10.1177/1754073920939630
22. Hughes C., McHarg G., White N. Sibling influences on prosocial behavior. *Current Opinion in Psychology*, 2018. Vol. 20, pp. 96—101. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.08.015
23. Cirelli L.K., Peiris R., Tavassoli N., Recchia H., Ross H. It takes two to tango: Preschool siblings’ musical play and prosociality in the home. *Social Development*, 2020. Vol. 29, no. 4, pp. 964—975. DOI:10.1111/sode/12439
24. Kamas L., Preston A. Empathy, gender, and prosocial behavior. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*, 2021. Vol. 92, article ID 101654. 40 p. DOI:10.1016/j.socec.2020.101654
25. Kartner J., Torrens M.G., Schuhmacher N. Parental structuring during shared chores and the development of helping across the second year. *Social Development*, 2021. Vol. 30, no. 2, pp. 374—395. DOI:10.1111/sode.12490
26. Lee L., Madera J.M. A within-level analysis of the effect of customer-focused perspective-taking on deep acting and customer helping behaviors: The mediating roles of negative affect and empathy. *International Journal of Hospitality Management*, 2021. Vol. 95, article ID 102907. 10 p. DOI:10.1016/J.IJHM.2021.102907
27. van Meegen M., Van der Graaf J., Carlo G., Meeus W., Branje S. Longitudinal Associations Between Support and Prosocial Behavior Across Adolescence: The Roles of Fathers, Mothers, Siblings, and Friends. *Journal of Youth and Adolescence*, 2024. Vol. 53, pp. 1134—1154. DOI:10.1007/s10964-023-01885-5
28. Malti T., Speidel R. Development of prosociality and the effects of adversity. *Nature Reviews Psychology*, 2024. Vol. 3, pp. 524—535. DOI:10.1038/s44159-024-00328-7
29. Oliver B.R., Pike A. Mother-child positivity and negativity: Family-wide and child-specific main effects and interactions predict child adjustment. *Developmental Psychology*, 2018. Vol. 54, no. 4, pp. 744—756. DOI:10.1037/dev0000467
30. Padilla-Walker L.M., Carlo G., Nielson M.G. Does Helping Keep Teens Protected? Longitudinal Bidirectional Relations Between Prosocial Behavior and Problem Behavior. *Child Development*, 2015. Vol. 86, no. 6, pp. 1759—1772. DOI:10.1111/cdev.12411
31. Pang Y., Song C., Ma C. Effect of Different Types of Empathy on Prosocial Behavior: Gratitude as Mediator. *Frontiers in Psychology*, 2022. Vol. 13, article ID 768827. 7 p. DOI:10.3389/fpsyg.2022.768827
32. Pfattheicher S., Nielsen Y.A., Thielmann I. Prosocial behavior and altruism: A review of concepts and definitions. *Current Opinion in Psychology*, 2022. Vol. 44, pp. 124—129. DOI:10.1016/j.copsyc.2021.08.021
33. Pike A., Oliver B.R. Child behavior and sibling relationship quality: A cross-lagged analysis. *Journal of Family Psychology*, 2017. Vol. 31, no. 2, pp. 250—255. DOI:10.1037/fam0000248

34. Piotrowski C.C. Exploring Linkages Between Mother—Child and Sibling Relationship Quality and Prosocial Behavior Between School-Aged and Adolescent Siblings. *Journal of Family Issues*, 2024. Vol. 45, no. 4, pp. 833—851. DOI:10.1177/0192513X231162965
35. Shi Q., Ettekal I., Liew J., Woltering S. Predicting differentiated developmental trajectories of prosocial behavior: A 12-year longitudinal study of children facing early risks and vulnerabilities. *International Journal of Behavioral Development*, 2021. Vol. 45, no. 4, pp. 327—336. DOI:10.1177/0165025420935630
36. Paz Y., Davidov M., Orlitsky T., Hayut M., Roth-Hanania R., Zahn-Waxler C. Prosocial behavior in toddlerhood and early childhood: Consistency across subtypes and over time. *Frontiers in Psychology*, 2023. Vol. 14, article ID 950160. 14 p. DOI:10.3389/fpsyg.2023.950160
37. Sang S.A., Nelson J.A. The effect of siblings on children's social skills and perspective taking. *Infant and Child Development*, 2017. Vol. 26, no. 6, article ID e2023. 10 p. DOI:10.1002/icd.2023
38. Stein C.H., Gonzales S.M., Walker K., Benoit M.F., Russin S.E. Self and sibling care attitudes, personal loss, and stress-related growth among siblings of adults with mental illness. *American Journal of Orthopsychiatry*, 2020. Vol. 90, no. 6, pp. 799—809. DOI:10.1037/ort0000511
39. Spinrad T.L., Gal D.E. Fostering prosocial behavior and empathy in young children. *Current Opinion in Psychology*, 2018. Vol. 20, pp. 40—44. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.08.004
40. Tavassoli N., Howe N., DeHart G. Investigating the Development of Prosociality Through the Lens of Refusals: Children's Prosocial Refusals With Siblings And Friends. *Merrill-Palmer Quarterly*, 2020. Vol. 66, no. 4, pp. 421—446. DOI:10.13110/merrpalmquar1982.66.4.0421
41. Tavassoli N., Recchia H., Ross H. Preschool Children's Prosocial Responsiveness to Their Siblings' Needs in Naturalistic Interactions: A Longitudinal Study. *Early Education and Development*, 2019. Vol. 30, no. 6, pp. 724—742. DOI:10.1080/10409289.2019.1599095
42. Jambon M., Madigan S., Plamondon A., Daniel E., Jenkins J.M. The development of empathic concern in siblings: A reciprocal influence model. *Child Development*, 2019. Vol. 90, no. 5, pp. 1598—1613. DOI:10.1111/cdev.13015
43. Hepach R., Haberl K., Lambert S., Tomasello M. Toddlers Help Anonymously. *Infancy*, 2017. Vol. 22, no. 1, pp. 130—145. DOI:10.1111/infa.12143
44. Hepach R., Vaish A., Miller K., Tomasello M. Toddlers' intrinsic motivation to return help to their benefactor. *Journal of Experimental Child Psychology*, 2019. Vol. 188, article ID 104658. 17 p. DOI:10.1016/j.jecp.2019.06.011
45. Vaish A. The prosocial functions of early social emotions: The case of guilt. *Current Directions in Psychology*, 2018. Vol. 20, pp. 25—29. DOI:10.1016/j.copsyc.2017.08.008
46. Vaish A., Grossmann T. Caring for Others: The Early Emergence of Sympathy and Guilt. In Hart S.L., Bjorklund D.F. (eds.), *Evolutionary Perspectives on Infancy*. Cham: Springer, 2022, pp. 349—369. DOI:10.1007/978-3-030-76000-7_16
47. Vaish A., Hepach R. The Development of Prosocial Emotions View all authors and affiliations. *Emotion Review*, 2019. Vol. 12, no. 4, pp. 259—273. DOI:10.1177/1754073919885014
48. Wong T.K.Y., Konishi C., Kong X. Parenting and prosocial behaviors: A meta-analysis. *Social Development*, 2021. Vol. 30, no. 2, pp. 343—373. DOI:10.1111/sode.12481
49. Yavuz H.M., Dys S., Malti T. Parental Discipline, Child Inhibitory Control and Prosocial Behaviors: The Indirect Relations via Child Sympathy. *Journal of Child and Family Studies*, 2022. Vol. 31, pp. 1276—1289. DOI:10.1007/s10826-021-02224-7
50. Yazdi H., Heyman G.D., Banner D. Children are sensitive to reputation when giving to both ingroup and outgroup members. *Journal of Experimental Child Psychology*, 2020. Vol. 194, article ID 104814. 20 p. DOI:10.31234/osf.io/q84wg

Информация об авторах

Булыгина Мария Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры детской и семейной психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4459-0914>, e-mail: buluginamv@mgppu.ru

Information about the authors

Maria V. Bulygina, PhD in Psychology, Associate Professor at the Chair of Child and Family Psychotherapy, Faculty of Counselling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4459-0914>, e-mail: buluginamv@mgppu.ru

Получена 25.07.2024

Received 25.07.2024

Принята в печать 16.09.2024

Accepted 16.09.2024

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ LEGAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF SAFETY

Специфика изучения игрового процесса в видеоиграх и его связи с агрессией в зарубежных исследованиях

Пономарева Е.С.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1899-9807>, e-mail: esp_st@mail.ru

Рассматривается проблема построения исследования увлеченности видеоиграми и агрессии. В качестве возможного пути преодоления существующих противоречий в результатах исследований представляется важным изучать указанную связь с учетом особенностей игровой деятельности. Это обусловлено тем, что видеоигра не является точной моделью реальной действительности. Она основана на иной, существенно упрощенной системе правил, и обладает условным характером. Таким образом, подчеркивается важность сбора информации о психологическом аспекте игрового процесса, в частности, об особенностях рефлексии игрового опыта и об особенностях поведения в игре. Цель настоящего обзора — выявить специфику построения исследований, направленных на изучение проблемы реализации игрового процесса в видеоиграх и агрессии в соотношении со спецификой игровой деятельности. В немногочисленных публикациях, уделяющих внимание психологической составляющей игрового процесса, часто рассматриваются ее отдельные аспекты (восприятие фрустрирующих игровых событий, реалистичность игрового пространства и вовлеченность в игровой контекст) без учета специфики игры. В дальнейших исследованиях планируется подробнее остановиться на изучении специфики переработки получаемого игрового опыта и его отражения на избираемых тактиках игры.

Ключевые слова: видеоигры, агрессия, игровая деятельность, игровой процесс, рефлексия игрового опыта.

Благодарности. Автор выражает благодарность своему научному руководителю Н.В. Богданович за рекомендации по подготовке содержания статьи.

Для цитаты: Пономарева Е.С. Специфика изучения игрового процесса в видеоиграх и его связи с агрессией в зарубежных исследованиях [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 133—142. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024000001>

Specificity of the Study of Gameplay in Video Games and its Link with Aggression in International Studies

Ekaterina S. Ponomareva

*Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1899-9807>, e-mail: esp_st@mail.ru*

The article addresses the problem of designing a research model applicable to study of enthusiasm for video games and aggression. As a possible way to overcome the existing contradictions in the research results, it is important to study this interplay, taking into account the features of play activity. Video game is not an accurate model of reality. It is based on a different, significantly simplified system of rules, and has a conventional nature. Thus, it seems important to go on collecting information concerning the psychological aspects of the game process, especially the ones, connected with the reflection of the play experience and the features of behavior in the game. The purpose of this review is to identify the specificity of designing studies aimed at investigating the problem of the implementation of the game process in video games and aggression in relation to the specificity of play activity. In few publications that pay attention to the psychological components of the gameplay its individual aspects (perception of frustrating game events, realism of the game space and involvement in the game context) are often

discussed without taking into account the specificity of the game. In perspective we intend to particularize the specificity of processing the play experience, namely, the way it reflects in the chosen game tactics.

Keywords: video games, aggression, play activity, gameplay, play experience reflection.

Acknowledgements. The author is grateful to her research advisor N.V. Bogdanovich for the article content preparation recommendations.

For citation: Ponomareva E.S. Specificity of the Study of Gameplay in Video Games and its Link with Aggression in International Studies. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2024. Vol. 13, no. 3, pp. 133—142. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024000001> (In Russ.).

Введение

На фоне достаточно большого опыта исследования видеоигр в психологии, как отдельная тема, выделяется взаимосвязь увлеченности видеоиграми и склонности к агрессии. Социальная значимость этой проблемы задокументирована в резолюции «APA Resolution on Violent Video Games» Американской психологической ассоциации. Внимание сфокусировано на возможных рисках, в основном связанных с контентом видеоигр [9]. Несмотря на это, рассматриваемая тема остается дискуссионной, так как ученые сталкиваются с вызовами, подразумевающими необходимость переосмыслить противоречия, которые обнаруживаются в результатах исследований. Наиболее часто обсуждаются теоретико-методологические аспекты указанной проблемы, в частности особенности построения дизайна исследований. Например, в рамках обсуждения характерных ограничений в исследованиях К.А. Андерсон (C.A. Anderson) и Б.Дж. Бушман (B.J. Bushman) обращают внимание на такие моменты, как неточности в моделировании игровых ситуаций в видеоиграх; отбор переменных, характеризующих агрессию; особенности статистической обработки полученных данных; риски, связанные с некорректной интерпретацией данных [12]. Два последних момента также отмечает в своих публикациях К.Дж. Фергюсон (C.J. Ferguson) [20; 21]. Помимо этого, необходимо отметить наличие у него замечаний в отношении подбора экспериментальных методик для получения данных об агрессивных тенденциях [20; 21], а также критических комментариев по поводу слабой доказательности положений концепции «Общая модель агрессии» («*General Aggression Model*» — *GAM*), активно продвигаемой К.А. Андерсоном. Концепция *GAM* предполагает, что игра в видеоигры с насильственным контентом приводит к усвоению моделей агрессивного поведения и, как следствие, к проявлению агрессивных тенденций в реальности. В качестве более убедительной альтернативы К.Дж. Фергюсон и его коллеги отмечают гипотезу о фрустрации [35], которую, в частности, разрабатывал Э. Пшибыльски (A. Przybylski), основываясь на концепции «Теория самодетерминации» («*Self-determination theory*» — *SDT*) [14]. В рамках гипотезы о фрустрации считается, что склонность к агрессии повышается в результате переживания фрустрации в видеоигре, а не ввиду наличия насильственного кон-

тента. Э. Пшибыльски, опираясь на концепцию *SDT*, уточняет, что наиболее значимым фактором риска является фрустрация потребности в чувстве компетентности, выражающейся в подтверждении собственной эффективности. В качестве второй альтернативы К.Дж. Фергюсон предлагает разработанную им «Катализаторную модель» («*Catalyst model*») [21; 36], в рамках которой отрицается причинно-следственная связь между увлеченностью видеоиграми с насильственным контентом и склонностью к агрессии; допускаются случаи, при которых более агрессивные пользователи чаще отдают предпочтение видеоиграм с насильственным контентом; продвигается необходимость изучения роли дополнительных переменных в рассматриваемой связи (например, социальных и генетических факторов) [36].

В рамках современных исследований стоит обратить внимание на еще один аспект, связанный с рассмотрением специфики видеоигр. Включенность в игровой процесс, реализация определенных действий, а также усвоение игрового опыта рассматриваются достаточно упрощенно, что находит отражение в организации сбора эмпирических данных, характеризующих особенности вовлеченности в видеоигру [4; 5]. Как правило, исследователи применяют метод опроса, подразумевающий самоотчет респондентов [5], либо рассматривают игровую сессию как целостную переменную [4; 5].

Представляется существенно важным детальное рассмотрение поведения как внешне наблюдаемой стороны игрового процесса и его психологического компонента. С одной стороны, это связано с принципами разработки видеоигр, а с другой — с особенностями реализации игровой деятельности. В статье будет использоваться определение Н. Эспозито (N. Esposito): «a game which we play thanks to an audiovisual apparatus and which can be based on a story» [цит. по: 4; 18]. Оно переводится как «игра, в рамках которой осуществляется игровая активность, опосредованная аудиовизуальной аппаратурой, и которая может базироваться на истории» [цит. по: 4], где «игра» (game) — это смоделированная система, структура которой задана правилами (механиками); а «игровая активность» (play) — это свободное движение в системе в соответствии с правилами [4]. Такое выделение игры (game) как системы подтверждают слова гейм-дизайнера Дж. Шелла об эндогенной ценности ее эле-

ментов [4; 31], что, в свою очередь, соотносится с представлениями о мнимой ситуации, возникающей в процессе переосмысления реальной действительности [2; 4]. Указанный момент позволяет подчеркнуть условный характер видеоигры и соотнести с таким типом игр [4], выделяемым Г.Г. Кравцовым и Е.Е. Кравцовой, как игры по правилам, в которых мнимая ситуация и правила также задаются разработчиками [2]. В этом контексте целесообразно рассматривать реализацию игровой деятельности как с внешней стороны, в плане подчинения контексту игровой ситуации, так и со стороны способности занимать в ее отношении двусубъектную позицию [4]. Двупозиционность, рассматриваемая Г.Г. Кравцовым и Е.Е. Кравцовой как главный критерий игровой деятельности [2], характеризует ее психологический аспект, позволяя специфическим образом осмыслить игровой опыт и оптимально соотнести его с реальной действительностью [4].

Следует отметить, что исследования, в которых реализовывался детальный анализ поведения во время игровой сессии или рассматривался психологический компонент игрового процесса, проводились. В качестве примера можно привести диссертационное исследование Д. Такси (D. Таху) в котором изучались особенности морального выбора в видеоиграх в соотношении со склонностью к агрессии. Данные об игровом процессе были получены с помощью авторского опросника, в рамках которого респонденты также должны были дать развернутый ответ на вопросы о причинах повторного прохождения видеоигр (в исследовании рассматривались видеоигры серий «Mass Effect», «Fable» и «Star Wars: Knights of the Old Republic») и сделанных моральных выборов. Это позволяло Д. Такси получить некоторую информацию о психологическом компоненте игрового процесса, подразумевавшем рефлексию игрового опыта [33]. Следует отметить исследование особенностей идентификации играющего с его аватаром, описанное в статье Э. Эш (E. Ash). Респонденты проводили сессию в симуляторе бокса, в ходе которой фиксировались их действия. Предполагалось, что факт совпадения расы аватара и играющего за него респондента будет влиять на его игровой процесс [5; 10]. Помимо этого, несколько исследований, где детально анализировалось игровое поведение, было кратко описано в диссертации Д. Такси [33].

Таким образом, **цель** настоящей статьи — выявление специфики построения исследований, направленных на изучение проблемы реализации игрового процесса в видеоиграх и агрессии в соотношении со спецификой игровой деятельности.

Чтобы проиллюстрировать распространенность таких исследований, был проведен поиск публикаций в зарубежных базах данных научного цитирования

«OpenAlex» и «Scopus», а также на российском информационно-аналитическом портале «Elibrary». Содержательную основу поискового запроса составили ключевые слова «play activity» («игровая деятельность») и «aggression» («агрессия»).

Следует обратить внимание на неоднозначность толкования термина «activity», используемого в формулировках поисковых запросов для платформ «OpenAlex» и «Scopus». Он соответствует русскоязычным понятиям: «деятельность» и «активность», которые, как правило, не рассматриваются как тождественные. При этом вопрос об их соотношении является дискуссионным. Например, с одной стороны, активность рассматривается как предпосылка деятельности, а с другой — как частный параметр деятельности, описывающий ее динамику [1]. В рамках статьи такая обобщенная трактовка термина «activity» представляется незначительным ограничением, так как общим моментом для точек зрения многих авторов является совместимость понятий «деятельность» и «активность». Но следует иметь в виду, что с позиций зарубежных исследователей круг явлений, соответствующий понятию «activity», достаточно широк, в то время как отечественные авторы рассматривают «деятельность» (термин включен в формулировку поискового запроса для электронного ресурса «Elibrary») более детально. Это предположительно находит отражение в подходах к построению исследований и, соответственно, в результатах поиска публикаций. По этой причине для отграничения статей по соответствующему ключевому слову были использованы автоматизированные средства баз данных научного цитирования. Отметим, что основные содержательные аспекты игровой деятельности были представлены ранее в статье. Далее, с опорой на них будут рассмотрены конкретные вопросы, поднимаемые в обозреваемых публикациях.

Полученная выборка публикаций (N = 532) была ограничена по критерию упоминания видеоигр в названиях, ключевых словах и аннотации. Наличие предварительного перечня публикаций позволило более детально их проанализировать. Учитывались следующие моменты: понятию «Video game» («Видеоигра») соответствуют синонимы «Electronic game» («Электронная игра») и «Digital game» («Цифровая игра»), оно включает частные понятия «Computer game» («Компьютерная игра») и «Online game» («Онлайн-игра»), а также всегда подразумевает в случаях, когда обсуждается игровое расстройство (код по МКБ-11: 6C51)¹. В результате были удалены публикации на историческую, современную политическую и спортивную тематику. В приоритете были психологические статьи (N = 37), посвященные рассмотрению видеоигр, а также публикации, рассматривающие психологический компонент увлеченности видео-

¹ МКБ-11. Глава 06. Психические и поведенческие расстройства и нарушения нейропсихического развития. Статистическая классификация: учебно-методическое пособие / Под общ. ред. Г.П. Костюка. М.: КДУ; Университетская книга, 2021. 430 с. DOI:10.31453/kdu.ru.91304.0143

играми и игровую деятельность. В этом обзоре будет уделено внимание публикациям, которые наиболее полно раскрывают проблематику, обозначенную в настоящей статье.

Основная часть

В рамках дальнейшего анализа публикации будут рассматриваться по темам, основанием для выделения которых будет специфика сбора данных об игровом процессе в видеоиграх с указанием преобладающего метода.

Отдельно выделены обзорные статьи — ввиду обобщения представленных в них исследований. Наиболее часто в качестве основной проблемы авторы рассматривают существующие противоречия в результатах исследований, описывающих и объясняющих негативные эффекты увлеченности видеоиграми, такие как влияние насильственного контента на агрессивные тенденции, аддиктивное поведение, обеднение социальных связей и снижение характеристик эмоционального интеллекта [11; 25; 29]. Дальнейшее рассмотрение проблемы проходит по двум следующим траекториям.

К первой можно отнести более подробное обсуждение противоречивых данных, получаемых в ходе исследований. В большей степени привлекает внимание замечание Н. Имрана (N. Imran) по поводу принятия профилактических мер при работе с рисками возникновения указанных выше эффектов. В своей статье автор ссылается на публикацию М.А. Морено (M.A. Moreno) и ее коллег, сотрудников Американской академии педиатрии (AAP) [25], представивших семейный план использования медиа «Family media use plan» [28]. Каждый компонент, входящий в состав этого инструмента, содержит краткий комментарий с объяснением его специфики и практические рекомендации по оптимизации менеджмента вовлеченности в медиaprостранство. План предназначен, в первую очередь, для людей, не обладающих специальными знаниями в области психологии [19]. Необходимо дополнительно обратить внимание на попытки объяснить отсутствие связи между частотой насильственных преступлений и увлеченностью видеоиграми с насильственным контентом. Например, Ш. Бэтти (S. Batty) предлагает ориентироваться на *гипотезу о катарсисе* и концепцию «Теория рутинной деятельности» («Routine activities theory» — RAT) [11].

Вторая траектория раскрывает положительные эффекты увлеченности видеоиграми. К ним относят улучшение когнитивных показателей, моторики, социальных навыков, эмоциональной компетентности [24; 32]; повышение склонности к просоциальному поведению [24; 29]; а также мотивационные факторы, которые могут стать ресурсом для организации обучения с элементами геймификации [29].

Подводя итог, следует отметить, что в фокусе внимания авторов обзоров находится факт наличия указанных выше эффектов, а также некоторые их содержательные особенности. Методы исследования осо-

бенностей игрового процесса не рассматриваются детально — уделяется внимание времени, отводимому на видеоигры, в контексте обсуждения зависимого поведения [25; 29].

Далее будет дано более детальное описание проблематики публикаций. Внимание также будет обращено на особенности исследования психологического компонента реализации игрового процесса.

Исследование увлеченности видеоиграми методом опроса

В статьях, отнесенных к этому типу, акцентируется внимание на видеоигровой зависимости [37], а также на взаимосвязи агрессии и увлеченности видеоиграми [26]. Использование метода опроса для сбора информации об особенностях реализации игрового процесса в рассматриваемых публикациях позволило выявить время, уделяемое видеоиграм [26; 37], и игровые предпочтения по бинарным признакам (предлагался выбор между однопользовательскими и многопользовательскими проектами [26], а также видеоиграми, содержащими насильственный контент и не содержащими его [30]). Следует отметить, что внимание также уделялось дополнительным переменным, таким как семейная устойчивость к факторам риска в связи с выбором насильственных или ненасильственных видеоигр [7], а также ситуация самоизоляции в период пандемии COVID-19 как фактор риска возникновения игровой зависимости [17].

Обратим внимание на то, что психологический компонент реализации игрового процесса частично рассматривается в публикации Х. Фрэнсис (H. Francis). Автор не исследует особенности рефлексии игрового опыта респондентами, но изучает их мотивацию к игре [22]. Этот момент можно рассматривать как корреспондирующий с особенностями игровой деятельности по причине того, что игровой мотив часто описывают в связи с ней [3; 6]. Также необходимо учитывать его специфический характер, заключающийся в том, что игровой мотив сфокусирован на процессе игры, а не на ее практическом результате — это внутренне мотивированная деятельность [3; 6].

Исследование Х. Фрэнсис было нацелено на выявление связи между увлеченностью соревновательными видеоиграми и склонностью к положительным или отрицательным эмоциональным реакциям. Также в этой связи рассматривался мотивационный компонент. В своей статье Х. Фрэнсис указывает на то, что включенность в соревновательные видеоигры у ряда авторов соотносится с усилением агрессивных тенденций [22]; дополнительно это положение поддерживается исследованиями К.Дж. Фергюсона и Э. Пшибыльски, проведенными в рамках проверки *гипотезы о фрустрации* [14; 35]. Описывая мотивационный компонент, Х. Фрэнсис пользуется концепцией *SDT*, на которую опирался Э. Пшибыльски [14], но Х. Фрэнсис акцентирует внимание на таких типах мотивации, как внешняя, внутренняя и отсутствие мотивации. У респондентов, которые играли чаще,

была выявлена более высокая внутренняя и внешняя мотивация, а также более высокая склонность к позитивным эмоциональным реакциям. Х. Фрэнсис обращает внимание на значимую прямую связь между выраженностью мотивации и эмоциональных реакций, как положительных, так и отрицательных [22]. Тем не менее, рассматривая результаты более детально, необходимо отметить тенденцию к более сильной связи между внутренней мотивацией и склонностью к позитивным эмоциональным реакциям, в то время как корреляция между внешней мотивацией и указанным типом эмоциональных реакций была слабой. Похожая, но более слабая тенденция наблюдается относительно негативных эмоциональных реакций (были выявлены слабые связи). Стоит указать на то, что утверждения, включенные в шкалу внутренней мотивации опросника «Шкала ситуационной мотивации» («*Situational Motivational Scale*» — *SIMS*), который использовалась Х. Фрэнсис [22], соотносятся со описанной выше спецификой игровой мотивации. Учитывая замечание Х. Фрэнсис относительно того, что негативные эмоции, получаемые во время сессии в соревновательной видеоигре, соотносятся с ситуацией проигрыша и агрессивными тенденциями [22], стоит отметить его близость к указанной выше гипотезе о фрустрации [14; 35] и обратить внимание на более выраженную разницу в типах эмоциональных реакций при внутренней мотивации, чем при внешней. Этот момент может быть интересен с точки зрения рассмотрения противоречий в результатах исследований, выстроенных на основе указанной гипотезы [35], а также в рамках анализа с позиций исследователей, изучающих способность к реализации игровой деятельности и ее специфическую мотивацию [3; 6]. Дополнительно, в целом, обратим внимание на условный характер любой игры и на построение в ней мнимой ситуации [2; 4], где все объекты и правила игры имеют эндогенную ценность, которая вне игровой ситуации не актуальна [4].

Рассмотрение сессии видеоигры как целостной переменной в эксперименте

Исследования, в которых сессия видеоигры выступает как целостная переменная, освещают в качестве основной проблемы эффекты, возникающие в результате игрового процесса. Рассматриваемые эффекты носят как позитивный, так и негативный характер и, в целом, содержательно соответствуют обозначенному выше кругу проблем.

Одним из заметных трендов, на которые следует обратить внимание, является построение объяснения эффектов вовлеченности в видеоигры с позиций психофизиологии. Так, риск игровой аддикции и повышения уровня агрессии связывают с изменениями в функционировании головного мозга, приводящим к ухудшению способности к саморегуляции [15]. С другой стороны, в лонгитюдном исследовании К.Х. Квак (К.Н. Kwak) эмпирическую поддержку получает противоположный эффект, при котором указанная спо-

собность улучшалась. Автор связал это с условиями построения экспериментальной ситуации, предполагавшими изучение влияния планирования времени, отводимого на видеоигры (респонденты составляли соответствующее расписание) [13]. Стоит отметить, что результаты, полученные К.Х. Квак, соотносятся с выводами А.А. Максимова о роли саморегуляции в снижении риска зависимости от видеоигр. А.А. Максимов также акцентирует внимание на том, что саморегуляция коррелирует с произвольностью игровой деятельности, которая развивается при условии реализации последней [3].

Положительные эффекты вовлеченности в видеоигры рассматривались, как правило, в контексте обсуждения вопросов обучения (в частности включения в него элементов геймификации) [8], улучшения когнитивных способностей [16] и развития эмоционального интеллекта [38].

Психологический аспект реализации игрового процесса затрагивался в исследованиях редко. Например, А. Диксит (А. Dixit) описывал изменения выраженности мотивов увлеченности видеоиграми (мотивы совладания, удовлетворения своих желаний, вовлеченности в игровой процесс, социальные мотивы) в лонгитюдном исследовании. В качестве независимой переменной выступало участие в сессиях видеоигры длительностью в 1 час, на протяжении 10 дней [16].

Привлекает внимание статья К.Л. Гровса (C.L. Groves), где описывалось исследование каузальной связи между контекстом видеоигры с насильственным контентом (реалистичным или нереалистичным) и агрессией. В качестве переменных, опосредующих эту связь, выступал конструкт «*fantasy tendency*» [цит. по: 23], склонность к фантазированию или увлеченность фантастикой (модератор), и вовлеченность в игровой процесс (медиатор) в рамках сессии, организованной экспериментаторами. Необходимо отметить, что К.Л. Гровс не поясняет содержание переменной «*fantasy tendency*», поэтому спектр видов деятельности, связанных с ней, может быть очень широк [23].

Результаты исследования показали, что респонденты с высоким показателем склонности к фантазированию, которых поместили в нереалистичную игровую ситуацию демонстрировали повышение уровня агрессии при высокой вовлеченности в игру. В качестве объяснительной модели, на которую опирался К.Л. Гровс, выступала концепция *GAM*. Исходя из нее, автор предполагал, что воздействие медиаконтента усиливается, если человек вовлечен в его контекст [23]. Тем не менее необходимо отметить, что сниженная реалистичность игрового пространства предположительно может подчеркивать условный характер видеоигры, а степень вовлеченности в игровой процесс — оказывать влияние на способность занять двусубъектную позицию. Стоит подчеркнуть, что принятие двусубъектной позиции в игровой деятельности может носить не симультанный, а последовательный характер (в ситуации игры принимается внутриигровая позиция, соответствующая, например, игровой роли;

после игры — позиция вне игры, предполагающая выход из игровой роли и рефлексии игрового опыта). Как правило, это более характерно для игр, в которых на первый план выходят правила, в том числе закрепляющие определенные функции за игровыми объектами, а воображаемая ситуация менее очевидна [2]. Поэтому в рамках рассматриваемого исследования были бы ценны данные о содержательных особенностях восприятия и рефлексии полученного игрового опыта.

Анализ поведения респондентов в ходе игровой сессии

Для исследований, подвергающих анализу игровой процесс, характерно существенное возрастание роли метода наблюдения, позволяющего фиксировать определенные игровые события или действия. Как указывалось ранее, они встречаются достаточно редко. Можно выделить публикацию С. Пишона (S. Pichon), в которой присутствует описание использования данных, полученных в результате наблюдения за поведением в игре. Следует отметить, что видеоигры использовались для моделирования экспериментальных ситуаций, в которых оценивалась склонность к альтруизму, а информация об особенностях увлеченности видеоиграми собиралась ранее, в ходе опросов — С. Пишон с коллегами использовали полученные базы данных для отбора респондентов. Одно из предположений авторов касалось того, что люди, предпочитающие видеоигры, обозначенные как принадлежащие жанру «экшен» (респонденты соответствующей группы играли в шутеры от 1-го и 3-го лица не менее 5 часов в неделю), будут менее склонны к альтруистическому поведению по сравнению с участниками из контрольной группы, которые играли не более часа в неделю в видеоигры указанного типа и не более 5 часов в видеоигры любого типа.

Эта гипотеза эмпирической поддержки не получила (различия между группами респондентов не были статистически значимыми), но она интересна тем, что для оценки склонности к альтруизму применялись игра «Диктатор» и видеоигра «The Zurich prosocial game», разработанные как методики для проведения экспериментов. Информация, полученная в ходе интерпретации данных о решениях, принятых респондентами в играх (передача части очков другому участнику в игре «Диктатор» и помощь другому участнику в преодолении пути в видеоигре «The Zurich prosocial game»), использовалась для характеристики склонности к проявлению альтруизма. Дополнительно экспериментаторы сообщали респондентам, что очки, заработанные во время игровых сессий, будут конвертированы в реальные деньги и переданы им [34].

Комментируя представленные методики, можно отметить типичные для лабораторных экспериментов ограничения, касающиеся невозможности распространения полученных данных на широкий круг реальных ситуаций. Важным аспектом ситуаций, смоделированных С. Пишоном и коллегами, является акцентирование внимания респондентов на реальном вознаграждении, которое они получают после игр и которое

будет зависеть от их результатов. Можно предположить, что этот момент позволяет в некоторой степени преодолеть условный характер игр ввиду актуализации внешнего относительно игровой ситуации мотива и тем самым немного приблизить экспериментальные ситуации к действительности. Но для обоснования этого предположения целесообразен учет особенностей осмысления респондентами полученного опыта.

Ограничения статьи

Необходимо подчеркнуть, что настоящая статья не является систематическим обзором, несмотря на то, что содержит его элементы в плане поиска, отбора и сортировки анализируемых публикаций по тематическим группам. Основной задачей, для решения которой были включены указанные элементы, было получение перечня публикаций, соответствующих проблематике настоящей статьи, для их последующего содержательного анализа.

Таким образом, в качестве ограничений следует отметить ряд методологических аспектов, которые могли внести искажения в репрезентативность полученной выборки публикаций: наличие различий в перечнях типов публикаций, по которым проводился поиск на разных платформах (в поисковом запросе для «Scopus» не обозначались типы статей; в «OpenAlex» поиск проводился среди типов публикаций «статья» («article») и «обзор» («review»), на «Elibrary» — среди типов публикаций «статьи в журналах» и «материалы конференций»); отсутствие контроля качества отбираемых статей.

Упомянутые искажения представляются малозначительными относительно цели настоящей статьи. Но в случае постановки цели, предполагающей количественный анализ выборки публикаций, возможное снижение ее репрезентативности, как следствие указанных методологических допущений, представляется существенным и требует контроля.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что в настоящей статье основной проблематикой, выступившей содержательным контекстом рассмотрения организации исследований игрового процесса в видеоиграх, стала взаимосвязь увлеченности видеоиграми и агрессией. Поэтому представляется важным кратко описать его особенности.

- Как правило, в исследованиях рассматриваются не только негативные эффекты, связанные с использованием видеоигр, к которым относится склонность к агрессии, но и положительные. В основном, авторы обсуждают соотношение эффектов, относимых к какой-либо из указанных групп, и делают выводы о значимости соответствующих рисков и возможностей для развития определенных навыков и способностей.

- Сопутствующие темы, изучаемые наряду с агрессией, включают проблемное использование видеоигр (риск зависимого поведения), динамику психофизиологических особенностей и фактор саморегуляции, вовлеченность и погруженность в игровой процесс, мотивационный аспект, развитие когнитивной сфер и другие. Также они вносят дополнения в понимание особенностей связи увлеченности видеоиграми и агрессии, а их обсуждение подчеркивает ее комплексный характер.

- Основной акцент, обсуждаемый в статье, касался особенностей сбора эмпирических данных об игровом процессе. Необходимо выделить основные моменты.

- Обозначенные в рамках статьи типы сбора эмпирических данных о специфике игрового процесса включают: использование метода опроса, направленного на выявление игровых предпочтений, от которых могут зависеть определенные стилевые паттерны, и времени, отводимого на видеоигры; включение игровой сессии как целостной переменной для выявления различных эффектов (некоторые из них были обозначены выше); наблюдение за игровым процессом, позволяющее выявить различия в реализуемых тактиках в рамках одной игровой ситуации. Был замечен дефицит исследований, в которых сбор данных проводился по 3-му типу из перечисленных.

- Из психологических аспектов игрового процесса исследователи обращали внимание на мотивацию к игре, в то время как более полная рефлексия игрового опыта не была в фокусе внимания. Тем не менее данные об особенностях восприятия и интерпретации игровых событий с точки зрения оценки выраженности способности к игровой деятельности могли бы дополнить полученные результаты и, вероятно, углубить выводы, сделанные в исследованиях связи увлеченности видеоиграми и агрессии. В качестве примера стоит отметить такой аспект, как восприятие фрустрирующих событий, переживаемых в игре, в том числе в соотношении с мотивом вовлеченности в видеоигру. Также видится интересным вопрос соотношения способности респондентов к игровой деятельности с таки-

ми переменными, как реалистичность игрового пространства и вовлеченность в игровой контекст в контексте обсуждаемой проблематики.

В рамках дальнейших исследований представляется важным обратить внимание на наличие у любой игры особенностей, которые не позволяют ее отождествлять с реальной действительностью. В первую очередь — это собственная система правил, имеющая расхождения с закономерностями реальной действительности, а также условный характер игры, предполагающий возможность свободно переосмыслить игровые объекты, события и процессы. Поэтому при изучении видеоигр целесообразно актуализировать вопросы, связанные со спецификой переработки получаемого игрового опыта и его отражения на избираемых тактиках игры. Например, это может быть в контексте исследования успешности реализации двусубъектной позиции и, следовательно, игровой деятельности, в определенной игровой ситуации.

В заключение стоит отметить публикации, уделяющие внимание проблеме обесценивания детской игры [27] и создания подходящей среды, в которой дети могли бы играть [6; 27]. С учетом того, что генезис игровой деятельности происходит в дошкольном возрасте, в ходе соответствующей ему ведущей деятельности, указанная проблема представляется актуальной, так как некоторые игры требуют от человека развитой способности к игровой деятельности для того, чтобы он мог успешно ее в них реализовывать [2]. Это относится, например, к настольным играм и видеоиграм, в которых на первый план выходят правила (или механики), а игровая ситуация задается объектами, выполняющими в ее рамках определенные функции [2]. Следует подчеркнуть, что способность к игровой деятельности целесообразно характеризовать как протективный фактор по отношению к некоторым рискам, например к зависимости от компьютерных игр [3]. Также она позволяет более продуктивно использовать игровые техники для психокоррекционной и развивающей работы, в частности, представляется возможным рассматривать потенциал видеоигр в этих видах деятельности [2].

Литература

1. *Вылегжанина С.Ю.* О соотношении категорий «Активность» и «Деятельность» в психолого-педагогических исследованиях // Экономика образования. 2013. № 3. С. 112—116.
2. *Кравцов Г.Г., Кравцова Е.Е.* Психология игры: культурно-исторический подход. М.: Левь, 2017. 338 с.
3. *Кравцова Е.Е., Максимов А.А.* Чему мешает и чему помогает игра // Образовательная политика. 2014. № 4(66). С. 31—43.
4. *Пономарева Е.С.* Видеоигра как исследовательский инструмент. Экспертные оценки видеоигр [Электронный ресурс] // Психология и Психотехника. 2024. № 1. С. 179—195. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70080 (дата обращения: 06.07.2024). DOI:10.7256/2454-0722.2024.1.70080
5. *Пономарева Е.С.* Видеоигры и агрессия: обзор зарубежных исследований // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 3. С. 169—199. DOI:10.11621/vsp.2022.03.09
6. *Теплова А.Б., Чернушевич В.А.* Аксиологический и методологический анализ народных игр // Психолого-педагогические исследования. 2021. Том 13. № 4. С. 22—38. DOI:10.17759/psyedu.2021130402
7. *Alshehri A.G., Mohamed A.M.A.S.* The relationship between electronic gaming and health, social relationships, and physical activity among males in Saudi Arabia // American Journal of Men's Health. 2019. Vol. 13. № 4. P. 1—6. DOI:10.1177/155798831987351

8. *Angham T., Saleh J.* Using Wordscapes game as a tool to develop EFL learners' vocabulary repertoire // *Journal of the College of Basic Education*. 2019. Vol. 25. № 105. P. 129—147.
9. APA Resolution on Violent Video Games [Электронный ресурс] / the APA Council of Representatives // American Psychological Association. 2020. 3 p. URL: <https://www.apa.org/about/policy/resolution-violent-video-games.pdf> (дата обращения: 06.07.2024).
10. *Ash E.* Priming or proteus effect? Examining the effects of avatar race on in-game behavior and post-play aggressive cognition and affect in video games // *Games and Culture*. 2016. Vol. 11. № 4. P. 422—440. DOI:10.1177/1555412014568870
11. *Batty S.* A Positive side of violent video game play: The negative correlation between violent video game play and violent crime // *University of Saskatchewan Undergraduate Research Journal*. 2020. Vol. 6. № 3. P. 1—10. DOI:10.32396/usurj.v7i1.473
12. *Bushman B.J., Anderson C.A.* Solving the puzzle of null violent media effects // *Psychology of Popular Media*. 2021. Vol 12(1). P. 1—9. DOI:10.1037/ppm0000361
13. Comparison of behavioral changes and brain activity between adolescents with internet gaming disorder and student pro-gamers / К.Н. Kwak, H.C. Hwang, S.M. Kim, D.H. Han // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. № 2. 1—12. DOI:10.3390/ijerph17020441
14. Competence-impeding electronic games and players' aggressive feelings, thoughts, and behaviors / A.K. Przybylski, E.L. Deci, C.S. Rigby, R.M. Ryan // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2014. Vol. 106. № 3. P. 441—457. DOI:10.1037/a0034820
15. Decreased prefrontal activity during a cognitive inhibition task following violent video game play: a multi-week randomized trial / T.A. Hummer, W.G. Kronenberger, Y. Wang, V.P. Mathews // *Psychology of Popular Media Culture*. 2019. Vol. 8. № 1. P. 63—75. DOI:10.1037/ppm0000141
16. *Dixit A., Sinha D., Ramachandran H.* Effects of video games on executive control, aggression and gaming motivation // *BioRxiv*. 2021. 16 p. DOI:10.1101/2021.08.15.456380
17. *Elsayed W.* Covid-19 pandemic and its impact on increasing the risks of children's addiction to electronic games from a social work perspective // *Heliyon*. 2021. Vol. 7. № 12. Article ID e08503. P. 223—236. DOI:10.1016/j.heliyon.2021.e08503
18. *Esposito N.A.* Short and simple definition of what a videogame is // *DiGRA 2005 Conference: Changing Views — Worlds in Play*. 2005. 6 p.
19. Family Media Plan [Электронный ресурс] // American Academy of Pediatrics. URL: <https://www.healthychildren.org/English/fmp/Pages/MediaPlan.aspx> (дата обращения: 06.07.2024).
20. *Ferguson C.J.* Aggressive video games research emerges from its replication crisis (Sort of) // *Current Opinion in Psychology*. 2020. Vol. 36. P. 1—6. DOI:10.1016/j.copsyc.2020.01.002
21. *Ferguson C.J.* An evolutionary model for aggression in youth: Rethinking aggression in terms of the Catalyst Model // *New Ideas in Psychology*. 2023. Vol. 70. P. 1—8. DOI:10.1016/j.newideapsych.2023.101029
22. *Francis H.* A study on the positive and negative emotional response of frequent and non-frequent video game players // *Psychology | Senior Theses*. 2021. Vol. 6. 30 p. DOI:10.33015/dominican.edu/2021.PSY.ST.01
23. *Groves C.L., Plante C., Lishner D.A.* The interaction of contextual realism and fantasy tendency on aggressive behavior following violent video game play: An indirect test of violent content effects // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 98. P. 134—139. DOI:10.1016/j.chb.2019.04.006
24. *Halbrook Y.J., O'Donnell A.T., Msefi R.M.* When and how video games can be good: a review of the positive effects of video games on well-being // *Perspectives on Psychological Science*. 2019. Vol. 14. № 6. P. 1096—1104. DOI:10.1177/1745691619863807
25. *Imran N., Ain Q.U., Hashmi A.M.* Video games and violence: the onslaught on young minds // *Journal of Postgraduate Medical Institute*. 2022. Vol. 36. № 1. P. 1—2. DOI:10.54079/jpmi.36.1.3095
26. *Karlsson K.E.* The relationship between anger, aggression and video gaming: BSc in Psychology. Reykjavik, 2019. ID number: 211293-3309. 29 p.
27. *Leibowitz J.A.* Protecting play: It's a matter of life and death // *Journal of Infant, Child, and Adolescent Psychotherapy*. 2020. Vol. 19. № 2. P. 125—133. DOI:10.1080/15289168.2020.1755085
28. Media use in school-aged children and adolescents / M.A. Moreno, Y.L.R. Chassiakos, C. Cross [et al.] // *Pediatrics*. 2016. Vol. 138. № 5. P. 1—6. DOI:10.1542/peds.2016-2592
29. *Palczyńska M.* Computer games as a subject of psychological research — negative and positive aspects of gaming // *Replay. The Polish Journal of Game Studies*. 2022. Vol. 1. № 9. P. 11—41. DOI:10.18778/2391-8551.09.02
30. *Radetić-Paić M.* Video games with violent contents and family resilience factors // *International Journal of Innovation and Learning*. 2019. Vol. 25. № 3. P. 223—236. DOI:10.1504/IJIL.2019.098883
31. *Schell J.* *The Art of Game Design: A Book of Lenses*. Burlington: Elsevier, 2008. 512 p.
32. *Seenivasan R.* An analysis of addiction for violent online game in adolescent: virtual ethnography // *The Expression Journal*. 2019. Vol. 5. № 2. P. 43—52.
33. *Taxy D.* *The person or the game: player video game choices for good and evil and context for aggressive behavior: diss. ... doctor of psychology*. San Francisco, 2017. 80 p.
34. The link between competitive personality, aggressive and altruistic behaviors in action video game players / S. Pichon, L. Antico, J. Chanal, T. Singer, D. Bavelier // *PsyArXiv*. 2019. 41 p. DOI:10.31234/osf.io/te83n

35. Video games, frustration, violence, and virtual reality: Two studies / C.J. Ferguson, A. Gryshyna, J.S. Kim, E. Knowles, Z. Nadeem, I. Cardozo, C. Esser, V. Trebbi, E. Willis // *British journal of social psychology*. 2021. Vol. 61. № 1. P. 83—99. DOI:10.1111/bjso.12471
36. Violent Video Games and Aggression: Causal Relationship or Byproduct of Family Violence and Intrinsic Violence Motivation? / C.J. Ferguson, S.M. Rueda, A.M. Cruz, D.E. Ferguson, S. Fritz, S.M. Smith // *Criminal justice and behavior*. 2008. Vol. 35. № 3. P. 311—332. DOI:10.1177/0093854807311719
37. Zhu D., Huang S., Wang J. A study of experiencing flow through online games interaction exercise // *Current Psychology*. 2023. Vol. 43. P. 12522—12534. DOI:10.1007/s12144-023-05273-x
38. Zinovieva T., Kolot S. Enhancing students' emotional intelligence with game-based learning as an ICT tool // *Open educational e-environment of modern University*. 2023. № 15. P. 46—61. DOI:10.28925/2414-0325.2023.154

References

- Vylegzhanina S.Yu. O sootnoshenii kategorii «Aktivnost'» i «Deyatel'nost'» v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh [The correlation of “Dynamic” and “Active” categories in psychological and pedagogic research papers]. *Ekonomika obrazovaniya = Economics of Education*, 2013, no. 3, pp. 112—116. (In Russ.).
- Kravtsov G.G., Kravtsova E.E. Psikhologiya igry: kul'turno-istoricheskii podkhod [Psychology of play: a cultural-historical approach]. Moscow: Lev», 2017. 338 p. (In Russ.).
- Kravtsova E.E., Maksimov A.A. Chemu meshaet i chemu pomogaet igra [What helps and what prevents the game]. *Obrazovatel'naya politika = Education policy*, 2014, no. 4(66), pp. 31—43. (In Russ.).
- Ponomareva E.S. Videoigra kak issledovatel'skii instrument. Ekspertnye otsenki videoigr [Elektronnyi resurs] [Video game as a research tool. Video games analysis]. *Psikhologiya i Psikhotehnika = Psychology and Psychotechnics*, 2024, no. 1, pp. 179—195. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70080 (Accessed: 06.07.2024). DOI:10.7256/2454-0722.2024.1.70080 (In Russ.).
- Ponomareva E.S. Videoigry i agressiya: obzor zarubezhnykh issledovaniy [Video Games and Aggression: the Major Trends in Foreign Studies]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Moscow University Psychology Bulletin*, 2022, no. 3, pp. 169—199. DOI:10.11621/vsp.2022.03.09 (In Russ.).
- Teplova A.B., Chernushevich V.A. Aksiologicheskii i metodologicheskii analiz narodnykh igr [Axiological and methodological analysis of folk games] // *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2021. Vol. 13, no. 4, pp. 22—38. DOI:10.17759/psyedu.2021130402 (In Russ.).
- Alshehri A.G., Mohamed A.M.A.S. The relationship between electronic gaming and health, social relationships, and physical activity among males in Saudi Arabia. *American Journal of Men's Health*. 2019. Vol. 13. no. 4, pp. 1—6. DOI:10.1177/155798831987351
- Angham T., Saleh J. Using Wordscapes game as a tool to develop EFL learners' vocabulary repertoire. *Journal of the College of Basic Education*, 2019. Vol. 25, no. 105. pp. 129—147.
- APA Resolution on Violent Video Games [Elektronnyi resurs]. The APA Council of Representatives. *American Psychological Association*, 2020, 3 p. URL: <https://www.apa.org/about/policy/resolution-violent-video-games.pdf> (Accessed: 06.07.2024).
- Ash E. Priming or proteus effect? Examining the effects of avatar race on in-game behavior and post-play aggressive cognition and affect in video games. *Games and Culture*, 2016. Vol. 11, no. 4, pp. 422—440. DOI:10.1177/1555412014568870
- Batty S. A Positive side of violent video game play: The negative correlation between violent video game play and violent crime. *University of Saskatchewan Undergraduate Research Journal*, 2020. Vol. 6, no. 3, pp. 1—10. DOI:10.32396/usurj.v7i1.473
- Bushman B.J., Anderson C.A. Solving the puzzle of null violent media effects. *Psychology of Popular Media*, 2021. Vol 12(1), pp. 1—9. DOI:10.1037/ppm0000361
- Kwak K.H., Hwang H.C., Kim S.M., Han D.H. Comparison of behavioral changes and brain activity between adolescents with internet gaming disorder and student pro-gamers. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020. Vol. 17, no. 2, pp. 1—12. DOI:10.3390/ijerph17020441
- Przybylski A.K., Deci E.L., Rigby C.S., Ryan R.M. Competence-impeding electronic games and players' aggressive feelings, thoughts, and behaviors. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2014. Vol. 106, no. 3, pp. 441—457. DOI:10.1037/a0034820
- Hummer T.A., Kronenberger W.G., Wang Y., Mathews V.P. Decreased prefrontal activity during a cognitive inhibition task following violent video game play: a multi-week randomized trial. *Psychology of Popular Media Culture*, 2019. Vol. 8, no. 1, pp. 63—75. DOI:10.1037/ppm0000141
- Dixit A., Sinha D., Ramachandran H. Effects of video games on executive control, aggression and gaming motivation. *bioRxiv*, 2021, 16 p. DOI:10.1101/2021.08.15.456380
- Elsayed W. Covid-19 pandemic and its impact on increasing the risks of children's addiction to electronic games from a social work perspective. *Heliyon*, 2021. Vol. 7, no. 12, article ID e08503, pp. 223—236. DOI:10.1016/j.heliyon.2021.e08503

18. Esposito N. A Short and Simple Definition of What a Videogame Is. *DiGRA 2005 Conference: Changing Views — Worlds in Play*, 2005, 6 p.
19. Family Media Plan [Elektronnyi resurs] // *American Academy of Pediatrics*. URL: <https://www.healthychildren.org/English/fmp/Pages/MediaPlan.aspx> (Accessed: 06.07.2024).
20. Ferguson C.J. Aggressive video games research emerges from its replication crisis (Sort of). *Current Opinion in Psychology*, 2020. Vol. 36, pp. 1—6. DOI:10.1016/j.copsyc.2020.01.002
21. Ferguson C.J. An evolutionary model for aggression in youth: Rethinking aggression in terms of the Catalyst Model. *New Ideas in Psychology*, 2023. Vol. 70, pp. 1—8. DOI:10.1016/j.newideapsych.2023.101029
22. Francis H. A study on the positive and negative emotional response of frequent and non-frequent video game players. *Psychology | Senior Theses*, 2021. Vol. 6, 30 p. DOI:10.33015/dominican.edu/2021.PSY.ST.01
23. Groves C.L., Plante C., Lishner D.A. The interaction of contextual realism and fantasy tendency on aggressive behavior following violent video game play: An indirect test of violent content effects. *Computers in Human Behavior*, 2019. Vol. 98, pp. 134—139. DOI:10.1016/j.chb.2019.04.006
24. Halbrook Y.J., O'Donnell A.T., Msetfi R.M. When and how video games can be good: a review of the positive effects of video games on well-being. *Perspectives on Psychological Science*, 2019. Vol. 14, no. 6, pp. 1096—1104. DOI:10.1177/1745691619863807
25. Imran N., Ain Q.U., Hashmi A.M. Video games and violence: the onslaught on young minds. *Journal of Postgraduate Medical Institute*, 2022. Vol. 36, no. 1, pp. 1—2. DOI:10.54079/jpmi.36.1.3095
26. Karlsson K.E. The relationship between anger, aggression and video gaming. BSc in Psychology. Reykjavik, 2019. ID number: 211293-3309. 29 p.
27. Leibowitz J.A. Protecting play: It's a matter of life and death // *Journal of Infant, Child, and Adolescent Psychotherapy*, 2020. Vol. 19, no. 2, pp. 125—133. DOI:10.1080/15289168.2020.1755085
28. Moreno M.A., Chassiakos Y.L.R., Cross C. [et al.] Media use in school-aged children and adolescents. *Pediatrics*, 2016. Vol. 138, no. 5, pp. 1—6. DOI:10.1542/peds.2016-2592
29. Paleczna M. Computer games as a subject of psychological research — negative and positive aspects of gaming *Replay*. *The Polish Journal of Game Studies*, 2022. Vol. 1, no. 9, pp. 11—41. DOI:10.18778/2391-8551.09.02
30. Radetić-Paić M. Video games with violent contents and family resilience factors. *International Journal of Innovation and Learning*, 2019. Vol. 25, no. 3, pp. 223—236. DOI:10.1504/IJIL.2019.098883
31. Schell J. *The Art of Game Design: A Book of Lenses*. Burlington: Elsevier, 2008. 512 p.
32. Seenivasan R. An analysis of addiction for violent online game in adolescent: virtual ethnography. *The Expression Journal*, 2019. Vol. 5, no. 2, pp. 43—52.
33. Taxy D. The person or the game: player video game choices for good and evil and context for aggressive behavior. Diss. ... doctor of psychology. San Francisco, 2017. 80 p.
34. Pichon S., Antico L., Chanal J., Singer T., Bavelier D. The link between competitive personality, aggressive and altruistic behaviors in action video game players. *PsyArXiv*. 2019, 41 p. DOI:10.31234/osf.io/te83n
35. Ferguson C.J., Gryshyna A., Kim J.S., Knowles E., Nadeem Z., Cardozo I., Esser C., Trebbi V., Willis E. Video games, frustration, violence, and virtual reality: Two studies. *British journal of social psychology*, 2021. Vol. 61, no. 1, pp. 83—99. DOI:10.1111/bjso.12471
36. Ferguson C.J., Rueda S.M., Cruz A.M., Ferguson D.E., Fritz S., Smith S.M. Violent Video Games and Aggression: Causal Relationship or Byproduct of Family Violence and Intrinsic Violence Motivation? // *Criminal justice and behavior*. 2008. Vol. 35. № 3. P. 311—332. DOI:10.1177/0093854807311719
37. Zhu D., Huang S., Wang J. A study of experiencing flow through online games interaction exercise. *Current Psychology*, 2023. Vol. 43, pp. 12522—12534. DOI:10.1007/s12144-023-05273-x
38. Zinovieva T., Kolot S. Enhancing students' emotional intelligence with game-based learning as an ICT tool. *Open educational e-environment of modern University*, 2023, no. 15, pp. 46—61. DOI:10.28925/2414-0325.2023.154

Информация об авторах

Пономарева Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1899-9807>, e-mail: esp_st@mail.ru

Information about the authors

Ekaterina S. Ponomareva, PhD Student, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1899-9807>, e-mail: esp_st@mail.ru

Получена 15.07.2024

Принята в печать 22.08.2024

Received 15.07.2024

Accepted 22.08.2024

Информационно-психологическая безопасность сотрудников силовых структур и правоохранительных органов: состояние и перспективы исследований

Поздняков В.М.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru*

Петров В.Е.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru*

Кокурин А.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ);
Московский государственный юридический университет (ФГБОУ ВО «МГЮА имени О.Е. Кутафина»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail: kokurin1@bk.ru*

Статья посвящена анализу проблематики обеспечения информационно-психологической безопасности представителей силовых структур и правоохранительных органов. В фокусе внимания были такие аспекты: как обеспечение личной безопасности на уровне усвоенности образцов оптимального должностного поведения в работе с информацией; тотальная информатизация деятельности ведомств и проблема специальной профессиональной подготовки сотрудников; отработка технологий информационно-психологической безопасности при ведущейся гибридной войне; анализ последствий негативного информационно-психологического воздействия на личный состав силовых и правоохранительных ведомств; исследование роли СМИ и соцсетей Интернета в нарушениях информационно-психологической безопасности. Материал позволяет сориентироваться в зарубежных подходах к противодействию информационным угрозам сотрудникам силовых структур и правоохранительных органов. Авторами показывается, что информационно-психологическое контрвоздействие в современных условиях проведения Россией специальной военной операции на Украине и расширения санкций должно быть доктринально регламентировано государством, а не только в силовых и правоохранительных ведомствах. В качестве перспективных исследований выделены: прогнозирование психологических угроз, психологическая устойчивость и безопасность в области коммуникации с населением при чрезвычайной ситуации, влияние недостоверной информации на правосознание и межличностные отношения в правоохранительной среде, информационная пропаганда и преодоление дефицита (ограничения) актуальной для общества информации.

Ключевые слова: информационно-психологические специальные операции, безопасность личности, гибридная война, информационно-психологическая безопасность, информационно-психологическое воздействие и контрвоздействие, информационный стресс.

Для цитаты: Поздняков В.М., Петров В.Е., Кокурин А.В. Информационно-психологическая безопасность сотрудников силовых структур и правоохранительных органов: состояние и перспективы исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 143—150. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130313>

Information and Psychological Security of Employees of Law Enforcement Agencies and Law Enforcement Agencies: The State and Prospects of Research

Vyacheslav M. Pozdnyakov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1142-8857, e-mail: pozdnyakov53@mail.ru

Vladislav E. Petrov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7854-4807, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Alexey V. Kokurin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation
Moscow State University of Law, named after O.E. Kutafin, Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0454-1691, e-mail: kokurin1@bk.ru

The article is devoted to the analysis of issues related to ensuring informational and psychological security for members of the security forces and law enforcement agencies. The focus is on such aspects as: ensuring personal security at the level of assimilating patterns of optimal official behavior in working with information; the total informatization of agency activities and the problem of special professional training of employees; the development of informational and psychological security technologies during ongoing hybrid warfare; analysis of the consequences of negative informational and psychological impacts on the personnel of security and law enforcement agencies; and the study of the role of the media and social networks in violating informational and psychological security. The material provides an orientation towards foreign approaches to countering informational threats to employees of security forces and law enforcement agencies. The authors show that informational and psychological counteraction, under the current conditions of Russia's special military operation in Ukraine and the expansion of sanctions, should be doctrinally regulated by the state, not only within security and law enforcement agencies. Prospective research areas identified include: forecasting psychological threats, psychological resilience and security in communication with the population during emergencies, the impact of false information on legal consciousness and interpersonal relations in the law enforcement environment, informational propaganda, and overcoming the deficit (limitations) of information relevant to society.

Keywords: informational and psychological special operations, personal security, hybrid warfare, informational and psychological security, informational and psychological impact and counteraction, informational stress.

For citation: Pozdnyakov V.M., Petrov V.E., Kokurin A.V. Information and Psychological Security of Employees of Law Enforcement Agencies and Law Enforcement Agencies: The State and Prospects of Research [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2024. Vol. 13, no. 3, pp. 143—150. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130313> (In Russ.).

Введение

Среди различных факторов, оказывающих значимое влияние на надежность и успешность деятельности силовых структур и правоохранительных органов, особое место отводится обеспеченности безопасности сотрудников. Экстремальные условия труда неизбежно негативно воздействуют как на личность отдельного сотрудника, так и на служебные коллективы подразделений и организацию в целом. Дополнительно астенические переживания у личного состава возникают из-за информационной агрессии в отношении них в рамках проплаченных информационных акций в СМИ и социальных сетях Интернета, нацеленных на дезориентацию, деморализацию и дезорганизацию. Поэтому обеспечение безопасности является первоосновой субъектной активности личного состава правоохранительных органов и силовых структур при выполнении

профессиональных задач как в повседневных условиях, так и особенно в экстремальных ситуациях [14].

Обеспечение информационно-психологической составляющей безопасности представителей силовых структур и правоохранительных органов рассматривается зарубежными учеными как: 1) состояние защищенности личности, социальной группы и организации и 2) комплекс реализуемых мер по превенции и преодолению негативного информационно-психологического воздействия. Указанная проблематика находит широкое отражение в исследованиях как на теоретико-методологическом уровне, так и в прикладных научных разработках, причем сегодня ставится в фокус внимания, в первую очередь, в политологии, военном деле, юриспруденции, в психологии, педагогике [2; 7; 8]. Однако именно экстремальная психология позиционирует информационно-психологическую безопасность представителей силовых структур и правоохрани-

нительных органов как центральную категорию, характеризующую пребывание и активность субъектов труда в особых условиях. Принимая во внимание актуальность изучения зарубежного опыта в области состояния и перспектив информационно-психологической безопасности сотрудников силовых структур и правоохранительных органов, нами были проведены анализ и систематизация соответствующих публикаций.

Результаты исследования

Анализ зарубежных публикаций позволяет констатировать, что феноменология информационно-психологической безопасности не только является предметом разноплановых научных исследований [11; 12; 16], но и активно обсуждается в СМИ в диалоге экспертов и представителей общественности. К имеющемуся многообразию публикаций, на наш взгляд, можно применить критерий анализа, который позволяет их по статусу дифференцировать на два модуля: 1) модуль проблемно-постановочных публикаций (связан с проблематикой уровней безопасности, но психологические явления в центр внимания не ставятся); 2) модуль научных психологических публикаций, раскрывающих исследования различных аспектов информационно-психологической безопасности. В первом случае предполагается и широкий читательский адрес, так как ведется обсуждение злободневного для аудитории вопроса роли информации в комплексной безопасности жизнедеятельности; а во втором случае материал опирается преимущественно на выявленные учеными особенности информационно-психологического воздействия на представителей силовых ведомств, последствия подобного влияния, возможности превенции и контрвоздействий.

В модуле проблемно-постановочных публикаций представлен ряд узловых тем.

1. Во многих зарубежных публикациях под информационно-психологической безопасностью понимается защищенность людей от вредного воздействия на них как стихийно влияющих потоков информации, так и целевых воздействий в рамках ведущихся информационно-психологических войн или отдельных информационно-психологических операций. В отношении сотрудников силовых структур и правоохранительных органов в публикациях широко обсуждается *вопрос оптимального должностного поведения в работе с информацией*, причем в ракурсе обеспечения личной безопасности на уровне усвоенности образцов (правил, стандартов, технологий) поиска, обмена и хранения информации. Так, Р. Силберглитт, Б.Г. Чоу, Дж. С. Голливуд и др. (R. Silbergliitt, B.G. Chow, J.S. Hollywood и др.), описывая перспективы развития информационных технологий в сфере правоохранения, делают акцент на всеобщей информатизации, на роли персонала как лиц, осуществляющих контроль информационных систем безопасности, на замене сотрудников системами искус-

ственного интеллекта и их возможностями для принятия решений. Рассматриваются проблемы интеграции человеческих возможностей и достижений в сфере высоких технологий, разработки стандартов информационно-психологической безопасности и корректности работы техники [3].

Идея развития информационно-психологических технологий с позиции безопасности труда представителей силовых ведомств нашла продолжение в публикации Дж. С. Голливуд, Дж. Э. Бун, Р. Силберглитт и др. (J.S. Hollywood, J.E. Boon, R. Silbergliitt и др.). Речь ведется о возможностях личного состава оперативно и в полном объеме использовать доступные информационные ресурсы, так как возможно негативное влияние избыточных сведений на психику сотрудников [7]. В составе интегральной характеристики, способствующей достижению в ходе специального обучения идентичности с профессией, К. Линклатер (K. Linklater) выделяет информационно-психологическую компетентность (умение безопасно работать с психотравмирующей информацией, в условиях действия интенсивного информационного стресса) [10]. Согласно мнению С.М. Кокс, С. Маркионна и Б.Д. Фитч (S.M. Cox, S. Marchionna, B.D. Fitch), информационно-психологическая безопасность должна стать основой спецподготовки будущих сотрудников полиции [1], а Дж.С. Мэджерс (J.S. Magers) повышает ее статус до стандарта профессиональной (обязательной) подготовки [12]. В США в основу обучения рекрутов положена идея максимально возможного сближения подготовки и практики правоохранения. При этом информационно-психологическим аспектам подготовки отводится ведущая роль [6].

Актуальность наличия у сотрудников силовых структур и правоохранительных органов знаний и навыков в области специальных психологических операций связана с тем, что в современной гибридной войне ведется постоянное информационно-психологическое давление, а поэтому у них должен быть сформированный «информационно-психологический иммунитет». Отметим, что командованием ВСУ Украины с началом проведения Российской Федерацией специальной военной операции (СВО) были разработаны и утверждены методические рекомендации, предписывающие военнослужащим соблюдать определенные правила по защите информации в социальных сетях и мессенджерах (якобы в целях защиты от опасностей «применения Российской Федерацией технологий гибридной войны»).

В данной стране еще до начала СВО был принят и ряд других нормативных документов, прописанных по лекалам США и Евросоюза («National cyberstrategy of the United States of America» (2018), «The EU's Cybersecurity Strategy in the Digital Decade» (2020)), а также НАТО. В частности, в утвержденной в декабре 2020 г. Генеральным штабом ВСУ Доктрине психологических операций учитываются требования руководства государства и Вооруженных Сил Украины по

сотрудничеству в оборонной сфере для интеграции в общеевропейскую систему безопасности и достижения совместимости с государствами — членами НАТО. Во Вступлении подчеркивается, что информационно-психологические воздействия должны демонстрировать устойчивую тенденцию к расширению и интеграции со всеми средствами массовой коммуникации, социальными сетями, блогосферой, а также индивидуальными и массовыми каналами распространения информации и обмена сообщениями.

2. Внимание в зарубежных публикациях приковано и к проблемам при *информатизации деятельности правоохранительных органов*: внедрения современных информационно-поисковых систем и систем анализа сведений, представляющих интерес для правоохранителей; создания баз данных на основе информации из систем безопасности и видеонаблюдения (безопасная инфраструктурная среда). Авторами публикаций отмечается, что сегодня безопасность выступает следствием развития информационных технологий — как в позитивном ключе (например, владение большим объемом информации позволяет оперативно раскрывать преступления), так и в негативном (например, проблема стресс-воздействия при замене сотрудника системой искусственного интеллекта).

Доминирующая роль информационно-психологических технологий в безопасности деятельности правоохранительных органов подробно анализируется в исследовании Дж. С. Голливуд, Дж. Э. Бун, Р. Силберглитт и др. (J.S. Hollywood, J.E. Boon, R. Silbergliitt и др.), в том числе в индивидуальном, социальном и организационном аспектах [7]. Подчеркивается неизбежность информатизации многих сторон в правоохранительной сфере, а в этой связи вынужденность ведомств заботиться о психологической безопасности. Дискутируются вопросы обеспечения сохранности сведений, связанных с деятельностью правоохранителей, в первую очередь, персонифицированных данных [16]. Публикация А. Джан, С. Джорджевич, Дж. Литавски и др. (A. Đan, S. Đorđević, J. Litavski и др.) раскрывает роль руководителя в создании безопасной среды. Ими информационно-психологический менеджмент в полиции позиционируется как важное слагаемое общенациональной системы безопасности [2].

3. На уровне метаанализов проблематика *информационно-психологической безопасности* обычно представляется в ракурсе национальной безопасности. В ряде публикаций подчеркивается, что не финансовые потоки, возможности вооруженных сил или развитость органов государственной власти, а информационная политика должна лежать в основе доктрины национальной безопасности. По мнению М.М. Лосавио, Дж. Э. Шатт, Д.У. Килинг (М.М. Losavio, J.E. Shutt, D.W. Keeling), несмотря на вариативность подходов к проблеме национальной безопасности, современному обществу необходима единая информационная политика, направленная на защиту критически важной киберинфраструктуры [11]. В связи с этим в структуре

национальных (региональных, ведомственных) систем безопасности должны быть прописаны и информационно-психологические элементы (например информационно-психологическая стратегия и политика, организационные структуры по информационно-психологической защите/безопасности и т. п.).

На практике, например в Доктрине «Публичное общение», изданной ВСУ Украины в сентябре 2020 года, в отношении военнослужащих указано, что эффективное проведение публичных коммуникаций является важнейшей частью деятельности войск (сил). Мероприятия в этой области должны быть интегрированы в процесс разработки политик и программ, а также в принятие решений по ведению военных операций и другим важным аспектам. Разработчики Доктрины подчеркивают актуальность этого подхода, так как публичные коммуникации представляют собой процесс передачи, восприятия, анализа и обмена информацией для воздействия на общественное мнение, мотивацию личного состава, создания положительного имиджа ВСУ и негативного образа «противника» (под которым в первую очередь понимается Российская Федерация). Все это, по мнению авторов Доктрины, в конечном итоге будет способствовать укреплению обороноспособности Украины. Подобный подход, по нашему мнению, обеспечивает государственную безопасность, но не личную, поскольку у военнослужащего формируется не критичность мышления, что делает его восприимчивым к пропаганде и любому внешнему воздействию.

В модус публикаций, непосредственно ориентированных на исследование различных аспектов информационно-психологической безопасности, включен ряд узловых тем.

1. Обсуждаются *технологии ведения информационно-психологических воздействий в рамках гибридной войны*. На первый план выводятся такие вопросы, как сбор психологически значимых данных из открытых источников; порядок получения сведений в процессе общения с разными категориями людей; оценка располагаемого информационно-психологического ресурса; разработка замысла информационно-психологического воздействия и прогнозирование целевой аудитории; подготовка «необходимого» информационного продукта, технологии распространения продукта; фиксация результата и его анализ. Согласно О. Йонссон (O. Jonsson), в современном мире стирается грань между войной и миром, вымыслом и реальностью, так как информационно-психологическая война — это не только способ достижения чьих-либо интересов, но и средство поддержания баланса различных сил в обществе. Автором делается вывод, что чем в большей степени правоохранители владеют технологиями информационно-психологического контрвоздействия, тем более управляемой является криминогенная ситуация. Правоохранители должны быть постоянно готовы и к обеспечению личной информационной безопасности [8].

Все более разрабатываемой темой становится проблема войн в киберпространстве. Так, например, угро-

зы критически важной киберинфраструктуре описываются в публикации М.М. Лосавио, Дж. Э. Шатт, Д.У. Килинг (М.М. Losavio, J.E. Shutt, D.W. Keeling). Акцент сделан на анализе психологических последствий кибер-атак, в том числе в аспекте воздействия на общественное мнение, инициирование гражданского неповиновения и конфликтов, на генерализацию деструктивного поведения личности [11]. Подобный подход активно применяется специальными службами и в вооруженных конфликтах по всему миру.

2. В зарубежных публикациях продолжают расширенно анализировать *последствия негативного информационно-психологического воздействия на личный состав представителей силовых ведомств* — рост психоэмоционального напряжения, страха, тревоги, снижение самооценки. В подавляющем числе научных работ делается акцент на деструктивном воздействии информации на человека. Так, в работе Дж. Стогнер, Б.Л. Миллер, К. Маклин (J. Stogner, B.L. Miller, K. McLean) раскрыто влияние стресса на деятельность сотрудников полиции и появление негативных проявлений как на соматическом или психосоматическом уровнях, так и на уровне поведения [17]. Показано, что личностные переживания под влиянием стрессогенной информации после трудового дня настолько сильны, что продуктивное совладающее поведение становится редкостью. Учеными обсуждается и выявленный у представителей силовых структур, находящихся в зоне чрезвычайной ситуации, специфичный феномен «усталости сострадать (compassion fatigue)» [14]. В связи с этим К.Л. Митчелл и Э.Х. Дориан (C.L. Mitchell, E.H. Dorian) указывают на необходимость проведения консультационных сессий по вопросам негативного стрессогенного воздействия на силовиков и правоохранителей. Авторы считают, что только через привлечение психологического знания можно добиться безопасности, а также экологичности в межличностных отношениях и служебных коллективах [15].

В условиях негативного информационно-психологического воздействия, по мнению А.Д. Калейх и Г.Л. Чарлес (A.D. Kaleigh, G.L. Charles), со стороны правоохранителей может наблюдаться утрата лояльности к организации и коллегам, инициирование избыточной конкуренции и индивидуализма, предвзятость в социальном сравнении [9]. Информационный буллинг, по мнению А. Воркман-Старк (A. Workman-Stark), разрушает профессиональную идентичность, создает иллюзию «субкультурных отношений» [19].

В публикациях встречается материал об информационно-психологическом давлении на конкретных сотрудников (как правило, принципиальных, патриотичных, порядочных и т. п.) и членов их семей. При этом цель — усложнить жизнедеятельность правоохранителей, переключить их внимание на решение бытовых проблем. Как отмечают В. Террилл, Е.А. Паолиней и П.К. Маннинг (W. Terrill, E.A. Paoline III, P.K. Manning), информационно-психологическое принуждение может стать «нормой» в межличностных

отношениях и своеобразной полицейской культурой, инструментом сегрегации сотрудников [18].

3. Анализируется *роль средств массовой информации* в обеспечении информационно-психологической безопасности. В публикациях подчеркивается, что необходимо блокировать создание СМИ перманентного социально-психологического напряжения в обществе и «давления» на представителей правоохранительных органов и силовых ведомств. Т.Л. Мирс (T.L. Meares) подчеркивает, что именно роль СМИ является важнейшей в оценке тенденций взаимоотношений полиции и общества [13]. На одном полюсе — доверие в социуме, конструктивное взаимодействие, общественная и социальная безопасность, на другом — иллюзорное благополучие, нивелирование традиционных ценностей, утрата доверия к лидерам. Указывается на огромное влияние информации на групповое (массовое, общественное) сознание и поведение населения.

Сегодня особое значение во всем массиве СМИ имеют соцсети. В условиях вооруженного противостояния их роль возрастает еще больше. Так, в Методических рекомендациях «Соцсети», изданных Вооруженными Силами Украины в 2021 г., внимание акцентируется на том, что анализ социальных сетей может помочь в выявлении важной (критической) информации о людях и военных объектах, а также в поддержке нужных сообществ во время конфликтов. Он позволяет направлять информацию к выбранной целевой аудитории и оказывать влияние на восприятие реальности, принятие решений или поведение определенных лиц. Геокодированные публикации могут дополнить анализ и помочь оценить географию распространения необходимой информации. Кроме того, анализ социальных сетей, медиапорталов и мессенджеров позволяет собирать и оценивать информацию о деятельности военного командования, соединений, воинских частей и подразделений, способствовать или, наоборот, противодействовать распространению искаженных и ложных сведений, а также раскрывать или скрывать меры безопасности при применении войск (сил).

Дискуссионными являются вопросы об особенностях восприятия правоохранителями той или иной психологически значимой информации, ее верификации и оценки. В терминологический оборот вводится понятие «киберпсихология». На первый план выводятся психологические аспекты информационных потоков — восприятие информации, информационная емкость, степень влияния, агрессивность информации, направленность воздействия и т. п. Р. Горзка, Я. Кирххоф и др. (R. Gorzka, J. Kirchhof и др.) связывают кибербезопасность с критическим мышлением и самодостаточностью личности [16].

4. *На уровне мета анализа* психологи Ф. Хорак, Д. Лацек и А. Клоцек (F. Horák, D. Lacko, A. Klocek.), учитывая все большую погруженность людей в онлайн-реальность, обсуждают новые измерения правосознания, поскольку оно выступает как эквивалент легитимности права в социуме. При выявлении 2054 статей по правосознанию и систематическом обзоре 156 ста-

тей концептуального характера учеными обоснована целесообразность выделения в структуре и изучения шести отдельных компонентов правосознания (общие знания, навыки, конкретные знания, отношения, доверие и идентичность) [5].

В публикациях также поднимаются и отдельные перспективные проблемы, ассоциированные с информационно-психологической безопасностью: прогнозирование психологических угроз [3; 7 и др.], безопасность в области коммуникации с населением в вопросах миграционной проблематики [13], влияние недостоверной (фейковой) информации на межличностные отношения в правоохранительной среде [11; 19], информационная пропаганда и создание дефицита (ограничение) актуальной для общества информации [1; 4 и др.], социологические и социально-психологические опросы [6; 7 и др.].

В зарубежных публикациях встречаются и иные подходы, рассматривающие различные частные аспекты проблемы информационно-психологической безопасности личности, но при наличии ссылок к материалам по многим из них имеется лишь ограниченный доступ.

Выводы

Таким образом, проведя анализ подходов зарубежных исследователей в области информационно-психологической безопасности сотрудников силовых ведомств и правоохранительных органов, можно сделать следующие выводы.

1. В настоящее время актуальными направлениями публикационной активности выступают: обеспечение личной безопасности на уровне усвоения образцов оптимального должностного поведения в работе с информацией, что реализуется в ходе специальной профессиональной подготовки персонала; тотальная информатизация деятельности правоохранительных

органов; отработка технологий информационно-психологической безопасности как элемента национальной безопасности; технологии ведения гибридных (информационно-психологических) войн; анализ последствий негативного информационно-психологического воздействия на личный состав представителей силовых ведомств; исследование роли средств массовой информации в нарушении и обеспечении информационно-психологической безопасности.

2. Рассмотрены отдельные перспективные проблемы, ассоциированные с информационно-психологической безопасностью: прогнозирование психологических угроз, психологическая устойчивость и безопасность в области коммуникации с населением при чрезвычайной ситуации, влияние недостоверной информации на правосознание и межличностные отношения в правоохранительной среде, информационная пропаганда и преодоление дефицита (ограничения) актуальной для общества информации. Показана значимость совершенствования психопрофилактической работы с личным составом в связи с кумуляцией астенических переживаний на фоне профессионального стресса и негативного информационно-психологического воздействия, распространяемого через СМИ и социальные сети в Интернете.

3. В условиях проведения Россией специальной военной операции на Украине и расширения санкций информационно-психологическое контрвоздействие должно быть доктринально регламентировано государством, а не только в силовых и правоохранительных ведомствах. Изучение зарубежного опыта в области информационно-психологической безопасности сотрудников силовых ведомств и правоохранительных органов предоставляет возможность обосновать подходы к противодействию информационным угрозам по отношению к отечественным специалистам силовых структур и правоохранительных органов, а также населению России в целом.

Литература

1. Cox S.M., Marchionna S., Fitch B.D. Introduction to Policing. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2015. 456 p.
2. Đan A., Đorđević S. Psychological support for police officers: the role of manager [Электронный ресурс] // Collection of policy papers on police reform in Serbia / A. Đan, S. Đorđević, J. Litavski, N.D. Kostić. Belgrade: Belgrade Centre for Security Policy, 2014. P. 6—31. URL: https://bezbednost.org/wp-content/uploads/2020/07/collection_of_policy_papers_on_police_reform_in_se_20140227_103724.pdf#page=6 (дата обращения: 26.08.2024).
3. Future Law Enforcement Scenarios [Электронный ресурс] / R. Silbergliitt, B.G. Chow, J.S. Hollywood, D. Woods, M. Zaydman, B.A. Jackson // Visions of Law Enforcement Technology in the Period 2024—2034: Report of the Law Enforcement Futuring Workshop. Santa Monica: RAND Corporation, 2015. P. 21—34. URL: <https://www.ojp.gov/pdffiles1/nij/grants/248718.pdf> (дата обращения: 26.08.2024).
4. Gul S.K. Police Job Stress in the USA // Polis Bilimleri Dergisi. 2008. Vol. 10. № 1. P. 1—13.
5. Horák F., Lacko D., Klocek A. Legal Consciousness: A Systematic Review of its Conceptualization and Measurement Methods // Anuario de Psicología Jurídica. 2021. Vol. 31. № 1. P. 9—34. DOI:10.5093/apj2021a2
6. Horton J. How US police training compares with the rest of the world [Электронный ресурс] // BBC News. 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-56834733?ysclid=m0c3izrctr373231832> (дата обращения: 26.08.2024).
7. Information Technology Needs for Law Enforcement [Электронный ресурс] / J.S. Hollywood, J.E. Boon, R. Silbergliitt, B.G. Chow, B.A. Jackson // High-Priority Information Technology Needs for Law Enforcement / J.S. Hollywood, J.E. Boon, R. Silbergliitt, B.G. Chow, B.A. Jackson. Santa Monica: RAND Corporation, 2015. P. 25—50. URL: <https://www.ojp.gov/pdffiles1/nij/grants/248594.pdf> (дата обращения: 27.08.2024).

8. Jonsson O. Information Warfare // *The Russian Understanding of War: Blurring the Lines between War and Peace* / O. Jonsson. Washington: Georgetown University Press, 2019. P. 94—123. DOI:10.2307/j.ctvr697c8.8
9. Kaleigh A.D., Charles G.L. Generalizing across behavior settings can make attitudes toward social groups more extreme in the absence of new information // *European Journal of Social Psychology*. 2022. Vol. 52. № 1. P. 91—104. DOI:10.1002/ejsp.2817
10. Linklater K. Inclusion Capital: How Police Officers Are Included in Their Workplaces // *Societies*. 2022. Vol. 12. № 5. Article ID 128. 19 p. DOI:10.3390/soc12050128
11. Losavio M.M., Shutt J.E., Keeling D.W. The information polity: Social and legal frameworks for critical cyber infrastructure protection // *Cyber infrastructure protection* / Eds. T. Saadawi, L. Jordan. Carlisle: Strategic Studies Institute — US Army War College, 2011. P. 129—158.
12. Magers J.S. Police Officer Standard and Training Commissions (POST Commissions) [Электронный ресурс] // *Encyclopedia of Law Enforcement*. Vol. 1 / Eds. L.E. Sullivan, M.S. Rosen. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2005. P. 349—351. URL: <https://iuristebi.wordpress.com/wp-content/uploads/2011/07/law-enforcement-volume-1.pdf> (дата обращения: 26.08.2024).
13. Meares T.L. The path forward: Improving the dynamics of community-police relationships to achieve effective law enforcement policies [Электронный ресурс] // *Columbia Law Review*. 2017. № 117. № 5. P. 1355—1368. URL: <https://openyls.law.yale.edu/handle/20.500.13051/4711> (дата обращения: 26.08.2024).
14. *Military psychology: Concepts, Trends and Interventions* / Eds. N. Maheshwari, V.V. Kumar. New Delhi: SAGE Publications, 2016. 376 p. DOI:10.4135/9789353885854
15. Mitchell C.L., Doriann E.H. Consultation in Police and Public Safety Psychology // *Consultation in Psychology: A Competency-Based Approach* / Eds. C.A. Falender, E.P. Shafranske. Washington: American Psychological Association, 2020. P. 279—300. DOI:10.1037/0000153-016
16. *Operational Psychology: Cyberpsychology Symposium* / R.-J. Gorzka, G. Kirchhof, P. Herzberg, N. Hanssen, C. Lorei. Hanover, 2024. 135 p.
17. Stogner J., Miller B.L., McLean K. Police stress, mental health, and resiliency during the COVID-19 pandemic // *American journal of criminal justice*. 2020. Vol. 45. № 4. P. 718—730. DOI:10.1007/s12103-020-09548-y
18. Terrill W., Paoline III E.A., Manning P.K. Police culture and coercion // *Criminology*. 2003. Vol. 41. № 4. P. 1003—1034. DOI:10.1111/j.1745-9125.2003.tb01012.x
19. Workman-Stark A.L. “Me” versus «We»: exploring the personal and professional identity-threatening experiences of police officers and the factors that contribute to them // *Police Practice and Research*. 2023. Vol. 24. № 2. P. 147—163. DOI:10.1080/15614263.2022.2119971

References

1. Cox S.M., Marchionna S., Fitch B.D. *Introduction to Policing*. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2015. 456 p.
2. Đan A., Đorđević S. Psychological support for police officers: the role of manager [Elektronnyi resurs]. In Đan A., Đorđević S., Litavski J., Kostić N.D., *Collection of policy papers on police reform in Serbia*. Belgrade: Belgrade Centre for Security Policy, 2014, pp. 6—31. URL: https://bezbednost.org/wp-content/uploads/2020/07/collection_of_policy_papers_on_police_reform_in_se_20140227_103724.pdf#page=6 (Accessed 26.08.2024).
3. *Future Law Enforcement Scenarios* [Elektronnyi resurs]. In Silbergliitt R., Chow B.G., Hollywood J.S., Woods D., Zaydman M., Jackson B.A., *Visions of Law Enforcement Technology in the Period 2024—2034: Report of the Law Enforcement Futuring Workshop*. Santa Monica: RAND Corporation, 2015, pp. 21—34. URL: <https://www.ojp.gov/pdffiles1/nij/grants/248718.pdf> (Accessed 26.08.2024).
4. Gul S.K. Police Job Stress in the USA. *Polis Bilimleri Dergisi*, 2008. Vol. 10, no. 1, pp. 1—13.
5. Horák F., Lacko D., Kloczek A. Legal Consciousness: A Systematic Review of its Conceptualization and Measurement Methods. *Anuario de Psicologia Jurídica*, 2021. Vol. 31, no. 1, pp. 9—34. DOI:10.5093/apj2021a2
6. Horton J. How US police training compares with the rest of the world [Elektronnyi resurs]. BBC News. 2021. URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-56834733?ysclid=m0c3izrctr373231832> (Accessed 26.08.2024).
7. Hollywood J.S., Boon J.E., Silbergliitt R., Chow B.G., Jackson B.A. Information Technology Needs for Law Enforcement [Elektronnyi resurs]. In Hollywood J.S., Boon J.E., Silbergliitt R., Chow B.G., Jackson B.A., *High-Priority Information Technology Needs for Law Enforcement*. Santa Monica: RAND Corporation, 2015, pp. 25—50. URL: <https://www.ojp.gov/pdffiles1/nij/grants/248594.pdf> (Accessed 27.08.2024).
8. Jonsson O. Information Warfare. In Jonsson O., *The Russian Understanding of War: Blurring the Lines between War and Peace*. Washington: Georgetown University Press, 2019, pp. 94—123. DOI:10.2307/j.ctvr697c8.8
9. Kaleigh A.D., Charles G.L. Generalizing across behavior settings can make attitudes toward social groups more extreme in the absence of new information. *European Journal of Social Psychology*, 2022. Vol. 52, no. 1, pp. 91—104. DOI:10.1002/ejsp.2817
10. Linklater K. Inclusion Capital: How Police Officers Are Included in Their Workplaces. *Societies*, 2022. Vol. 12, no. 5, article ID 128. 19 p. DOI:10.3390/soc12050128

11. Losavio M.M., Shutt J.E., Keeling D.W. The information polity: Social and legal frameworks for critical cyber infrastructure protection. In Saadawi T., Jordan L. (eds.), *Cyber infrastructure protection*. Carlisle: Strategic Studies Institute — US Army War College, 2011, pp. 129—158.
12. Magers J.S. Police Officer Standard and Training Commissions (POST Commissions) [Elektronnyi resurs]. In Sullivan L.E., Rosen M.S. (eds.), *Encyclopedia of Law Enforcement*. Vol. 1. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2005, pp. 349—351. URL: <https://iuristebi.wordpress.com/wp-content/uploads/2011/07/law-enforcement-volume-1.pdf> (Accessed 26.08.2024).
13. Meares T.L. The Path Forward: Improving the dynamics of community-police relationships to achieve effective law enforcement policies [Elektronnyi resurs]. *Columbia Law Review*, 2017. Vol. 117, no. 5, pp. 1355—1368. URL: <https://openyls.law.yale.edu/handle/20.500.13051/4711> (Accessed 26.08.2024).
14. Maheshwari N., Kumar V.V. (eds.) *Military psychology: Concepts, Trends and Interventions*. New Delhi: SAGE Publications, 2016. 376 p. DOI:10.4135/9789353885854
15. Mitchell C.L., Doriann E.H. Consultation in Police and Public Safety Psychology. In Falender C.A., Shafranske E.P. (eds.), *Consultation in Psychology: A Competency-Based Approach*. Washington: American Psychological Association, 2020, pp. 279—300. DOI:10.1037/0000153-016
16. Gorzka R.-J., Kirchhof G., Herzberg P., Hanssen N., Lorei C. Operational Psychology: Cyberpsychology Symposium. Hanover, 2024. 135 p.
17. Stogner J., Miller B.L., McLean K. Police stress, mental health, and resiliency during the COVID-19 pandemic. *American journal of criminal justice*, 2020. Vol. 45, no 4, pp. 718—730. DOI:10.1007/s12103-020-09548-y
18. Terrill W., Paoline III E.A., Manning P.K. Police culture and coercion. *Criminology*, 2003. Vol. 41, no. 4, pp. 1003—1034. DOI:10.1111/j.1745-9125.2003.tb01012.x
19. Workman-Stark A.L. “Me” versus “We”: exploring the personal and professional identity-threatening experiences of police officers and the factors that contribute to them. *Police Practice and Research*, 2023. Vol. 24, no. 2, pp. 147—163. DOI:10.1080/15614263.2022.2119971

Информация об авторах

Поздняков Вячеслав Михайлович, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Петров Владислав Евгеньевич, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Кокурин Алексей Владимирович, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (ФГБОУ ВО «МГЮА им. О.Е. Кутафина»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail: kokurin1@bk.ru

Information about the authors

Vyacheslav M. Pozdnyakov, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department “Scientific Fundamentals of Extreme Psychology”, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>, e-mail: pozdneyakov53@mail.ru

Vladislav E. Petrov, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department “Scientific Fundamentals of Extreme Psychology”, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Alexey V. Kokurin, PhD in Psychology, Associate Professor, Professor at the Department of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, Associate Professor at the Department of Criminology and Criminal Executive Law, Moscow State University of Law, named after O.E. Kutafin, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>, e-mail: kokurin1@bk.ru

Получена 17.06.2024

Received 17.06.2024

Принята в печать 23.08.2024

Accepted 23.08.2024

Предиспозиционные факторы кибервиктимизации подростков: сравнительный анализ результатов исследований

Екимова В.И.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1480-3571>, e-mail: iropse@mail.ru

Брыкова Е.Ю.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0748-4268>, e-mail: rea039@mail.ru

Козлова А.Б.

Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4164-2701>, e-mail: Lina-lazurnaya@mail.ru

Литвинова А.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ),
г. Москва, Российская Федерация*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>, e-mail: annaviktorovna@mail.ru

В статье представлен сравнительный анализ данных современных зарубежных публикаций по проблемам киберагрессии и предрасположенности подростков к кибервиктимизации. Обсуждаются результаты крупномасштабных системно- и метааналитических исследований многочисленных факторов риска вовлечения подростков в агрессивное взаимодействие в киберпространстве, анализируются протективные ресурсы, обеспечивающие защиту юных пользователей от киберпреследования. Анализируются негативные стороны повышенного интереса специалистов к проблеме киберагрессии, угрожающие обоснованности научных выводов, — «дихотомия множественности». Особое внимание уделено предиспозиционным факторам кибервиктимизации подростков в онлайн-пространстве: системным, контекстно-ситуационным, личностным и симптоматическим. Приведены результаты собственного исследования зон особой уязвимости подростков в виртуальном пространстве: проблематичного использования Интернета и социальных когнитивно-поведенческих установок — эмоциональной интолерантности в общении. Обозначены научные и практические перспективы использования модели предрасположенности (уязвимости) в исследовании причин и психологических механизмов кибервиктимизации подростков.

Ключевые слова: кибервиктимизация, киберагрессия, кибербуллинг, интернет-коммуникация, предрасположенность, проблематичное использование Интернета, социальные установки.

Для цитаты: Предиспозиционные факторы кибервиктимизации подростков: сравнительный анализ результатов исследований / В.И. Екимова, Е.Ю. Брыкова, А.Б. Козлова, А.В. Литвинова [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 151—164. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130314>

Predisposing Factors of Cybervictimization among Adolescents: Comparative Analysis of Research Results

Valentina I. Ekimova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1480-3571>, e-mail: iropse@mail.ru

Elena Ju. Brykova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0748-4268>, e-mail: rea039@mail.ru

Alina B. Kozlova

State University of Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4164-2701>, e-mail: Lina-lazurnaya@mail.ru

Anna V. Litvinova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>, e-mail: annaviktorovna@mail.ru

The article presents a comparative analysis of data from modern foreign publications on the problem of cyber aggression and the predisposition of adolescents to cyber victimization. The results of large-scale systematic and meta-analytic studies of numerous risk factors for adolescents' involvement in aggressive interactions in cyberspace are discussed, and the protective resources that prevent the young users' involvement in cyberstalking are analyzed. The negative aspects of the specialists' increased interest in the problem of cyber aggression — the “dichotomy of multiplicity” — are analyzed. Particular attention is paid to the prepositional factors of cyber victimization of adolescents in the online space: systemic, contextual-situational, personal and symptomatic. The results of our own research into key areas of vulnerability of adolescents in the virtual communication space are presented, such as problematic use of the Internet and cognitive-behavioral attitudes of adolescents (emotional intolerance in communication). Scientific and practical prospects for using the model of predisposition (vulnerability) to study the causes and psychological mechanisms of adolescent' cyber victimization are outlined.

Keywords: cyber victimization, cyber aggression, cyber bullying, Internet communication, predisposition, problematic use of the Internet, social attitudes.

For citation: Ekimova V.I., Brykova E.Ju., Kozlova A.B., Litvinova A.V. Predisposing Factors of Cybervictimization among Adolescents: Comparative Analysis of Research Results [Electronic resource]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2024. Vol. 13, no. 3, pp. 151–164. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130314> (In Russ.).

Введение

Активное развитие и повсеместное распространение информационных и коммуникационных технологий кардинально изменило пространство социального бытия современного человека, вовлекая его в сферу разнообразных виртуальных контактов, многократно увеличивая объем передаваемой и получаемой информации, способствуя быстрому обмену идеями, открытиями и научными достижениями по всему миру. Однако наряду с положительными результатами использования интернет-технологий не замедлили проявить себя негативные последствия глобальной «кибернизации»: все большее смещение вектора межличностных взаимодействий из реального в виртуальное пространство кибер-коммуникаций, активное распространение в Интернете негативной, недостоверной и фэйковой информации, появление феноменов киберагрессии, киберпреступности и кибервиктимизации.

Эти явления исключительно опасны, прежде всего для формирующейся, социально и психологически незрелой личности, поскольку каждый третий пользователь Интернета в мире является ребенком, который владеет смартфоном в среднем с десяти лет, а количество часов, проведенных им в интернет-сети, увеличивается с возрастом вместе со всеми связанными с этим угрозами и рисками [2; 4; 12; 29]. Кибербуллинг является одной из наиболее распространенных среди молодежи форм социальной агрессии в интернет-пространстве, которое обеспечивает преследователю анонимность, а часто и безнаказанность, что делает издевательства проще, доступнее и опаснее, чем при традиционной травле, следствием чего становится кибервиктимизация [3; 15; 23; 29; 34].

Кибервиктимизация это опыт переживания человеком негативного или агрессивного воздействия через электронные средства коммуникации: полученные сообщения с угрозами, «токсичных» электрон-

ных писем, травля в чат-группах, на сайтах социальных сетей или во время онлайн-игр и др. [30]. Такое поведение может варьироваться от распространения слухов или раскрытия частной конфиденциальной информации без личного согласия пострадавшего до прямых угроз, атак или преследований, т. е. кибербуллинга [5].

Активное распространение и все большее «врастание» интернет-технологий в жизнь современного человека дает возможность агрессору намеренно и многократно причинять вред другим людям двадцать четыре часа в сутки без каких-либо последствий для себя. Практически неограниченное время и пространство, анонимность и массовая аудитория участников кибербуллинга могут привести к длительному масштабному унижению жертвы и к психопатологии, связанной с кибервиктимизацией [26]. У жертвы, как правило: 1) возникают психические нарушения, такие как депрессия, тревожность, суицидальные мысли и психосоматические симптомы (бессонница, головная боль, расстройства пищеварения и др.); 2) обостряются социально-психологические проблемы (социальная дезадаптация, одиночество, изоляция); 3) усиливаются поведенческие девиации (рискованное поведение, злоупотребление психоактивными веществами, самоповреждающее поведение) [8; 11; 12; 14; 19]. Кроме прочего, у подростков, вовлеченных в травлю, увеличивается количество прогулов в школе и резко снижается успеваемость [33; 10].

Несмотря на то, что для предотвращения прямых издевательств со стороны сверстников и кибербуллинга в среде подростков предлагаются и реализуются различные профилактические программы: стратегии STAC, «Нет ловушкам!», Prev@сib и др. [6; 9, 25; 31], — распространенность буллинга и кибербуллинга продолжает расти во всем мире [15].

Вместе с тем в публикациях появляется все больше доказательств наличия отсроченных и долгосрочных негативных последствий кибербуллинга и кибервиктимизации, что особенно тревожно в свете того факта, что почти каждому подростку так или иначе приходится с ними сталкиваться [2; 3; 5]. В многочисленных исследованиях проблемы отмечается, что кибервиктимизация у подростков однозначно связана: 1) с психосоматическими нарушениями; 2) депрессией; 3) суицидальными мыслями и попытками самоубийства; 4) симптомами посттравматического стрессового расстройства; 5) социальной дезадаптацией, пропуском учебных занятий и академическими проблемами [3; 5; 20; 23; 29]. Виктимизация вследствие киберпреследований в школе может быть фактором, способствующим развитию всех упомянутых проблем в дальнейшем также и во взрослой жизни. Так, кибербуллинг, пережитый в подростковом возрасте, служит предиктором агрессивности взрослых в социальных отношениях и профессиональной деятельности [17].

Факторы риска и факторы защиты от кибербуллинга

За последние пятнадцать лет параллельно возрастанию и все большей глобализации проблемы киберагрессии значительно увеличилось и количество посвященных ей исследований, особенно тех, в которых анализировались факторы риска и факторы защиты от кибернасилия [10; 17; 21; 35]. Наряду с общими для социальной агрессии в реальном и в виртуальном пространствах аспектами [5; 7; 28; 31; 35], авторы много внимания уделяли специфическим для кибербуллинга предикторам и протективным ресурсам [10; 13, 22, 27, 32]. Активно изучались также социальные проблемы, связанные с распространением киберагрессии, такие как неприкосновенность частной жизни и личная безопасность, киберпреследование детей и подростков [21], а также проводилась оценка эффективности программ профилактики распространения кибербуллинга в подростковой среде [10; 5; 6; 25].

Количество публикаций на тему кибербуллинга и кибервиктимизации, вышедших в зарубежных научных изданиях за последние два с половиной года впечатляет: только на платформе Google Scholar размещены библиографические ссылки на 3450 статей, опубликованных в 2022—2023 гг. и на 1260 — в 2024 г. В ряду публикаций постоянно растет количество масштабных (проведенных на тысячных выборках), лонгитюдных и международных исследований, а также аналитических обзоров и метаанализов, сделанных с привлечением сотен научных статей [11, 14, 23; 30, 35]. В то же время активный интерес к не теряющей своей социальной актуальности теме вызвал настоящий «публикационный бум», который связан с рядом негативных для получения научной информации последствий.

Прежде всего обращает на себя внимание гипервариабельность результатов многочисленных исследований — их несовпадение и противоречивость. В частности, данные о распространенности киберагрессии варьируются у разных авторов от 1,0% до 60,4%, а показатели кибервиктимизации — от 0,4% до 92% [5; 21], что плохо согласуется с такими требованиями к научным данным, как надежность и воспроизводимость. Так, в систематическом обзоре исследований кибербуллинга, проведенных в 2015—2019 гг. в Европе, Соединенных Штатах Америки, Китае, Южной Корее, Сингапуре, Малайзии, Израиле и Канаде, был определен средний показатель участия подростков в киберпреследовании — 25,03%, который в разных странах варьировался в диапазоне от 6,0 до 46,3%, а также средний уровень кибервиктимизации — 33,08%, колебавшийся от 13,99 до 57,5%. Сообщалось о самой высокой распространенности кибервиктимизации в Испании (57,5%) и о самых низких ее показателях в Канаде (13,99%) и Южной Корее (14,6%) [10]. Однако в одновременно проводившемся масштабном европейском исследовании EU Kids Online, в котором приняли участие более 25 000 детей в возрасте от 9 до 16 лет, было установлено, что распро-

страненность кибервиктимизации варьируется от 2 до 14%, при этом самые высокие показатели характерны для Эстонии и Румынии, а самые низкие — для Италии и Португалии [16].

В качестве причин столь значительного разброса данных называются: а) недостаточная дифференцированность понятий киберагрессии и киберпреследования, б) различия во временных параметрах измерений и характеристиках измерительных шкал, в) разный возраст участников исследований, г) различия в уровне доступности интернет-технологий в разных регионах и странах [5], что даже если что-то и объясняет, то не проясняет общую «картину болезни».

В последнее десятилетие основным средством преодоления возникших противоречий в зарубежной психологии стало значительное увеличение системно-аналитических и метааналитических исследований, дизайн и методы которых позволяют извлекать из ряда аналогичных публикаций обобщенную информацию и выходить на уровень анализа выявленных закономерностей. В одном из первых систематических обзоров результатов 76 лонгитюдных исследований кибербуллинга и кибервиктимизации подростков, проводившихся в 2007—2017 гг. в Европе, Северной Америке, Океании и Азии [11], были обобщены и сопоставлены взаимосвязи более чем восьмидесяти параметров, объединенных в три группы факторов: 1) факторы, связанные с личностью, такие как социально-демографические данные, личные убеждения, симптомы интернализации (тревога, депрессия) и экстернализации — проблемного поведения (употребление психоактивных веществ, девиантное поведение, самоповреждение); 2) факторы, относящиеся к применению онлайн-технологий (время нахождения в Интернете и его проблематичное использование); 3) факторы окружающей среды (семья, школьный климат, отношения со сверстниками и родителями). В 27 исследованиях приводились показатели распространенности кибербуллинга, которые, в зависимости от типа оценки и контрольного периода, варьировались от 5,3 до 66,2%, и почти в половине (35) — оценки кибервиктимизации в диапазоне от 1,9 до 84,0%.

Для обработки значительного массива данных авторы применили метод моделирования структурными уравнениями — мощный статистический ресурс проверки теоретически обоснованных предположений о предикторах, посредниках и результатах киберпреследования и кибервиктимизации, причем все параметры исследований оценивались одновременно и как предикторы — факторы риска, и как результаты, т. е. последствия вовлечения подростков в кибербуллинг.

Оказалось, что в ряду личностных факторов такие факторы, как моральное одобрение издевательств, субъективное отношение к социальным нормам и правилам, положительное отношение к проявлениям киберагрессии, сниженный уровень самоконтроля и рискованное поведение в Интернете, а также осознание анонимности и безнаказанности, значительно уве-

личивали риск киберагрессивных действий [11]. То есть субъективная позиция принятия и одобрения социальной агрессии, а также недостаточность внутреннего и внешнего контроля являлись основными причинами запуска социального насилия в виртуальном пространстве взаимодействия подростков.

При этом как участие в кибербуллинге, так и кибервиктимизация значительно усугубляли проблемы поведения подростков в школе, вплоть до дисциплинарного отстранения от учебных занятий и значительного снижения академических достижений. Обратное направление воздействия также присутствовало: учащиеся с академическими проблемами намного чаще подвергались кибервиктимизации. Аналогично, интернализированные симптомы кибербуллинга: тревога, чувство одиночества и депрессия, — определялись как негативные последствия виктимизации, но в то же время и тревога, и депрессия являлись предикторами кибервиктимизации, т. е. факторами риска [11].

Отсутствие средств информационной безопасности (средовой фактор) провоцировало кибервиктимизацию подростков, а их рискованное поведение в Интернете (личностный фактор), в частности использование агрессивного медиаконтента, заметно увеличивало риск вовлечения в киберагрессию, особенно среди юношей. Аналогичным образом онлайн-контакты с незнакомцами повышали риск кибервиктимизации, а проблематичное использование Интернета и интернет-зависимость были взаимосвязаны с киберагрессией.

В группе факторов окружающей среды выделялись отдельные подгруппы факторов риска/защиты от кибербуллинга, связанные, во-первых, с родителями и контекстом семейных отношений (семейный конфликт, тип привязанности), во-вторых, с отношениями со сверстниками (популярность, признание сверстников, отношение к групповым нормам) и, в-третьих, со школьной средой (школьный климат, отношения с учителями, психологическая безопасность и политика школы) [11; 23].

В ряде аналитических обзоров описывались не три, а две группы факторов риска/защиты от киберагрессии: личностные, к которым относились как пол, возраст, национальность, поведение в Сети, прошлый опыт виктимизации, так и психологические характеристики подростка, и ситуационные (контекстно-средовые) — место проживания, отношения между родителями и детьми, отношения со сверстниками, школьная среда [9; 18; 24; 32].

На ситуационном уровне роль родителей определялась как решающая, причем чрезмерный контроль и авторитарный стиль воспитания, а также семейные дисфункции и неблагоприятные отношения со взрослыми увеличивали риск вовлечения детей в кибербуллинг. Так, пренебрежение родительскими обязанностями, жестокое обращение с детьми, непоследовательность родителей в контроле поведения подростков в сети Интернет оказались связаны с прямой или косвенной угрозой кибервиктимизации. Напротив, при авторитет-

ном стиле воспитания, когда родители были сосредоточены на поведенческом контроле с четкими правилами и сочетанием мониторинга действий детей в Интернете и родительской теплоты, близкие отношения между родителями и детьми, открытое активное общение позволяли защитить их от киберагрессии [24].

Решающим для снижения онлайн-виктимизации подростков защитным фактором оказалось посредничество со стороны родителей [32], которое включало различные стратегии, применяемые взрослыми для контроля использования детьми Интернета и цифровых медиа. Обычно выделяют три категории этих стратегий: ограничительное посредничество, инструктивное посредничество и посредничество совместного просмотра. Ограничительное посредничество включает в себя контроль доступа к Сети, часто с использованием программного обеспечения ограничений контента; инструктивное посредничество предполагает установление правил обмена онлайн личной информацией, продолжительности пользования Интернетом и потребления контента. Посредничество совместного просмотра подразумевает участие родителей в онлайн-активности подростков: предоставление рекомендаций по использованию интернет-технологий и выбору подходящего веб-контента [32].

Для обеспечения безопасности подростка в Интернете родители чаще всего устанавливают правила его использования, которые касаются ограничений времени доступа и принципов надлежащего поведения, меньше правил касается общения с незнакомцами или ограничения доступа к агрессивному и сексуальному контенту. Использование родителями программного обеспечения для мониторинга интернет-активности подростков и установление правил посещения веб-сайтов значительно снижают вероятность того, что подростки станут жертвами кибербуллинга [32].

Факторы риска и защиты, обобщенные в аналитических обзорах зарубежных публикаций, чаще всего квалифицируются на основе социально-экологической модели природы и механизмов киберагрессии, которая требует оценки характера взаимодействия индивидуальных, межличностных, институциональных и социальных переменных в процессе возникновения кибербуллинга и кибервиктимизации [12; 18; 29; 34].

К факторам риска вовлечения подростков в кибербуллинг на индивидуальном уровне обычно относят: низкую самооценку, сниженный самоконтроль и социальный интеллект, недостаточный уровень развития эмпатии, высокую тревожность и агрессивность, социальное отчуждение, а также личный опыт участия в травле. Нетрудно заметить, что практически те же самые параметры определяются в исследованиях как негативные последствия киберагрессии. Стресс и суицидальные мысли также оцениваются одновременно и как риски, и как последствия кибербуллинга [12; 13; 17; 21]. Защитные факторы, препятствующие участию в кибербуллинге, включают высокую самооценку [7; 21], достаточный уровень саморегуляции и социальную компетентность [35].

На уровне семьи к рискам относятся негативная семейная среда и сексуальное насилие [9; 11; 21], к защитным факторам — поддержка со стороны родителей, эмоционально близкие отношения с ними [3; 17; 35], а также высокий социально-экономический статус семьи [17; 35]. Недостаточная поддержка сверстников оценивается как фактор риска кибервиктимизации [11; 17; 21], а позитивные отношения со сверстниками — как защитный ресурс [17; 35]. Школьный климат, безопасность образовательной среды, удовлетворенность школой и безопасная среда проживания подростка относятся к защищающим от киберагрессии контекстно-средовым факторам [21; 31; 35]. Стоит при этом заметить, что самый сильный эффект защиты от кибервиктимизации обнаруживают индивидуальные факторы, связанные с личностными компетенциями подростка, а также наличие ограничений использования интернет-ресурсов со стороны родителей [26; 29; 35].

Активный обмен личной информацией в Интернете, как и значительное время, проводимое подростком в соцсетях, являются основными ситуационно-средовыми факторами риска стать жертвой киберагрессии и киберпреступности [4], особенно если кто-то в интернет-сообществе злоупотребляет информацией или делится ей ненадлежащим образом, что может спровоцировать целенаправленную онлайн-травлю [29]. Важно также отметить, что практика киберпреследования в Интернете и социальных сетях постоянно расширяется и трансформируется, а значит, и факторы, лежащие в основе кибервиктимизации, также могут со временем меняться [10; 33].

Наряду с аналитически-обобщающими публикациями в последнее время появляется все больше сообщений о масштабных международных исследованиях, дизайн которых позволяет контролировать значительное количество экспериментальных факторов и увеличивать число дифференцирующих параметров. Так, в международном исследовании кибервиктимизации, проведенном, по образному выражению авторов, «на трех континентах», анализировались данные, полученные в Финляндии, Южной Корее, Испании и США. Всего в исследовании участвовали 4816 респондентов в возрасте от 15 до 25 лет. Эти четыре технологически развитые страны были выбраны, поскольку подростки и молодые люди в них являются активными пользователями Интернета и социальных сетей. Было установлено, что кибервиктимизация менее всего распространена в Корее, при том, что южнокорейские мужчины сообщали о большем количестве случаев кибербуллинга, чем женщины. В целом, около 20% респондентов из США, Финляндии и Испании и 6,7% корейцев подтвердили, что были жертвами киберпреследования.

В то же время данные о характере воздействия на проявления киберагрессии и кибервиктимизации гендерных, расовых, этнических и ряда других факторов по большей части оказались неоднозначными и, как это уже отмечалось, значительно варьировались в различных исследованиях [9; 13; 21]. В то же время, боль-

шинство авторов указывали на то, что женщины подвержены большему риску вовлечения в кибербуллинг [13; 17; 21; 22] и вдвое чаще заявляют о кибер-виктимизации, чем мужчины, возможно, в связи с более интенсивным использованием социальных сетей [5].

Необходимо отметить, что именно системно- и метааналитические исследования позволили установить общие закономерности взаимодействия, взаимосвязи и взаимовлияния многообразных факторов, провоцирующих, катализирующих и снижающих проявления киберагрессии. Однако анализ их содержания позволяет констатировать еще одно негативное последствие публикационного ажиотажа вокруг данной темы — постоянное воспроизведение на протяжении последних лет аналогичных научных результатов на все более укрупняющихся выборках с привлечением все новых территорий. Следует также добавить, что взаимообратимость основных исследуемых параметров в континууме «причина—следствие» плохо согласуется с основным принципом научного познания — принципом детерминизма, так как содержит в себе парадокс типа «Что было раньше — курица или яйцо?»

Обобщая вышеизложенное, следует сказать, что кибербуллинг и кибервиктимизация, как две грани одной общей проблемы, сосуществуют в полифакторном пространстве множественной детерминации, где индивидуальные, социально-средовые и контекстные факторы взаимосвязаны и взаимообусловлены, являясь одновременно предикторами, катализаторами и результатами киберагрессии. Неудивительно, что подростки быстро и жестко вовлекаются в порочный круг деструктивных виртуальных взаимоотношений. Очевидно также, что вряд ли возможно выявить и проконтролировать все риски и угрозы, ожидающие взрослеющего человека в «виртуальном зазеркалье» киберсоциализации. В то же время важно определить зоны наименьшего сопротивления — психологической уязвимости подростка, являющиеся непосредственными субъективными причинами-триггерами запуска процесса киберагрессии, с целью обеспечить его доступными и эффективными средствами «индивидуальной защиты».

В этой связи наиболее перспективным представляется предиспозиционный подход к анализу причин и механизмов кибервиктимизации подростков, который позволяет сфокусировать внимание специалистов на доступных для превентивной диагностики ключевых факторах уязвимости и оперативно осуществлять при возникновении необходимости таргетное корректирующее воздействие.

Предиспозиционные факторы кибервиктимизации подростков при кибербуллинге

Как уже отмечалось, киберагрессия является негативным последствием, побочным токсичным продуктом прогрессивного развития информационных технологий, пагубно воздействующим на жизнь людей по

всему миру; при этом кибербуллинг представляет собой наиболее распространенную виртуальную форму проявления социальной агрессии, с которой молодые люди в технологически развитых странах сталкиваются повсеместно и постоянно.

В приложении к данной проблеме «модель уязвимости», также известная как «модель предрасположенности», подразумевает, что определенные индивидуально-личностные характеристики могут повышать уязвимость человека по отношению к отдельным формам негативных средовых воздействий (здесь — к киберагрессии), а также влиять на появление, тяжесть и поддержание возникающей у него патологической симптоматики [2; 28]. В то время как исследовательская стратегия определения факторов риска/факторов защиты ориентирована преимущественно на синтез множества переменных и установление их места и взаимосвязей в общей системе детерминации киберагрессии, *модель предрасположенности* нацелена на выявление ключевых факторов уязвимости (*locus minoris resistenciae* — лат.) подростка по отношению к кибертравле. Очевидно, что предиспозиционные исследования извлекают эти факторы из результатов многочисленных публикаций и обзоров, но именно данная стратегия позволяет преодолеть обозначенную выше «дихотомию множественности»: неконтролируемую вариативность и навязчивую повторяемость результатов аналогичных полифакторных исследований.

Так, ряд зарубежных авторов фокусируются на отдельных личностных характеристиках, которые предрасполагают человека к агрессивному поведению и к виктимизации, как в реальной жизни, так и в Интернете. В частности, отмечают, что агрессоры демонстрируют недоброжелательность и повышенный нейротизм, закрытость и недобросовестность, что в сочетании с неразвитой эмпатией, импульсивностью, манипулятивными поведенческими паттернами и терпимостью к насилию делает их опасными для окружающих. В свою очередь, жертвы тоже имеют высокий уровень нейротизма, но также проявляют излишнюю открытость в сочетании с тенденцией быть менее настойчивыми, более зависимыми и ведомыми, чем их сверстники [2; 7; 23; 28].

В недавно проведенном в Италии исследовании личностных факторов уязвимости подростков по отношению к травле и кибертравле приняли участие 426 учащихся в возрасте 10—15 лет, посещавших среднюю школу в центральном районе Рима. Индивидуальной характеристикой, предрасполагающей подростка к вовлечению в киберагрессивное взаимодействие оказался сниженный эмоциональный самоконтроль: трудности с регулированием эмоций и поведенческих импульсов, особенно в конфликтных ситуациях, экстернализация негативных эмоций и склонность реагировать агрессией на провокации [7]. Кроме того, при высоком уровне экстраверсии, сниженной ответственности и тенденции к доминированию заметно возросла вероятность участия подростка в конфликте со

сверстниками в качестве агрессора или жертвы как в Сети, так и в реальной жизни [7; 18; 33; 35].

Похожее исследование проводилось в центральной части Турции и имело своей целью определение факторов, предрасполагающих подростков к буллингу и кибербуллингу. Выборка включала 1548 учащихся в возрасте 14—17 лет из двух случайным образом отобранных городских средних школ. В качестве независимых переменных выступили возраст, академический статус, пол, уровень образования родителей, семейный доход, характер семейных отношений, академические достижения, отношения со сверстниками, а также время и цели ежедневного использования Интернета. Многомерный логистический регрессионный анализ данных был выполнен отдельно для групп мальчиков и девочек. Значимыми факторами, предрасполагающими к буллингу и кибербуллингу, как у тех, так и у других, оказались сниженная академическая успешность и неудовлетворяющие подростка отношения со сверстниками [28], что согласуется с результатами ранее проводившихся исследований [9; 13; 21; 31]. Заметим, что в данном исследовании мальчики оказались в два раза более склонны к агрессивным проявлениям, чем девочки, как в сфере реальных, так и виртуальных отношений [28].

Практически в то же самое время было организовано исследование предиспозиционных факторов киберагрессии и кибервиктимизации среди румынских подростков [17], в котором приняли участие 835 учащихся, в возрасте от 10 до 19 лет, из городских и сельских средних школ, а также колледжей северо-восточной части Румынии. Наряду с упоминавшимися выше предиспозициями к вовлечению в кибербуллинг: академической ситуацией и отношениями со сверстниками, — было установлено, что подростки с высоким уровнем субъективного переживания одиночества менее готовы к личному общению и одновременно более открыты для общения и создания отношений в онлайн-среде, а также более склонны выкладывать в Сеть личную информацию: личные данные, фотографии, домашний адрес, номер телефона, свое местоположение и т. д., что значительно повышает их риск стать жертвой киберпреследования. Следует отметить, что основными целями использования учащимися интернет-сетей оказались общение (55,1%, $n = 460$) и развлечения (35,7%, $n = 298$), т. е. совместное времяпрепровождение, и в гораздо меньшей степени решение академических задач (9,2%, $n = 77$), что также повышало их уязвимость к киберагрессии [17].

Еще одно исследование, проведенное турецкими коллегами [9], было сфокусировано на ситуативных (контекстных) предиспозиционных факторах кибервиктимизации, связанных с доступностью киберконтента и недостаточным контролем за интернет-активностью подростков со стороны родителей, в частности, использование ими приложения Instagram*, онлайн-игр, нахождение в Интернете более трех часов в день и открытое размещение в Сети личной информации.

Исследование выявило практически линейную взаимосвязь между риском кибервиктимизации и ежедневным временем, проводимым подростком в Сети, при этом безлимитный Интернет, как и отсутствие семейных мер кибербезопасности и родительского контроля, увеличивали кибервиктимизацию несовершеннолетних в 2,4 раза. Было установлено, что большинство подростков предпочитают не реагировать на издевательства, с которыми они сталкиваются в Сети: не делятся данной информацией со своими родителями или учителями, а используют как метод преодоления возникающих проблем разговор с друзьями. В то же время именно помощь взрослого исключительно важна для предотвращения случаев кибербуллинга и своевременного вмешательства, если подобные события происходят [9].

В упомянутом выше международном исследовании психологических последствий киберпреследования, проведенном «на трех континентах» [13], авторы применили интегративную модель кибервиктимизации, что позволило объединить в общем концепте ситуативные, индивидуально-личностные и межличностные предиспозиционные факторы. Их анализ показал, что посещение потенциально опасных веб-сайтов, активный обмен контентом в социальных сетях и одиночество связаны с более высокой вероятностью стать жертвой киберпреследований, как и компульсивное поведение в Интернете, низкий самоконтроль, использование различных социальных сетей и интернет-зависимость [13].

Заметим, что субъективное переживание одиночества, как симптом дефицита близких социальных отношений, оказалось значимым предиспозиционным фактором кибервиктимизации во всех четырех странах. Поскольку сервисы социальных сетей функционируют как источник удовлетворения социальных потребностей, они могут предоставлять людям возможность уменьшить чувство одиночества и несоответствия между желаемыми и имеющимися социальными связями, что, в свою очередь, приводит к компенсаторно-компульсивному использованию Интернета и повышает риск киберпреследования. Что касается личностных предиспозиционных факторов, то импульсивность была положительно связана с кибервиктимизацией в США, Финляндии и Испании, но не в Южной Корее, а самооффективность оказалась защитным фактором от киберпреследований в США, Финляндии и Южной Корее, но не в Испании. Наконец, только в США возраст и пол были связаны с кибервиктимизацией: американские женщины и старшие участники опроса с большей вероятностью подвергались киберпреследованию. В целом, слабую вовлеченность демографических факторов можно объяснить тем, что подростки и молодые люди обоих полов и всех возрастных групп в технически развитых странах пользуются Интернетом и социальными сетями практически постоянно, и их вероятность столкнуться с киберагрессией практически одинакова [13].

* Instagram — проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена.

В метаанализе результатов 56 лонгитюдных исследований кибербуллинга и кибервиктимизации в подростковом и юношеском возрасте рассчитывалась величина эффекта по каждому предиспозиционному фактору [31]. Было установлено, что депрессия, тревожность, употребление психоактивных веществ в сочетании с многочасовым и проблематичным использованием Интернета являются факторами, предрасполагающими к кибервиктимизации. Что же касается киберагрессии и кибервиктимизации как результата интернализации проблем и экстернализации проблемного поведения, то киберпреследование нельзя считать следствием депрессии, тревожности или низкого уровня эмпатии и самооценки. Киберагрессия это скорее результат поведенческих и личностных проблем молодого человека, таких как негативные переживания по отношению к сверстникам или академические трудности, а Интернет предоставляет множество возможностей для эмоционального отреагирования агрессии и травли других. С другой стороны, результаты метаанализа подтвердили, что кибержертвы, как правило, обладают определенными характеристиками, которые могут сделать их более уязвимыми по отношению к киберагрессии [31].

В большинстве зарубежных публикаций неизменно отмечается, что ежедневный неограниченный доступ в Интернет и рискованное поведение в Сети, в частности посещение потенциально вредоносных сайтов, повышают уязвимость молодых людей по отношению к киберагрессии, особенно когда пользователь намеренно или ненамеренно делится информацией о себе [4; 10; 26; 27; 29].

Обобщая представленные результаты исследований, можно выделить следующие группы предиспозиционных факторов кибервиктимизации подростков, которые прежде всего привлекают внимание зарубежных специалистов:

системные — проблемы функционирования в социальных системах: семейные, академические, отношения со сверстниками;

контекстные (ситуационные) — неконтролируемое, рискованное и проблематичное использование интернет-сетей;

личностные — переживание одиночества, проблемы эмоциональной саморегуляции и самоконтроля поведения;

симптоматические — депрессия, тревожность, психосоматозы (интернализация) и нарушения поведения (экстернализация психологических проблем).

Следует заметить, что с целью профилактики кибервиктимизации и оказания эффективной психологической помощи жертвам киберагрессии важно сфокусировать внимание на двух группах факторов: *контекстных и личностных*, — так как системные факторы труднее всего поддаются коррекции и требуют длительной работы, а симптоматические воздействия, как правило, не способствуют разрешению проблем. В своем исследовании [3], проведенном в рамках моде-

ли предрасположенности, мы опирались на выводы аналитических обзоров современных зарубежных публикаций по проблеме подростковой киберагрессии/кибервиктимизации, сосредоточив внимание на доступных для оперативного воздействия предиспозиционных факторах.

Проблематичное использование Интернета и поведенческие установки как факторы предрасположенности подростков к кибервиктимизации

Наше исследование [3] было организовано с целью анализа и оценки двух предиспозиционных факторов кибервиктимизации подростков: (1) *контекстного* — проблематичное использование интернет-сетей, и (2) *личностного* — поведенческие установки в ситуациях межличностного взаимодействия, а также для сравнения полученных результатов с выводами зарубежных коллег. Выбор этих факторов был обусловлен их недостаточной изученностью в связи с обсуждаемой проблемой. Так, в качестве предиспозиций к киберагрессии/кибервиктимизации в большинстве зарубежных исследований рассматривается время нахождения подростка в Интернете и рискованное поведение в Сети, а проблематичное использование Интернета чаще всего остается фактором, требующим дальнейшего изучения [10; 16; 26; 27; 30]. Что касается поведенческих установок, они, как это ни странно, оказались вне поля зрения специалистов, сосредоточивших свое внимание преимущественно на нарушениях поведения и оценке межличностных отношений подростков [20; 24; 28; 30; 32].

В то же время, феномены киберпреследования и кибервиктимизации являются отражением интерпсихологических проблем межличностной коммуникации подростков, взаимодействующих исходя из сформировавшихся у каждого из них социальных установок и поведенческих паттернов. Кроме того, именно в процессе межличностного онлайн-взаимодействия проявляют себя описанные в ряде зарубежных публикаций факторы «экстернализации» и «интернализации» киберагрессии.

В исследовании приняли добровольное участие 72 подростка — учащихся школ и колледжей из Москвы, Уфы, Стерлитамака и Казани, в возрасте 14—15 лет (средний возраст — 14,7), из них 29 юношей и 43 девушки, подписчики психологического информационного блога.

Все респонденты отвечали на вопросы анкеты, разработанной для определения характера их активности в онлайн-среде, степени вовлечения в кибербуллинг и осведомленности о способах защиты от киберагрессии. Опрос показал, что «...около половины подростков проводят в Сети более 6 часов в день, используя Интернет преимущественно для общения (40%), развлечений (25—30%), поиска информации (10—15%) и решения академических задач (10—20%) [3], что ана-

логично данным зарубежных коллег [13], а также свидетельствует о высокой уязвимости к киберагрессии. Практически всем учащимся (94%) приходилось сталкиваться с проявлениями кибербуллинга, 30% респондентов сами когда-либо оскорбляли партнеров по киберкоммуникации, при этом только половина опрошенных знали, как можно защитить себя от киберагрессии. Кроме того, 72,2% (n = 52) подростков имели опыт кибержертвы, и 27,8% (n = 20) никогда не подвергались киберпреследованию» [3, с. 207].

Ключевым предиспозиционным фактором кибервиктимизации оказалась склонность к проблематичному использованию Интернета [1]: для подростков, пострадавших от киберагрессии, «было более характерно переживание одиночества в реальных межличностных отношениях и чувство комфорта в пространстве виртуального общения. Кроме того, у них наблюдалось снижение самоконтроля в отношении времени использования Интернета как предпосылка к формированию интернет-зависимости» [3, с. 208].

«Многомерный корреляционный анализ показателей проблематичного использования Интернета в двух выделенных группах обнаружил тесные взаимосвязи всех показателей» [3, с. 208]. Общим для подростков было усиление компенсаторного использования виртуального пространства общения при возрастании дефицита близких отношений в реальном взаимодействии (r = 0,72—0,74), трудности с контролем времени при использовании интернет-сетей в целях отвлечения (r = 0,65—0,74), а также повышение риска проблематичного использования Интернета при возрастании чувства комфорта при его использовании (r = 0,68—0,87). Корреляционные плеяды взаимосвязей показателей в группах представлены на рис. 1.

Следует отметить, что «...у подростков, имеющих опыт кибержертвы, чувство одиночества в реальном

общении практически детерминирует поиск комфортных виртуальных отношений (r = 0,88) и отвлечения в киберпространстве (r = 0,56), а также способствует снижению контроля времени использования Интернета (r = 0,65). Несомненно, что общение в Сети не способствует решению проблем реальных межличностных отношений, а жесткие корреляционные связи указывают на формирование у этих подростков паттерна компенсаторно-зависимого поведения в киберсреде» [3, с. 209]. Данный результат согласуется с выводами зарубежных коллег [17].

«У подростков, не имеющих опыта онлайн-травли, проблематичное использование Интернета не было связано с трудностями реальных взаимоотношений, хотя усиление чувства одиночества способствовало поиску комфорта в сетевом общении. Более того, имела место отрицательная корреляция между шкалой одиночества и шкалой отвлечения (r = -0,99), т. е. чем более одинокими чувствовали себя подростки данной группы, тем менее они были склонны искать отвлечение в Интернете и тем менее они от него зависели (r = -0,68)» [3, с. 209]. Таких результатов в зарубежных публикациях нам не встречалось, что указывает на необходимость специального анализа психологического статуса подростков группы риска, предрасположенных к кибервиктимизации.

Оценка второго, личностного, предиспозиционного фактора — поведенческих установок в ситуациях межличностного взаимодействия — проводилась при сравнении показателей коммуникативной толерантности респондентов.

Следует отметить, что подростки в целом продемонстрировали достаточную терпимость по отношению к партнерам по общению. В то же время «...для тех, кто имел опыт кибервиктимизации, оказалась характерна большая категоричность и консерватизм в оценке дру-

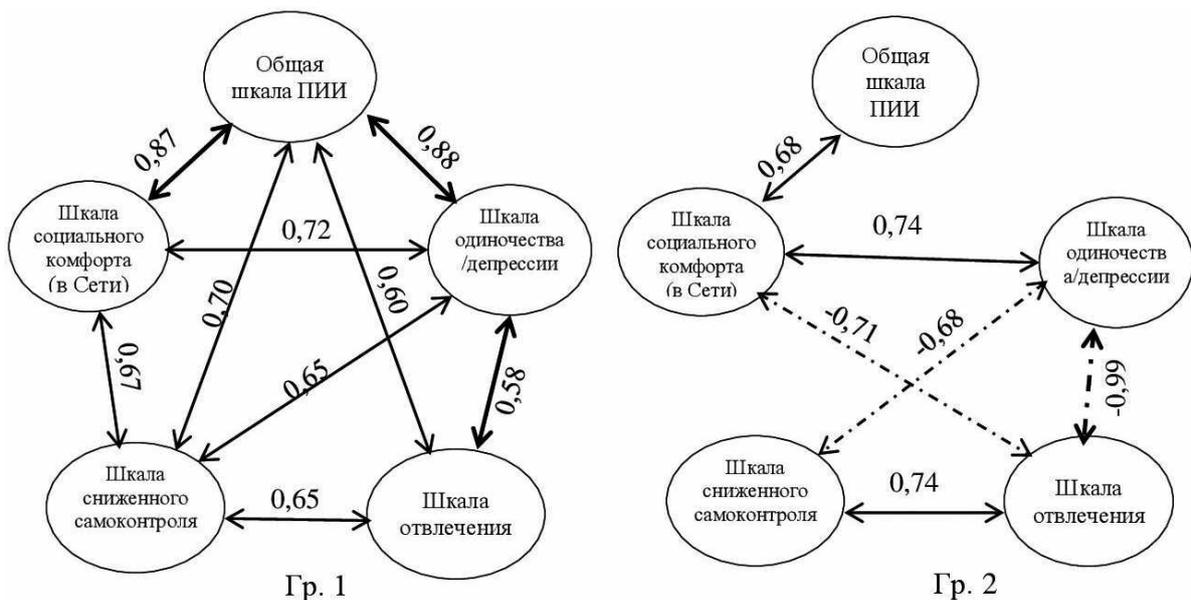

Рис. 1. Плеяды взаимосвязей показателей проблематичного использования Интернета в группах подростков, пострадавших (гр. 1) и не пострадавших (гр. 2) от киберагрессии

гих людей, им было труднее скрывать свои эмоции и сглаживать неприятные чувства при столкновении с отдельными качествами партнеров по общению. Эти подростки, с одной стороны, стремились подогнать партнера под себя, а с другой — приспособиться к его характеру, привычкам и желаниям» [3, с. 210].

Столь противоречивые когнитивно-поведенческие паттерны, скорее всего, являются результатом экстернизации в отношениях со сверстниками интериоризованной в семейной системе авторитарной модели межличностного общения при сохранении зависимой от значимого другого «детской» позиции. Данный механизм позволяет объяснить причину предрасположенности к кибервиктимизации подростков из семей с авторитарным стилем воспитания, описанной в зарубежных публикациях [24]. Внутренний конфликт между ригидными интолерантными социальными установками и стремлением приспособиться к другому человеку в сочетании со снижением эмоционального контроля в общении является личностным предиспозиционным фактором кибервиктимизации подростка.

В то же самое время подростки из второй группы, не имеющие опыта жертвы киберагрессии, были «... менее склонны использовать себя в качестве эталона поведения и категорично оценивать других, более способны сдерживать негативные эмоции, возникающие при общении, а также в меньшей степени стремились изменить партнера» [3, с. 212]. Скорее всего, более гибкие и продуктивные социальные установки в этой группе подростков являются интрапсихическим отражением авторитетно-демократического стиля детско-родительских отношений, на что также указывалось в зарубежных публикациях [24].

Таким образом, характерная для подростков повышенная уязвимость к киберагрессии, с одной стороны, обусловлена ситуационно-средовыми факторами — значительным временем, проводимым в онлайн-среде с целью общения и развлечения и недостаточной осведомленностью о средствах защиты от кибербуллинга при слабом контроле ситуации со стороны взрослых. В то же время проблематичное использование Интернета становится фактором повышенной уязвимости к киберагрессии не у всех подростков: риск кибервиктимизации возрастает в случае компенсаторной замены реального пространства межличностных отношений на его виртуальный «суррогат».

В свою очередь, личностным фактором, провоцирующим виктимные отношения в виртуальном пространстве, являются интолерантные социальные установки подростка, его нетерпимость к отдельным проявлениям партнера по коммуникации, что в сочетании со стремлением приспособиться к другому человеку служит источником постоянного внутреннего конфликта и затрудняет контроль эмоциональных реакций в общении.

Результаты проведенного исследования во многом согласуются с позициями зарубежных авторов в отношении ситуационных и личностных факторов пред-

расположенности подростков к кибервиктимизации и позволяют наметить направления дальнейших исследований психологических механизмов их вовлечения в межличностную коммуникацию в роли кибержертвы, а в то же время избежать опасности все большей глобализации и обезличивания научных психологических исследований.

Заключение

Социальная ситуация развития современного подростка представляет собой конгломерат двух взаимно проникающих взаимообусловленных сред: реального пространства социальных контактов и межличностного взаимодействия и киберпространства — виртуального отражения многообразия сложнейших взаимосвязей человека с миром. Заметим, что виртуальный мир, как любое отражение, является «превращенной формой» (М.К. Мамардашвили) социальной реальности, которая ее не только отражает, но и искажает, а также функционирует зачастую по своим собственным, «превращенным» законам. Дети и подростки, оказавшись в двойном пространстве социализации, несомненно, нуждаются в эффективном посредничестве и сопровождении взрослых в каждой из этих сред.

Неудивительно, что согласно результатам многочисленных зарубежных исследований, родительское посредничество, поддержка взрослых и хорошие отношения со сверстниками действуют как надежная защита от киберагрессии, в то время как семейные дисфункции и пренебрежение потребностями ребенка, а также отторжение со стороны сверстников, неблагоприятная образовательная среда и академические проблемы значительно увеличивают риск вовлечения подростка в киберагрессию и предрасполагают к кибервиктимизации.

Проведенный нами анализ современных зарубежных исследований факторов риска кибервиктимизации подростков обнаружил активный, постоянно растущий интерес психологов к проблеме киберагрессии, обратной стороной которого является, с одной стороны, не поддающийся контролю разброс анализируемых показателей, что ставит под сомнение обоснованность отдельных научных выводов, а с другой — воспроизведение повторяющихся аналогичных результатов, не выходящих за рамки обобщающих классификаций взаимосвязанных факторов.

Предиспозиционная модель может быть использована для разрешения возникшего противоречия, она также эффективна в тех научных исследованиях, которые проводятся с целью определения конкретных мишеней оказания психологической помощи жертвам кибербуллинга, поскольку позволяет сосредоточить внимание не на тестовых показателях, а на психологических механизмах полифакторной детерминации киберагрессии и определить ключевые зоны виртуальной уязвимости подростка в онлайн-среде.

Такие исследования особенно актуальны, если принимать во внимание, что пользователи Интернета с каждым годом становятся все моложе, а повсеместная доступность мобильных технических устройств и пред-

почтения подростков в отношении платформ социальных сетей постоянно создают новые возможности как для распространения киберагрессии, так и для кибервиктимизации.

Литература

1. *Белинская Е.П.* Психология интернет-коммуникации: учеб. пособие [Электронный ресурс]. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. 192 с. URL: <https://cyberpsy.ru/literature/psihologiya-internet-kommunikatsii-belinskaya/> (дата обращения: 18.06.2024).
2. *Дейнека О.С., Духанина Л.Н., Максименко А.А.* Кибербуллинг и виктимизация: обзор современных публикаций // Перспективы науки и образования. 2020. № 5(47). С. 273—292. DOI:10.32744/pse.2020.5.19
3. *Екимова В.И., Козлова А.Б., Левченко А.В.* Кибербуллинг — вызов психологической безопасности и психологическому благополучию подростка [Электронный ресурс] // Личностные ресурсы антистарения / Под ред. Т.Н. Березиной, А.В. Литвиновой. М.: Русайнс, 2024. С. 198—214. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54894703> (дата обращения: 18.06.2024).
4. *Aizenkot D.* Social networking and online self-disclosure as predictors of cyberbullying victimization among children and youth // Children and Youth Services Review. 2020. Vol. 119. Article ID 105695. 10 p. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105695
5. *Ansary N.S.* Cyberbullying: Concepts, theories, and correlates informing evidence-based best practices for prevention // Aggression and Violent Behavior. 2020. Vol. 50. Article ID 101343. 9 p. DOI:10.1016/j.avb.2019.101343
6. Are cyberbullying intervention and prevention programs effective? A systematic and meta-analytical review / H. Gaffney, D.P. Farrington, D.L. Espelage, M.M. Ttofi // Aggression and Violent Behavior. 2019. Vol. 45. P. 134—153. DOI:10.1016/j.avb.2018.07.002
7. Bullying and cyberbullying: Do personality profiles matter in adolescence? / A. Favini, M. Gerbino, C. Pastorelli, A. Zuffiano, C. Lunetti, C. Remondi, F. Cirimele, M.G. Plata, A.M. Giannini // Telematics and Informatics Reports. 2023. Vol. 12. Article ID 100108. 10 p. DOI:10.1016/j.teler.2023.100108
8. *Chen Y., Zhu J.* Longitudinal Associations between cybervictimization and adolescent sleep problems: The role of anxiety and depressive symptoms // Journal of Interpersonal Violence. 2023. Vol. 38. № 3—4. P. 2806—2827. DOI:10.1177/08862605221102485
9. Cyber victimization, coping methods, and attitudes of the family toward internet use in adolescents applying to the child and adolescent psychiatry department during the pandemic / İ.D. Çimen, F.D. Acar, E. Şentürk, N.B. Annaç, M. Erarkadaş, A.A. Özboduroğlu // Turkish Journal of Child and Adolescent Mental Health. 2024. Vol. 31. № 1. P. 62—75. DOI:10.4274/tjcamh.galenos.2022.92486
10. Cyberbullying among adolescents and children: A comprehensive review of the global situation, risk factors, and preventive measures / C. Zhu, S. Huang, R. Evans, W. Zhang // Frontiers in Public Health. 2021. Vol. 9. Article ID 634909. 12 p. DOI:10.3389/fpubh.2021.634909
11. Cyberbullying perpetration and victimization among children and adolescents: A systematic review of longitudinal studies / A.-L. Camerini, L. Marciano, A. Carrara, P.J. Schulz // Telematics and Informatics. 2020. Vol. 49. Article ID 101362. 13 p. DOI:10.1016/j.tele.2020.101362
12. Cyberbullying victimization and suicidal ideation among in-school adolescents in three countries: implications for prevention and intervention / P. Peprah, M.S. Oduro, R. Okwei, C. Adu, B.Y. Asiamah-Asare, W. Agyemang-Duah // BMC Psychiatry. 2023. Vol. 23. Article ID 944. 12 p. DOI:10.1186/s12888-023-05268-9
13. Cyberharassment victimization on three continents: An integrative approach / M. Mikkola, N. Ellonen, M. Kaakinen, I. Savolainen, A. Sirola, I. Zych, H.-J. Paek, A. Oksanen // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19. № 19. Article ID 12138. 15 p. DOI:10.3390/ijerph191912138
14. Cyber-victimization and its effect on depression in adolescents: A systematic review and meta-analysis / H.G.N. Tran, T.T. Thai, N.T.T. Dang, D.K. Vo, M.Y.T. Duong // Trauma, Violence & Abuse. 2023. Vol. 24. № 2. P. 1124—1139. DOI:10.1177/15248380211050597
15. Epidemiology of cyber dating abuse victimization in adolescence and its relationship with health-related quality of life: A longitudinal study / J. Ortega-Barón, I. Montiel, J.M. Machimbarrena, L. Fernández-González, E. Calvete, J. González-Cabrera // Youth & Society. 2022. Vol. 54. № 5. P. 711—729. DOI:10.1177/0044118X20980025
16. EU kids online 2020: Survey results from 19 countries / D. Smahel, H. Machackova, G. Mascheroni, L. Dedkova, E. Staksrud, K. Ólafsson, S. Livingstone, U. Hasebrink. London: EU Kids Online, 2020. 157p. DOI:10.21953/lse.47fdeqj010fo
17. Exploring the importance of gender, family affluence, parenting style and loneliness in cyberbullying victimization and aggression among romanian adolescents / M. Iorga, L.M. Pop, I. Croitoru, E. Hanganu, D.T. Anton-Păduraru // Behavioral Sciences. 2022. Vol.12. № 11. Article ID 457. 16 p. DOI:10.3390/bs12110457
18. *Harasgama K.S., Jayathilaka K.M.M.M.* A Conceptual framework on predictors of cyberbullying victimization // Sri Lanka Journal of Social Sciences and Humanities. 2023. Vol. 3. № 2. P. 79—86. DOI:10.4038/sljssh.v3i2.102

19. *Holfeld B., Mishna F.* Internalizing symptoms and externalizing problems: Risk factors for or consequences of cyber victimization? // *Journal of Youth and Adolescence*. 2019. Vol. 48. P. 567—580. DOI:10.1007/s10964-018-0974-7
20. Joint trajectories of cyberbullying perpetration and victimization: Associations with psychosocial adjustment / A. Camacho, P.K. Smith, R. Ortega-Ruiz, E.M. Romera // *Computers in Human Behavior*. 2023. Vol. 148. Article ID 107924. 10 p. DOI:10.1016/j.chb.2023.107924
21. *Kowalski R.M., Limber S.P., McCord A.* A developmental approach to cyberbullying: Prevalence and protective factors // *Aggression and Violent Behavior*. 2019. Vol. 45. P. 20—32. DOI:10.1016/j.avb.2018.02.009
22. *Lozano-Blasco R., Quilez-Robres A., Latorre-Coscolluela C.* Sex, age and cyber-victimization: A meta-analysis // *Computers in Human Behavior*. 2023. Vol. 139. Article ID 107491. 10 p. DOI:10.1016/j.chb.2022.107491
23. *Marciano L., Schulz P.J., Camerini A.-L.* Cyberbullying Perpetration and Victimization in Youth: A Meta-Analysis of Longitudinal Studies // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2020. Vol. 25. № 2. P. 163—181. DOI:10.1093/jcmc/zmz031
24. *Moreno-Ruiz D., Martínez-Ferrer B., García-Bacete F.* Parenting styles, cyberaggression, and cybervictimization among adolescents // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 93. P. 252—259. DOI:10.1016/j.chb.2018.12.031
25. *Ng E.D., Chua J.Y.X., Shorey S.* The effectiveness of educational interventions on traditional bullying and cyberbullying among adolescents: A systematic review and meta-analysis // *Trauma, Violence, & Abuse*. 2022. Vol. 23. № 1. P. 132—151. DOI:10.1177/1524838020933867
26. Please browse responsibly: A correlational examination of technology access and time spent online in the Barlett Gentile Cyberbullying mode / C.P. Barlett, C.S. Madison, J.B. Heath, C.C. DeWitt // *Computers in Human Behavior*. 2019. Vol. 92. P. 250—255. DOI:10.1016/j.chb.2018.11.013
27. *Quynh Ho T.T., Nguyen H.T.* Self-disclosure on social networking sites, loneliness and psychological distress among adolescents: The mediating effect of cyber victimization // *European Journal of Developmental Psychology*. 2023. Vol. 20. № 1. P. 172—188. DOI:10.1080/17405629.2022.2068523
28. *ahin S.S., Ayaz-Alkaya S.* Prevalence and predisposing factors of peer bullying and cyberbullying among adolescents: A cross-sectional study // *Children and Youth Services Review*. 2023. Vol. 155. Article ID 107216. 9 p. DOI:10.1016/j.childyouth.2023.107216
29. *Strohmeier D., Gradinger P.* Cyberbullying and cyber victimization as online risks for children and adolescents // *European Psychologist*. 2022. Vol. 27. № 2. P. 141—150. DOI:10.1027/1016-9040/a000479
30. The family context in cybervictimization: A systematic review and meta-analysis / A. Soto Sánchez, B. Romero González, R. Lozano Blasco, A. Barreiro Collazo // *Trauma, Violence, & Abuse*. 2024. Vol. 25. № 3. P. 2143—2157. DOI:10.1177/15248380231207894
31. Victimization and cybervictimization: The role of school factors / L. Menabò, G. Skrzypiec, P. Slee, A. Guarini // *Journal of Adolescence*. 2024. Vol. 96. № 3. P. 598—611. DOI:10.1002/jad.12284
32. *Wright M.F.* The role of parental mediation and age in the associations between cyberbullying victimization and bystanding and children's and adolescents' depression // *Children*. 2024. Vol. 11. № 7. Article ID 777. 11 p. DOI:10.3390/children11070777
33. *Xiao B., Shapka J.D.* Developmental trajectories of cybervictimization among canadian adolescents: The impact of socializing online and sharing personal information // *Child & Family Social Work*. 2024. Online Version of Record before inclusion in an issue. DOI:10.1111/cfs.13207
34. *Zhang J., Yang Y., Lian R.* The relationship between cyberbullying victimization and cyberbullying perpetration: The role of social responsibility // *Frontiers in Psychiatry*. 2022. Vol. 13. Article ID 995937. 14 p. DOI:10.3389/fpsy.2022.995937
35. *Zych I., Farrington D.P., Tlofi M.M.* Protective factors against bullying and cyberbullying: A systematic review of meta-analyses // *Aggression and Violent Behavior*. 2019. Vol. 45. P. 4—19. DOI:10.1016/j.avb.2018.06.008

References

1. Belinskaya E.P. Psikhologiya internet-kommunikatsii: uchebnoe posobie [Psychology of Internet Communication] [Electronic resource]. Moscow: MPSU; Voronezh: MODEK, 2013. 192 p. URL: <https://cyberpsy.ru/literature/psihologiya-internet-kommunikatsii-belinskaya/> (Accessed 18.06.2024). (in Russ.).
2. Deineka O.S., Dukhanina L.N., Maksimenko A.A. Kiberbulling i viktimizatsiya: obzor sovremennykh publikatsii [Cyberbullying and victimization: a review of modern publications]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*, 2020, no. 5 (47), pp. 273—292. DOI:10.32744/pse.2020.5.19 (in Russ.).
3. Ekimova V.I., Kozlova A.B., Levchenko A.V. Kiberbulling — vyzov psikhologicheskoi bezopasnosti i psikhologicheskomu blagopoluchiyu podrostanta [Cyberbullying is a challenge to the psychological safety and psychological well-being of teenagers] [Electronic resource]. In Berezina T.N., Litvinova A.V. (eds.), *Lichnostnye resursy antistareniya [Personal anti-aging resources]*. Moscow: Rusains, 2024, pp. 198—214. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54894703> (Accessed 18.06.2024). (in Russ.).
4. Aizenkot D. Social networking and online self-disclosure as predictors of cyberbullying victimization among children and youth. *Children and Youth Services Review*, 2020. Vol. 119, article ID 105695. 10 p. DOI:10.1016/j.childyouth.2020.105695

5. Ansary N.S. Cyberbullying: Concepts, theories, and correlates informing evidence-based best practices for prevention. *Aggression and Violent Behavior*, 2020. Vol. 50, article ID 101343. 9 p. DOI:10.1016/j.avb.2019.101343
6. Gaffney H., Farrington D.P., Espelage D.L., Ttofi M.M. Are cyberbullying intervention and prevention programs effective? A systematic and meta-analytical review. *Aggression and Violent Behavior*, 2019. Vol. 45, pp. 134—153. DOI:10.1016/j.avb.2018.07.002
7. Favini A., Gerbino M., Pastorelli C., Zuffiano A., Lunetti C., Remondi C., Cirimele F., Plata M.G., Giannini A.M. Bullying and cyberbullying: Do personality profiles matter in adolescence? *Telematics and Informatics Reports*, 2023. Vol. 12, article ID 100108. 10 p. DOI:10.1016/j.teler.2023.100108
8. Chen Y., Zhu J. Longitudinal Associations between cybervictimization and adolescent sleep problems: The role of anxiety and depressive symptoms. *Journal of Interpersonal Violence*, 2023. Vol. 38, no. 3-4, pp. 2806—2827. DOI:10.1177/08862605221102485
9. Çimen İ.D., Acar F.D., Şentürk E., Annaç N.B., Erarkadaş M., Özboduroğlu A.A. Cyber victimization, coping methods, and attitudes of the family toward internet use in adolescents applying to the child and adolescent psychiatry department during the pandemic. *Turkish Journal of Child and Adolescent Mental Health*, 2024. Vol. 31, no. 1, pp. 62—75. DOI:10.4274/tjcamh.galenos.2022.92486
10. Zhu C., Huang S., Evans R., Zhang W. Cyberbullying among adolescents and children: A comprehensive review of the global situation, risk factors, and preventive measures. *Frontiers in Public Health*, 2021. Vol. 9, article ID 634909. 12 p. DOI:10.3389/fpubh.2021.634909
11. Camerini A.-L., Marciano L., Carrara A., Schulz P.J. Cyberbullying perpetration and victimization among children and adolescents: A systematic review of longitudinal studies. *Telematics and Informatics*, 2020. Vol. 49, article ID 101362. 13 p. DOI:10.1016/j.tele.2020.101362
12. Peprah P., Oduro M.S., Okwei R., Adu C., Asiamah-Asare B.Y., Agyemang-Duah W. Cyberbullying victimization and suicidal ideation among in-school adolescents in three countries: implications for prevention and intervention. *BMC Psychiatry*, 2023. Vol. 23, article ID 944. 12 p. DOI:10.1186/s12888-023-05268-9
13. Mikkola M., Ellonen N., Kaakinen M., Savolainen I., Sirola A., Zych I., Paek H.-J., Oksanen A. Cyberharassment victimization on three continents: An integrative approach. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022. Vol. 19, no. 19, article ID 12138. 15 p. DOI:10.3390/ijerph191912138
14. Tran H.G.N., Thai T.T., Dang N.T.T., Vo D.K., Duong M.Y.T. Cyber-victimization and its effect on depression in adolescents: A systematic review and meta-analysis. *Trauma, Violence & Abuse*, 2023. Vol. 24, no. 2, pp. 1124—1139. DOI:10.1177/15248380211050597
15. Ortega-Barón J., Montiel I., Machimbarrena J.M., Fernández-González L., Calvete E., González-Cabrera J. Epidemiology of cyber dating abuse victimization in adolescence and its relationship with health-related quality of life: A longitudinal study. *Youth & Society*, 2022. Vol. 54, no. 5, pp. 711—729. DOI:10.1177/0044118X20980025
16. Smahel D., Machackova H., Mascheroni G., Dedkova L., Staksrud E., Ólafsson K., Livingstone S., Hasebrink U. EU kids online 2020: Survey results from 19 countries. London: EU Kids Online, 2020. 157 p. DOI:10.21953/lse.47fdeqj01ofo
17. Iorga M., Pop L.M., Croitoru I., Hanganu E., Anton-Păduraru D.T. Exploring the importance of gender, family affluence, parenting style and loneliness in cyberbullying victimization and aggression among romanian adolescents. *Behavioral Sciences*, 2022. Vol.12, no. 11, article ID 457. 16 p. DOI:10.3390/bs12110457
18. Harasgama K.S., Jayathilaka K.M.M.M. A conceptual framework on predictors of cyberbullying victimization. *Sri Lanka Journal of Social Sciences and Humanities*, 2023. Vol. 3, no. 2, pp. 79—86. DOI:10.4038/sljssh.v3i2.102
19. Holfeld B., Mishna F. Internalizing symptoms and externalizing problems: Risk factors for or consequences of cyber victimization? *Journal of Youth and Adolescence*, 2019. Vol. 48, pp. 567—580. DOI:10.1007/s10964-018-0974-7
20. Camacho A., Smith P.K., Ortega-Ruiz R., Romera E.M. Joint trajectories of cyberbullying perpetration and victimization: Associations with psychosocial adjustment. *Computers in Human Behavior*, 2023. Vol. 148, article ID 107924. 10 p. DOI:10.1016/j.chb.2023.107924
21. Kowalski R.M., Limber S.P., McCord A. A developmental approach to cyberbullying: Prevalence and protective factors. *Aggression and Violent Behavior*, 2019. Vol. 45, pp. 20—32. DOI:10.1016/j.avb.2018.02.009
22. Lozano-Blasco R., Quilez-Robres A., Latorre-Coscolluela C. Sex, age and cyber-victimization: A meta-analysis. *Computers in Human Behavior*, 2023. Vol. 139, article ID 107491. 10 p. DOI:10.1016/j.chb.2022.107491
23. Marciano L., Schulz P.J., Camerini A.-L. Cyberbullying perpetration and victimization in youth: A meta-analysis of longitudinal studies. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2020. Vol 25, no. 2, pp. 163—181. DOI:10.1093/jcmc/zmz031
24. Moreno-Ruiz D., Martínez-Ferrer B., García-Bacete F. Parenting styles, cyberaggression, and cybervictimization among adolescents. *Computers in Human Behavior*, 2019. Vol. 93, pp. 252—259. DOI:10.1016/j.chb.2018.12.031
25. Ng E.D., Chua J.Y.X., Shorey S. The effectiveness of educational interventions on traditional bullying and cyberbullying among adolescents: A systematic review and meta-analysis. *Trauma, Violence, & Abuse*, 2022. Vol. 23, no. 1, pp. 132—151. DOI:10.1177/1524838020933867
26. Barlett C.P., Madison C.S., Heath J.B., DeWitt C.C. Please browse responsibly: A correlational examination of technology access and time spent online in the Barlett Gentile Cyberbullying mode. *Computers in Human Behavior*, 2019. Vol. 92, pp. 250—255. DOI:10.1016/j.chb.2018.11.013

27. Quynh Ho T.T., Nguyen H.T. Self-disclosure on social networking sites, loneliness and psychological distress among adolescents: The mediating effect of cyber victimization. *European Journal of Developmental Psychology*, 2023. Vol. 20, no. 1, pp. 172—188. DOI:10.1080/17405629.2022.2068523
28. Şahin S.S., Ayaz-Alkaya S. Prevalence and predisposing factors of peer bullying and cyberbullying among adolescents: A cross-sectional study. *Children and Youth Services Review*, 2023. Vol. 155, article ID 107216. 9 p. DOI:10.1016/j.childyouth.2023.107216
29. Strohmeier D., Gradinger P. Cyberbullying and cyber victimization as online risks for children and adolescents. *European Psychologist*, 2022. Vol. 27, no. 2, pp. 141—150. DOI:10.1027/1016-9040/a000479
30. Soto Sánchez A., Romero González B., Lozano Blasco R., Barreiro Collazo A. The family context in cybervictimization: A systematic review and meta-analysis. *Trauma, Violence, & Abuse*, 2024. Vol. 25, no. 3, pp. 2143—2157. DOI:10.1177/15248380231207894
31. Menabò L., Skrzypiec G., Slee P., Guarini A. Victimization and cybervictimization: The role of school factors. *Journal of Adolescence*, 2024. Vol. 96, no. 3, pp. 598—611. DOI:10.1002/jad.12284
32. Wright M.F. The role of parental mediation and age in the associations between cyberbullying victimization and bystanding and children's and adolescents' depression. *Children*, 2024. Vol. 11, no. 7, article ID 777. 11 p. DOI:10.3390/children11070777
33. Xiao B., Shapka J.D. Developmental trajectories of cybervictimization among canadian adolescents: The impact of socializing online and sharing personal information. *Child & Family Social Work*, 2024. Online Version of Record before inclusion in an issue. DOI:10.1111/cfs.13207
34. Zhang J., Yang Y., Lian R. The relationship between cyberbullying victimization and cyberbullying perpetration: The role of social responsibility. *Frontiers in Psychiatry*, 2022. Vol. 13, article ID 995937. 14 p. DOI:10.3389/fpsy.2022.995937
35. Zych I., Farrington D.P., Ttofi M.M. Protective factors against bullying and cyberbullying: A systematic review of meta-analyses. *Aggression and Violent Behavior*, 2019. Vol. 45, pp. 4—19. DOI:10.1016/j.avb.2018.06.008

Информация об авторах

Екимова Валентина Ивановна, доктор психологических наук, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1480-3571>, e-mail: iropse@mail.ru

Брыкова Елена Юрьевна, кандидат психологических наук, преподаватель кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: [ORCID: https://orcid.org/0009-0005-0748-4268](https://orcid.org/0009-0005-0748-4268), e-mail: rea039@mail.ru

Козлова Алина Борисовна, аспирантка кафедры социальной и политической психологии факультета психологии, Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4164-2701>, e-mail: Lina-lazurnaya@mail.ru

Литвинова Анна Викторовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>, e-mail: annaviktorovna@mail.ru

Information about the authors

Valentina I. Ekimova, Doctor of Psychology, Professor, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1480-3571>, e-mail: iropse@mail.ru

Elena Ju. Brykova, PhD in Psychology, Lecture, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: [ORCID: https://orcid.org/0009-0005-0748-4268](https://orcid.org/0009-0005-0748-4268), e-mail: rea039@mail.ru

Alina B. Kozlova, PhD Student, Department of Social & Political Psychology, State University of Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4164-2701>, e-mail: Lina-lazurnaya@mail.ru

Anna V. Litvinova, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>, e-mail: annaviktorovna@mail.ru

Получена 01.08.2024

Received 01.08.2024

Принята в печать 20.09.2024

Accepted 20.09.2024

Наши авторы

Болзан Ника Андреевна — аспирант, практикующий психолог, Белорусский государственный университет (БГУ), г. Минск, Республика Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3591-5276>
nika.bolzan@gmail.com

Брыкова Елена Юрьевна — кандидат психологических наук, преподаватель кафедры научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: [ORCID: https://orcid.org/0009-0005-0748-4268](https://orcid.org/0009-0005-0748-4268)
rea039@mail.ru

Булыгина Мария Вячеславовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры детской и семейной психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4459-0914>
buluginamv@mgppu.ru

Жданова Полина Рафаэлевна — аспирант, факультет социальных наук, Научно-исследовательский университет Высшая Школа Экономики (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2653-3609>
pozmail.ru@mail.ru

Екимова Валентина Ивановна — доктор психологических наук, профессор кафедры научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1480-3571>
iropse@mail.ru

Ермолова Татьяна Викторовна — кандидат психологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>
yermolova@mail.ru

Клопотова Екатерина Евгеньевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры дошкольной педагогики и психологии факультета психологии образования; старший научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований современного детства, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1975-318X>
klopotovae@mail.ru

Козлова Алина Борисовна — аспирантка кафедры социальной и политической психологии факультета психологии, Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4164-2701>
Lina-lazurnaya@mail.ru

Кокурин Алексей Владимирович — кандидат психологических наук, доцент профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, Московский государственный юридический университет (ФГБОУ ВО МГЮА) им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>
kokurin1@bk.ru

Корчагина Анастасия Павловна — аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9239-7890>
apkorchagina@hse.ru

Костенко Василий Юрьевич — кандидат психологических наук, доцент департамента психологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5612-3857>
vkostenko@hse.ru

Кричка Марина Николаевна — аспирант лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5427-4963>
krichkamn@ipran.ru

Крушельницкая Ольга Борисовна — кандидат психологических наук, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>
social2003@mail.ru

Наши авторы

Литвинова Анна Викторовна — кандидат психологических наук, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>

annaviktorovna@mail.ru

Маралов Владимир Георгиевич — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, Череповецкий государственный университет (ФГБОУ ВО ЧГУ), г. Череповец, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9627-2304>

vgmaralov@yandex.ru

Неврюев Андрей Николаевич — старший преподаватель департамента психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГБОУ ВО «Финуниверситет»); старший преподаватель кафедры общей психологии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>

annevryuev@fa.ru

Орлов Владимир Алексеевич — кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4708-4312>

vladimirorlov@bk.ru

Петров Владислав Евгеньевич — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры «Научные основы экстремальной психологии» факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>

v.e.petrov@yandex.ru

Поздняков Вячеслав Михайлович — доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры «Научные основы экстремальной психологии» факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>

pozdneyakov53@mail.ru

Пономарева Екатерина Сергеевна — аспирант кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1899-9807>

esp_st@mail.ru

Расказова Мария Александровна — аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3796-3165>

mraszkazova@hse.ru

Рахманина Анастасия Алексеевна — старший медицинский психолог, младший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт скорой помощи имени Н.В. Склифосовского Департамента здравоохранения города Москвы (ГБУЗ «НИИ СП им. Н.В. Склифосовского ДЗМ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7870-402X>

rakhmanina.a@mail.ru

Смирнова Светлана Юрьевна — научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований современного детства, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8579-4908>

smirnovasy@mgppu.ru

Терехова Елена Сергеевна — аспирант кафедры теоретических основ социальной психологии факультета социальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0272-3386>

esterekhova@ya.ru

Тимченко Дарья Дмитриевна — аспирантка лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях, Институт психологии Российской академии наук (ФГБУН ИП РАН), г. Москва, Российская Федерация., ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3113-0316>

dchertok@mail.ru

Ясин Мирослав Иванович — аспирант Аспирантской школы по психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6249-8527>

yasin.mi@yandex.ru

Our authors

Nika A. Bolzan — PhD Student, Practicing Psychologist, Belarusian State University, Minsk, Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3591-5276>
nika.bolzan@gmail.com

Elena Ju. Brykova — PhD in Psychology, Lecture, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-0748-4268>
rea039@mail.ru

Maria V. Bulygina — PhD in Psychology, Associate Professor at the Chair of Child and Family Psychotherapy, Faculty of Counselling and Clinical Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4459-0914>
buluginamv@mgppu.ru

Polina R. Zhdanova — PhD Student, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2653-3609>
pozmail.ru@mail.ru

Valentina I. Ekimova — Doctor of Psychology, Professor, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1480-3571>
iropse@mail.ru

Tatiana V. Ermolova — PhD in Psychology, Professor, Head of the Chair of Foreign and Russian Philology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4260-9087>
yermolova@mail.ru

Ekaterina E. Klopotova — PhD in Psychology, Assistant professor of the Preschool Pedagogy and Psychology Chair, Faculty of Educational Psychology, Senior Researcher of Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1975-318X>
klopotovae@mgppu.ru

Alina B. Kozlova — PhD Student, Department of Social & Political Psychology, State University of Education, Moscow, Russia ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4164-2701>
Lina-lazurnaya@mail.ru

Alexey V. Kokurin — PhD in Psychology, Associate Professor, Professor at the Department of Scientific Fundamentals of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, Associate Professor at the Department of Criminology and Criminal Executive Law, Moscow State University of Law, named after O.E. Kutafin, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0454-1691>
kokurin I@bk.ru

Anastasia P. Korchagina — Postgraduate Student, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9239-7890>
apkorchagina@hse.ru

Vasily Yu. Kostenko — PhD in Psychology, Associate Professor, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5612-3857>
vasily.kostenko@gmail.com

Marina N. Krichka — PhD Student of the Laboratory of Psychology of the Development of the Subject in Normal and Post-traumatic conditions, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5427-4963>
krichkamn@ipran.ru

Olga B. Krushelnitskaya — PhD in Psychology, Head of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>
social2003@mail.ru

Anna V. Litvinova — PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-3144>
annaviktorovna@mail.ru

Vladimir G. Maralov — Doctor of Psychology, Professor of the Department of Psychology, Cherepovets State University, Cherepovets, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9627-2304>
vgmaralov@yandex.ru

Our authors

Andrey N. Nevryuev — Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation; Senior Lecturer, Department of General Psychology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>

annevryuev@fa.ru

Vladimir A. Orlov — PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4708-4312>

vladimirorlov@bk.ru

Vladislav E. Petrov — PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department “Scientific Fundamentals of Extreme Psychology”, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>

v.e.petrov@yandex.ru

Vyacheslav M. Pozdnyakov — Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department “Scientific Fundamentals of Extreme Psychology”, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9487-4435>

pozdnyakov53@mail.ru

Ekaterina S. Ponomareva — PhD Student, Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1899-9807>

esp_st@mail.ru

Mariia A. Rasskazova — PhD Student, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-3796-3165>

mrasskazova@hse.ru

Anastasiya A. Rakhmanina — senior medical psychologist, junior researcher, N.V. Sklifosovsky Research Institute for Emergency Medicine, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-7870-402X>

rakhmanina.a@mail.ru

Svetlana Yu. Smirnova — Researcher of Center for Interdisciplinary Research on Contemporary Childhood, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8579-4908>

smirnovasy@mgppu.ru

Elena S. Terekhova — PhD Student of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Faculty of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0272-3386>

esterekhova@ya.ru

Daria D. Timchenko — PhD Student of the Laboratory of Psychology of the Subject's Development in normal and post-traumatic conditions, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3113-0316>

dchertok@mail.ru

Miroslav I. Yasin — PhD Student of Doctoral School of Psychology, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6249-8527>

yasin.mi@yandex.ru